IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИИ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК УССР
Международный комитет славистов
Советский комитет славистов

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

Киев, сентябрь 1983 г.

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИИ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1986

В книге содержатся материалы дискуссии, состоявшейся на IX Международном съезде славистов (Киев, 6—14 сентября 1983 г.). В нее вошли тексты выступлений на секции «Языкознание».

Для специалистов по славянскому языкознанию.

Редакционная коллегия
материалов IX Международного съезда славистов:

П. Т. Тронько (председатель), *А. Н. Робинсон, В. М. Русановский* (зам. председателя), *Г. В. Степанов* (зам. председателя), *М. Р. Судник, В. П. Гребенюк* (отв. секретарь), *В. Т. Коломиец, Л. Г. Федосеева, В. А. Юзвенко*

Редакционная коллегия книги:

В. Т. Коломиец, Т. Г. Линник, А. С. Мельничук, В. М. Русановский

Издано при финансовой поддержке ЮНЕСКО

Редакция языкознания

Д $\frac{4602000000-400}{М221(04)-86}$

© Институт языковедения АН УССР, 1986

Секция ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Пленарное заседание 7 сентября 1983 г.

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Трубачев О. Н. (СССР) — Языкознание и этногенез славян (Славянское языкознание.— М., 1983, с. 231—270).

Horálek K. (ČS) — Etnogeneze Slovanů z jazykovědného hlediska (Československá slavistika.— Praha, 1983, s. 169—178).

Ивић П. (Yu) — Фактори који утичу на развој вокала у словенским језицима (Јужнословенски филолог.— Београд, 1982, т. 38, с. 1—18).

Stankiewicz E. (USA) — The expression of quantifacation in the Slavic languages (American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev. September 1983, Vol. 1. Linguistics.— Columbus, Ohio, [1983], p. 277—292).

Worth D. (USA) — Так называемое «второе южнославянское влияние» в истории русского литературного языка.

Русанівський В. М., Німчук В. В. (СССР) — Співвідношення функції давньоруської і старослов'янської мов у Київській Русі (XI—XIII ст.) (Слов'янське мовознавство.— К., 1983, с. 185—210).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Горшкова К. В. (СССР). Славянский этногенез — сложная проблема, требующая объединения усилий представителей ряда научных дисциплин. Для лингвистов она состоит в решении проблемы глоттогенеза.

Естественно, что восстановление древнейшего состояния языка требует прежде всего внимания к его форме. Отсюда необходимость реконструкции древнейшей фонологической системы, обеспечивающей эту форму. Поэтому в докладе О. Н. Трубачева обсуждались факты и вопросы фонетики. Представляется, что в докладе сближение звуков и звуковых процессов из разных языков, включая славянские и индоиранские, проводилось панхронически.

Между тем проблема этно- и глоттогенеза принципиально историческая, поэтому вопросы реконструкции звуков и форм должны решаться на основе теории и методов исторической, сравнительно-исторической фонетики, обогащенных современными идеями исторической типологии. Говоря словами другого сегодняшнего докладчика, проф. П. Ивича, можно сказать, что при реконструкции каждый фонетический факт должен быть оценен как релевантный (или нерелевантный) и для синхронии, и для диахронии.

В этой связи особенно трудно согласиться с данной в докладе оценкой фактов восточнославянского вокализма, известных в терминах «аканье» и «яканье», в их отношении к древнейшему состоянию праславянского (и даже допраславянского) языка.

Изоглоссная интерпретация, проведенная на материале Диалектологического атласа русского языка, историческая и типологическая интерпретация, предложенная прежде всего в трудах Аванесова Р. И., сопоставление восточнославянских данных с явлениями южнославянских языков (см. публикации П. Ивича, Риглера) показали, что эти явления сравнительно поздние, развились в истории отдельных славянских языков и не могут быть релевантными для системы праславянского языка.

Дальнейшее продвижение в решении вопросов славянского этно- и глоттогенеза не должно отбрасывать все то, что уже сделано учеными, если это сделанное выдержало проверку новыми фактами и временем с его новыми идеями.

Семчинский С. В. (СССР). В докладе О. Н. Трубачева и в его работах отстаивается оригинальная гипотеза о так называемой мигрирующей прародине славян. У этой гипотезы несомненно найдутся противники, в особенности среди тех, кто переносит современные представления о славянах на наших далеких предков. Тем не менее мне представляется, что гипотеза О. Н. Трубачева содержит рациональное зерно. Нельзя априорно утверждать, что каждый этнос испокон веков связан только с той территорией, на которой он засвидетельствован в историческое время. Даже в историческое время отдельные народы меняли области своего проживания (примеры приведены самим О. Н. Трубачевым). Нет оснований отрицать миграцию предков славян в весьма отдаленные от нас времена.

Новые теории формулируются вместе с формированием новых методов исследования. В этом отношении очень ценным представляется учет данных сопредельных наук. В индоевропеистике такой сопредельной наукой является археология. В последнее время одним из способов синтезирования выводов из лингвистических и археологических материалов является совместная проекция на карте археологических находок и лингвогеографических данных (вспомним использование методики Г. А. Хабургаевым в его монографии по вопросам восточнославянского этно- и глоттогенеза). Хотелось бы, однако, обратить внимание на необходимость осторожного применения этой методики. Археологические находки по мере их отнесенности ко все более древним хронологическим пластам все менее и менее надежно могут связываться с определенным этносом и языком. Грубо говоря, археолог и лингвист не могут гарантировать, что остатки материальной культуры принадлежали представителям именно данного этноса, а не другого. Ведь даже относительно археологических материалов нашей эры среди ученых нет единства взглядов по поводу их принадлежности тому или другому этносу. Сошлюсь на археологические материалы, найденные на обоих берегах нижнего Дуная и относящиеся ко второй половине I тыс. н. э. Одни считают эту культуру синтезом раннеславянской и тюрко-болгарской культур во взаимодействии с местной фракийской

а другие связывают ее с романизированным дакийским этносом. Подобный разнобой во мнениях существует и относительно более древних культур.

Решение этногенетических и глоттогенетических проблем всегда сопряжено со значительными трудностями. Сказанное, конечно, не означает, что вопросы славянского этногенеза могут быть решены без помощи историков, археологов, антропологов, этнографов. Но для нас, лингвистов, решающими аргументами при решении этих проблем должны быть аргументы языковые прежде всего потому, что другие аргументы уводят за пределы лингвистики. Мне как лингвисту хотелось бы, чтобы вклад лингвистов в решение названных проблем был наиболее существенным и весомым.

Бахарев А. И. (СССР). В докладе О. Н. Трубачева подвергнуты критическому рассмотрению традиционные теории славянского этногенеза и выдвинута собственная оригинальная концепция языковой и этнической истории. При этом использованы ценные этимологические и ономастические данные.

Некоторые теоретические положения автора вызывают возражения.

Действительно, термины «родословное дерево», «прародина» и т. п. являются неудачными хотя бы потому, что они вызывают биологические представления о происхождении языка. Тем не менее процесс дифференциации языков осуществлялся именно в такой последовательности: индоевропейский язык-основа — праславянский язык — общевосточнославянский язык. Этот процесс, разумеется, не был таким прямолинейным и последовательным, как это представлял себе А. Шлейхер. Немаловажное значение имели смешение, взаимодействие языков и диалектов, их расхождение и новое схождение, то есть факты, характеризующие и с т о р и ч е с к о е в развитии языков. Неизбежным оставалось в своей сущности л о г и ч е с к о е — образование новых языков от одного языка-источника, обладающего относительным единством и распространенного на ограниченной территории.

Ильяшенко Т. П. (СССР). В обширный ареал языков и народов юго-восточной Европы входит молдавский язык и его народ-носитель. Соотношение молдавского языка и этноса со славянскими языками и этносом имеет ранний, постоянный и вместе с тем специфический характер.

Общеизвестна роль старославянского языка в Дунайских княжествах как языка церкви, которому уделялось и уделяется немало внимания.

Совместное жительство славянского и романоязычного населения сыграло особенно важную роль в развитии молдавского этноса и языка. Именно это положение не учитывается в ряде исследований зарубежных авторов.

В Молдове, в отличие от Угровалахии, и господари, и митрополиты поддерживали распространение просветительских деяний вначале из Болгарии, а затем из Киевской Руси и из Московской Руси. Данному положению также мало уделяется внимания в трудах отдельных авторов.

Предложенные мною карты — по рассказам Геродота «Скифия» и по «Введению в народную латынь», написанному в начале века известным американским ученым Гренджентом,— дают представление о расселении (по Геродоту) и наглядно иллюстрируют обширные владения Римской империи во всей Западной Европе, в Средней Азии, в Великобритании и на севере Африки. На левом берегу Дуная отмечена Дакия, а также две Мезии на правом берегу Дуная.

Эти две карты могут служить дополнительной аргументацией к тем положениям и фактам, которые изложены в докладе О. Н. Трубачева.

Rot S. (H). Все доклады, прочитанные на пленарном заседании, представляют большой интерес. Однако регламент дискуссии позволит мне остановиться лишь на двух докладах.

В последнее время в языкознании наметились два непримиримых лагеря—God's truth linguists и hocus pocus linguists, что свидетельствует о глубоком кризисе в науке о языке. Но, говоря словами Г. Шухардта, Krise in der Sprachwissenschaft, das ist ein gutes Wort. Действительно, тот факт, что современное языкознание выдвигает новые гипотезы, новые методологические приемы исследования, новые модели реконструкции, должен нас лишь радовать. Так следует воспринимать новую гипотезу О. Н. Трубачева об этногенезе славян, их древнейшей прародине. Многие выводы О. Н. Трубачева, в частности его мысли о локализации прародины индоевропейцев, совпадают в основном с нашими изысканиями в этой области, изложенными в нашей монографии «Old English» (1982). Но в вопросах языковых реконструкций, в том числе в восстановлении размытой веками фрески праславянского, следует учесть мысли, методологические приемы, выводы, изложенные в замечательной книге проф. Г. Бирнбаума «Linguistic Reconstruction...». Надо принять во внимание также результаты реконструкции праиндоевропейских макроизоглосс, предложенные в интересных работах О. Семереньи, В. В. Иванова, Т. В. Гамкрелидзе, У. Леманна и др., типологически проверенные, больше опираться на выводы ряда ученых, исследовавших результаты лингвистической интерференции древнейших славяно-финно-угорских языковых контактов (см. об этом работы И. Микколы, Й. Калины, О. Ашбота, Я. Мелиха, И. Книежи, А. Рота и др.), а также на новые данные о месте начала древнегерманских, готских, древнескандинавских контактов с предками финно-угров (см. нашу работу в кн. «Handbook of Uralik Studies» под ред. D. Sinora; в частности, о протоприбалт.-фин. *lambaz, *kansa, *kuningaz). Это поможет, как нам думается, внести некоторые коррективы в гипотезу О. Н. Трубачева.

Корнилов Г. Е. (СССР). Не отождествляемый с праславянским, но ближе всех к нему находящийся старославянский язык имел функционально довольно стройную систему вокализма. Эту системность учебная и справочная литература, к сожалению, затушевывает, приводя так называемые таблицы гласных, характеризующие каждую единицу по месту и способу образования. Названные таблицы представляют гласные звуки совершенно оторванными от их конкретных условий функционирования в составе слога.

Целесообразнее было бы списки гласных составлять с учетом двух основополагающих законов строения старославянского (и праславянского) слога: слогового палатального сингармонизма и восходящей сонорности (звучности). В частности, с учетом первого закона гласные следует записывать в виде пар: **a~ä(ѣ), o~e, ǫ~ę, ъ~ь, i͡~i, u~*ü, ů~ů͡, ŕ~ŕ͡**, составленных по признаку переднерядности-заднерядности. Эта запись, как видим, выдвигает в качестве главной проблему **u~*ü**. Была ли в праславянском ***ü**, т. е. была ли система завершенной? Следует ли транскрибировать написания **ю** как [ju] или как [jü] во всех или отдельных случаях? Что представляет собой современное заднерядное [u] после мягких согласных по отношению к старославянскому — это инновация или архаизм? Исчерпывающих ответов на эти и подобные вопросы пока нет. Не отвечает на них и в целом интересный доклад П. Ивича.

При изучении факторов, влияющих на развитие вокализма в славянских языках, представляется необходимой также инвентаризация тех из них, которые имеют прямое или косвенное отношение к проблеме **u~*ü**. Во всяком случае, в послестаославянском периоде развития вокализма конкретных славянских языков функционально наиболее значимым представляется индивидуальный или групповой отход от указанной нами системы. Нельзя ли считать именно утрату ***ü** началом конца праславянской системы вокализма, а старославянскую систему гласных первым шагом в этом направлении? Этот вопрос возникает в связи с докладом П. Ивича.

Ивић М. (Yu). Нису све колективне именице по значењу исте; неке су од њих маркиране по томе што о б а в е з н о служе као скупни назив р а з н и х ствари, док су друге у том погледу немаркиране (тако се под *намештаем* увек подразумевају р а з н и предмети (сто, столице, кревет и т. д.), а под *робљем*, зависно од датог случаја — или и мушке и женске особе, или само једне, односно само друге. О тој би околности требало такође водити рачуна зато што се о н а п о к а з у ј е г р а м а т и ч к и р е л е в а н т н о м: само, наиме, она колективна образовања која у погледу тог критерија разноврсности испољавају немаркирани карактер могу евентуално, током језичког развоја, заменити на плану сигнализовања разлике једнина / множина изгубљену регуларну плуралску форму (случај, рецимо, српскохрватског некадашњег колективног образовања *деца*, *браћа* и сл.); маркиране збирне именице то не могу.

Супрун А. Е. (СССР). Доклад Э. Станкевича, как и доклады О. Н. Трубачева и Д. Ворта, характерен стремлением к вероятностному и, я бы сказал, размыто-(нечетко-) множественному подходу к изучению языковых сущностей, что своевременно и целесообразно.

Я разделяю стремление докладчика выделить в категории числа ряд субкатегорий. К его перечню, как и к моему списку, опубликованному несколько лет тому назад, можно кое-что добавить. Но главное — необходимо придать отдельным семам временные (темпоральные) векторы, показать их динамику: не все, названное Э. Станкевичем, сведется тогда к синхронной плоскости, а категория предстанет в еще более сложном виде. Надо учесть также связанное (с числительными)

и свободное употребление числа. Желательно четче выяснить связи формальных (акцентуационных) и семантических показателей.

Хазагеров Т. Г. (СССР). Сформулированное в докладе Э. Станкевича положение о двух типах оппозиций, лежащих в основе различительных категорий множественности (исчисляемость / неисчисляемость, сумма/ целостность), исчерпывает лишь те случаи, когда конечное множество или, соответственно, целостность мыслятся как сумма или совокупность абсолютно тождественных субстанций. То, что эти субстанции могут мыслиться как различные, не потерявшие индивидуальности, дает основание для иного типа оппозиций — множественность без особо выделенного подмножества / множественность с особо выделенным подмножеством [1] (ср. *кни́ги — кни́га, студе́нчество — студе́нт и масла́ — ма́сло, лу́ны — луна́*). Формирование категории множественности с особо выделенным подмножеством осуществляется в восточнославянских языках посредством акцентной дифференциации.

Сказанное поясняет развитие отношений типа *два ро́га*, но ***рога́*** (в первом случае *рог* не является особо выделенным подмножеством, во втором — является).

В этой связи акцентуация форм dualis у существительных мужского рода (циркумфлектированных и кратких) с наконечным ударением представляется исконной.

Ермоленко С. С. (СССР). Учет кодифицированных контекстуальных вариантов, т. е. вторичных функций, категорий единственного и множественного числа требует пересмотра положения об асимметрическом отношении маркированности / немаркированности между данными категориями. В этой связи хотелось бы привлечь внимание к тому типу употребления множественного числа, когда эта категория обозначает нечто, объективно являющееся единичным. Так, например, в речи комментатора футбольного матча можно услышать: *Сейчас игроки «Динамо» вбрасывают мяч из-за боковой линии. Это делает Н...* В данном случае имеется в виду единичное действие единичного игрока. По нашему мнению, форма множественного числа выражает здесь не квантитативное множество, и даже вообще не множество, а родовое понятие, т. е. комментатор, говоря об одном игроке, имеет в виду одну из противоборствующих команд. Употребляясь в родовом, генерическом значении, множественное число может обозначать род и как квантитативное множество, при этом максимально охватывая объем родового понятия, например: *Слоны обитают в Африке и Азии.* Именно значение квантитативного множества выступает в качестве внутренней формы выражения родового понятия. Однако о роде можно говорить, имея в виду и лишь несколько, и даже одного его представителя. Поэтому можно употребить множественное число и для обозначения единичного денотата, несмотря на то что в данном случае возникает противоречие между данным денотативным значением и его внутренней формой (т. е.

---

[1] Термину «множество (множественность) с особо выделенным подмножеством» соответствует используемый Е. Куриловичем «эллиптический плюраль» (см. The Inflectional categories of Indo-European.— Heidelberg, 1964).

исходным значением множественного числа). Таким образом, при анализе структуры семантических отношений между противопоставленными категориями следует учитывать не только их основные, но и производные, периферийные значения, причем данная структура приобретает не одно, а несколько измерений. Отметим, что сам проф. Э. Станкевич еще в 1964 г. призвал к признанию и изучению периферийных явлений в языке.

Дегтярев В. И. (СССР). Заявленные в докладе Э. Станкевича проблемы числа многоаспектны. Но, несомненно, важнейший историко-генетический аспект — соотношение категории числа и собирательности. В освещении этой проблемы докладчик недостаточно учитывает перспективу языковых исторических процессов. Характер связи и соотношение собирательности и грамматической категории числа качественно различны на разных хронологических срезах. Для древнейшего, дофлективного состояния праиндоевропейских диалектов, по данным славянского, реконструируется общее число, совмещающее в одном слове значения единичности и множественности. Это состояние сменяется различением единичности и множественности словообразовательным способом. И только развитие флексии ведет к формированию грамматической парадигмы. В праславянском состоянии имена собирательные функционировали как формообразующие средства множественного числа, и плюрализация их в истории славянских языков сыграла важную роль в развитии морфологически выраженной множественности. В результате имена собирательные выпадают из парадигмы числа и развивают новые функции, а вместе с тем приобретают более выразительный словообразовательный характер. Следует считаться с тем, что в разных славянских языках эти процессы отражены по-своему, но все же довольно равномерно и единообразно как реализация праязыковых тенденций. Таким образом, классификация типов множественности должна учитывать хронологическую перспективу, типологические изменения в плане глоттогенеза. Наконец, следовало бы соотнести планы выражения и содержания категории числа. Несомненно, что при этом она была бы представлена в семантико-структурном отношении сложнее и многообразнее.

Иванова-Мирчева Д. (НРБ). Отдавна вече е време да се организират конкретни и точни изследвания върху второто южнославянско влияние в стара Русия. Опитът на проф. Д. Ворт е нов и интересен, но и много прибързано е от направеното да се извличат такива категорични изводи.

Дошлата от юг литература е била доста обемна, за де се смята, че е била донесена и развивана от емигрантите Цамблак и Киприян. В средновековието много често книжовниците не споменават своите имена, предпочитат анонимността.

Проф. Б. А. Ларин в своите лекции по история на руския литературен език — доколкото си спомням — не отрича второто южнославянско влияние. Неговата мисъл е насочена в чисто историческа посока: причините за архаизацията на литературния език той търси в стремежа на царския двор и върхушката около него да създаде от Москва «трети Рим» за славянския православен свят. В това няма ни-

що невярно. Само от методологична гледна точка имам възражения, защото се абсолютизира чисто историческият подход. Проф. Д. Ворт пък абсолютизира чисто езиковедския подход.

За да се изследва южнославянското влияние в стара Русия трябва да се приложи комплексен метод, както правят акад. Д. С. Лихачов и неговите ученици и последователи. Нужно е преди всичко да се познава и взема под внимание състоянието на българския литературен език от XIII—XIV вв. в Търновската книжовна школа и на Атон. Тенденциите към изкуствена архаизация на книжовния език не са «автохтонно явление» в Московска Русия — както твърди проф. Ворт,— а обща тенденция в късното европейско средновековие. В резултат на тази тенденция, която е едно важно културно-историческо явление в тези векове (XIII, XIV, XV и сл.) в Европа, наред с класическите езици (латински и гръцки) заема своето място и езикът на Търновската книжовна школа, който именно оказва силно влияние върху историята и тенденциите на развитие на руския литературен език.

Жуковская Л. П. (СССР). Поддерживаю положение доклада проф. Д. Ворта о том, что так называемое второе южнославянское влияние на русскую письменность не может рассматриваться однозначно — как влияние со стороны южных славян. На основании изучения около 400 списков древнерусского Пролога XIII—XVII вв. мы пришли к заключению, что в период конца XIV — первой половины XV в. ни о каком влиянии со стороны южных славян, как это в свое время утверждал А. И. Соболевский, и речи быть не может. Наоборот, некоторые факты и данные других рукописей свидетельствуют, что уже в 1355 г. Московский митрополит Алексий ездил в Константинополь и там отредактировал (возможно, этим занимались его помощники) текст, представленный в рукописи Нового завета. Как доказано проф. Г. А. Воскресенским, это было сознательное редактирование церковнославянских книг древнерусскими учеными-богословами в середине XIV в., когда будущий митрополит Евфимий Тырновский еще не мог даже ставить такую задачу. Это была третья редакция Евангелия. Орфографию и графику его можно проследить здесь на съезде по изданию ученого из Чебоксар (*Ушаков В. Е.* Акцентологический словарь древнерусского языка XIV века. М., 1982). В частности, в нем видим безразличное употребление **и** / **ї**, которое было строго упорядочено в предшествующем письме древнерусских книг; употребление ω (омеги) после букв согласных, что совершенно не допускалось ранее; употребление греческих букв ξ (кси), ψ (пси); υ (ипсилон = ижица) сама по себе и в сочетании **оу** для обозначения звука **у**; примеры «зияния» типа *діаволъ, діакъ*; употребление сдвоенных согласных типа *агриппа, еллинсы* и т. п. Эти явления принято связывать с южнославянским влиянием, но здесь явная грецизация, причем предшествующая указанному периоду. Крайне важно отметить, что при этом в Новом завете 1355 г. представлены только русские написания редуцированных с плавными и древнерусское **ж** в словах типа *жажа, жажю, блоужение* и под. Аналогичные написания представлены в восточнорусском Пере-

славском евангелии 1354 г. Там же читаем слово *переставая* с восточнославянским полногласием.

Чешко Е. В. (СССР). Вопрос о степени проявления второго южнославянского влияния (а тем более его отрицание) не может быть решен на каком бы то ни было ограниченном материале, тем более материале, почти не учитывающем лексики и синтаксиса.

Основными носителями второго южнославянского влияния в области языка были новые редакции богослужебных книг. Примером может служить киприановская редакция Псалтыри, созданная им специально для восточных славян. Она получила широкое распространение на Руси в XV—XVI вв. и явилась основой старопечатного текста. Анализ состава чтений Псалтыри митрополита Киприана (ГБЛФ 172 № 142) на отрезке 63—68 псалмов показывает, что в текстах, содержащих разночтения по четырем редакциям Псалтыри, киприановский текст насчитывает 130 совпадений с текстом новой правленой среднеболгарской редакции (по происхождению афонской), 26 не вошедших в афонскую редакцию чтений более ранней среднеболгарской редакции (Синайская Псалтырь), отсутствующих в среднеболгарских, и только 37 чтений, отличающихся от всех южнославянских редакций. При этом около 100 чтений, совпадающих с текстами среднеболгарских редакций, в большинстве своем отражают новые языковые особенности среднеболгарского литературного языка в области морфологии, лексики и, главным образом, синтаксиса.

Второе южнославянское влияние проявлялось неравномерно в разных жанрах письменности, на разных территориях и в разное время. Оно ждет своего всестороннего исследования, которое предполагает предварительное знание тех языковых процессов, которые характеризуют древнеболгарский и древнесербский литературные языки XIV—XV вв.

Колосова В. П. (СССР). Проф. Д. Ворт, исходя из статистических данных, полученных им при подсчете лингвистических явлений, связываемых в науке со вторым южнославянским влиянием, поставил под сомнение правомочность самой проблемы. Однако даже если бы второе южнославянское влияние ограничивалось (что очень сомнительно) только графическим оформлением рукописей, орфографией и литературным языком, выводы Д. Ворта не представлялись бы убедительными, так как они не охватывают всего массива восточнославянской письменности. Состоятельность и перспективность исследования проблемы в отношении украинско-белорусского региона XVI — начала XVII в. ярко обнаруживаются при изучении одного из крупнейших культурных очагов этого времени, формировавшегося в конце 70-х годов XVI в. в г. Остроге на Волыни. В результате многообразной литературно-филологической деятельности острожского кружка ученых-гуманистов выкристаллизовалась философско-языковедческая концепция, ориентирующаяся в целом ряде положений, а главное, концептуально, на традиции южнославянского влияния (строгое обособление языка «высокой» церковной литературы и науки от обыденной «простой мовы», стремление к устойчивым правилам правописания, грекофильская ориентация — в синтаксисе, лексике, орфографии). Острожские

писатели принимали также отдельные предписания стиля «плетения словес», возникшего в Евфимиевскую эпоху и ставшего неотъемлемым компонентом второго южнославянского влияния.

Князевская О. А. (СССР). Сто лет тому назад А. И. Соболевский для некоторых явлений древнерусской письменной культуры употребил название «второе южнославянское влияние в Древней Руси». Вскоре (уже в начале XX в.) некоторыми учеными это название признавалось неудачным и доказывалась его несостоятельность (об этом писал В. Н. Щепкин). Тем не менее этот термин существует, продолжает употребляться и всем понятен.

Заметим, что второе южнославянское влияние в древнерусской письменности имеет очень сложные формы отражения и в значительной степени зависит от жанра книги. Например, нам известны более 10 рукописей начала XV в. (начиная с 1402 г.) с текстом Лествицы Иоанна Лествичнина, содержащих значительное количество графико-орфографических примет этого явления. Причем, все списки Лествицы содержат данные их писцов, указывающие на Лествицу митрополита Киприана.

Коломієць Л. І. (СССР). У доповіді В. М. Русанівського і В. В. Німчука на особливу увагу заслуговує те, що проблема співвідношення функцій давньоруської і старослов'янської мов розв'язується авторами історично. Справді, це співвідношення неоднакове навіть у межах одного жанру в східних слов'ян періоду Середньовіччя. Показовим щодо цього є жанр полемічної літератури, яка виступала в ролі ідейного фактора і в давньоруський період, і в час народновизвольної боротьби українського народу за возз'єднання з російським народом. А ця боротьба, до речі, була потужним стимулом демократизації літературної мови. Якщо «Слово о верѣ латинской» написане літературною книжною мовою, де рівноправно використовуються традиції руської і старослов'янської мов, то проблема вибору між традицією і живою народною мовою для книжника XVI—XVII ст. безпосередньо була пов'язана з актуальними подіями сучасності. Зміни в суспільній ситуації на Україні в XVI — першій половині XVII ст. принесли і нові комунікативні потреби, які в свою чергу вплинули на функціонування староукраїнської мови у боротьбі проти чужоземного гніту. Мова українського народу вперше стала мовою агітації у великій справі згуртування народних сил, перетворилася в засіб ідеологічної боротьби.

У виступі, вважаємо, слід було б більш категорично виділити тезу, наявну в доповіді, про той незаперечний факт, що рух у напрямку зближення мови ділової в Київській Русі, мови документів, законів з розмовною повсякденною мовою всього народу протягом XI—XIII ст. відбувався досить інтенсивно, оскільки це чи не найкраще підтверджує положення, що в будь-якому суспільстві, навіть за умов найгострішої класової боротьби і класового антагонізму, мова не могла бути класовою.

Навпаки, як підкреслював акад. Б. О. Ларін (*Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.).— М., 1975, с. 65—66), всі зусилля, навіть панівних класів, були скеро-

вані на те, щоб ця мова була близькою, зрозумілою, доступною найширшим народним масам. Історія ж законодавчих текстів від договорів з греками до Руської Правди, яким заслужено приділяється багато місця у доповіді, прекрасно підтверджує це положення.

Rot S. (H.). Положення, висунуті у доповіді В. М. Русанівського та В. В. Німчука, добре аргументовані. Мені здається, що складні питання макросистеми мови Київської Русі, питання діахронної соціолінгвістики й варіювання систем давньоруської і старослов'янської мов, яке становило собою динамічну ієрархію, було дійсно підпорядковане функціональному аспектові. Як свідчать наші дослідження з питань давньорусько-угорських та давньорусько-прибалтійсько-фінських контактів (VII—XIII ст.) (див. наші монографії), домінантою у макросистемі мови Київської Русі була справді давньоруська. Ще П. Шафарик у своєму листі до Ф. Палацького звернув увагу на те, що звукова оболонка слов'янізмів в угорській мові «добре» зберігає звучання цих слів у мовах-джерелах, тобто у старих слов'янських мовах (його приклад з угор. galamb «голуб»). Наше вивчення давньоруської лексики в угорській мові (наприклад, pelyva, polyva, borona, gerendely; szégye, tanya, veréb, cseléd, család, lengyel, haricska тощо), з одного боку, й у прибалтійсько-фінських мовах (наприклад, ест. sääs (Gen. sääsa), сх.-фін. kuontalo, кар. rierpo, фін. siivatta, raamattu, kaatio, ест. vägr тощо), з другого боку, допомогло у реконструкції окремих ізоглос і рис фонологічної системи живої давньоруської мови, встановленні абсолютної хронології окремих її фонетичних і фонологічних змін. Ці дослідження в багатьох випадках підтверджують висновки авторів доповіді.

Улуханов И. С. (СССР). В докладе Д. Ворта справедливо подчеркивается автохтонность процессов периода второго южнославянского влияния, их обусловленность социально-историческим развитием Московской Руси. Методологически важным следует признать выделение в качестве свидетельств южнославянского влияния только тех черт, которые появились в южнославянских текстах непосредственно предшествующего периода. Более ранние южнославянские черты считаются русскими архаизмами. К числу этих архаизмов можно отнести не только фонетические и морфологические черты, но и ряд риторических приемов «вития словес», отмеченных в более ранних текстах (ср., например, «Огласительные поучения Феодора Студита», переведенные в XII в.).

В докладе В. М. Русановского и В. В. Нимчука приведено много фактов, подтверждающих наличие в Киевской Руси двух литературных языков — церковнославянского и древнерусского. В дальнейшей разработке нуждаются понятия литературного языка и языка литературы применительно к различным эпохам. Описывая ситуацию двуязычия, важно отразить не современное восприятие лингвиста (с современной точки зрения на Руси, безусловно, было церковнославянско-русское двуязычие), а языковые навыки и языковое восприятие человека Киевской Руси.

Подсекция 1.

ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК В КРУГУ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

Дневное заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Brozović D. (Yu) — О месте праславянского языка в индоевропейском языковом мире (Radovi filozofskog fakulteta.— Zadar, 21—22/1981—82, 1982—83, s. 5—15).

Мартынов В. В. (СССР) — Становление праславянского языка по данным славяно-иноязычных контактов (IX Международный съезд славистов Доклады.— Минск, 1983, с. 3—39. Отдельный оттиск).

Furdal A. (P) — Z zagadnień klasyfikacji kulturowej języków słowiańskich (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 101—109).

Кравчук Р. В. (СССР) — Дифференциация праславянских культурных диалектов по данным словообразования (IX Международный съезд славистов. Доклады.— Минск, 1983, с. 3—34. Отдельный оттиск).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Чекмонас В. Н. (СССР). В докладе Д. Брозовича применяется последовательно типологический подход к решению методологических и конкретных проблем в области древнейших балто-славянских отношений. Но в данном случае, как и при исследовании других периодов доисторического развития языка, ссылки на типологические параллели ничего не доказывают. Привлечение типологических параллелей в области фонологии, например, становится плодотворным только после построения динамических моделей отдельных изменений. Изучение типологии лингвогенетических процессов должно помочь ответить на очень важный вопрос: связан ли характер хотя бы отдельных преобразований в языке с общими условиями (историческими, социальными) формирования языков? Данные, накопленные современной диалектологией и историческим языкознанием, не только дают возможность поставить, но и в рамках лингвистической теории довольно точно ответить на некоторые вопросы такого рода. Считаю, что конструктивные положения доклада Д. Брозовича до решения этих проблем не могут быть приняты безоговорочно.

Мажюлис В. (СССР). Доклад проф. В. В. Мартынова является, несомненно, новаторским и ценным вкладом в дело изучения проблематики лингвоэтногенеза славян, которым в языковом отношении наиболее близки балтийцы. Проблема этногенеза славян в большой степени соприкасается с проблемой этногенеза балтийцев.

Несколько замечаний. Проф. Мартынов, рассмотрев 14 соответствующих прагерманских лексем, объявляет их славизмами и делает вывод, что они из славянского проникли в германский в V—III вв. до н. э., а значит, что в указанную эпоху славянская территория между Вислой

и Одером доходила до Балтийского побережья и отделяла балтийцев от германцев. Однако некоторые прагерманские лексемы, причисленные проф. Мартыновым к славизмам, могут и не быть таковыми, т. е. они могут быть балтизмами. Это касается, прежде всего, прагерм. *warga «преступник, дьявол, волк» (с. 20), которое может быть выведено и из зап.-балт. *varga-, ср. прус. wargs «плохой, злой» (лит. vargas «трудность» и т. д.). Следовательно, не исключено, что в середине I тыс. до н. э. славяне не доходили до Балтийского побережья, на котором соседями германцев были, по всей видимости, не славяне, а балтийцы. Далее. Считать прус. saltan «сало» кельтизмом (с. 27) нет никакого основания (оно балтийского происхождения, см. *Mažiulis V.* Prūsų kalbos paminklai.— Vilnius, 1981, t. 2, p. 30); нельзя и думать о непосредственных контактах между кельтами и западными балтийцами.

Заканчивая свое краткое выступление по поводу весьма ценного доклада проф. Мартынова, считаю уместным вспомнить высказанные недавно В. Н. Топоровым слова, что индоевропеистика (и, в частности, славистика) недостаточно использует или не успевает использовать материалы балтийских языков, которые являются самыми архаичными из всех живых индоевропейских языков и имеют исключительно большое значение для индоевропеистики.

Mańczak W. (P.) Jeśli chodzi o meritum sprawy, całkowicie zgadzam się z prof. Martynowym, że praojczyzna słowian leżała w dorzeczu Odry i Wisły. Natomiast co do szczegółów mam zastrzeżenia. Wątpię, żeby w pragermańskim były zapożyczenia z prasłowiańskiego, ponieważ wydaje się, że pierwotnie Słowianie oddzieleni byli od Germanów przez jakieś inne plemiona indoeuropejskie, za czym przemawia to, że różnicż między językami Słowian i Bałtów, które zawsze ze sobą sąsiadowali, są znacznie mniejsze od różnic między językami słowiańskimi a germańskimi i że od czasów Tacyta Germanie nazywają Słowian Wenedami, której to nazwy Słowianie nigdy nie używali; najwidoczniej pierwotnie wschodnimi sąsiadami Germanów byli Wenetowie, a po ich zniknięciu Germanie nazwą tą zaczęli oznaczać Słowian. Zapożyczenia irańskie w prasłowiańskim są tak nieliczne, że sądzę, że poświadczony wykopalnikami archeologicznymi najazd Scytów na część dorzecza Odry i Wisły był zjawiskiem równie efemerycznym jak najazd Tatarów na Polskę w XIII w., który w polszczyźnie też nie pozostawił żadnych lub prawie żadnych śladów. Wątpliwą mi się również wydaje inwazja Italików na dorzecze Odry i Wisły w XII w. przed naszą erą. A w ogóle wydaje mi się że stosunki między językami słowiańskimi i bałtyckimi a pozostałymi językami indoeuropejskimi najłatwiej zrozumieć przyjmując, że Słowianie i Bałtowie, których języki do dziś zachowały najbardziej archaiczny charakter, są potomkami tej części ludności praindoeuropejskiej, która pozostała w praojczyźnie (por. mój artykuł, który się ukaże w «Baltistica», oraz referat wygłoszony w Poznaniu w r. 1983 na International Conference on Historical Linguistics).

Eckert R. (DDR). Проф. В. В. Мартынов развернул в своем докладе широкую картину славянского глоттогенеза. Гипотеза его, построенная на лексическом материале, оригинальна. Докладчик учитывает

древние связи праславянского и протославянского с другими индоевропейскими языками. Эти вопросы в отдельности разрабатывались уже в прошлом, в докладе мы находим интересное объединение указанных направлений. У меня возникает вопрос: не зависят ли гипотезы о праславянских ингредиентах от самого материала, избранного автором? Занимаясь именными основами на -i в балтийских языках, я установил, что из более чем 50 случаев индоевропейских соответствий балтийским основам на -i в других индоевропейских языках в 32 случаях участвуют также праславянские -i-основы. Примерно такое же количество соответствий балтийским именным основам на -i имеется в индоиранских языках и только четвертая часть балтийских -i-основ имеет точные соответствия в западном ареале индоевропейских языков (германские, кельтские, италийские). Придерживаясь мнения об автономном развитии праславянского, я все же полагаю, что праславянский ближе всего к балтийским языкам, потом уже следуют индоиранские связи и только после этого германские, италийские и т. д.

Откупщиков Ю. В. (СССР). В докладе В. В. Мартынова привлекает то, что его положения подкрепляются конкретным этимологическим анализом.

Некоторые сомнения вызывают: теория ингредиентов, анализ «абсолютных синонимов», приоритет поиска иноязычного источника, различение между проникновением и заимствованием, признание интенсивного иранского влияния на праславянский язык, положение о завоевании территории между Одером и Вислой — чуть ли не до Балтийского моря — скифами в VI—V вв. до н. э., положение о вторжении италийцев в XII в. до н. э. в район между Вислой и Одером — вплоть до Балтийского моря, идея о Висло-Одерской прародине славян. Многие примеры вызывают сомнения в их этимологической интерпретации.

Десницкая А. В. (СССР). Очень интересные доклады Д. Брозовича и В. В. Мартынова дают новые стимулы для размышлений по вопросам членения индоевропейского единства, сохраняющим свою актуальность на протяжении более чем 150 лет. Хочу добавить, что когда ставится вопрос о генетических и ареальных связях праславянского и прабалтийского языков, на современном уровне исследований уже нельзя обходить вниманием древние ареальные, а возможно, и генетические связи с комплексом языков палеобалканского ареала (имеются в виду фракийский, дакийский, иллирийский языки). Хотя материалы этих языков остаются более или менее скудными и возможность их исследования, в частности, при решении морфологических вопросов, вероятно, останется навсегда ограниченной, тем не менее обращение к балто-палеобалканским и к славо-палеобалканским языковым соответствиям кажется мне менее проблематичным, чем предлагаемые опыты стратификации балто-славо-италийских и балто-славо-кельтских языковых связей.

О докладе О. Н. Трубачева (на пленарном заседании 7.09.83 г.): мне представляется очень убедительной точка зрения О. Н. Трубачева на значение дунайского ареала в истории образования не только славянского, но и индоевропейского языкового единства. Локализация

древних очагов образования и существования индоевропейской языковой общности на обширном пространстве юго-восточной Европы кажется мне имеющей больше оснований, чем вновь утверждаемая в последнее время давняя гипотеза о переселении ĕндоевропейских племен из областей Передней Азии.

Ивић П. (Yu). Реферати Д. Брозовића и В. Мартинова су богати идејами и инспиративни, али општо стање истраживања у датој области није такво да би се могли очекивати дефинитивни резултати. У вези с дискусијом која се води подсетићу на две основне истине.

1. Лексичке изоглосе су веома значајне, али највећу тежину ипак имају изофоне и изоморфе. Фонетика и морфологија су више-мање затворене области, с ограниченим бројем јединица, док лексема има на тисуће, што по законима вероватноће отвара шансу за сваковрсне повезаности. Осим тога лексема прелазе из језика у језик много лакше него други елементи.

2. Кад је реч о везама прасловенског са другима ие. језицима, блискости са балтичким не само што припада прво место, него све друге повезаности врло далеко заостају за овом.

Дуриданов И. (НРБ). 1. По докладу Д. Брозовича. Насколько я понял, коллега Брозович принимает две группы индоевропейских языков: восточную — satəm и западную — centum (так, например, он относит тохарский язык ко второй группе). В самом деле, в так называемых satəm-языках мы имеем дело с палатализацией (ассибиляцией) велярных согласных в положении перед гласными переднего ряда, как это хорошо показал Вл. Георгиев 50 лет тому назад. Например, **k** в славянском слове *kăsá > болг. *коса* (орудие) и т. д. сохранилось в положении перед **-a-** (< ие. **-o-**), а в др.-инд. śāsati «он режет» из ие. *keseti перешло в **ś** в положении перед **-e-**. Этот процесс аналогичен переходу лат. **c** > франц. **s** (ср., например, лат. centum и фр. cent [sã]).

2. По докладу В. Мартынова. Предположение о нашествии италийцев на территорию бассейнов Вислы и Одры в XII в. до н. э. не базируется ни на каких фактах. Италийские заимствования в праславянском как суперстрат могут относиться и к позднему времени.

Вечернее заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Иванов В. В., Топоров В. Н. (СССР) — Лингвистические аспекты изучения этногенеза славян (Славянское языкознание.— М., 1983, с. 152—158).

Коломиец В. Т. (СССР) — Значение данных сравнительно-исторической фонетики для исследования славянского этногенеза (Слов'янське мовознавство.— К., 1983, с. 70—86).

Sławski F. (P) — Innowacje a archaizmy słowotwórstwa prasłowiańskiego (w konfrontacji z innymi językami indoeuropejskimi).

Симеонов Б. (НРБ). 1. Славяни и балти са имали географско съседство около 20—30 в. след разпадането на индоевропейската етногенетична общност. Самите те имат първична и вторична близост, но не общност, която предполага идентичност на повечето фонемно-граматични особености. Между тях има и общо и различно. Различията са повече. Преди всичко по начин, резултат и непоследователност на индоевропейската сатемизация.

2. Тохарските езици имат 13 общи белези със славянските езици (**-lъ, -nik, -(a)č** и др.). Тохарско-славянска «езикова общност» обаче няма.

3. Има сведения от II в. за наличие и присъствие на племенни имена Σε'ρβοι и Cze-chi в Северния Кавказ и Централната Азия. Тия факти сочат, ако са верни, за по-тясна близост и размесване на протославяни с ирани и тохари.

Лукінова Т. Б. (СССР). Висунута в доповіді В. В. Іванова і В. М. Топорова теза про те, що «лінгвістична реконструкція завдяки її надійності і визначеності стає найбільш ефективним знаряддям дослідження» слов'янських старожитностей, має розглядатися як програмна.

Надійність реконструкцій найдавніших слов'янських текстів базується серед іншого на твердо встановлених етимологіях слів праслов'янського лексичного фонду, насамперед тих, які мали світоглядне значення. Етимологія таких слів, і перш за все їх найдавніша семантика, може бути важливим джерелом інформації про духовну культуру найдавніших часів.

Одним із слів, особливо важливих для дослідження глибокої слов'янської давнини, є слово *упир*. Його етимологією цікавилися чимало дослідників, але загальноприйнятого тлумачення досі не було запропоновано. Реконструюючи на підставі даних слов'янських мов псл. *ǫругь, пов'язуємо **-ругь** з ч. ру́ř «жар, розпечений попіл», ruří «тс.», слц. ruřeniса «спалена солома», ruřňa «попіл», п. rerz, rerzyna (< **руг-**) «жевріюче вугілля», вл. ruřić «топити», нл. ruřiś «тс.», схв. *спи́рити* «роздмухувати», слн. zapíriti se «почервоніти», рос. *пырей* «загнетка» (Даль), укр. *пирити* «червоніти» (псл. ***руг-** «жар, палити», яке відповідає гр. πῦρ, πυρός «вогонь», лат. purus «чистий» і т. д.). Елемент **ǫ-** у псл. *ǫругь ідентифікується з давнім префіксом заперечення, представленим, наприклад, у рос. *урод, убогий, утлый* і под. (такий здогад висловлював ще О. Брюкнер), а загальне значення слова реконструюється як «не спалений» і безпосередньо пов'язується з культом вогню у давніх слов'ян і обрядом кремації як способом поховання, що панував протягом багатьох віків. В умовах обов'язкової кремації недодержання обряду каралося, як вірили, страшною карою: перетворенням померлого на вампіра.

Запропонована етимологія псл. *ǫругь підтримується аналогічним утворенням у давньогрецькій мові: ἄπυρος «не спалений» (звідки ἱερά ἄπυρα «жертви без вогню, не спалені, не прийняті богами»).

Знойко А. (СССР). В сообщении В. В. Иванова указывалось на значение реконструкции праславянских текстов. Важно исследование

текстов по древнейшей астрономии на Руси и связанным с нею мифам астрального (звездного) культа язычества. Вопросы этногенеза наиболее полно освещаются элементами древней астрономии. Созвездия и небесные тела были главными богами язычества Руси, как это было и в других древних цивилизациях. Созвездия были богами, поэтому названия созвездий были именами богов. Мною были собраны народные названия созвездий, исследованы, датированы и нанесены на звездную карту неба. Все языческие боги Руси оказались небесными телами. Наблюдения неба и астральные мифы на Днепре древнее античных. Обряды календарных праздников соответствуют движению небесных тел и летописям. Rusidava, Korsidava певтингеровых таблиц (Птолемей) означают: Русь — потомки бога неба, Корсь — потомки бога Неба и т. д. Удалось установить единство главных богов, обрядов и традиций у Руси и этрусков. Волос (Тур) Руси — это Taurus этрусков. Стрибог Руси — это Satres этрусков и Sagittarius римлян. Корень **стр-** у славян и этрусков обозначает гром и молнию. Satres — это Перун Руси — созвездие Стрелец. Sagittarius — это кующий, посылающий молнии. По топонимам и гидронимам с корнем **стр-** можно проследить пребывание этрусков в Поднестровье и путь в Италию. Анты были пеласгами-лелегами (этрускоидами), имели главным божеством триады Зарю, а ее символом (тотемом) — аиста (гайстер, лелека, бусол — Бус). Вождь антов носил имя Буса (Бож). В Киеве народ сохранил память о вожде антов: Бусова гора, Бусово поле.

Пантеон Руси существовал и у скифов, а названия богов по Геродоту — протославянские названия (Папай, Табити, Арес/Арей).

Ткаченко О. Б. (СССР). Доклад В. Т. Коломиец следует признать чрезвычайно интересным и богатым стимулами исследованием. Не имея возможности коснуться всех его сторон, хочу обратить внимание на одну весьма привлекательную сторону — в нем большое место уделено предполагаемым языковым контактам древнейшей поры и их роли в формировании праславянского языка. Обычно об этом говорят мало (если вообще говорят), так, будто только в исторический период языки стали контактировать, в прошлом же они развивались совершенно независимо друг от друга. В целом концепция доклада убедительна и логична, и предположения о языковых связях вписываются в нее аргументированно и доказательно.

Специально остановлюсь на важном вопросе о воздействии финно-угорского субстрата как причине окончательного отделения праславянского языка от прабалтийского. Гипотеза эта интересна и в основном убедительно аргументирована. Позволю себе только два дополнения. Хотелось бы, чтобы больше были учтены работы предшественников, в частности чешского лингвиста В. Полака, также касавшегося вопроса древнейших языковых контактов финно-угров и славян. Дальнейшей разработки требует вопрос о конкретном характере финно-угорского субстрата, обнаруживающего явно прибалтийско-финские черты, что было бы важно и для славистики, и для финно-угроведения. Как показывает работа В. Т. Коломиец, материал финно-угро-славянских контактов использован в науке еще далеко не достаточно, а древность их явно преуменьшена.

Селимски Л. (НРБ). По поводу доклада В. Т. Коломиец хотелось бы сделать одно замечание. Членение индоевропейской языковой семьи на centum и satəm, как уже подчеркивалось в сегодняшней дискуссии (И. Дуриданов, Б. Симеонов), совершенно не нужно. Оно необходимо было тем языковедам, которые отделяли балто-славянские языки от германских и остальных западноевропейских языков и считали их более тесно связанными с индоиранскими. Несостоятельность противопоставления групп centum и satəm уже доказали болгарские ученые Э. Георгиев (1941) и особенно В. Георгиєв (1958, 1966, 1981). Такой точки зрения придерживался и В. Порциг. В. Т. Коломиец, кажется, придерживается теории о тесном родстве балто-славянских языков с германскими, в то же время применяя эту неудачную классификацию индоевропейских языков.

Зинкявичюс З. (СССР). В докладе В. Т. Коломиец делается попытка объяснить известные явления палатализации согласных в языке восточных славян влиянием литовского языка. Но это невозможно, так как данное явление в самом литовском языке является новым и легко поддается объяснению именно славянским влиянием. Это видно из современных литовских диалектов и особенно из письменных памятников. Достаточно проехать Литву с востока на запад, чтобы убедиться, что по мере удаления от восточных славян палатализация согласных перед гласными типа **e** уменьшается, а на крайнем западе почти вовсе исчезает, так как там в указанной позиции мягкими бывают лишь **k, g, l, š, ž.** Но письменные памятники показывают, что до XVI в. там лишь **k, g** были мягкими. В памятниках же, написанных на основе диалекта средней Литвы, где теперь в позиции перед **e** смягчаются все согласные, систематически обозначается мягкость лишь **k, g, l, š, ž.** Позиционная палатализация согласных перед гласными переднего ряда вовсе отсутствует в латышском языке, за исключением восточного диалекта, где она тоже легко объясняется славянским влиянием. Итак, указанное явление палатализации надо объяснять противоположно тому, как это делается в докладе, и в связи с тем внести соответствующие существенные поправки в гипотезу автора о прародине славян.

Илиевски П. (Yu). На вопрос о двупартитности или трипартитности индоевропейских гуттуральных дает ответ новооткрытый микено-греческий диалект второй половины II тыс. до н. э. В этом диалекте ясно различаются три ряда гуттуральных: велярный, лабиовелярный и палатальный:

ka, qa (-q^{w}a, g^{w}a), za (-kja, k'a; gja, g'a): ka-ke-u χαλκεύς, **ka-wo** καλFός, κᾱλός, **A-ka-ma-wo** 'ΑλκμάFων; **qa-si-ve-u** *g^{w}asileus βασιλεύς, **O-qa-wo-ni** — антропоним dat. ср. гом. ὀπάων «друг» от *sequ- / *soqu-, лат. sequor; **za-we-te** *kjāwetes, ион. σῆτες, атт. τῆτες, дор. σᾱτες, **su-za** *sukjā, συκία.

ke, qe, ze (-kje, k'e, gje, g'e): ke-ra-so — антропоним ж. р. Κερασώ, **Au-ke-wa** — антропоним Αὐγέας; **Qe-re-wa** — антропоним м. р. *g^{w}hēr, эол. Φηρε'Fας, атт. Θηρεύς, союз **-qe,** лат. **-que,** гом. **-τε; ze-i-ja-ka-ra-na,** мн. альтернирует с **ke-i-ja-ka-ra-na,** где вторая часть **ka-ra-na-** κρήνη.

ko, qo, zo (-kjo, k'o; gjo, g'o): qo-u-ko-ro ***g^w^ou-q^w^ol-o-s,** βουκόλος с диссимиляцией второго лабиовелярного еще с микенских пор, **ka-zo-e *kak-jos-es > *kakjohes,** сравн. степ. им. п. мн. ч. от κακός, класс. гр. κακίων — инновация.

Знак для ***zi** в микенском отсутствует, потому что ***kji** естественно переходит в **ki**, а этот графический знак существует в микенском силлабаре.

Таким образом, в этом архаичном индоевропейском диалекте на синхронном уровне появляются все три ряда гуттуральных. На основании указанных неоспоримых фактов можно заключить, что и в индоевропейском языке было тоже три ряда гуттуральных, которые унаследовал в древнейшее время и общеславянский язык, но лабиовелярный ряд здесь был рано утерян.

Чекмонас В. (СССР). Данные исторической фонетики праславянского языка убедительно свидетельствуют об инновационном характере праславянской фонетики в общем — и в этом их главное значение для решения проблем лингво- и этногенеза славян. Абсолютно все праславянские преобразования — от древнейших палатализаций до позднейшего перехода ***ă>o** отдаляют праславянскую фонетику от балтийской. Важно, что этот факт согласуется с результатами исследований, свидетельствующих об инновационном характере целых словообразовательных подсистем праславянского языка и об инновационном характере праславянской морфологии имени.

Климчук Ф. Д. (СССР). Пытанне прарадзімы славян застаецца дыскусійным, і ўсё ж прыхільнікі розных пунктаў погляду не могуць бясспрэчна выключыць праславян з басейнаў сярэдняга Дняпра, Прыпяці, Заходняга Буга, Віслы, Одры, сярэдняга Дуная. Такім чынам, акрэсліваецца вобласць, дзе, магчыма, жылі праславяне. Маецца на ўвазе, што межы праславянскага кантынуума не былі нязменнымі, што ў многіх яго рэгіёнах праславяне жылі сумесна з насельніцтвам, якое адносілася да іншых этнасаў, нярэдка складаючы меншасць, што існавалі пераходныя гаворкі паміж праславянскай і іншымі роднаснымі мовамі, што гісторыя існавання праславянскай мовы была працяглай і прайшла шэраг этапаў.

Нельга згадзіцца з пунктам погляду аб бездыялектнасці праславянскай мовы. Даследчыкамі не выяўлена ні адной мовы, у якой адсутнічалі б дыялекты ці гаворкі. Праславянская мова не можа быць выключэннем.

Распад праславянскай мовы адносяць да I тыс. н. э. Хутчэй за ўсё, гэта быў не распад, а перагрупоўка славянскіх дыялектаў і гаворак, у выніку чаго ўтварыліся ўсходне-, заходне- і паўднёваславянская падгрупы. Вырашэнне праблемы, якой была групоўка славянскіх дыялектных адзінак дагэтуль — задача даследчыкаў.

Удзяляецца многа ўвагі высвятленню суадносін праславянскай мовы і іншых моў. І гэта натуральна. Аднак у фарміраванні славянскіх моўна-дыялектных адзінак, відаць, істотная роля належыць славянскім жа субстратам, адстратам, суперстратам. Іх уплыў, відавочна, быў значным у выніку славянскіх міграцый эпохі вялікага перасялення народаў і ў іншыя перыяды.

Трубачев О. Н. (СССР). Проф. Д. Брозович известен своим опытом в области типологической классификации славянских литературных языков, поэтому его сегодняшний опыт был тоже интересен (отношения языков кентум ~ сатэм, праязыка и диалектов, постановка вопроса о сосуществовании праязыка и выделившихся диалектов, напоминающая теорию о «das letzte Indogermanisch» Х. Куна, рассуждения о пассивном и активном отделении); возражения вызывает тезис о том, что праславянский «моложе» других индоевропейских языков (то же относится и к выступлению Дж. Рейнхарта (Австрия) в дискуссии 10.09.1983, отождествившего так называемые молодые и недавно засвидетельствованные языки). В докладе В. В. Мартынова для нас интересны не пункты разногласия, а моменты совпадения взглядов, например то, что и он допускает славяно-кельтские контакты на южных (паннонских) территориях. В докладе Р. В. Кравчука любопытна постановка вопроса о праславянских культурных диалектах (до сих пор мы говорили для праславянского об оппозиции территориальные диалекты/культурный наддиалект). В дискуссии В. Чекмонас связал тенденцию к открытому слогу с интерференцией языков, но она ярко проявляется и в некоторых изолированных языках (японский). Ю. В. Откупщиков в своем выступлении высказал тезис, который вызывает резко критическое отношение: «славянский относится к группе балтийских языков». Впрочем, его критика переоценки роли разноязычных ингредиентов в славянском в докладе В. В. Мартынова представляется уместной (ср. и выступление Р. Эккерта). Отрадно отметить выступление А. В. Десницкой в поддержку концепции дунайского ареала праиндоевропейского и праславянского языков в моем докладе (дунайскую территорию поддержал и Ш. Ондруш). В свете современных исследований по этногенезу едва ли правилен старый тезис «лексические изоглоссы имеют значительно меньшее значение, чем фонетические и морфологические» в выступлении П. Ивича. В. Маньчак в своем выступлении справедливо указывает В. В. Мартынову, что германцы и славяне первоначально не соседили, так как между ними были венеты / венеды (Тацит). По докладу В. В. Иванова следует возразить против сомнений относительно торговли в праславянскую эпоху; наоборот, древний обмен был чрезвычайно интенсивен, о чем говорят и лингвистические реликты, и археологические находки, и культурно-типологические аналогии; мысль Ш. Ондруша о торговом влиянии праславян на балтов интересна. Относительно слова *упырь* и его этимологии мнение В. В. Иванова о позднем заимствовании невероятно, речь идет о бесспорно праславянских дублетах *ǫpirь и *vъn(ъ)-pirь «наружу вылетающий» (о покойнике, якобы покидающем могилу); именно это поверье определяло номинацию, ср. и фр. revenant «призрак покойника» как «возвращающийся», соответственно чему интересное объяснение Т. Б. Лукиновой (*упырь* ∾ ἄπυρος, т. е. «несожженный») не кажется более предпочтительным. В пользу реконструкции *ǫpirь, а не *ǫpyrь говорят польские формы wąpierz (иначе ожидалось *wąperz), фамилия Wąpierski, которую относит сюда и А. Брюкнер. Концепция Ф. Славского об обязательном балто-славянском периоде сильно ослабляет принимаемый также им тезис об индоевропейских

архаизмах праславянского. С этим последним несовместимо мнение В. Чекмонаса (в дискуссии) о позднем, недавнем характере праславянского языка.

Дневное заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Дуриданов И. (НРБ) — Заселение славянами Верхней Мизии в свете топонимических данных (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 223—230).

Chelaru V. Gr. (R) — Автохтонни и латино-романски елементи в структурата на южнославянските езици и култури (Romanoslavica.— București, 1983, v. 21, p. 13—41).

Толстая С. М., Толстой Н. И. (СССР) — Принципы, задачи и возможности составления этнолингвистического словаря славянских народных древностей (Славянское языкознание.— М., 1983, с. 213—231).

Нерознак В. П. (СССР) — Славянский и «древнеевропейский». К проблеме вторичного членения позднеиндоевропейской языковой области.

Десницкая А. В. (СССР) — К вопросу о раннеисторических языковых связях восточных славян с балканским лингвистическим ареалом (Славянское языкознание.— М., 1983, с. 76—95).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Бернштейн С. Б. (СССР). Топонимические данные подтверждают что самые ранние славянские поселения на Балканах появились в рай, оне Тимока и Моравы. Это хорошо показано в докладе И. Дуриданова. Это же подтверждают исследования историка С. А. Иванова. Все это очень важно для исторической диалектологии болгарского языка.

Ивић П. (Yu). Реферат проф. И. Дуриданова је студиозно и компетентно писан (осврћем се само на овде презентирано излагање; у штампаном тексту има и других елемената). Моје напомене тицаће се филолошких конкретности.

Слажем се с референтом да Птоломејево Dierna не може представљати данашње рум. (< слов.) Cerna, али као словенску форму из Птоломејевог времена не бих реконструисао **УРЬНА**, већ *Kirna. Мислим, додуше, да је каснији словенски назив могао настати преосмишљавањем затеченог туђег назива. Исто важи за име реке Мораве, koje се заиста не своди на Margos, или је та форма могла дати подстицај да се из словенског хидронимијског фонда одабере управо име *Морава*.

Место цитираних Прокопијевих облика βράτζιστα и Δουρβουλιανά очекивали бисмо, према етимологијама које се дају, *Βρατιτζιστα и *Δερβλιανά или бар *Δρουβλιανά. Ове несагласности потичу можда од непрецизне транскрипције Прокопијевог оригинала или каснијих преписа.

Симеонов Б. (НРБ). По доклада на Ив. Дуриданов. Уточнение на етимологията palātium > palātum ~ palāta pluralis в народнолатинския език. Заета е формата за мн. число във функция на единствено число. Bonōnia > *Budūnia е преход не чрез дисимилация, а чрез народна етимология. Δουρβουλ'ανα е не съвсем точно предаване на *ДЪРВ(Ъ)ЛѢNO.

В тази зона на римския път Montana — Serdica се намира castel(lum) Γομβες, което е съвр. Гъбеш/Губеш и е славянско, тъй като се среща у Procopii. Също и Νωγετο.

Впрочем, на тия проблеми се спира подробно в книгата си «Въпроси на българската етимология» Вл. Георгиев (София, 1957).

Семчинский С. В. (СССР). В. Келару в своем докладе поставил вопросы, решение которых представляется весьма существенным для изучения этногенеза южнославянских народов. Очевидно, следует согласиться с точкой зрения автора, согласно которой славяне уже в эпоху проникновения на Балканы не имели единого языка типа койнэ, а речь отдельных племен характеризовалась известными диалектными различиями, более выраженными, по нашему мнению, в лексике, чем в других внутриязыковых системах. С другой стороны, трудно согласиться с мнением докладчика, отрицающего, что восточнороманско-славянские контакты начались в то же время, когда славяне начали проникать на Балканы, и считающего, что между проникновением, языковыми контактами и их результатами должно было пройти значительное время (от трех до четырех столетий).

Другое замечание касается необходимости более четкого различения этапов развития латинского языка на востоке: восточная латынь— общевосточнороманский язык — общерумынский язык. Далматинский (или вельйотский) необоснованно включают в группу восточнороманских языков. Ал. Филиппиде утверждал, что между румынским и далматинским — целая пропасть, далматинский входит в состав италороманской группы. Кстати, об этнониме «румыны». Конечно, он восходит к латинскому слову, но не следует забывать и о том значении, которое приобрело это слово в Византии — Восточной римской империи. Крымские греки себя тоже называют «румынами».

Наконец, В. Келару трактует фракийский и дако-мизийский как языковое единство. Но акад. Вл. Георгиев предлагает четко отграничивать фракийский от дако-мизийского как два различных, хоть и близкородственных, языка, характеризующихся собственными фонетическими чертами. Подобное разграничение очень важно для решения проблем, поставленных в докладе. Дако-мизийский — это не только субстрат современного румынского, но и язык-основа нынешнего албанского. Именно таким образом объясняются албано-румынские параллели и схождения.

Зеленчук В. С. (СССР). В докладе В. Келару предпринята попытка реконструкции элементов латино-романского происхождения в языке и культуре южных славян. Постановка такого вопроса правомерна и перспективна. Главное внимание уделено субстрату фракийскому и иллирийскому, а также греко-римскому культурному наследию. Следует высоко оценить фонетические данные, приведенные автором,

которые убедительно свидетельствуют о влиянии латино-романских элементов на язык и культуру южных славян.

В вопросе о периодизации влияний мы сталкиваемся с противоречивыми оценками. Имеется тенденция неоправданного расширения в хронологическом плане термина «румыны» путем включения в него понятий «романизованное население» и «волохи». В докладе отмечено, что в VI—VII вв. сложился общерумынский язык, оказавший влияние на расселившихся на Балканах славян. Этот тезис находится в противоречии с общеизвестными фактами существования на Балканах в VI—XII вв. волохов — средневековых народностей, непосредственных предшественников современных восточнороманских народов (румын, молдаван, балканских волохов). При дальнейшей разработке следует разграничивать элементы романские, волошские и румынские. Первые два можно отнести к субстрату, вошедшему в культуру и язык южных славян, третий следует характеризовать как адстрат.

Симеонов Б. (НРБ). Limba română comună на Балканския п-ов в VI в. не съществува. Между латински език на романизираното население на север от Дунава и на юг от Дунава има много големи различия. Например дифтонгът **au** в румънски се пази (aur «злато», Aurel и т. н.), а на юг от Дунава **au** > **a** > **o**: рум. Augusta > Agosta > *Огоста*, aurar > arar, *Арар-ци* и т. н.

Субстратните думи не са проучени все още в български език.

Заимов Й. (НРБ). И. Дуриданов показва славянски имена по Горна Мизия, описани у Прокопий (VI в. н. е.) и твърди, че са свързани с едно от първите заселвания на славяните в Балканските земи. Терминът «славяни» не е сполучлив, тъй като имената говорят, че това са български славяни (до IX—X вв. «словѣнє»). Това установих чрез български географски имена на **-ишт-** от **-itj-**, прилагателни с **-jь** и жителски имена на **-яне.** Към първата група се прибавя и Βρατιτσισῖα у Прокопий от ЛИ *Брат-ица*. Докладчикът го тълкува **Врачища*, но тук е от *Братища* — патронимично име от ЛИ *Брат-ица*, м., и **-ища** от псл. *-itj-.

Така аз нарекох пътя през Тимок — Българска Морава — Вардар и до Пелопонес «път на главното проникване на български славяни на Балканите» и го показах с десетина карти от горните типове.

Според В. Келару, романизацията на Балканите е траяла цяло хилядолетие — от III в. пр. н. е. до VII в. сл. н. е. А през X в. се е образувала българска народност. И двете твърдения са несъстоятелни: балканските славяни не заварват романско или римско население. Латинските думи в южнославянски са заети чрез гръцки. Самото име *влах* е ранна заемка още в праславянски (рус. *волох*, п. włoch, чеш. vlach, бълг., с.-хв. *влах*). Метатизираната форма *влах* е възникнала след IX в. и южносл. **волх* не е известна, което значи, че преди IX в. не може да се говори за влашко население на Балканите. Ако на Балканите е имало хилядолетна романизация, власите не биха приели християнството от България, нито пък щяха да имат за книжовен език българския език — то до XVII в. нямаше да си служат с българската кирилица до средата на XIX в., и нямаше $^4/_5$ от географските имена в Румъния да бъдат от български произход (*Слатина, Снагов, Дъмбовица, Дял, Предял, Търговище* и т. н.).

Туркин В. Н. (СССР). Для себя я выделил доклад С. М. Толстой и Н. И. Толстого по нескольким причинам, в том числе и в связи с тем, что он содержит новые теоретические (лексикологические) и практические (лексикографические) аспекты.

По словнику, структуре словарной статьи, способам семантизации и дефиниции словарь Толстых является пособием нового типа. В нем найдет отражение прогрессивный способ сочетания предметной (этноисторической) информации с лингвистической. По-новому толкуются слова. Это не этимологический, но и не исторический словарь. В нем проводится реконструкция в направлении от корня к слову и, далее, к контексту. Заслуживают одобрения принципы, которых придерживаются авторы: учет парадигматичности и морфологии форм культуры, способности сложных образований разлагаться на простые, повторяемости элементов в сложных образованиях.

Интересно также, что в словаре представлены и язык слов, и язык действий, и язык предметов.

Думаю, что новый словарь мы можем не только приветствовать. Надо создать и необходимые условия для издания словаря славянских народных древностей. В частности, проект словаря необходимо издать в виде брошюры для обсуждения.

Гриценко П. Ю. (СССР). Проектований словник слов'янських старожитностей є принципово новим, завдання його зводиться до інвентаризації основних семіотично значимих компонентів традиційної духовної культури слов'ян, встановлення ієрархії виділених для аналізу елементів та окреслення сфер функціонування цих елементів. Створення такого словника — крок вперед у розвитку теорії й практики реконструкції попередніх етапів розвитку духовної культури слов'ян у її найрізноманітніших виявах. Важливим чинником у правильному доборі й подачі матеріалу є визнання парадигматичного характеру складових частин багатогранної духовної культури, наявності в них знакової функції, повторюваності цієї знакової функції у різних розділах духовної культури одного ареалу або в різних ареалах. Важливе місце у словнику заплановано відвести ареальній та, по можливості, часовій стратиграфії матеріалу; у зв'язку з цим особлива роль належить залученню польового матеріалу, перевірці в експедиційних умовах ступеня збереження семіотичної цінності елементів традиційної духовної культури; польові роботи у цьому напрямку ведуться в одній із архаїчних зон Славії — Поліссі.

Обряд як феномен культури включає кілька ярусів: слово, дійство і предмет, які часто локалізуються у просторі й часі. Синонімічність кодів обряду не виключає, а передбачає їх взаємодію, взаємоузгодження. Різноманітні слов'янські джерела дають багато прикладів узгодження реалемного плану, дійств, з одного боку, і вербальних, словесних компонентів обряду — з другого. При цьому процес узгодження йде не до вихідного семантичного комплексу лексеми, а до тієї семантики, яка є домінантною на час взаємодії цих сторін обряду. Це значно утруднює точне визначення семіотичної цінності компонентів обряду на даному синхронному зрізі та реконструкцію обряду. Значну трудність становить розмежування побутового і обрядового функціону-

вання реалій, дійств. Словник слов'янських старожитностей пролле світло на процеси мотивації, що були типовими кілька століть тому, сприятиме її реконструкції, а звідси — дасть більш надійний матеріал для етимології.

Симеонов Б. (НРБ). В доклада на В. П. Нерознак се прави общ преглед на теориите и хипотезите относно членението и прародината на индоевропейските езици. Основателно иронизира «панкелтската», «панилирийската», «паниталийската» хипотези, но увлечението в «пананатолийската» теза подминава. А и то е само увлечение и мода, която отмина както и предходните в историята.

Карамшоев Д. (СССР). Для бесспорного решения проблем этногенеза славян, их прародины и определения места праславянского в кругу других индоевропейских языков важное значение имеет сравнительное изучение данных индоиранских языков как древнего периода (санскрит, авестийский, согдийский, хотаносакский, хорезмийский, бактрийский), так и их живых потомков. Санскрит и авестийский сыграли выдающуюся роль в установлении древнего праязыкового состояния не только индоиранских, но также и европейских, в том числе и славянских языков. Однако данные живых индоиранских языков не всегда привлекаются славистами. Следует подчеркнуть особое значение для славяноведения памиро-гиндукушского этнолингвистического региона как наиболее архаичного среди других лингвистических регионов индоевропейского языкового мира. Памиро-славянское родство обладает рядом отличительных черт на всех языковых уровнях (как в фонетике и грамматике, так и, особенно, в лексике). Привлечение данных живых памирских и дардских языков может пролить свет на темные до сих пор страницы славистики.

Mihăilă G. (R). В связи с вопросом, поднятым проф. В. С. Зеленчуком по докладу В. Келару, должен уточнить, что название «волохи» — «влахи» является синонимом названия «румыны» (români < < лат. Romani). Общесл. (позднее) *volxъ происходит из герм. Walcha (для обозначения романцев), а оно, в свою очередь,— от названия романизированного кельтского племени Volcae.

Высоко оценивая содержательный доклад проф. А. В. Десницкой, я хотел бы сделать небольшое уточнение, а именно: лат. commater сохранилось в рум. cumătră (с переходом в первый класс склонения имен с основой на **-a**); именно в этой новой форме слово проникло в старославянский язык: **кѫмотра** (первое свидетельство в Клоцовом сборнике). От этой формы женского рода происходит форма мужского рода **кѫмотръ**. Таким образом, она не связана со словом compater, которое дало другой результат в старославянском языке.

Дуриданов И. (НРБ). 1. По докладу В. Келару. Лингвистическим доказательством ранних контактов славян с романским и романизированным населением на Балканском полуострове являются те романские заимствования, которые включились в южнославянское фонетическое развитие до VIII в., например, лат. caminus — болг., серб. *комин*, лат. palātum — др. -болг. **полата** и т. д., свидетельствующие об изменении латинского безударного **а** в **о** на славянской

почве. Переход **а** > **о** возможен только в славянских языках. С другой стороны, очень вероятно, что из славянского очень рано попали в балканороманский отдельные слова, которые изменялись фонетически далее в прарумынском, ср., например, сл. *metъla, рум. mătură, сл. *mŏgūlā (др.-болг. **могыла**) — рум. măgură и т. д. Эти ранние славянские заимствования в румынском являются тоже ценным свидетельством о ранних контактах славян с балканороманским.

2. По докладу А. В. Десницкой. Согласно утверждению автора, хронологические рамки заимствований из балканской языковой среды в восточнославянскую — это вторая половина I и начало II тыс. н. э. Но здесь возможна и более точная хронологизация балканских заимствований вообще на основе фонетических признаков. Так, например, болг. *коледа* (*коляда* не существует), рус. *коляда* и т. д. предполагает др.-болг. **колѧда** от лат. Calendae, причем лат. **а** изменилось в **о**, а лат. **en** — в носовой гласный **ę** и далее в **е**, рус. **я**. Такие слова принадлежат к древнему слою романских заимствований в славянских языках, принятых до VIII в. К позднему слою романских заимствований относятся такие слова, как приведенные в докладе проф. Десницкой рус. *кутья*, укр. *кутя*, белор. *куця*, болг. *кучия* — из виз. (ср.-гр.) κουκκιὰ, потому что здесь **u** сохранилось без изменений на славянской почве. Как хронологическую границу этого позднего слоя (terminus post quem) можно принять начало IX в.

В докладе не поставлена и проблема посредничества. Поясню на одном примере, как я понимаю эту проблему. Др.-болг. **колѧда**, от которого и рус. *коляда*, заимствовано непосредственно из балканороманского, потому что выше указанные фонетические процессы (**а** > >**о**, **en** > **ę**) типично славянские. Но рум. colind, colinde «колядование» и т. д. и алб. kolendër, kolendra «сочельник» и «новогодняя ночь» и т. д. заимствованы не непосредственно из латинского, а из древнеболгарского и далее вошли в словообразовательную систему румынского и албанского языков.

Јашар-Настева О. (Yu). Проф. В. Келару веќе подолго време се занимава со проблематиката на романско-словенските односи воопшто, и посебно от румунско-словенските заемни влијанија. Објавениот реферат во «Romanoslavica» го прочитав со голем интерес и со големо внимание го ислушав и рефератот, кој содржи богат материјал и документација.

Овде би сакала само да укажам на два важни моменти на кои би требало да се обрнува знатно поголемо внимание. Станува збор за терминологијата и хронологијата.

Проф. Келару во својот реферат го употребува терминот le roumain «ромънски» со знатно поширока семантичка супстанца и со нови конотативни вредности, отколку што е тоа вообичаено. Според проф. Келару футурот со «vouloir» и «avoir» е «d'origine roumaine». Од исто потекло е, например, и наставката **-(t)or** (*Дурмитор, Виситор*), додека «les Roumains» се исто што и «Valaques» и сл. На мислење сум дека е веќе апсолутно нужно да се диференцира употребата на низа термини («le roman» / «le roumain», «le daco-roman» / «le daco-roumain» и др.) од оваа проблематика.

Што се однесува до второто прашање, кое е во тесна врска и со првото, исто така би требало, според мене, да се води сметка за стратификацијата на заемките. Овде, не би требало да се губи од предвид факторот време. Имено, ако во случајот на српскохрватскиот и бугарскиот јазик, поновите заемки се од дако-румунскиот, во случајот на македонскиот јазик, станува збор секако за лексички заемки од ароманскиот. Ова би се однесувало и на поновиот слој на заемките, што се интегрирале во говорите на албанското и грчкото население, кое со векови живее во тесна симбиоза со ароманското население на територија на денешна Албанија и Грција.

На крајот би додала дека студијата на неодамна починатиот проф. д-р Б. Настев («Les éléments aroumains dans le macédonien»), која инаку му е позната на проф. Келару, нуди знатно богат материјал отколку што е употребен во случаи кога се зборува за ароманско-македонските јазични контакти.

Многу интересниот реферат на проф. А. В. Десницкаја, познат индоевропеист, балканолог и албанолог, убаво покажа како може и како треба методологишки да се проучуваат резултатите од меѓујазичните контакти и во случаи кога станува збор за два оддалечени ареала, какви што се балканскиот и источнославянскиот.

Проф. Десницкаја за предмет на својата анализа зема примери од една малку проучувана семантичка сфера. Станува збор за религиозната терминологија, т. е. за термини што се во врска со разни култови, ритуали и обреди.

Овој прилог на проф. Десницкаја, како и другите нејзини работи, содржи не само богат илустративен материјал, туку содржи и нови идеи. Тој несомнено поставува на дневен ред нови проблеми, а истовремено отвора и нови перспективи во балканолошките проучувања, сфатени пошироко од балканскиот контекст.

Григорян Э. А. (СССР). Мне хотелось бы отметить лишь значение этнолингвистического словаря славянских древностей, о принципах, задачах и возможностях составления которого говорилось в докладе С. М. Толстой и Н. И. Толстого, для развития этнолингвистического направления в изучении неславянских языковых и культурных древностей как у нас в стране, так и за рубежом.

В связи с этим отнюдь не случаен выбор группы терминов обрядового характера, интересный анализ которой дан в докладе А. В. Десницкой на примере рус. диал. *багáтье, багáч* «огонь», укр. *багаття* «огонь, горящие угли, костер», белор. *багáцце* «огонь», чье балканское происхождение представляется нам убедительным. Интересно сравнить и с арм. *баγáрдж* «новогодний обрядовый хлеб, лепешка», вероятно из нгр. μπογάτζα.

Вечернее заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Mańczak W. (P).— Zagadnienie wspólnoty bałto-słowiańskiej (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 235—243).

Schmalstieg W. (USA) — Morphological considerations of the Balto-Slavic problem (American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September 1983. Vol. 1. Linguistics.— Columbus, Ohio, [1983], p. 269—276).

Ванагас А. П. (СССР) — Проблема балто-славянских языковых отношений в свете балтийских гидронимических лексем (IX Международный съезд славистов.— Вильнюс, 1983, с. 3—31. Препринт).

Boryś W. (P) — Leksyka prasłowiańska a leksyka bałtycka (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 63—71).

Eckert R. (DDR) — Балто-славянская фразеология (Zeitschrift für Slawistik, 1982, Bd27, H.3, S. 332—341).

Непокупний А. П. (СССР) — Слов'янські архаїзми на фоні балтійських мовних систем (Слов'янське мовознавство.— К., 1983, с. 143—159).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Дуриданов И. (НРБ). В своем весьма интересном докладе проф. В. Шмальштиг попытался дать новое объяснение генезиса праславянской формы вин. п. ед. ч. о- и ā-основ, причем как исходные формы берутся балтийские: в литовском для о-основ — **-ǫ** (gãrdą), для ā-основ — тоже **-ǫ** (rañk-ą), в древнепрусском соответственно **-an** для двух основ (tāw-an, rank-an). Для праславянского постулируются формы *gord-uN и *ronk-uN, причем в положении перед гласными ***-u N** перешло в ***-u,** тогда как та же флексия перед согласными изменилась в *-ǫ. Мне хотелось бы указать, что форма винительного падежа единственного числа о-основ в праславянском — *gărdъ (др.-болг. **градъ**) объясняется лучше как результат влияния винительного падежа u-основ — др.-болг. **сынъ** < ие. *sun-um.

Я согласен с утверждением, что определенная форма муж. рода прилагательного в псл. *bosъ-jь не соответствует литовской форме bosòs-jis. Сходство двух форм типологическое, не генетическое. Коллега Шмальштиг хочет видеть в славянском суффиксе **-oš-ь** (в серб. *Милош*, п. długosz, biał-osz) реликт древнего определенного прилагательного литовского типа, именно *mil-os-jь и т. д. Однако надо иметь в виду, что суф. **-ošь** в славянских языках не изолированный, а входит в целую систему -š-суффиксов в сочетании с разными гласными (**е, і, ь, а**): **-ešь, -ašь, -išь, -ьšь,** которые вряд ли можно объяснить из определенных прилагательных литовского типа.

Смолицкая Г. П. (СССР). Доклад А. П. Ванагаса представляет собой шаг вперед в изучении балто-славянских языковых отношений на гидронимическом уровне. Это выражается в том, что А. П. Ванагас выделяет в особую группу гидронимы, образованные от общего балто-славянского лексического пласта (bẽbras — *бобр*, béržas — *береза* и т. п.). Выделение такой апеллятивной лексики дает возможность точнее этимологизировать балтийскую гидронимию и не считать такие гидронимы, как озеро Тростенское, балтизмами, что, к сожалению, встречается в работах известных ученых.

Представляется целесообразным учитывать и другие особенности балтийских гидролексем, например, заимствование их славянским языком. Если какая-то балтийская гидролексема заимствована славянским языком, стала принадлежностью его лексического состава, получила дальнейшее семантическое развитие в этом языке, например в русском, то и гидронимию, образованную от нее русскими, нельзя считать балтийской. Эту гидронимию нельзя учитывать при выявлении ареала расселения балтов, установления его границ. Например, апеллятив *ендова* «сосуд круглой формы» является в русском языке балтийским заимствованием. В русском оно развило значение географического термина «овраг, озеро или низина круглой формы», от которого образовался большой пласт гидронимии: руч. *Ендовской*, овраг *Ендова*, овраг *Ендовой* и др. Эту гидронимию образовали носители славянского языка на основе апеллятива *ендова*, которое они заимствовали из балтийских языков.

Ondruš Š. (ČS). По докладу В. Маньчака. Проблема не в том, что мы не можем определить на основе объективных критериев границу между языком и диалектом. Мы можем называть праславянский язык праславянским диалектом индоевропейского языка и балтийский праязык (если он существовал) — прабалтийским диалектом индоевропейского языка, но проблема балто-славянских генетических отношений не исчезнет. Дело в том, что мы не имеем объективных критериев для точного разграничения генетических континуантов, общих инноваций и вторичных славянизмов в балтийском или балтийских слов в праславянском.

По докладу В. Борыся. Сл. drěkъ генетически не связано с балт. draikas. Слц.-чеш.-ю.-сл. drěkъ — континуант псл. *derkъ с первичным значением «ствол». Генетически псл. *derkъ связано с псл. dr̥k-ol-ь (деривация как stьb-ol-) и псл. *drokъ, с вторичным инфиксом **-n-**: dronkъ > drǫ-kъ, ср. вариант dr̥g-ol-ь : drǫgъ.

Лит. sen- «старый» генетически связано с псл. esen-ь, нем. Ernte и прус. asanis. Генетическое отношение esen- «Herbst» и sen- «alt» соответствует генетическому отношению лат. (ие.) vet- «alt» и лат. autumnus < H_2ewt «Herbst».

Варбот Ж. Ж. (СССР). Изучение фразеологизмов — бесспорно важнейшее направление в праславянской лексикологии, поскольку здесь есть реальные возможности реконструкции праславянского текста. Обращение к балто-славянским соответствиям в значительной степени гарантирует древность исследуемых сочетаний лексем. Бесспорно и значение темы для изучения балто-славянских отношений.

Представляется необходимым некоторое уточнение предложенной Р. Эккертом классификации балто-славянских соответствий в области фразеологизмов. Как признает автор (с. 334—335 доклада), объектом изучения могут быть лишь связанные, устойчивые сочетания лексем. Следовательно, и при классификации их должна учитываться степень связанности компонентов, их отношения. В этом аспекте материал раздела 2.2 (частичные соответствия) неоднороден. В паре лит. medus alus — сл. medъ pivo компоненты сочетаний равноправны с точки зрения связанности, поэтому при различии между балтийским и славян-

ским фразеологизмами по второму компоненту соотношение их в паре может быть определено как частичное соответствие. В паре лтш. dēt dravu — п. dziać barć различие между фразеологизмами касается несвязанных компонентов, но связанные тождественны, что, очевидно, наиболее существенно и приближает этот случай к типу полных генетических соответствий. В паре лит. kópti medų (лтш. kápt medu) — сл. *laziti medъ различны семантически связанные компоненты, являющиеся основой фразеологизмов. Поэтому здесь можно признать лишь тождество семантической схемы — то есть тип отношений у автора доклада 2.3 (типологическое соответствие — ср. лит. kopinėti drevės — рус. *лазить борть*).

Селимски Л. (НРБ). Вопросы к докладчикам Р. Эккерту и В. Борысю: На каком основании п. диал. dziać drzewo и лтш. dēt dravu (dori) можно считать соответствием, а не заимствованием, т. е. калькированием?

Co przemawia na korzyść przypuszczenia, że prasł. **ręka* oraz lit. *ranka* są odpowiednikami? Czy nie mamy do czynienia z zapożyczeniem wyrazu motywowanego na gruncie bałtyckim (jak przypuszczano), który, będąc w pewnym stopniu ekspresywnym (oznaczającym coś w postaci i funkcji graby — narzędzia do zbierania pokłosia), wyparł z użycia rodzimy wyraz prasłowiański?

Балалыкина Э. А. (СССР). В докладе проф. А. П. Непокупного в качестве одного из важнейших критериев определения степени близости балтийских и славянских лексических единиц (в том числе топонимов) указан словообразовательный фактор. Нам представляется, что он не менее важен при рассмотрении особенностей функционирования новообразований в балтийских и славянских языках. Так, например, осложнение заимствованных основ суффиксами ***-no *-(i)sko** при формировании современных адъективов в балтийских и славянских языках позволяет разделить эти языки на четыре группы в зависимости от степени использования того или иного форманта: русский и болгарский, где представлены оба аффикса; чешский и латышский, использующие только ***-(i)sko;** польский, украинский и белорусский, использующие лишь ***-no,** и, наконец, литовский, где также представлены обе морфемы. Однако тенденции в развитии современных словообразовательных типов с вышеприведенными морфемами в русском и литовском диаметрально противоположны по своему содержанию: в русском семантическое переосмысление происходит в направлении **-n- ← -sk-,** в литовском, наоборот, **-sk-← -n-** (типа рус. *демократическая республика*, но *демократичный человек*, лит. demokrãtinė respublika, но demokrãtiškas žmogus). Направление **-n- → -sk-,** видимо, является более древним и позволяет ответить на ряд вопросов, связанных с возможностью осложнения суффиксом **-sk-** отвлеченных основ в славянских языках (хотя этот формант, как известно, употребляется преимущественно с основами конкретного содержания или топонимами). Вполне возможно, что ие. ***-sko** связан генетически с тем ***-ko,** который перевел некогда адъективные *-ŭ-основы в *-o-основы (лит. saldùs, сл. slad-ъk-). Об этом же свидетельствуют и древнерусские варианты типа *низъкыи — низъскыи*; *тяжькыи-тяжьскыи* и т. д. Суф.

-išk- в современном литовском также способен осложнять адъективные основы (например, vidutiniškas).

Вот почему именно **-sk-** перевел заимствованные основы на **-ikos** на славянскую почву и развил столь отвлеченные оттенки в семантике производного прилагательного.

Мартынов В. В. (СССР). Спор о былом существовании или несуществовании балто-славянского языкового единства или балто-славянского праязыка, к сожалению, часто превращается в терминологический спор. Если языковое единство понимать как диалектный континуум, определяющий возможность совместных инноваций, многие лингвисты, считающие себя идейными противниками, становятся единомышленниками. Для такого понимания фактов мы должны научиться разграничивать совместные инновации сравниваемых языков, обязательно предполагающие для этих языков в качестве предшествующего состояния диалектный континуум, и независимые, типологические совпадения на основе структурной и генетической близости.

О. Семереньи, П. Арумаа, Я. Отрембский придавали особое значение балто-славянским словообразовательным инновациям. В докладе на Варшавском съезде и в последующих работах я дал обоснование важности инноваций этого типа и представил свод необходимых фактов в области суффиксальной деривации. В своем очень интересном докладе А. П. Непокупный проинтерпретировал фрагмент префиксальной деривации, инновационный для балтийских и славянских языков. При этом докладчик продемонстрировал бóльшую древность балтийских фактов (лит. užtekëti, užtekëjimas, но стсл. **въстокъ**). Если мы признаем убедительность этих положений, то с необходимостью придем к выводу о развитии праславянского из протобалтийского диалектного континуума — выводу, который, как известно, подкрепляется и рядом других положений.

Еще раз повторяю, говорить о совместных инновациях в языках, не переживавших периода диалектного континуума (если угодно, праязыкового периода), бессмысленно.

Критенко А. П. (СССР). Колега Ф. Славський слушно зауважив, що при аналізі балто-слов'янської мовної єдності не можна ігнорувати тих рис, які підтверджують цю єдність, і навів кілька характерних прикладів. Крім інфінітива і под., можна назвати ще слов'янський датив, що в функціональному плані як дві краплі води схожий на балтійський. Але головне — не треба випускати з уваги лексики: своєю працею покійний Хр. Станг показав значну генетичну спільність між лексикою слов'янською, балтійською і германською, причому балто-слов'янська спільність виявилась більш вагомою.

До балто-слов'янської єдності одні дослідники ставляться позитивно, другі негативно, треті виступають як агностики, а ще інші просто індиферентні в цьому питанні. Але як можна будувати генеалогічну лінгвістику, якою є в першу чергу індоєвропейська, не знаючи, хто кому брат і сестра, хто кому батько і мати? Крім того, балто-слов'янська єдність виявилась досить корисною навіть як робоча гіпотеза!

У своїй доповіді колега А. П. Непокупний обмежився аналізом слів з преф. **по-, на-,** які означають назви поселян, утворених від гід-

ронімів. Але такі утворення не варто відривати від утворень типу *Поро́сся* (від *Рось*), *Посулів* (від *Сула*), *Поділ, Поділля, по́відь*, рос. *паводок* і под. Характерно, що з цим префіксом будуються і деякі назви частин тіла, як укр. *потилиця* (рос. *затылок*), *поперек* (рос. *поясница*). Російський прислівник і прийменник *поперёк*, безумовно,— вторинне утворення.

Мажюлис В. (СССР). Ценным является доклад проф. В. Шмальштига — слависта и лучшего американского балтиста. В докладе по-новому освещается история ряда форм балто-славянского имени существительного и глагола. Прусскую флексию о-основ **-as** (род. п. ед. ч.) автор (подобно А. Вайану) возводит к ***-ā** (=лит. **-o**) + **s**. Однако такое возведение не является обязательным (ср. Н. ван Вейк, Я. Эндзелин): вопрос о происхождении данной флексии целесообразно связать с вопросом о генезисе флексии о-основ (род. п. ед. ч.) типа прус. **(st)-esse** «того» (см. *Mažiulis V.* Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai.— Vilnius, 1970, там же литература). Достоинство доклада в том, что он дает стимулы к дальнейшему изучению истории соответствующих балто-славянских форм.

В докладе А. Ванагаса — лучшего знатока балтийской ономастики — удачно показано значение балтийской гидронимии для исследования определенного аспекта проблемы древнейших балто-славянских языковых отношений.

Весьма оригинальным является доклад проф. Р. Эккерта — известного слависта и лучшего балтиста ГДР. Так же полностью одобряю выводы, которые в своем докладе сделал А. П. Непокупный — прекрасный балтист, успешно продолжающий традиции украинской балтистики, основанной выдающимся украинским ученым акад. Л. А. Булаховским.

Буш О. (СССР). При рассмотрении балто-славянской проблематики представляется целесообразным напомнить о том существенном значении, которое для нее и для проблем этногенеза славян имеют вопросы генеалогического членения балтийских языков, в последние годы вновь ставшие актуальными. Разделяя в целом здоровый скептицизм проф. Р. Летча в отношении точности генеалогических классификаций, мы считаем более существенным разделение балтийских языков не на восточные и западные, а на центральные и периферийные. Очень вероятно, что периферийными окажутся не только прусский и древнекуршский, но также земгальский и селонский. Естественно, что периферийные балтийские языки отличаются большей архаичностью и тем самым должны быть ближе к прабалтославянскому, если таковой когда-либо существовал, или дать больше доказательств его фиктивности, чем даже наиболее консервативный из центральнобалтийских, т. е. литовский. Использование в должной мере данных периферийных балтийских языков весьма затрудняется тем, что все они (кроме прусского) реконструируются почти исключительно по данным ономастики (и менее надежно — диалектологии), но тем большего внимания заслуживает то, что все-таки удается установить.

Понятие периферийных балтийских языков во многом совпадает с понятием западнобалтийских языков. Возможно, что именно пери-

ферийность и архаичность являются основополагающей отличительной чертой последних (отмечено акад. В. Мажюлисом). В таком случае с высказанной на этом съезде интереснейшей гипотезой проф. Д. Брозовича о возможности правосточнобалтийского и празападнобалтийского языков без стадии прабалтийского можно сопоставить другую гипотезу — о существовании прабалтийского и — позднее — правосточнобалтийского без празападнобалтийского, поскольку западнобалтийские языки могут быть прямыми наследниками прабалтийского, подобно тому как по гипотезе Д. Брозовича балтийские, славянские и германские являлись бы прямыми наследниками праиндоевропейского языка.

Дяченко В. Д. (СССР). Антропологическое сопоставление средневековых славян и балтов весьма важно для выяснения их этнической истории. Два основных, общих для этих народов резко европеоидных типа высоколицы, долихокранны, с очень большими продольным и высотным диаметрами черепа, различаются лишь шириной лица — значительной у висло-днепровского типа (большинство групп балтов, славяне Правобережной Украины, ряда районов Белоруссии, Смоленщины, Средней Вислы) и незначительной у днестро-дунайского типа, зафиксированного у аукштайтов и, очевидно, земгалов и целого ряда популяций славян. Оба эти типа свидетельствуют о происхождении и славян, и балтов из восточного ареала носителей культур шнуровых керамик, так как последние в своей массе также принадлежали к этим двум типам, причем узколицый тип располагался в целом несколько южнее (Чехия, Словакия, Польша, Правобережная Украина), а широколицый — севернее (южная и восточная Прибалтика, некоторые районы Верхней Волги). Происхождение этих двух типов (и в первую очередь широколицего) связано с древнейшим населением Средней (в частности, в Чехословакии) и Южной Европы, истоки зафиксированы в раннем мезолите Украины (Васильевка I, Волошское, в меньшей мере — Васильевка III) и позднем мезолите Прибалтики (один из типов могильника Звейниеки, Латвия) и даже, возможно, как верно отмечал И. Гохман,— в позднем палеолите Чехословакии (Пшедмости, Павлов, Дольни Вестоницы). Мнение, что висло-днепровский тип —это тип балтийский по происхождению (зафиксирован у кривичей, радимичей, дреговичей, древлян, западных полян, волынян, восточных славян Среднего Поднестровья, мазовшан), может быть справедливо по отношению к отдельным популяциям на севере очерченного ареала и безусловно неверно по отношению ко всей этой огромной зоне, в южной половине которой преобладала славянская гидронимика.

Характерный для средневековых восточных славян и восточноевропейских финнов европеоидный мезокранный широко- и низколицый полесский тип отмечен (как и его аналог с монголоидной примесью) лишь у некоторых восточных латгалов, имеющих финский субстрат. Распространенный у средневековых славян карпатский, оковский и понтийский типы у западных и центральных балтов не представлены, хотя и могли быть (исключая карпатский тип) у восточных балтов, ассимилированных восточными славянами. Отдельные аналоги индо-днепровскому типу можно найти у аукштайтов Литвы.

Дневное заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Ondruš Š. (ČS) — Typy náslovných konsonantických kombinácií v praslovančine, baltoslovančine a indoeurópčine.

Журавлев В. К. (СССР) — Относительная хронология праславянских процессов по данным внешней и внутренней реконструкции (Славянское языкознание.— М., 1983, с. 120—135).

Булатова Р. В., Дыбо В. А., Зализняк А. А. (СССР) — Теоретические основы праславянского акцентологического словаря (Славянское языкознание.— М., 1983, с. 47—60).

Варбот Ж. Ж. (СССР) — Место основ настоящего времени в системе отглагольного словообразования праславянского языка (Славянское языкознание.— М., 1983, с. 60—76).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Katičić R. (A). Smatram da je u izlaganju prof. V. K. Žuravljova ispravno određena narav glasovnih zakona kao pravilnost koja se utvrđuje a posteriori. Takva pravilnost nosi visok stupanj informacije i po tome ključna. A glasovni zakon svojom formulacijom samom po sebi postavlja granu rodoslovnoga stabla. Relativna kronologija pomoći će pri izboru onih rodoslovnih odnosa koji su relevantni za klasifikaciju čitanih jezika ili govora.

Карпенко Ю. А. (СССР). В трудах современных славистов праславянское состояние оказалось сверхмобильным, меняясь и в пространстве (от Днепра до Дуная), и во времени (от VI в. н. э. до III тыс. до н. э.). Истинность всех этих гипотез остается сомнительной и нуждается в проверке. Хронологическая сторона дела может быть прояснена с помощью относительной хронологии, что, по сути, и показал В. К. Журавлев. Все славянские хронологические процессы, в отличие от фонетических (метатеза, диссимиляция и т. д.), могут быть выстроены в единую временну́ю цепочку, но она остается относительной. Соотнесение ее с абсолютным временем, помимо хорошо установленных экстралингвистических средств (заимствования и др.), возможно двумя путями. Первый из них — это разработка относительной хронологии грамматических изменений, особенно в словоизменении; относительная хронология грамматического уровня весьма перспективна, но специалисты пока ограничиваются фонологическим уровнем. Второй путь — это изучение темпов развития языка в засвидетельствованный памятниками период, установление закономерностей темпа языкового развития и экстраполяция этих закономерностей в доисторию. Здесь обнадеживающим примером может быть лексикостатистика М. Сводеша. Языкознание, в том числе и славистика, нуждается в создании фонетикостатистики и грамматикостатистики (морфологостатистики), которые помогут перенести относительную хронологию языка в абсолютное время.

Чернов В. А. (СССР). Я с большим интересом прослушал доклад В. К. Журавлева. Как и проф. Ю. А. Карпенко, хотел бы высказаться относительно исключений из фонетических законов.

Мне думается, что фонетический закон, пока он действует, исключений не знает. Исключения появляются лишь после прекращения действия закона. Исключениями становятся такие явления, которые имеют своим источником либо аналогию, либо обусловлены действовавшими позднее фонетическими законами.

Примером изменения по аналогии может служить отношение *гръд*: *гърди́* в болгарском языке, отношение, в котором чередование **ръ/ър** наблюдается не на месте [r̥], а на месте сочетания [rǫ] (ср. стсл. **грѫдь** «грудь»). Это отношение возникло по аналогии с отношением *гръм* : *гърмя́*, где **ръ** и **ър** возникли из [r̥] в различных позициях.

Точно так же и все исключения из закона перехода **е** в **о**, действовавшего в древнерусском языке, возникли позднее. Так, рус. [ʒ'е́ркълъ], а не [ʒ'о́ркълъ], потому что [р'] отвердел позднее прекращения действия закона; [л'етъ], [хл'еп], а не [л'отъ], [хл'оп], так как в этих словах современный [е] восходит к древнему [ѣ] и т. п.

Таким образом, исключения из фонетических законов являются достоянием не синхронии, а диахронии.

Birnbaum H. (USA). Мне очень понравился доклад В. К. Журавлева. Мне кажется, что ему удалось показать, как можно разрешить существующие до сих пор значительные парадоксы и противоречия звукового развития праславянского языка. Иначе говоря, мне кажется, что строгое различение разных уровней звукового компонента языка — т. е. фонетического, фонологического и морфонологического — весьма важно. Я также согласен с тем, что сказано в докладе о достижениях младограмматиков, но у меня все же сложилось впечатление, что докладчик и раньше шел и теперь идет по пути покойного Р. О. Якобсона — имею в виду в особенности его классический труд «Remarques».

Flier M. (USA). В разумные формулы проф. Ю. А. Журавлева можно внести некоторые дополнения.

Формулу типа **k** > **č**, конечно, нельзя понять вне времени, потому что ее члены представляют собой два конца длинного фонетического процесса и скорее уже отражают перефонологизацию.

Важно подчеркнуть, что, когда сопоставление двух фонетических процессов обнаруживает относительную хронологию, не обязательно, чтобы первый процесс кончился до того, как второй начался. Например, первая палатализация задненебных, вероятно, занимала относительно большой отрезок времени и проходила с разной степенью интенсивности в зависимости от следующего за задненебным гласного, т. е., вероятно, была более последовательной и интенсивной перед высокими, чем перед низкими, хотя в конце концов осуществлялась перед всеми передними гласными.

Необходимо обратить внимание и на возможное влияние морфологической позиции на фонетические процессы и, в конечном счете, фонологические изменения. На основании диалектных данных всех славянских языков можно показать, что фонетический процесс проходит более последовательно, когда способствующая процессу позиция все время

присутствует, и менее последовательно, когда соответствующий звук находится то перед способствующей позицией, то перед препятствующей. Например, в так называемых нечередующихся позициях фонетический процесс может иметь место без ограничений, в то время как в чередующихся может замедляться. Если фонетический процесс при второй ситуации прекратится, то возможны разные фонологические результаты, например /л/ → [w] не перед гласным в западных говорах восточнославянского ареала и может переосмыслиться как /в/ → [w]. Ср. нечередующуюся позицию в укр. *вовк* < др.-рус. *вълкъ* и чередующуюся позицию в укр. *стіл, стола* < др.-рус. *столъ, стола*. При решении вопроса, почему в украинском языке имеются такие формы, как *дав, дала* < др.-рус. *далъ, дала*, надо учитывать роль грамматической функции и ее морфонологическое выражение.

Симеонов Б. (НРБ). Сатемизацията, според която ие. ***k > k' > s** в славянските езици и ие. ***k > k' > š**, е много по-ранна от първата палатализация. Славянската сатемизация е корелативна с иранската, а балтийската — на староиндийската. Тя е важен делитбен белег между индоевропейските езици.

Преходът на ие. ***ē > a** не е винаги обусловен от постпозицията на **ē** след **ц, ч** и т. д.; **ē > a** е регистриран много по-рано в началословие.

Ларингалите ($ə_1$ $ə_2$ $ə_3$) преди да изчезнат са се смесвали, подобно на смешението на еровите и назални вокали в историята на славянските езици, преди да изчезнат.

Важен момент за хронологията на праславянски имат хуно-булгарските заемки в славянските езици между IV—VI вв., които не носят белезите на праславянски.

Скляренко В. Г. (СССР). На сьогоднішній день жодна з слов'янських мов ще не має своєї історичної акцентології. І одна з причин цього — труднощі щодо реконструкції типу акцентної парадигми кожного праслов'янського слова і самих праслов'янських акцентних парадигм кожного класу слів (насамперед, рухомої). У зв'язку з цим важко переоцінити значення праслов'янського акцентологічного словника. Він стане основою для написання історичних акцентологій усіх слов'янських мов.

На наш погляд, простеження та пояснення дальшого розвитку акцентного типу кожної праслов'янської лексеми в акцентних системах-нащадках не входить у безпосереднє завдання праслов'янського акцентологічного словника. Це, скоріше всього, завдання історичних акцентологій окремих слов'янських мов, у кожному конкретному випадку тієї мови, до якої належить та чи інша акцентна система-нащадок.

З доповіді Р. В. Булатової, В. А. Дибо, А. А. Залізняка не ясно, як широко будуть представлені в словнику погляди попередніх дослідників щодо типу акцентної парадигми кожної розглядуваної праслов'янської лексеми. Хотілося б, щоб ці погляди були представлені якомога ширше, з максимальною повнотою.

Неправомірним ми вважаємо включення до праслов'янського акцентологічного словника слів, які не є праслов'янськими, а являють собою загальнослов'янські церковнослов'янізми (*adъ, *anъgelъ і

т. п.). У зв'язку з цим слід сказати, що автори доповіді назву «праслов'янський акцентологічний словник» вживають поряд з назвою «порівняльно-історичний акцентологічний словник слов'янських мов». На наш погляд, це різного характеру словники. У порівняльно-історичний словник слов'янських мов можуть і повинні бути включені загальнослов'янські церковнослов'янізми типу adъ, anъgelъ і взагалі загальнослов'янські давні запозичення, у праслов'янський акцентологічний словник — тільки праслов'янські за своїм походженням слова.

Выгонная Л. Т. (СССР). Даклад маскоўскіх славістаў адкрывае прынцыпова новыя магчымасці і для лексікалогіі, і для фанетыкі. Здаецца, што мы многа ведаем пра вакалічныя сістэмы ўсіх славянскіх моў і гаворак. Але нашы веды маюць відавочна абмежаваны характар, бо прасадычная інфармацыя заўсёды выкарыстоўваецца недастаткова пры апісанні славянскага вакалізму. Пра акцэнтна-рытмічную структуру фанетычнага слова мы ведаем значна менш. Цяжкасці выкарыстання прасадычных паказчыкаў пры фанетычным апісанні агульнавядомы, але гэта не азначае, што іх можна пакідаць без увагі. Улік нават абмежаваных прасадычных даных істотна ўдакладняе апісанне вакалізму. Так, хаця ва ўсходнеславянскіх мовах націск пераважна вызначаецца працягласцю галоснага, але ў частцы беларускіх гаворак ён у якасці галоўнай акустычнай прыкметы мае рух асноўнага тону на націскным галосным. У гэтых жа гаворках працягласць галоснага з'яўляецца прыкметай не слоўнага націску, а фразы, умоў, у якіх знаходзіцца слова. Праславянскі акцэнталагічны слоўнік будзе вельмі карысным для вызначэння адноснай храналогіі дыялектных фанетычных з'яў у галіне націску.

Хазагеров Т. Г. (СССР). Следует полностью согласиться с мнением докладчиков о том, что классическая реконструкция акцентных типов недостаточна для реализации той капитальной программы исследований, которая намечена в докладе. Следует также согласиться с тем, что к намеченной задаче позволили подойти лишь фундаментальные исследования (Х. Станг, В. А. Дыбо), касающиеся распределения лексем между этими акцентными типами.

Нельзя в то же время считать реконструкцию упомянутых типов завершенной. Особые замечания вызывает, например, dual. Маленький факт: акцентуация «прозрѣста *очѝ*» (Ч. З., 11 об.) при *óчи* (Plural) на той же странице памятника заставляет по-новому смотреть и на такие факты, как *рогà* (ЧЗ), ср. «два *волы*», также *суды*, *весы* и под.

Рабочей (если не окончательной) реконструкции акцентных типов должна предшествовать дискуссия и дополнительная обработка важнейших памятников (русских и словенских).

Ушаков В. Е. (СССР). Создание праславянского акцентологического словаря — одна из актуальных задач современной славистики. Его составление опирается на метод реконструкции акцентных парадигм, широко применяемый в современных исследованиях. Значительный вклад в разработку проблем реконструкции акцентной системы праславянского языка внесен авторами доклада «Теоретические основы праславянского акцентологического словаря».

Наряду с праславянским акцентологическим словарем необходимо составление словарей ударений славянских языков письменной эпохи, построенных на материалах древнейших славянских акцентуированных рукописей. Перед славистами стоит задача выявить акцентуированные памятники в книгохранилищах разных стран и разработать принципы составления акцентологических словарей для древних славянских языков.

Первый опыт создания словаря такого типа представлен в нашей работе «Акцентологический словарь древнерусского языка XIV века» (М., 1982). Словарь составлен на материале четырех старейших древнерусских акцентуированных рукописей XIV в. Такое ограничение источников продиктовано тем, что других акцентуированных памятников древнерусского языка старейшей эпохи пока не выявлено. В названной работе содержатся документальные сведения по истории ударения приблизительно в пяти тысячах древнерусских слов и их словоформ.

Reinhart J. (A). 1. Mně se zdá, že Vaše rekonstrukce slovanského a indoevropského slova pro «zemi» není lehce přijatelná proto, že ve slově **žegti*, lit *degti* máme prostý velár, a ve slově pro «zemi» palatál. Chtěl bych se Vás zeptat, pane profesore (Š. Ondruš), zda-li Vás to neruší?

2. При всем огромном уважении, которое я испытываю к теориям и результатам в области акцентологии, выдвинутым и достигнутым в рамках Московской акцентологической школы, я все-таки вынужден сделать ряд критических замечаний по поводу совместного доклада Р. В. Булатовой, В. А. Дыбо и А. А. Зализняка. С самого начала должен признаться, что мне чужда концепция, довольно распространенная, кстати, среди русских исследователей, реконструкции индоевропейского праязыка на основании молодых, т. е. относительно недавно засвидетельствованных языков, как, например, германских, балтийских и славянских. Само собой разумеется, что в отдельных особенностях грамматической системы могли сохраниться архаизмы. В качестве примера можно сослаться на образование абстрактных существительных, производящей основой которых является прилагательное (ср. črьn-ъ → črьn-ь, *dub- → dъbrь). С другой стороны, что касается реконструкции, например, морфологической системы глагола, то необходимо обратиться к данным самых важных для индоевропеистики языков: индоарийских, древнеиранских и греческого. Это очень важное положение, и я повторяю: реконструкция индоевропейского без ссылки на данные индоиранских и греческого языков неосуществима, и никем не была доказана несостоятельность арийско-греческой теории. Поэтому мне представляется весьма невероятным, что распределение таких древних категорий, как, например, образование разных аористов находит полное объяснение на одном славянском уровне. И еще одно: выбор разных морфем по одной акцентной парадигме является совсем единичным с типологической точки зрения. Посмотрим, например, на распределение тематического и сигматического аористов тематических глаголов по акцентной парадигме **а** и **б**, с одной стороны, и акцентной парадигме **в** — с другой (с. 49 доклада). Если даже

на синхронном уровне такое распределение является верным, то это вряд ли так с исторической, индоевропейской точки зрения. Как известно, распределение различных типов аориста на (пра)индоевропейском уровне зависело от того, к какому виду (способу действия) относилась данная глагольная основа. Исходя из такого принципа, можно объяснить и определенное количество старославянских аористов, но, безусловно, в нем есть немало новообразований. Такой инновацией является, по-видимому, и упомянутое распределение аористов по ак центным парадигмам.

В подходе авторов прослеживается и определенный антиисторизм. На с. 51, со ссылкой на работы Сигалова, утверждается комплементарное распределение инхоативных глаголов на **-ě-** и **-nǫ-**. Если обратиться к данным самого важного языка в этом вопросе, старославянского (напомню результаты Игоря Немца относительно древнечешских данных, где произошло перераспределение этих двух словообразовательных моделей в зависимости от числа слогов производящего прилагательного), то такое распределение не получается. Посмотрим на таблицу на с. 50, тип II: xûdъ (ср. стсл. **нсхоѹдѣтн**), blêdъ (ср. стсл. **блѣдѣтн**), t̂ъlstъ (ср. стсл. **о-**, **оѹтлъстѣтн**), pûstъ (ср. стсл. **за-**, **опоѹстѣтн**). Обратите еще внимание на то, что обратные случаи, т. е. глаголы на **-nǫ-** от этих же прилагательных не известны.

В заключение хочется поблагодарить докладчиков за их многолетнюю кропотливую работу в области славянской акцентологии, одной из самых плодотворных в истории славистики послевоенного периода, и высказать пожелание, чтобы они считались и с результатами индоевропеистики.

Колесов В. В. (СССР). Доклады В. К. Журавлева и Р. В. Булатовой, В. А. Дыбо, А. А. Зализняка представляют результаты многолетней работы и построены на надежных соответствиях, поэтому право докладчиков на исполнение задуманных программ бесспорно. Мы ждем и «Праславянскую грамматику» В. К. Журавлева и акцентологический «свод» коллектива В. А. Дыбо.

Когда 20 лет назад В. К. Журавлев выдвинул свою гипотезу, она была фактом узкой лингвистической дисциплины; сегодня мы имеем уже теорию языковых изменений во всей совокупности единиц, уровней и процессов. Математический аппарат изложения обладает высокой информативностью, поскольку за ним стоят содержательные факты; теперь — в единой цепи изменений — можно не только истолковать факты состоявшихся изменений, но и рассчитывать на научный прогноз. «Парадоксы» современной науки отложились и в нашем случае: «принцип дополнительности» для относительной и абсолютной хронологии, парадигматики и синтагматики, фонетического закона и лингвосоциальной функции и т. д. На новом витке развития науки мы возвращаемся к ее вечным проблемам.

Важность акцентного словаря несомненна. Еще в 1912 г. Л. Васильев говорил об его необходимости, но только сегодня наука в состоянии поставить перед собой эту задачу. Касаясь отдельных технических сложностей, которые возникнут при работе, хотелось бы заметить, что

гнездовой способ размещения материала был бы информативнее и удобнее, ибо он исходит из системы, а не из теории; определять словник по современным этимологическим словарям опасно, ибо именно акцентные критерии переводят некоторые этимологии в разряд мифов; это вообще не словарь, а свод реконструкций; поскольку для авторов не существует в качестве опорного ни одного языка, ни одной системы, ни одного среза,— чтобы не возникло чрезмерно субъективных реконструкций, необходимы списки исключений, вариантов и гипотез; в основе реконструкций должны лежать исторические материалы и всегда должно указываться (специально!) отношение к церковнославянскому корпусу (искусственная норма).

Ondruš Š. (ČS). Нельзя принять мысль В. К. Журавлева, что морфологизация морфемы **-s-** в аористе наступила только после **s** > **ch**.

Допускаемая в докладе Ж. Ж. Варбот связь псл. sǫdъ с глагольной основой **sed-/sod-, sad-** с вторичной назализацией soNd-/saNd- > sǫd — самая вероятная этимология. Я писал об этом в сборнике «Studia Academica Slovaca» (Bratislava, 1981, zv. 8). От основы **sed-/sod-** образовано и старославянское (моравско-паннонское) vъ-sǫdъ «communio» / vъsadati oplatъ vъ usta / vъliti vino vъ usta > vъsǫdъ oplata / vъlitie vina.

Вечернее заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Schuster-Šewc H. (DDR) — Die Ausgliederung der westslawischen Sprachen aus dem Urslawischen unter besonderer Berücksichtigung des Ober- und Niedersorbischen (Lětopis Instituta za serbski ludospyt. K IX. miezynarodnemu kongresej slawistow w Kijewje. September 1983. Co. 29/2, 1982, s. 113—135).

Lieli P. (H) — On the loss of phonetic independence by jery (Hungaro-Slavica.— Budapest, 1983).

Бернштейн С. Б., Гиндин Л. А., Клепикова Г. П. (СССР) — Роль данных «Общекарпатского диалектологического атласа» в изучении языковых и этнических процессов в карпато-балканском ареале (Славянское языкознание.— М., 1983, с. 3—17).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Трофимович К. К. (СССР). Долголетний труд проф. Х. Шустера-Шевца является заметным научным явлением. Если романтики прошлого только провозглашали близкое генетическое родство лужицких и южных сербов, то коллега Шевц его доказывает, опираясь на богатый языковой исторический и археологический материал. Докладчик постулирует и близкое родство серболужицкого и восточнославянских языков (особенно украинского). Не все высказанное докладчиком можно принять безоговорочно, но нельзя некоторые его утверждения отбрасывать только потому, что они ставят под сомнение устоявшиеся представления. Мне кажется, что проф. Шустер-Шевц должен больше

внимания уделить вопросу хронологии явлений. Недостаточно аргументирован перенос изменения **ъ** > **о** в восточнославянских языках в более древний период, чем принято считать. Хронология спирантизации псл. ***g** в славянских языках до сих пор не установлена, поэтому рано делать вывод на основании сходства украинского и верхнелужицкого языков (**g** > **h**) о том, что предки нынешних украинцев и лужицких сербов в отдаленную праславянскую эпоху были близкими соседями. Трудно доказуемым является и тезис о большей близости украинского и сербского (южного), чем украинского и русского языков. Такая концепция высказывалась и раньше, но давно была опровергнута.

Эти и другие наши сомнения ни в коем случае не затрагивают весомости научного труда докладчика в целом. Я убежден, что своими поисками он вносит и внесет большой вклад в научные представления о единстве и дифференцированности праславянского языка, о причинах сходства и различий в развитии отдельных славянских языков.

Коломиец В. Т. (СССР). Хотелось бы сказать несколько слов в развитие основного положения доклада проф. П. Лиели о влиянии качества предшествующего согласного на процесс совпадения псл. **у** (ы) и **i**. Пробным камнем для всякой теории, объясняющей это совпадение, является судьба сочетаний псл. **gy, ky, xy** в языках, сохраняющих (или сохранявших по данным письменных памятников) различие между **у** (ы) и **i**. Такими являются, прежде всего, древнерусский, русский, белорусский и польский. Тот факт, что в русском и белорусском языках гласный **ы** в сочетаниях с предшествующими **г, к, х** слился с **и**, между тем как во всех других условиях сохранился, свидетельствует о решающем значении для этого процесса качества заднеязычных согласных. Однако здесь речь может идти не столько о прогрессивном воздействии заднеязычных согласных на гласный **ы**, сколько об особом месте в структуре языка силлабофонем **gy, ky, xy**, не имеющих мягких (диезных) коррелятов с отсутствующими согласными **g', k', x'**. Более четко о влиянии качества заднеязычных на развитие качества следовавшего за ними гласного **ы** говорят факты древнерусского языка, отмеченные в тексте Киевской летописи XII в. (см. доклад А. С. Мельничука на настоящем съезде). Из этих фактов следует, что процесс перехода **ы** в **i** (и) в древнерусском языке г. Киева наиболее интенсивно протекал после **г**, менее активным он был после **к** и совсем слабо проявлялся после **х**. В этом распределении особенно интересно то, что оно составляет явный параллелизм с состоянием соответствующих звукосочетаний в польском языке, в котором псл. **gy, ky** изменились в **gi, ki** (ginąć, kisły), между тем как **ch** осталось без изменения (chytry). Этот параллелизм говорит о том, что тенденция к влиянию качества предшествующего согласного на качество **у** (ы) была заложена уже в фонетической системе праславянского языка.

Чекмонас В. П. (СССР). Положение об утрате фонемного статуса ***ы** после падения еров, развиваемое докладчиком, и идея о слоговом сингармонизме несовместимы. Ведь при слоговом сингармонизме псл. ***у** не было фонемой (см. работы В. К. Журавлева и В. В. Мартынова).

Несовместимыми также являются такие процессы, как образование праславянских палатальных (в результате так называемых палатализаций и йотаций) и состояние слогового сингармонизма: в рамках его могут возникнуть только палатализованные, но не палатальные согласные. В опубликованном докладе П. Лиели не учтены работы А. Росетти, Е. Петровича, В. К. Журавлева, А. Фурдаля, А. М. Кузнецовой, В. В. Мартынова и В. Н. Чекмана (см. его доклады на VI и VIII съездах славистов).

Критенко А. П. (СССР). Щодо доповіді колеги Х. Шустера-Шевца: я так і не уяснив собі, що таке центр праслов'янської мови, що таке центральні її діалекти. На це місце претендують різні слов'янські мови та їх діалекти — крім серболужицьких, чеські та словацькі, і окремі діалекти польської мови, і деякі діалекти української мови. Очевидно, все це залежить від простору й часу.

Щодо доповіді колеги П. Лієлі. Зникнення єрів — редукованого заднього ряду (з колишнього короткого ŭ) і переднього ряду (з колишнього короткого ĭ) перетворило фонетичну структуру слов'янських мов, зробило в них можливими закриті склади. Різні слов'янські мови у цьому відношенні ведуть себе по-різному. Сучасні слов'янські мови — в різній мірі мови закритих складів, у них спостерігається велика різноманітність складової структури. Найбільше збігу приголосних, очевидно, у польській мові (пор. рос. *пестрый*, укр. *пістрявий* з п. pstry, pstrąg «форель»), але буває й навпаки.

Цікаво і досить показово, що подібний процес перетворення відкритих складів у закриті відбувається в дуже далекій від слов'янського світу японській мові, про що вже писали деякі дослідники, зокрема Є. Д. Поливанов. Сучасна японська мова залишається ще мовою відкритих складів, але не в строгій мірі: короткі ĭ та ŭ тут також схильні до редукції, внаслідок чого можуть поставати закриті склади. Рос. *рубашка* в японській мові звучить rubashika, коротке ĭ в третьому складі, очевидно, близьке до давнього слов'янського ь. Можливо, друс. *рубашька* звучало так, як і в сучасній японській мові.

Взагалі фонетичний розвиток японської мови в багатьох відношеннях аналогічний слов'янському.

Лизанець П. М. (СССР). Доповідь, з якою виступив проф. С. Б. Бернштейн, побудована поки-що на незначному матеріалі — наводиться всього кілька прикладів: *бу́за, колиба, струнга* і *пойата*. Однак аналіз цих прикладів, як нам здається, є глибоким, влучним, цікавим і новим. Він дає підстави для роздумів, нових інтерпретацій, нових етимологій. Як один з членів міжнародної редколегії «Загальнокарпатського діалектологічного атласу» (ЗКДА) я повинен сказати, що колективом досвідчених діалектологів країн карпато-балканського ареалу зібрано дуже багатий і цінний матеріал, але на сьогодні він ще не міг бути узагальнений, бо повністю підготовлено до друку тільки перший том атласу (64 лінгвістичні карти). Проте немає сумніву, що вихід у світ усіх випусків атласу і теоретичне узагальнення всього зібраного матеріалу пролле світло на цілий ряд дуже важливих питань в етногенезі не тільки південних слов'ян, але й слов'ян у цілому. Крім того, матеріал (лексичний і семантичний) атласу дасть мож-

ливість з'ясувати роль слов'ян, і в першу чергу південних слов'ян, в угорському і румунському етногенезі. Безперечно, що вихід у світ усіх випусків атласу не дасть повної відповіді на питання стосовно етногенезу слов'ян; необхідно буде ще глибоко і всесторонньо дослідити також роль неслов'янських і неіндоєвропейських мов (діалектів) карпато-балканського ареалу у слов'янському етногенезі. Цей матеріал для нас також дуже важливий і потрібний. Тільки комплексне вивчення цих питань дасть відповіді на окремі, сьогодні, на нашому з'їзді, ще дискусійні питання щодо етногенезу слов'ян. Досліджувані нами говори дуже важливі в цьому плані, бо карпато-балканський континуум має пряме відношення до становлення, формування і міграції слов'янства. Поряд з вивченням говорів, необхідно глибоко знати й етнічну культуру населення цього регіону, і тут посильну роль повинні зіграти етнографи. Об'єднання зусиль лінгвістів і етнографів дасть новий імпульс у глибокому і всебічному дослідженні цієї важливої наукової проблеми. Тому мені здається, що у доповіді проф. С. Б. Бернштейна занадто категорично сказано про недоцільність укладання комбінованих етнолінгвістичних атласів. На даному етапі, коли методика укладання таких атласів ще детально не розроблена, напевно, не слід спішити з укладанням атласів такого характеру, але нам здається, коли методика буде чітко розроблена (а певні спроби укладання подібних атласів у ряді країн є), то їх не тільки можна, але й потрібно укладати,— я б сказав, що за ними майбутнє. Доцільно було б укласти словник карпато-балканських народних старожитностей, який був би у великій пригоді для науковців різних профілів.

Глибоко наукові висновки можна робити на підставі багатого фактичного матеріалу. Такий матеріал є на картах ЗКДА, однак його треба видати, щоб він був доступний широкому колу науковців, тим більше, що перший том цього атласу уже готовий до друку.

Заимов Й. (НРБ). Мисля, че атласът може да разреши само някои въпроси на езиковите връзки в карпато-балканските земи, тъй като изхожда от съвременните говори, без да държи сметка за миналото състояние на тези говори. За да се допълни картината трябва да се вземат и собствените имена — географски и лични както от сегашни, така и от исторически извори. За етногенезиса на тия земи не може да се разчита на говорите, а главно на ономастиката, която дава сигурни и локализирани данни, докато думите преминават лесно от един говор в друг. Чрез проучване на старинни по строеж имена, а именно с наставките **-ишт-** от псл. ***-itj-**, с **-jь, -яне, -ци** аз показах, че проломът на заселването на българските славяни е поречието на Тимок, Българска Морава, Вардар и на юг до Пелопонес и Западен Крит. Населението се е движело по планинските места, за да избягва допира с византийските гарнизони в равнинните укрепени селища. Откъм Долни Дунав има мелки потоци към Средна и Източна Мизия. От Тимошката област има разселване в Западна Мизия. Откъм Солунската област има разселване към Родопите и Беломорието. Тия резултати са добити чрез картографиране на имена на около 30 карти. До такива изводи, които се подкрепят от исторически извори, не може да се

стигне с проучване на говорите. Думата *колиба* за мене е заета от трак. ***kaliba** / ***kalibu**, което от своя страна е заето от гр. καλύβη. За това говори и запазването на **б**, както при *Ибър, Берое=Боруй* (дн. Стара Загора), *Бартолевица* в Западните Родопи, както и *Пловдив*, заето от тракийски уста, а не от гръцки, тъй като в гръцки се пази и до днес формата Φιλιππούπολις, откъдето е заето късно тур. Filibe.

Семчинский С. В. (СССР). Вопросы этногенеза южнославянских народов теснейшим образом связаны с вопросами этногенеза восточнославянских народов и народностей. В докладе С. Б. Бернштейна, Л. А. Гиндина и Г. П. Клепиковой справедливо указывается на ту роль, которую играют в решении вопроса этногенеза южнославянских народов территории, расположенные к северу от Дуная. В ближайшем будущем предстоит внимательно изучить вопрос о славяно-фракийских языковых отношениях. С этой точки зрения необходимо уточнить представления о фракийском языке. Среди лингвистов до сих пор нет единства по вопросу, являются ли различия между фракийским и дако-мизийским различиями диалектного характера или же это различия между отдельными близкородственными языками. Вот почему исключительный интерес представляют исследования фракийско-балтийских языковых отношений. Решая этот вопрос, необходимо проявлять известную осторожность и не ревизовать без необходимости надежно установленные этимологии, скажем, связывать рум. a pîrî «доносить, клеветать; арх. вызывать в суд» с иранскими, индийскими, умбрскими формами (ср. стсл. **ньрѣтн**, др.-рус *пьря*) или же рум. sîmbră с сингальским sambharaja или же лит. samburis (с **u** долгим!), если нет никаких препятствий для этимона псл. *sębrŭ. По той же причине нельзя согласиться с пересмотром другими авторами этимологий рум. bîlie, dumbravă, a tînji, топонима Bistriţa и т. п.

Что касается славянизмов восточнороманского языка, то здесь тоже есть некоторые дискуссионные вопросы. Многие лингвисты, в том числе и присутствующий здесь Г. Михаилэ, убедительно связывали различную трактовку **ѫ** на восточнороманской почве (un, um; în, îm) с хронологией соответствующих славянских заимствований. В последнее время встречаются попытки возродить мнение, что различная трактовка связана с ареальными различиями. Хотя, как здесь уже утверждалось, в лингвистике возможны различные решения вопросов и все эти решения могут быть признаны правильными, в данном случае разнобой мнений не способствует выработке аргументированных выводов в общей проблеме этногенеза народов данного региона.

Симеонов Б. (НРБ). Одобрявам идеята за Карпатски атлас. Фактите могат да бъдат погледнати и от друга страна, която може да се окаже полезна за славистичната наука.

Думата *колиба* е от гръцки произход. В гръцки е документирана още през VI в. пр. н. е. и се употребява в него. В самия гръцки обаче най-вероятно тя е предгръцка, но не е тракийска или илирийска. В тракийски има Lautverschiebung и там тя би имала форма kalypa (**β > p**). **B=β** е била все още до VI в. Срв. **μεδωουῆνα** славянската дума у хуните от края на IV в., където **v (в)** е предадено чрез **ου**, а не чрез **β**, тъй като то все още не е **-v-**.

За думата poiata аз не съм писал, че тя е от източноромански произход, както твърди авторът на с. 17, заб. 35, а от народнолатински произход (palātum, pl. palāta > др.-болг. полата). През X—XII вв. тази дума е заета от старобългарския в езика на романизираното население (polata), в чийто език интервокалното l, като чуждо, се приема като палатално l > l' и преминава в j. Срв. полѧна > рум. poiană (*A. Rosetti*. Istoria limbii română). Тази дума се презаема отново от планинското славянско население в Западна България, където има значение на «малък, добре защитен палат за хора и добитък, ограден със солидна и висока камена ограда» (виж. *B. Simeonov*. Poiata. Linguistique balkanique.— София, 1966, v. 11, p. 117—118).

Думата *поята* / poiată е продукт на славяно-романския билингвизъм и по произход е народно-латинска — лат. вулг. palata.

Дяченко В. Д. (СССР). В интересном докладе, зачитанном проф. С. Б. Бернштейном, отмечается, что «Карпатский лингвистический атлас» почти не фиксирует в карпато-балканском ареале иллиро-фракийского субстрата. Последний мог быть выявлен более четко при исследовании и картографировании этнографо-лингвистических реалий (работа Н. И. Толстого и его учеников). Антропология вполне реально отмечает фракийский субстрат у большинства современных македонцев и болгар Южной Болгарии; дославянский динарский субстрат преобладает у современных черногорцев и южных боснийцев. Бассейн Южной Моравы, через который шли волны расселения славян на Балканах (начиная с самых ранних), характеризуется меньшим субстратным компонентом (более светлая пигментация волос и особенно глаз современных сербов этого района). Варианты карпатского антропологического типа преобладают у хорватов, многих популяций сербов, а также венгров, северных румын, украинцев Закарпатья и Прикарпатья, польских гуралей, словаков (исключая округ Чадца) и чехов, за исключением северо-восточной Чехии и северо-западной Моравии. Следует отметить, что иллиро-фракийский компонент (в первую очередь варианты карпатского антропологического типа) вошел в состав славян еще до того, как они перешли Дунай и расселились на Балканах.

Ondruš Š. (ČS). 1. Názor prof. H. Schustera-Šewca o genetickom súvise polskej dispalatalizácie **ě** > **a** a záchodobulharskej zmene **ě** > **ia** je neopodstatnený. Štruktúrno-fonetické podmienky sú odlišné, čas je odlišný aj jazyky sú geograficky vzdialené. Rovnako, dispalatalizácia v slovenských nárečiach Gemera (*viara, biali*) nie je geneticke zviazaná ani s polskou, ani s záchodobulharskou dispalatalizáciou, lebo má iné štruktúrne podmienky (v Gemeri je aj zmena *kvoň* > *kvaň, švo* (< *čuo*) > *šva* atď.) a realizovala sa v onom čase.

2. Súhlasím se stanoviskom prof. F. Sławského k úlohám Karpatského jazykového atlasu. Atlas má presne zaznačit geografickú distribúciu a sémantiku slov a tvarov. Etymológia ani etnogenéza nie je úlohou atlasu.

Трубачев О. Н. (СССР). Теоретическая концепция строгости анализа в докладе Ш. Ондруша расходится с такими примерами его этимо-

логической практики, как словен. dežéla «страна», которое он производит от *dhegᵘh- вопреки очевидному происхождению через [dəžewal-l в dežela как графического образа билабиального **w** < **v** — из *dьržava от *dьržati. В. К. Журавлев совершенно справедливо указывает на нелингвистический (а следовательно, менее важный) характер абсолютной хронологии (датировки). В чисто лингвистическом плане встречает возражение отрицание в его докладе стадии **š** в славянском переходе **s** > **x** после **i, u, r, k**. Словарь, предлагаемый в докладе В. А. Дыбо и др., мог бы быть справедливо назван скорее сравнительным, чем праславянским акцентологическим (аналогичное мнение в дискуссии уже высказано В. Г. Скляренко). Доклад Ж. Ж. Варбот демонстрирует важную роль соотносительности глагольных форм в глагольном словообразовании. В дискуссионном выступлении Ю. А. Карпенко неправомерно большие надежды возлагались на точность радиоуглеродной датировки, в которой не уверены и специалисты; нет оснований целиком полагаться и на лексикостатистику Сводеша, особенно уязвим ее тезис о равномерности убывания словарного состава, поскольку он противоречит очевидной неравномерности темпов развития разных языков. Весьма отрадны здравые суждения Станкевича (в дискуссии) против популярной в науке «балтизации» славянской акцентологии, за внутреннюю самостоятельность славянского. В вечернем докладе Х. Шустера-Шевца правильно ставятся вопросы о вторичном приходе серболужицких языков в западнославянский ареал, о внутрилужицких различиях: неверно считать (Д. Брозович, дискуссия), что последние различия носят поздний характер, ср. заключение З. Штибера: «Пралужицкий язык никогда не существовал» (а также мой тезис о вторичной окцидентализации серболужицкого по данным лексики). Возражение В. Маньчака (в дискуссии) против того, что лужичане жили к югу от Карпат (ср. черты их близости с южными славянами) противоречит положению самого Маньчака о том, что территориальное соседство языков выражается также в их большей близости. В докладе С. Б. Бернштейна большое место занял этюд о слове *колиба*, который может быть дополнен из выходящего десятого выпуска «Этимологического словаря славянских языков» сведениями о том, что праславянской формой было *kolyba (ср. диахроническое тождество с *xalupa, которое прошло через фильтр германского языка с передвижением согласных), в конечном счете — из иллир. *kălūbā (в греческом — из иллирийского, ср. наличие β, вместо φ в соответствующей греческой форме).

Дневное заседание 12 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Иванчев С. (НРБ) — Българският език и праславянският (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 17—32).

Hinze F. (DDR) — Der urslawische Anteil am pomoranischen Wortschatz (Zeitschrift für Slawistik.— 1982, Bd 27, H. 3, S. 342—355).

Бернштейн С. Б. (СССР). Проф. С. Иванчев поднял очень важный вопрос. Историки болгарского языка начинают историю от X в. Необходимо обратить серьезное внимание на источники, которые дают возможность изучить более ранний период. Только на этом пути можно получить устойчивые результаты.

Селимски Л. (НРБ). В доклада на С. Иванчев е възприета и се развива с някои нови наблюдения една концепция (защитявана в българското езикознание от И. Леков) за разширена и динамична прародина, относяща се за времето непосредствено преди окончателното разпадане на праславянски език или след първите прояви на това разпадане, като се търсят най-тесните родствени връзки на българския език с други славянски езици. Локализацията на отделните етнични групи в очертаната от него разширена прародина, съответствуваща в общи линии на географското разположение на отделните славянски народности, в което ги заварва историята, не буди съмнение. С. Иванчев излиза от запазилата — благодарение на авторитета на Шахматов — меродавност и до днес хипотеза за извеждане на източните и южните славянски езици от предполагаем общ за двете групи източнославянски макродиалект на праславянски език. Но тая хипотеза е уязвима в някои езиковедски аргументи, особено отнасящи се за явления, свързани с II палатализация, която много учени (Бирнбаум 1956, Щибер 1966, Налепа 1967/1968) с основание отнасят към II половина на I хилядолетие на н. е. А интересното, но нуждаещо се от повече доказателствен материал, изискващо и заслужаващо по-щателна проверка предположение за първоначално по-източно разположение на предците на словенците, т. е. в по-близко съседство с българските славяни, както и предположението за по-тесни родствени връзки между словашки и български, което поддържа С. Иванчев, би могло да се разработва също така и с оглед на една по-нова хипотеза за извеждане на южнославянски езици не от източния, а от западния макродиалект на праславянски език, т. е. от предполаганата въз основа на една нова интерпретация на ликвидната метатеза и на анализ на топографската терминология адриатико-балтийска племенно-диалектна групировка в рамките на праславянска общност (Налепа 1967/1968), при която стават по-понятни и някои българско-полски и българско-севернорски изоглоси. Въз връзка с това би трябвало и при решаването на проблемата за българско-източнославянски отношения да се прокарва граница между стара или генетична общност и по-нови, вторично придобити, културноисторически и общественоисторически обусловлени общи черти и елементи. Така, докато книжовният български език в много отношения стои много близко до книжовния руски език, то народният български в редица отношения стои по-близо до украинския и до белоруския, отколкото до руския. Особено наложителен е такъв диференциран подход към лексикалния материал и към словообразователните средства.

Krajčovič R. (ČS). K nezápadoslavizmom (tzv. juhoslavizmom) treba dodat', že sa koncentrujú na centrálnu oblasť slovenčiny. Sú star-

šie i mladšie. Medzi staršie napríklad patrí **-ral-**, **-lal-**, **-l** za **dl**, **tl**, **s** za **x'**. Medzi mladšie, ale praslovanské patrí napríklad **o** za silný **ъ**. A ten korešponduje s juhobalkánskymi jazykmi — starou bulgarčinou a macedončinou. Takých paralelizmov je viac. Ide napríklad o otvorené **ě** v južných stredoslovenských nárečiach (dnes *viara, miara*), ktoré po diftongizácii **ě** > **ia** motivovalo diftongizáciu **o** > **ua** (*kuaň*). Ale či ide o paralelizmy nezávislé alebo kontaktné či genetické je treba d'alej skúmat'.

Кондрашов Н. А. (СССР). Изучение проблем вычленения отдельных языковых групп из праславянского языка весьма важно. Хронологический перечень и оценка славянских инноваций позднего периода истории праславянского языка должны стать необходимым моментом в нашей науке. Полагаю, что поднятый проф. С. Иванчевым вопрос о болгарско-словацких языковых связях плодотворно развивает работы С. Младенова и И. Лекова. Новым является его указание на движение славянского этноса на северо-запад. Словацкая волна, очевидно, была последней в этом ряду.

Бернштейн С. Б. (СССР). В докладе Ф. Хинце поставлен очень важный вопрос. Древний поморский язык имел тесные связи с тем праславянским диалектом, который лежит в основе южнославянских языков.

Варбот Ж. Ж. (СССР). Введение в сферу историко-этимологического изучения обширных лексических материалов поморских диалектов (в чем большая заслуга принадлежит Ф. Хинце) является благотворным стимулом для решения проблем реконструкции праславянского лексического фонда и его этимологизации. Ср. прогресс в этимологизации названия коромысла, достигнутый благодаря привлечению к исследованию кашуб.-словин. čôrmēsła (и здесь значительный вклад принадлежит автору доклада).

Предложенное автором доклада направление исследования поморской лексики — по соответствиям в лексике других славянских языков — открывает перспективы и для суждения о генезисе поморской лексики, и для изучения диалектного варьирования праславянской лексики.

Основные выводы доклада достаточно убедительны. Но некоторые аспекты и итоги проделанной автором работы, кажется, нуждаются в уточнении.

Судя по индексу рассмотренных лексем, словарный состав славянских языков (и поморский в том числе) исследован пока неравномерно, преобладает материал на начальные **а** — **х**. Поэтому количественные выводы могут быть лишь самыми предварительными.

В некоторых случаях возможно дополнение соответствий, которое изменяет их классификацию: в п. 2.2.1 не учтено вост.-сл. *каркать* (также возводимое к *kr̥kati), в п. 2.2.5 — рус. *блеснуть*.

При установлении межславянских соответствий лексем необходимо учитывать возможность преобразования первоначальной структуры лексемы в некоторых языках. Так, *blěščiti (sę) в п. 2.2.4 является скорее всего преобразованием *blьščati, ср. другие его преобразо-

вания в в.-луж. błyšči ć, н.-луж. błyšćaś, п. błyszczeć, укр. *блищати*. При их учете меняется классификация соответствия.

При характеристике лексических связей поморских диалектов с лексикой других славянских языков полезно было бы дифференцировать их по качеству: преобладание архаичных или актуальных словообразовательных моделей, корней, основ.

Вызывает уважение стремление автора к использованию лишь точных соответствий по структуре. Но в результате абсолютизации этого требования из поля зрения выпадают образования праславянского периода, разошедшиеся благодаря вторичным наращениям-расширениям (типа суф. **-ъkъ, -ьnъ** в прилагательных) уже в истории отдельных славянских языков. За пределами исследования оказываются также явно древние образования от архаичных корней, представленные лишь в нескольких славянских языках (в их числе — в поморских диалектах), но с некоторыми структурными различиями, типа помор. mëzglati — рус. *мозглый*, помор. plëša «сук на дереве» — рус. диал. *плушка* «ветка», чеш. plucha, pluška. Такие соответствия также отражают древнюю лексическую общность некоторых праславянских диалектов и различные связи поморской лексики.

Непокупный А. П. (СССР). В докладе Ф. Хинце используются только апеллятивные данные, на основании которых делается вывод, что в польском языке отсутствует название лебедя *колпь*. Однако если обратиться к данным топонимии, то они показывают, что в прошлом такое слово существовало в польском языке (ср. статью в Baltistica 1966, 2 (1)), поскольку отмечен ряд производных образований от этой формы. Следовательно, без учета данных ономастики невозможно доказывать, так сказать, «теорему несуществования» и на этом основании делать вывод о праславянской части «поморского» словаря. Список праславянских лексем «поморского» должен быть пересмотрен через ономастическую призму.

Критенко А. П. (СССР). Професор Ф. Хінце показав праслов'янську лексику кашубської (поморської, поморанської) мови, якій нема певних відповідників у польській, але є в інших слов'янських — західнослов'янських, південнослов'янських і східнослов'янських мовах. В цілому цікава і переконлива картина.

Однак варто і треба розробляти й інший аспект поморсько-кашубської проблеми: встановлення праслов'янської лексики, що існує в польській мові (і її діалектах), але відсутня в поморських діалектах. При тому стані лексикологічних досліджень (і в першу чергу завдяки титанічній праці Ф. Лоренца над лексикою поморських діалектів) така робота в принципі можлива.

Важливо вивчати тут і фразеологію, спільну для поморських діалектів і інших слов'янських мов. Цікаво вивчати й похідні лексеми типу помор. dobitk «худоба», що відповідає живому болг. *добитък* з тим же значенням.

Подсекция 2.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КИЕВСКОЙ РУСИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ

Утреннее заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Филкова П. (НРБ) — Языковая ситуация в Древней Руси в свете теории билингвизма и диглоссии (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 45—56).

Успенский Б. А. (СССР) — Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка (IX Международный съезд славистов. Доклады.— М., 1983, с. 3—142).

Дограмаджиева Е. (НРБ) — За съотношението между говорима реч и книжовен език в славянските езици през IX—XI вв. (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 57—64).

Klenin E. (USA) — О взаимоотношении древнерусского языка с церковнославянским (на материале Лаврентьевской рукописи «Повести временных лет»): опыт изучения форм винительного падежа местоимения *его* (American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September 1983, Vol. 1. Linguistics.— Columbus, Ohio, [1983], p. 161—170).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Карпенко Ю. А. (СССР). Содержательный доклад П. Филковой требует некоторых терминологических уточнений. Целесообразно соотносить термины «двуязычие» и «диглоссия» как родовой и видовой. *Двуязычие*, т. е. употребление двух языков одним обществом, может иметь три устойчивых формы: 1) *диглоссия* — употребление двух языков, мотивированное не этнически, а функционально; 2) *билингвизм* — двуязычие, поддерживаемое этнически, но не имеющее функционального размежевания; 3) форма, не имеющая пока названия, основывается как на этническом, так и функциональном признаках. В Киевской Руси существовала типическая диглоссия. Аргументы: а) здесь употреблялось два письменных языка, что на нашем съезде хорошо обосновано в докладе В. М. Русановского и В. В. Нимчука и в докладе Б. А. Успенского; б) это двуязычие здесь не имело этнической базы; в) два языка столь четко разграничивались функционально, что их можно сопоставить с современными функциональными стилями: это были языки-стили.

Предложенное понимание древнерусской диглоссии полностью исключает ее превращение в билингвизм (что принимается Б. А. Успенским). Развитие и устранение древнерусской диглоссии — это прежде всего проблема стилистическая. Двуязычие исчезло, по-видимому, из-за взаимопроникновения языков-стилей. Поэтому проведенное

П. Филковой разделение заимствующий язык / язык-источник не обосновано. Оба языка-стиля были заимствующими, они проникали друг в друга, что снижало их возможности стилистического размежевания. Поэтому язык Пушкина, по сути, прежде всего опирался на «третий стиль» — живую устно-разговорную речь.

Горшков А. И. (СССР). Доклады и их обсуждение показывают, что в настоящее время нет единства в понимании не только термина «церковнославянский язык», но и терминов «язык», «литературный язык», «нелитературный язык». Поэтому обсуждение языковой ситуации в Киевской Руси проходит как бы в разных измерениях, которые трудно между собой соотнести. Я рассматриваю вопросы диглоссии и билингвизма в тех же измерениях, что и П. Филкова. Считаю, что основные положения ее доклада справедливы. Добавлю следующее. Литературный язык возникает в процессе функционального преобразования разговорного языка. В самом общем виде это преобразование может быть определено как переход от спонтанно-диалогической к преднамеренно-монологической организации текста. Зачатки такого перехода могли проявляться еще до появления письменности, но в полной мере этот переход был осуществлен в процессе создания первых славянских переводов. В славянском мире появились образцы литературного употребления языка, на которые можно было ориентироваться. Древнерусские авторы и переводчики воспользовались этой возможностью в полной мере. Но ориентация на образец языкового употребления еще не есть заимствование языка. Предстоит разобраться, что представляют собой литературные тексты, созданные в Древней Руси: находим ли мы здесь «иноземный язык» или особую традицию литературного употребления древнерусского языка. Соотношение литературный / разговорный не должно механически подменяться соотношением церковнославянский / древнерусский. Для решения спорных вопросов необходимо обратиться, наконец, к лингвистическому анализу как можно более широкого круга памятников древнерусской литературы. Анализ должен осуществляться, разумеется, не на уровне языковых единиц, а на уровне текста. В итоге должна быть создана типология древнерусских текстов, которая поможет объективно охарактеризовать языковую ситуацию Киевской Руси.

Живов В. М. (СССР). Понятие диглоссии было введено Ч. Фергусоном. В результате его приложения к социолингвистической проблематике (Дж. Фишман) оно приобрело второй смысл: под ним стали понимать не тип языковой ситуации, а определенный ее аспект, а именно, четкую функциональную дифференциацию в употреблении социальных разновидностей языка. Одну из вариаций последнего понимания находим и в докладе П. Филковой.

Если приложение к древнерусской языковой ситуации фергусоновского эталона дает основание для типологических экстраполяций, то применение к этой ситуации построений Дж. Фишмана вряд ли целесообразно. Не представляется возможным заменить социолингвистические данные стилистикой древнерусских текстов. Во-первых, языковые различия разных типов текстов могут иметь нефункциональное объяснение. Во-вторых, разные типы древнерусских (нецерковнсла-

вянских) текстов в плане языка достаточно четко не разграничиваются. Вообще для диглоссии как т и п а языковой ситуации не характерны ни социолингвистическая дифференциация, ни формирование значимых функциональных вариантов в пределах «низкого» языка.

Концепция проф. Филковой основана на ряде необоснованных утверждений. Так, говорится, что «церковнославянский язык постепенно сужал сферу употребления», а в действительности с XI до начала XVIII в. эта сфера расширилась. Утверждается, что в Киевской Руси существовало два литературных языка: древнерусский и церковнославянский. Если с этой точки зрения рассматривать летописи, получается, что в них чередуются два л и т е р а т у р н ы х языка, что не имеет параллели в памятниках данного типа ни в одной культуре. Говорится, наконец, что основная масса средневекового русского населения не имела ясных представлений о церковнославянском языке, но данные берестяных грамот показывают, что обучение книжному чтению было распространено крайне широко (особенности правописания этих грамот могут объясняться как практика письма человека, которого научили читать по-церковнославянски, но не научили писать).

Иванова-Мирчева Д. (НРБ). Докладът на проф. Б. А. Успенски предизвиква много добра, обща положителна оценка. В доклада се дава широка и аргументирана картина на езиковата ситуация в Киевска Русия, като се изтъква специфичната функция на внесения отвън старобългарски език. Що се отнася до наименованието на този език, по моя преценка, като се има пред вид състоянието на палеославистиката в наше време, смятам, че вече не е целесъобразно да се употребява терминът «църковнославянски», тъй като този термин не само увеличава и без това нежелания т е р м и н о л о г и ч е н р а з н о б о й, но и стеснява много ролята на Кирило-Методиевия език, който не е само църковен, но играе много голяма културно-историческа роля. Покойният проф. Ф. П. Филин много целесъобразно беше решил този терминологичен въпрос в своите трудове, отчитайки както етническата му принадлежност, така и международната му функция.

Смятам, че в доклада има съществен пропуск: не се разглежда ролята на внесения отвън литературен език на необходимия исторически фон. На нашия IX. конгрес по славистика има много доклади (на езиковеди, литературоведи и историци), в които много ясно са посочени тесните исторически и културни връзки между българи и руси през този период, на които се дължи и проникването на този език в Киевска Русия. На пленарното заседание по време на откриването на конгреса много правилна постановка от историческа гледна точка се съдържаше в доклада на акад. Рибаков.

Конгресите са повод да си разменим информация по излязлата литература. Позволявам си да препоръчам на докладчика труда на българската историчка на руския език проф. Р. Павлова — Болгарско-русские и русско-болгарские языковые связи (София, 1979). В него, с много голямо познаване на историята на България и на Русия през вековете, и с отлично познаване на езиковия материал и на паметниците се дава осветление на този сложен историко-лингвистичен въпрос. В България трудът на Р. Павлова се цени много.

Чернов В. А. (СССР). Приложение теории диглоссии к языковой ситуации в Древней Руси весьма перспективно. Но эта теория должна учитывать хронологический и качественно-количественный моменты. Ситуация была неоднородной в разные периоды: в X—XI, в XII и тем более в XVII в. Необходима периодизация этого явления.

Пересадка старославянского языка на русскую почву привела к сосуществованию письменного старославянского языка с устными формами русской речи (диалектами, интердиалектами народного творчества) и юридическим языком. Это был период, когда диглоссия действительно имела место. Но как только в сочинениях русских авторов и переводчиков началась русификация старославянского языка и превращение его в церковнославянский, ситуация стала изменяться: письменная старославянская речь наложилась на устные формы фольклорного и юридического языка, возникла письменная форма языка, употребляемая в светской литературе. В религиозной (не конфессиональной) литературе употреблялся церковнославянский язык. Таким образом, находим те же три формы литературного языка, о которых в свое время писал В. В. Виноградов. Языком конфессиональной литературы оставался старославянский (древнеболгарский) язык, несколько подпорченный интерференцией русизмов.

Дальнейшей русификации интенсивно подвергались язык светской литературы и деловой письменности, русификация же старославянского языка сдерживалась постоянной оглядкой на язык литургических книг, и тем не менее она происходила. Рядом с этими письменными языками существовали интердиалектные и диалектные формы устной речи; все они были функционально специализированы. Мне думается, что в отношении Киевской Руси необходимо говорить о ситуации не диглоссии, а полиглоссии.

Павлова Р. (НРБ). Интересные работы профессора Б. Успенского хорошо известны болгарским лингвистам. Они комментируются обычно в положительном плане. Мне думается, что определение языковой ситуации в Киевской Руси как явление диглоссии очень перспективно и плодотворно как с теоретической, так и с практической точек зрения. Будущие конкретные исследования языкового материала, вне всякого сомнения, помогут уточнить некоторые пункты этой интересной теории. Кажется, однако, что некоторые термины следовало бы лучше прецизировать: этнический термин «южнославянское» несколько расплывчатый, так как языковые истории болгар, сербов и хорватов имеют свою специфику, в связи с чем вряд ли правомерно некоторые специфические для древнеболгарского языка особенности определять неясным словом «южнославянское»; в начале доклада понятие литературного языка приравнивается к понятию письменного языка, далее, однако, говорится, что не все письменные тексты можно квалифицировать как литературный язык, поскольку часть их выводится за пределы литературной нормы. Этого противоречия следовало бы избежать.

Ковтун Л. С. (СССР). Характеристика русского литературного языка древнейшего периода в докладах П. Филковой и Б. А. Успенского вполне удовлетворяет. Показана широта его применения, разнообразие видов его использования. Но трудно согласиться с тем, что при изу-

чении проблемы сосуществования двух языков важна лишь проблема происхождения. Аспект осознания языка не менее важен. Пример такого осознания — предисловие Нила Курляпева ко второму переводу Псалтыри Максима Грека (1552 г.), где содержится упрек в том, что митрополит Киприан перевел до того Псалтырь «все по-сербски», а не по-русски. Два литературных языка, конечно, употреблялись функционально, и это, по-видимому, требует особого термина.

В докладе Б. А. Успенского, как мне кажется, сделан излишний упор на школьное образование и на решающее значение появления нормативных грамматик и словарей. Отработка норм шла и задолго до их появления. В докладе выдвинуты даже термины — «пассивная» и «активная» филология. Но эта наука была активной во все периоды (огромное число переводов в древнее время, глоссировка текстов, «начитанность как принцип образованности» (Светла Матхаузерова)).

Решительно не могу согласиться и с тем, что ситуация соотношения двух языков в корне изменилась под воздействием каких-то внешних влияний. Начался процесс формирования национального языка, а этот последний может быть только на народной основе.

Німчук В. В. (СССР). Доповіді П. Філкової та Б. Успенського присвячені актуальній проблемі сучасної славістики, однак суперечка точиться, головним чином, навколо змісту термінів «диглосія» та «білінгвізм». Майже всі учасники нашої дискусії згодні в одному: в Київській Русі функціонували й активно взаємодіяли дві писемні мови — старослов'янська місцевої редакції й давньоруська. При дослідженні проблеми співвідношень старослов'янської (пізніше — церковнослов'янської) та інших слов'янських писемно-літературних мов давньої доби конче необхідно враховувати хронологію, бо ці співвідношення протягом історії мінялися. Філологи Давньої Русі прекрасно знали старослов'янську мову, але усвідомлювали, що вона хоч і дуже близька до їхньої рідної, та все ж таки окрема мова. Про це красномовно свідчить, наприклад, давньоруська глосографія.

П. Філкова твердить, що соціальний престиж старослов'янської мови був вищий, ніж давньоруської, оскільки перша обслуговувала потреби культу. Сакральна мова — своєрідний суспільно-мовний феномен. Вона дуже часто функціонує в певні періоди поруч із високорозвиненими мовами народностей і націй, обслуговуючи релігійні потреби. Незважаючи на те, що в середньовічному суспільстві релігійна ідеологія була панівною, культова мова не могла стояти на вищому суспільному щаблі, ніж, наприклад, мова державної організації, юриспруденції, художньої творчості. До того ж протягом історії спостерігається тенденція до заміни окремої культової мови живими літературними мовами.

Хабургаев Г. А. (СССР). Культурно-языковая ситуация в Киевской Руси типична и специфична для средневековья. Грамотные восточные славяне не воспринимали язык официальной церкви (ср. латынь, арабский и т. д.) как чужой: это была для них книжно-литературная разновидность родного языка. Вопрос о его генезисе был им известен, но осмысливался он как создание книжного языка для всех славян. Эту ситуацию нельзя назвать двуязычием; на

синхронической плоскости она совпадает с восприятием родного литературного языка как носителя диалектной речи. Именно в этом случае и используется в последние годы термин «диглоссия». Только в этой ситуации можно объяснить феномен «делового языка» древнерусского светского права, существовавшего параллельно с монастырским правом.

Цейтлин Р. М. (СССР). В докладе коллеги Е. Дограмаджиевой поставлена очень важная проблема. Вопросы соотношения разговорной речи и книжного языка мало изучены и чрезвычайно важны. Историко-этнические и функциональные особенности старославянского (древнеболгарского) языка в общеславянском плане должны определяться в сравнении с языком церковнославянских рукописей с этнически определенными чертами — древнерусскими, древнечешскими и т. п. Только при таком дифференцированном подходе возможны четкие результаты, существенные как в общеславянском плане, так и для истории отдельных славянских языков.

Необходимо учитывать, что древние славянские письменные языки функционировали в свое время преимущественно в устной форме (проповедь, молитва и т. п.) и воспринимались на слух в различной языковой среде неодинаково, поэтому, например, в древнерусском языке маркированным было *пастырь*, а в древнечешском — *пастоухъ*. Несколько слов относительно терминологии. Коллега Дограмаджиева предлагает этнически определенные церковнославянские рукописи называть «редакциями»: «древнерусская редакция» и т. п. Думаю, что целесообразно сохранить традиционное «извод», так как термин «редакция» употребляется и в другом значении (четыре редакции канонических текстов по Воскресенскому, первая и вторая редакции по Добреву).

Колесов В. В. (СССР). В докладах о диглоссии чувствуется смешение терминов, в связи с чем возникает множество вопросов: литературным языком является только письменный язык? В разговорной речи средневекового города нет «своей диглоссии»? Язык обычного права — не межплеменное образование? «Функция языка» проявляется не в тексте? Именно по своей функции древний письменный текст рассчитан на чтение и устное воспроизведение, т. е. для большинства является устным. Все славянизмы попали к нам через устную речь, если не считать искусственных терминов. Нет ли в докладе Б. Успенского логической ошибки: сначала оппозиция сакральный/язык права, а с XVI в. сакральный/народный язык? Думаю, что при диглоссии существует противоположность эквиполентного, а не привативного типа: положительные признаки есть у общих оппозитов. Доклады стимулируют поиск, их взаимная противоречивость позволит устранить ошибки. Однако социологический аспект проблемы стал яснее, а лингвистически задача не решена.

Парадоксальность выводов коллеги Э. Кленин определяется неверной постановкой задачи и методологической беспомощностью в работе над источниками. Морфологическая проблема не решается на одном списке с разными по составу и происхождению текстами и отстоящем от протографа на несколько столетий. Обманчивая точность статистики

касается не исследуемой категории, а формы написаний. Многие архаические сочетания могли сохраняться лишь благодаря устойчивости ударений (на'нь, то же с н), и тогда то, что автор считает книжным, на самом деле окажется отражением устной речи. Ни одна противоположность, описанная здесь, не является реальной. Я уже не говорю о том, что следует знать литературу вопроса.

Владимирова Л. А. (СССР). Именительный падеж местоимения *и* в древнейших памятниках, как в древнерусских, так и в старославянских, уже не употреблялся. Вместо него обычно фигурировало *онъ*, имевшее и свои косвенные падежи.

Изучение текстов «Повести временных лет» и Суздальской летописи коллегой Э. Кленин показало, что формы ѥго и н конкурируют как в церковнославянском, так и в нецерковнославянском текстах. Возникает вопрос: где наиболее частотны варианты? Ответ на этот вопрос в докладе содержится: во второй части Суздальской летописи (1160—1206 гг.) местоименная форма *его* употребляется намного чаще, чем в остальном тексте, и употребление этой формы не связано ни с употреблением церковнославянских элементов, ни с религиозной тематикой. Следовательно, форма ѥго чаще употребляется, по наблюдению автора, в нецерковнославянском контексте. Если это так, то можно ли считать бесспорным положением, что в «Повести временных лет», а также в первой и в третьей частях Суздальской летописи форма *его* — церковнославянизм?

На небесспорность этого положения указывают факты, достаточно убедительно прозвучавшие в докладе. По наблюдениям проф. Э. Кленин, форма *его* появляется с постепенно возрастающей частотностью в первой — третьей частях Суздальской летописи. Именно этот факт и позволяет не считать бесспорным вывод о том, что форма *его* — церковнославянизм.

Лингвистический анализ памятников древнерусской письменности традиционного содержания позволяет видеть, что наряду с формой н (вин. п) употребляется форма ѥго, но в этих памятниках форма н, которая несомненно является старославянской, все-таки преобладает.

Сосуществование форм н и ѥго как синтаксических эквивалентов в одном и том же памятнике свидетельствует о живом функционировании языка (и письменного тоже!), об активных грамматических процессах в языке.

Известно, что употребление форм родительного падежа в значении винительного (для склонений на *ŏ, *u, *ĭ) было обусловлено развитием категории одушевленности (необходимо было различать формы именительного и винительного падежей, которые совпадали). Общепризнанно также положение о том, что использование родительного падежа вместо винительного опирается на определенные особенности древнерусского (и вообще древнего славянского) синтаксиса, где родительный падеж использовался в функции, близкой к функции винительного,— в значении части объекта и в значении объекта при отрицании.

Поэтому вывод о том, что при употреблении конкурирующих форм *и* и *его* в «Повести временных лет» и в Суздальской летописи форма *его*

является церковнославянской, не может считаться бесспорным и решенным окончательно, тем более, что местоимение 3-го лица (по происхождению указательное местоимение) лишь позднее включается в систему личных местоимений.

Сумникова Т. А. (СССР). Вывод исследования коллеги Э. Кленин об архаичности формы винительного падежа местоимения **ѥго** (по сравнению с формой **н**) и о принадлежности *его* церковнославянскому языку в тексте «Повести временных лет» (Суздальская летопись по списку Лаврентьевской летописи 1377 гг.) очень неожиданный, так как противоречит данным сравнительно-исторического изучения всех славянских языков. Известно, что форма **ѥго** во всех славянских языках более новая, вытеснившая в разных языках в разное время более древнюю форму **н**, омонимичную формам именительного падежа единственного и множественного числа (мужской род) и, кроме того, совпадающую с формой союза *и*.

Подсчеты, проведенные Э. Кленин, на мой взгляд, свидетельствуют ни о чем ином, как о том, что в основе «Повести временных лет» и Суздальской летописи лежат разновременные летописные своды. Иными словами, подсчеты подтверждают лишь вывод текстологов о разновременности лежащих в основе этих летописей источников.

Вечернее заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Мельничук А. С. (СССР) — О языке Киевской летописи XII века (Слов'янське мовознавство.— К., 1983, с. 116—142).

Давидов А. (НРБ) — Взаимодействието между старобългарски и староруски език (върху материал от «Беседи против богомилите» на Презвитер Козма) (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 155—162).

Toth I. H. (H) — К изучению русской редакции старославянского языка (Киевский период). (Hungaro-Slavica.— Budapest, 1983, s. 103—116).

Иванова-Мирчева Д. (НРБ) — Задачи на изучаването на руската редакция на старобългарския език (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 77—83).

Dumitrescu M. (R) — Язык берестяных грамот (Romanoslavica.— Bucureşti, 1983, v. 21, p. 41—47).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Франчук В. Ю. (СССР). У доповіді О. С. Мельничука «Про мову Київського літопису XII ст.» висловлюється цікава думка стосовно того, що укладачі цієї пам'ятки вільно володіли лише власне давньоруською писемною мовою з її вже досить визначеними орфографічни-

ми, граматичними й стилістичними нормами, тимчасом як у своїх спробах використання церковнослов'янської мови вони допускали значні огріхи проти її норм.

Нам уже доводилося відзначати, що Київський літопис видається цілісним твором, мова якого становить своєрідну систему лише на перший погляд. Як вважають дослідники давньоруської літератури, розчленування пам'ятки на її складові частини дозволяє виявити в ній різні типи історичної оповіді, тільки дещо прикрашені книжною фразеологією; рідше трапляються оцерковлені повісті, що тяжіють до житійної манери і знебарвлюють розповідь про дійсні події її шаблонами. Переконливо показав складну будову літопису в праці «Русские летописцы и автор „Слова о полку Игореве"» (М., 1972) Б. О. Рибаков. Його спостереження дають можливість пов'язати окремі фрагменти пам'ятки з певними особами і при дослідженні її мови і стилю.

Виявляється, наприклад, що сюжети церковного і релігійно-філософського змісту здебільшого вніс у Київський літопис його укладач і редактор ігумен Видубицького монастиря Мойсей. У написаних ним фрагментах Мойсей виступає як начитаний книжник, що прекрасно знав Святе письмо і вмів користуватися його текстами та образами. Припускають навіть, що Мойсей володів грецькою мовою і міг звертатися до оригінальних джерел. Поряд з творами цього любителя красномовства в літописі збереглися й записи інших церковників, що значно поступаються вмінням користуватися книжними елементами.

Князевская О. А. (СССР). В докладе А. С. Мельничука представлено рассмотрение графических и фонетических особенностей памятника XII в., сохранившегося до наших дней в списке начала XV в. (в Ипатьевской летописи). К сожалению, в докладе ничего не говорится о графико-орфографических отличительных особенностях текста XII в. от произведений в составе той же рукописи, относящихся к предшествующей и последующей эпохам. Поэтому остается неясным, как докладчик устанавливает особенности письма и языка собственно XII в.

Worth D. (USA). Относительно интересного и содержательного доклада проф. А. С. Мельничука я позволю себе сделать только одно мелкое замечание. В докладе сохранение слабых редуцированных объясняется чисто фонетически, а именно: стремлением избежать «сложных сочетаний трех согласных». Однако дело, кажется, обстоит немного сложнее (даже если отвлечься от сложных проблем, связанных с так называемым вторым южнославянским влиянием, а я не уверен, что мы имеем право это делать). Можно различать по крайней мере три разных типа сохранения слабых редуцированных:

1) тип *тьстя*: здесь не фонетическое, а, скорее, морфонологическое начало, а именно: стремление сохранять более или менее одинаковую форму основы;

2) тип *дъска*: здесь *dъská закономерно развилось в *цка*, которое и до наших дней сохранилось (в специальном смысле), так что сохранение слабого ъ следует отнести к стремлению сохранять известное соотношение между письменной и устной формами основы;

3) тип *Мьстиславъ*: здесь никакого «сложного сочетания» нет и не

было; сочетание [m, s, t] не представляет трудности для русского речевого аппарата. В таких случаях перед нами, вероятно, чисто традиционное написание (тем более, что это имя — княжеское).

Голышенко В. С. (СССР). Проф. И. Тот, как известно, очень плодотворно занимается изданием небольших отрывков и фрагментов древнерусских рукописей XI в., а также изучением их как со стороны языка, так и со стороны графики и орфографии.

В предложенном докладе обращает на себя внимание один из выводов, в котором говорится, что «возникновение древнерусской орфографии свидетельствует и о наличии разных школ, которые возникли в определенных культурных центрах». Вывод слишком прямолинеен и не вытекает из предложенного доклада. На наш взгляд, наука еще не располагает надежным материалом, который дал бы возможность утверждать, что в XI в. на Руси существовали «школы» (надо понимать школы письма или школы писцов?), подобные западноевропейским скрипториям. Думается, что для этого времени скорее всего можно говорить пока еще только об отдельных писцах или о каких-то коллективах писцов, объединенных местом выполнения работы по переписке книг, а не использованием единых правописных приемов. Отдельные писцы могли приобретать навыки переписки книг, совершенствуясь в ходе работы. Необходимо дальнейшее исследование рукописного наследия.

Horálek K. (ČS). Реймсское евангелие состоит из двух частей — кирилловской и глаголической. Глаголическая часть, несомненно, возникла в Пражском Эмаусском монастыре, основанном императором Карлом в середине XIV в. В конце глаголической части находится добавление о происхождении кирилловской части. Автор этого добавления считает, что кирилловскую часть написал аббат Прокоп из Сазавского монастыря, в котором в начале XI в. было возобновлено славянское богослужение. С палеографической точки зрения, кирилловская часть Реймсского евангелия является памятником XI—XII вв. Если допустить, что эта часть была написана в XI в., можно предполагать чешское происхождение рукописи. Графические особенности рукописи (употребление только одного редуцированного **i** > **y**) считались обычно сербизмами (свидетельством сербского происхождения рукописного оригинала кирилловской части Реймсского Евангелия). Однако обе эти особенности можно считать богемизмами. Одноеровая графика отражает состояние языков, в которых обе гласные — **ъ** и **ь** — перешли в **а** (сербский язык) или в **е** (чешский, польский и хорватский языки, а также большинство словацких диалектов). Что же касается **i** > **y**, то происхождение этого фонетического явления ни у кого сомнений не вызывает.

Карпова В. Л. (СССР). Доповідь проф. І. Тота дуже близька до сфери зацікавлень істориків-лексикографів, які розпочали роботу над створенням словника церковнослов'янської мови давньоруської редакції XI—XIII ст. У доповіді і у відомих нам попередніх публікаціях проф. І. Тота дається конкретний лінгвістичний аналіз окремих пам'яток давньоруської редакції. Оскільки пам'яток XI—XIII ст. є майже 2000 і далеко не всі з них описані, такі дослідження дуже важли-

ві для цілеспрямованого добору джерел словника. Ми дотримуємось погляду, що дослідження пам'яток і підготовка словника, тісно між собою пов'язані, мають разом з тим і свої специфічні завдання. Словник треба укладати на обмеженому кількісно каноні пам'яток, інакше він нереальний. Тому ця робота й розпочата, хоч дослідження пам'яток триватиме ще довго. Але кожне нове дослідження кожної нової пам'ятки буде із вдячністю використане при роботі над словником.

Чешко Е. В. (СССР). В докладе проф. Д. Ивановой-Мирчевой поставлена важная для историков древнеболгарского и древнерусского языков проблема исследования памятников церковнославянского языка русской редакции XI—XVII вв., в первую очередь рукописей, непосредственно списанных с болгарских оригиналов. Очень важна поставленная автором задача выяснения тех языковых норм, которыми руководствовались древнерусские книжники, переписывая древнеболгарские тексты. Интересны собственные наблюдения автора, приведшие его к выводу, что рукописи преславской школы подвергались при переписке сознательному редактированию. При этом преславская лексика заменялась кирилло-мефодиевской. Эти наблюдения представляют несомненный интерес для понимания принципов формирования церковнославянского языка: замена локальных языковых явлений общеславянскими или привычными, давно вошедшими в церковнославянский язык.

Книжный язык, созданный солунскими братьями, предназначался для проповеди христианства среди славян и как таковой включил в себя не только некоторые местные особенности солунского диалекта, но, главное, тот общеславянский фонд в лексике и грамматическом строе, который делал богослужебные книги, написанные на этом языке, доступными всем славянам, в частности и западным, куда направились Кирилл и Мефодий проповедовать христианство. В период первого Болгарского царства этот славянский язык вышел за пределы тесных рамок lingua sacra, приняв на себя функцию книжного языка болгарской народности, а также функцию международного книжного языка славянства. Эти функции древнеболгарский книжный язык сохранил и в своем дальнейшем развитии. Та огромная роль, которую сыграла среднеболгарская письменность в период второго южнославянского влияния в истории древнерусской письменности и древнерусского литературного языка, определяется именно тем, что она была носителем не узконационального болгарского языка, а международного языка православного славянства, каким и являлся среднеболгарский книжный язык.

Ковтун Л. С. (СССР). В докладе Д. Ивановой-Мирчевой многосторонне разобран вопрос о значении изучения старославянского языка русской редакции. Доводы докладчика существенны и для болгарского языкознания, и для русистики. Остановлюсь на одном собственно русском аспекте анализа церковнославянских текстов. Они, а не только памятники русского происхождения, важны для изучения процессов сложения норм русского литературного языка. Национальный язык, формирование которого началось в конце XVI—XVII в.,— совсем ино-

го качества, чем язык предшествующего периода, но вместе с тем это и тот же самый язык с его многовековой традицией. Пример того, как древнерусский филолог работал над текстами, содействуя образованию этой традиции,— самый ранний глоссарий славянорусского типа (к Лествице). В заголовке (при второй его редакции XV в.) сказано о словах, которые древние переводчики «не удоволишася преложити на русскии». Следуют глоссы: *пъвание* — дерзновение, *пронырьство* — лукавьство. Мы видим, что одни слова ушли из языка, другие употребляются и в современном языке, получив семантическую разработку. Остановлюсь еще на таком моменте. Обычно, имея дело с церковным текстом, мы уверены в том, что перед нами церковнославянский язык с большим или меньшим числом русских, украинских или белорусских включений. Но есть и такие тексты, язык которых можно считать русским. Это, к примеру, перевод некоторых ветхозаветных книг, осуществленный в Новгороде при составлении свода Геннадиевской библии (1499 г.).

Цейтлин Р. М. (СССР). На сегодняшнем заседании три доклада посвящены изучению церковнославянского языка русского извода. Проблема эта — одна из кардинальных в истории русского литературного языка. Аналогичные вопросы существуют и в изучении других славянских языков. Несомненно, особенности языка так называемых церковнославянских рукописей должны изучаться по изводам (древнерусский, древнечешский и т. п.). Только при таком подходе может быть (в последующем сопоставлении языковых черт каждого извода) решен важный вопрос, был ли церковнославянский язык единым книжным языком древнего славянства или же церковнославянский язык в условиях диглоссии отличался на всех языковых уровнях этнически определенными структурными особенностями. Мы все еще не располагаем достаточными по охвату фактов исследованиями на эту тему.

Изучение восточнославянских по языку рукописей очень важно не только для истории восточнославянских языков. В результате известных трагических событий в истории славянских народов средневековья были утрачены оригиналы многих памятников письменности. Многие не только древнеболгарские, древнесербские, но и древнечешские памятники дошли до нас исключительно или преимущественно в восточнославянских списках. Методика изучения стратиграфии таких рукописей остается недостаточно разработанной. Особенно следует обратить внимание на расширение круга изучаемых рукописей, возможно большее использование неопубликованных источников (издание «Сводного каталога славянских рукописей в СССР» облегчает эту задачу) и публикацию рукописей первостепенного значения.

Ходова К. И. (СССР). Завершая свой доклад, проф. Д. Мирчева высказала соображение о том, что в древнерусских памятниках происходило постепенное вытеснение древнеболгарской лексики преславского происхождения кирилло-мефодиевской лексикой. Специальные исследования могли бы или поддержать, или опровергнуть это мнение проф. Д. Мирчевой. Пока же можно сказать, что в древнерусских памятниках обе лексические волны сливались, соединялись, в результате чего в одних и тех же значениях употреблялись и старей-

шие кирилло-мефодиевские, и более поздние преславские слова. Такое слияние наблюдается еще в собственно преславских памятниках, перешедших на Русь; в древнерусском оно стало еще более заметным, в значительной степени определив повышенную синонимичность древнерусского языка. Слияние двух лексических слоев удобно проследить в памятниках, издания которых снабжены указателями слов. Например, в Хронике Георгия Амартола по списку XIII—XV вв., переведенной на Руси (это издание, подготовленное В. М. Истриным, снабжено и греко-славянским, и славяно-греческим указателями), можно видеть, что синонимические ряды включают и кирилло-мефодиевские и преславские параллели (например, *животъ* и *жизнь*). Такие варианты служили важным источником обогащения древнерусского языка и основой будущего семантического и стилистического расслоения в области лексики. В дальнейшем отсеивание слов шло не по принципу их генезиса; устранялись слова, чуждые восточнославянскому языковому сознанию. Так, исчезло преславское слово *порода* «рай», зафиксированное даже в древнерусских летописях, но исчезло и архаичное *варъ* «зной», пришедшее из кирилло-мефодиевских переводов.

Утреннее заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Király P. (H) — Народ угри и восточные славяне.

Белодед И. К., **Белодед А. И. (СССР)** — Киев и история лингвославистики (Слов'янське мовознавство.— К., 1983, с. 3—16).

Altbauer M., Taube M. (Is) — Sur l'origine de la traduction vieux-russe du livre d'Ester (Israeli Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September 1983.— Jerusalem, 1983).

Цойнска Р. (НРБ) — Към периодизацията на историята на езика (върху материал от български и други езици) (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 135—144).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Rot S. (H). Венгерская славистика, в которой изучение проблем венгерско-славянских культурных и языковых взаимоотношений играло и играет значительную роль, имеет свои традиции и успехи. Однако долгое время из-за ошибочных экстралингвистических позиций (ссылки на Gardizi) игнорировались древнейшие венгерско-восточнославянские языковые контакты, которые, как показали наши изыскания (см. нашу монографию «Венгерско-восточнославянские языковые контакты».— Будапешт, 1973), начались в VII в. на территории Dentu-Mogyeri (Подонья). Проф. П. Кирай, внесший своими работами определенный вклад в комплексное изучение венгерско-восточнославянских взаимоотношений, коснулся в данном докладе ряда важных вопросов этнонимов венгров и угров и, по-моему, решает их правильно.

Как уже показали изыскания З. Гомбоца, Я. Мелиха, И. Книежи и др., этноним «венгр», «Ungar», «Hungarian» и т. п. не восходит к слову ugor, как предполагалось, а отражает тюркское onogur, т. е. подтверждает тот факт, что венгерские племена в VIII ст. в период их жизни на территории нынешних России и Украины входили в союз тюркских племен. Наши изыскания показали, что восточные славяне, а именно вятичи, с которыми венгерские племена контактировали в VII—VIII вв., это onogur восприняли как **ѫгри**, что и стало первично-историческим источником заимствования Ungar, Hungarian и т. д. (Самоназвание венгров Magyar восходит к Mogyeri «сын подлинного народа», ср. манси, мордвин и т. д.). Докладчик прав, когда считает, что венг. lengyen ~ lengyel «поляк» является древнерусизмом. Наши исследования показали, что древнерусизмами, заимствованными венгерским языком в VII—IX вв., является и ряд других лексем, входящих в лексико-семантические микросистемы терминов сельского хозяйства (pelyva, borona, borozda, gerendely и др.), рыболовства (versa, szégye, tanya и др.), названий животных (veréb, kerecset и др.), терминов духовной культуры (család, cseléd, vajda и др.).

Toth I. (H). Корень **оугр** — < *ǫgr < *on(o)gur встречается в разных древнерусских источниках как антропоним с суффиксом **-нн-**: **оугрнинь (монсин, єфрємъ, гєоргин)** и с суффиксом **-ьц-**: **оугръньць** (писец Юрьевского евангелия). Поднимается вопрос, какое значение имеют эти образования: выражают ли они принадлежность к определенной народности или же указывают на подданство (обозначают жителя страны). От решения этих вопросов зависит правильное освещение ранних венгеро-восточнославянских контактов (XI—XIV вв.).

Этноним «венгр» («венгерский») появляется в русском языке как польское заимствование сравнительно поздно. В «Повести о походе Стефана Батория на град Псков» еще употребляется древнерусская по происхождению форма (корень): *оугорский король*; это значит, что в конце XVI в. корня **венгр-** в русском языке еще не было.

Донець Л. С. (СССР). У цікавій доповіді П. Кирая звертається увага на те, що в сучасній угорській мові слово *урус* поширилося не без впливу турецької мови. Хочу звернути увагу на те, що *русичі* завжди називали себе *русичами*: і вдома, і за рубежем, не вдаючись при цьому до синонімів. Пригадаймо слово князя Святослава про те, що «русские срама не имуть...» І коли князь Святослав, точніше його мати Ольга, вибирала собі *оугорку* в жони синові, вона рекомендувалася княгинею *руською*. Коли князь Святослав збирався утвердити своєю столицею Преславу, то він говорить, за свідченням Лаврентіївського літопису, що туди будуть стікатися товари із різних земель, серед інших названа і угорська. Отже, йдеться про найтісніші економічні, культурні, іноді родинні зв'язки між русичами і уграми. Звідси логічним є висновок про те, що поширена нині словоформа *урус* в угорській мові скоріше всього є вторинною за походженням.

Бевзенко С. П. (СССР). Доповідь І. К. Білодіда і О. І. Білодіда, безсумнівно, заслуговує повного схвалення, оскільки в ній досить повно висвітлена роль учених Києва у розвитку лінгвославістики. Проте в ній є досить істотні пропуски, викликані, по-перше, тим, що

основний її автор не встиг викінчити працю, а по-друге, науковою етикою, оскільки основні досягнення української лінгвославістики останніх десятиліть пов'язані з Інститутом мовознавства ім. О. О. Потебні АН УРСР, очолюваного протягом останніх двох десятиліть покійним академіком. Безсумнівно, що основні досягнення українських мовознавців-славістів у вивченні української мови припадають саме на цей період: пор. двотомний «Курс сучасної української літературної мови» (1951), п'ятитомна «Сучасна українська літературна мова» (1969—1973), «Словотвір сучасної української літературної мови» (1978), двотомний «Курс історії української літературної мови» (1958—1961), чотиритомна «Історія української мови» (1978—1983), одинадцятитомний «Словник української мови» (1970—1980), двотомний «Словник староукраїнської мови XIV—XV ст.» (1977—1978) та ряд інших лексикографічних праць, семитомний «Етимологічний словник української мови» (т. 1, 1983), тритомний «Атлас української мови» (ч. I, 1983) та ін., праці з загальнолінгвістичної славістики «Розвиток структури слов'янського речення» (1966) О. С. Мельничука, колективний «Вступ до порівняльно-історичного мовознавства слов'янських мов» (1966) та ін. З істотних випусків старіших праць, виконаних у Києві, необхідно відзначити синтаксичні монографії Є. К. Тимченка, підготовлений під його керівництвом том історичного словника української мови (1930—1932), окремі лінгвістичні праці М. К. Грунського, зокрема про старослов'янську пам'ятку «Київські листки», яка знову привернула увагу українських славістів.

Аниченко В. В. (СССР). Далучаючыся да змястоўнай акрэсленасці праблематыкі, звязанай з прапанаванай Цойнскай Р. (НРБ) агульнай перыядызацыі гісторыі балгарскай мовы, лічым мэтазгодным звярнуць увагу на матэрыял некаторых іншых славянскіх моў, у прыватнасці беларускай, і выказаць уласныя меркаванні па гэтаму пытанню.

Пры вывучэнні гісторыі беларускай мовы істотным момантам з'яўляецца размежаванне як дзвюх раўнапраўных частак — гістарычнай граматыкі і гісторыі літаратурнай мовы. Пры іх перыядызацыі ўлічваецца ўнутраная і знешняя гісторыі, іх спалучэнне і размежаванне ў залежнасці ад моўных ярусаў (узроўняў) як сістэмы. У шэрагу выпадкаў даводзіцца па-рознаму ацэньваць кваліфікацыю і сістэматызацыю фактычнага матэрыялу. Асабліва гэта датычыць найстаражытнага перыяду гісторыі беларускай мовы (гістарычнай граматыкі) пры ўліку адносін асобных парадыгм да жывога народна-размоўнага маўлення.

Вядома, напрыклад, што ў народным асяроддзі ва ўсходніх славян дзеяслоўныя формы аорыста былі страчаны ў XII-XIII ст., а імперфека та яшчэ раней — у XII ст., хаця адны і другія канстатуюцца ў паасобных даволі позніх старабеларускіх помніках. Значыць, парадыгма спражэння гэтых дзеяслоўных катэгорый, змешчаная ў гістарычнай граматыцы беларускай мовы, не мае прынцыповых адносін да перыядызацыі, бо аорыст і імперфект выйшлі з жывога ўжывання на Русі да ўтварэння беларускай мовы. Гэтыя формы неабходна расцэньваць як факт літаратурнай мовы ў пісьменнасці, таму іх

можна ўлічваць пры перыядызацыі гісторыі беларускай літаратурнай мовы.

Далей, праблема перыядызацыі гісторыі беларускай мовы (гістарычнай граматыкі) звязана з устанаўленнем храналогіі паасобных моўных з'яў. Пры вывучэнні гістарычнай марфалогіі беларускай мовы ўвага лінгвістаў канцэнтруецца на парадыгмах скланяльных і спрагальных часцін мовы. Але невядома, да якога часу адносіцца іх сістэма — да старажытнейшага ці пазнейшага. Неясным таксама застаецца пытанне: ў якой меры некаторыя парадыгмы адлюстроўваюць беларускую народна-размоўную стыхію. Скажам, у сістэме спражэння перфекта ў старабеларускі перыяд арфаграфічнай нормай у пісьменнасці юрыдычнага зместу была форма дапаможнага дзеяслова першай асобы адзіночнага ліку *есми (есми писалъ)* замест папярэдняй, адлюстраванай у гістарычнай граматыцы беларускай мовы, формы *есмь*, якая сведчыць, што старабеларуская мова фарміравалася на аснове старажытнарускіх моўных традыцый і мясцовых асаблівасцей.

Са сказанага вынікае, што існуючыя парадыгмы ў курсе гістарычнай граматыкі беларускай мовы неабходна дыферэнцыраваць або ўдасканальваць пры перыядызацыі яе гісторыі з улікам адлюстравання ў іх уласнабеларускіх моўных працэсаў у пісьменнасці.

Демина Е. И. (СССР). В интересном докладе Р. Цойнской предпринята попытка создания «объемной» периодизации истории языка, в данном случае — истории болгарского языка. Эта задача была сформулирована на Варшавском съезде славистов Р. И. Аванесовым. «Объемная» периодизация по Аванесову — это синтез периодизаций истории народного диалектного языка и истории литературного языка, которые, как известно, основаны на разных критериях и хронологически не совпадают между собой. Поэтому «объемную» периодизацию истории русского языка он предлагал строить в терминах исторической периодизации. В докладе Р. Цойнской предлагается социолингвистический подход к решению этой проблемы. В качестве критерия периодизации избирается характер языковой ситуации, точнее — соотношение между разговорной и литературной формами языка на разных исторических этапах его существования.

Сам по себе социолингвистический подход к языковой диахронии, безусловно, можно только приветствовать. На Загребском съезде славистов я пыталась показать, что анализ сдвигов в языковой и историко-культурной ситуации наряду с учетом сдвигов в субстанции и структуре литературных идиомов служит цели выделения исторических типов литературного языка и создания периодизации истории литературного языка. Характер соотношений между разговорной и литературной формами избран в качестве критерия периодизации истории литературного языка донационального периода в работах Д. Мирчевой. Достаточен ли, однако, этот критерий для создания периодизации истории языка в его народно-разговорной и литературной разновидностях, т. е. для решения задачи, поставленной в докладе? Может ли этот критерий подменить собой те важнейшие для периодизации истории языка как истории его системы данные, которые предоставляют историческая грамматика болгарского языка, показывающая процесс постепен-

ной балканизации его строя на пути от аналитизма к синтетизму (и основные этапы на этом пути) и историческая диалектология, призванная выявить историю возникновения, территориальной стратификации и развития болгарских диалектов? Очевидно, предложенный тип периодизации присущ особому предмету исследования, который можно выделить в таком многоаспектном объекте, как язык в его историческом развитии, а именно диахронной социолингвистике. Он не может рассматриваться как синтез периодизаций в рамках других предметов исследования того же объекта, т. е. в рамках истории болгарского языка, с одной стороны, истории болгарского литературного языка — с другой.

Горшков А. И. (СССР). Я согласен с проф. Р. Цойнской, что взаимоотношение литературного и разговорного языка является важным, хотя, конечно, и не единственным моментом для периодизации истории языка. Очевидно, следует вспомнить, что еще И. И. Срезневский в своих «Мыслях об истории русского языка» исходил из соотношения книжного и разговорного языка. 134 года назад он развивал концепцию, которая в наши дни предлагается как концепция «диглоссии». Для истории древнерусского языка очень важно соотношение «литературный — разговорный» не подменять механически соотношением «церковнославянский — древнерусский». В свое время остро дебатировался вопрос об «основе» русского литературного языка, но сам факт существования древнерусского литературного языка с XI в. не подлежал сомнению даже для А. А. Шахматова. Следовательно, для истории древнерусского языка актуально и соотношение древнерусского литературного языка с церковнославянским. Очень актуально определение корпуса памятников того и другого языка. Что касается истории литературного языка, то она не может быть оторвана от истории литературы. На это справедливо указывали, в частности, В. В. Виноградов, Д. С. Лихачев. Необходимо объединение усилий языковедов и литературоведов в разработке этих вопросов.

Вечернее заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Конески Б. (Yu) — Руското јазично влијание врз македонски текстови от XIII и XIV век (Реферати на македонските слависти за IX Меѓународен славистички конгрес во Киев.— Скопје, 1983, с. 25—28).

Witkowski W. (P) — O pochodzeniu wschodniosłowiańskiego superlatywu analitycznego typu **samyi choroszij** (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 455—463).

Reinhart J. M. (A) — Кормчие книги в Киевской Руси и у южных славян (их взаимоотношение в свете лексических данных) (Венские доклады к IX Международному съезду славистов в Киеве.— Вена, 1983, с. 1—80).

Павлова Р. (НРБ) — Некоторые проблемы изучения языковых взаимодействий болгар и русских (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 33—44).

Німчук В. В. (СССР). Питання про відбиття в південнослов'янських пам'ятках елементів східнослов'янської редакції старослов'янської мови постало досить давно, адже коли між народами і їх культурами існують тривалі зв'язки, контакти між відповідними літературними мовами не можуть бути однобічними. Поглиблено досліджуючи тексти, переписані на слов'янському Півдні, проф. Б. Конеський і Р. Павлова виявили нові факти, що мають першорядне значення для розв'язання цієї проблеми. Знаменно, що обидва доповідачі оперують матеріалами з Пролога — книги, що як різновид збірника виникла саме в Київській Русі. Варто нагадати, що КостянтинКостенецький — популяризатор орфографічної реформи Євфімія Тирновського — писав, що в формуванні «слов'янської мови» брало участь багато мов: болгарська, сербська, хорватська, чеська, однак її основою була руська. Ця гіпербола також свідчить про те, що південнослов'янські філологи були добре обізнані з книжно-мовною практикою східних слов'ян і високо її цінували.

Проф. В. Вітковський прагне довести, що аналітичні форми найвищого ступеня порівняння типу *самый хороший* є калькою тюркської, точніше — татарської моделі. Головні його аргументи — порівняно пізня їх фіксація в російських пам'ятках (XVI ст.) і відсутність цього типу поза ареалом східнослов'янських мов — дискусійні. Пізня фіксація певного мовного явища не означає, що воно молоде (деякі праслов'янські слова на окремих територіях засвідчені лише в XX ст.!). Досвід праці над історією лексики й граматики української мови показав, що елементи, котрі мають загальноукраїнський ареал, як правило, дуже давні й формувалися в надрах давньоруської мови чи її діалектів. І ось у крайніх західних українських говірках — закарпатських — широко функціонують специфічні форми суперлятивів типу *самобўлшый, самостáршый* (*самобўлше*), явно споріднені з типом *самый лучший* російської і з *самий більший* розмовної літературної української мови. Ймовірно, що походження зазначених східнослов'янських форм пов'язане з розвитком семантики й функцій слов'янського займенника *самъ* і сполук, в які входило це слово, а не з тюркським впливом. Варто в плані типології вивчити подібні форми найвищого ступеня в мовах різних сімей. Можливо, діє універсальна тенденція до утворення аналогічних типів на основі сполук, у які входять слова із значенням «сам, самый».

Иванова-Мирчева Д. (НРБ). Руското езиково влияние в нашите земи е занимавало много учени. Най-трудно се установяват началните следи на това влияние, което истински се развива в периода на Възраждането и засяга главно националния книжовен (литературен) език през XVIII в. и от средата на XVIII в. нататък.

Затруднена съм в изказването си по доклада на акад. Конески, понеже не можах да се запозная с пълния текст на доклада му, а имам на разположение само краткото експозе и още по-краткото резюме. Към оскъдните сведения за първи следи на руско влияние акад. Конески добавя и евангелието на поп Йован от XIII в.

Ще си позволя някои добавки, които според мене разширяват базата за проучване и могат да послужат за изграждането на по-пълна хипотеза.

Имам пред вид изданието на Врачанското евангелие, среднобългарски паметник от XIII в., което беше изследвано и издадено от акад. Б. Цонев през 1914 г. В него проф. Цонев установява следи от руска подложка, които са от същия вид, просто съвсем еднакви, с онези следи, които намира акад. Конески в евангелието на поп Йован: замяна на «фита» с **Ф** (както е в руски), а не с **Т**, както е в български; няколко руски думи; следи от пълногласие и др. Б. Цонев се затруднява с замяната на **ѫ** с **оу**, тъй като това може да бъде както проява на руска редакция, така и диалектизъм. (Въз основа на тези случаи Б. Цонев е склонен да отнесе Врачанското евангелие към северозападна българска диалектна област, а акад. Бл. Конески — поп Йовановото евангелие, към северна — македонски диалекти).

През 1910 г. акад. Ст. Младенов публикува обширна студия върху т. н. Зайковски требник, от XIII в., намерен в гр. Видин (северозападна България). В този паметник се повтарят същите особености, които говорят за с л е д и от начално руско влияние.

Смятам, че Врачанското евангелие и евангелието на поп Йован трябва да се изследват пълно и последователно с оглед на следите от руско влияние.

Поставям работната хипотеза, че тези евангелия, както и Зайковският требник, (всичките от XIII в., и почти от една и съща област) може би са дело на книжовник-преписвач, от руско потекло или пък с руска школовка.

Павлова Р. (НРБ). Известно, что ранним проникновением русских текстов в южнославянские рукописи обстоятельно занимался акад. М. Н. Сперанский. Значительное количество таких текстов опубликовал проф. Б. Ангелов. Но язык текстов, отражающих русское влияние, изучен совсем мало. Поэтому приятно, когда появляются новые исследования о ранних русизмах в южнославянских рукописях. В докладе Б. Конеского рассмотрены две рукописи — евангелие попа Йована и Станиславов, или Лесновский, пролог. Я не могу согласиться с утверждением докладчика, что он сообщает о двух новых рукописях. Обе они хорошо известны в славистике. Среднеболгарскую рукопись Станиславов пролог в 1901 г. описал Л. Стоянович (рукопись хранится в САНУ в Белграде под № 53), подчеркнув при этом, что первые 68 листов Станиславова пролога имеют черты сербского правописания, остальные листы (их всего 322) — болгарские. То, что в Станиславовом прологе есть русизмы,— не удивительно, так как он содержит житие Бориса и Глеба, житие Ольги, житие Владимира и житие Мстислава. Кроме того, в этой рукописи есть редкий для среднеболгарской письменности стихирь о болгарском царе Петре, сыне Симеона, с именем которого связан золотой век болгарской культуры. Этот золотой век продолжался и при Петре, который, вне всякого сомнения, был книжником и после смерти объявлен церковью святым. Станиславов, или Лесновский, пролог — это рукопись со всеми признаками среднеболгарских рукописей. Вызывает некоторые сомнения и конкретный мате-

риал доклада. Непонятно, почему случаи с переходом ь в е (ь > е) считаются русизмами. Это явление характерно и для болгарского языка. Неясно также, почему шестнѧ — это лексический русизм. Трудно согласиться, что хлѣбъ (вм. глѣбъ) проникло в болгарскую письменность устным путем. Отражение фрикативного г в этом случае встречается и в русских рукописях южного происхождения.

Orzechowska H. (P). Dowodami dla tezy referatu W. Witkowskiego (o tatarskim pochodzeniu tego analitycznego superlatywu) mają być 2 analogie (paralele): 1) socjolingwistyczna i 2) typologiczna.

ad 1) Nieprawdą jest, że «niezwykle szeroki zasięg występowania kategorii gramatycznej stopnia (w bułgarszczyźnie) tłumaczy się... oddziaływaniem na nią języka Turków osmańskich» (s. 458 referatu). Stopniowanie analityczne w języku bułgarskim jest jednym z bałkanizmów i jeżeli przyjmuje się zewnętrzny wpływ na jego powstanie, to raczej wpływ romański. Ale dotyczy on całego podsystemu (comparativus i superlativus), a nie poszczególnych form. Analogia socjolingwistyczna Turcy — Bułgarzy ≈ Tatarzy — Słowianie wschodnie więc nie istnieje.

ad 2) Analogia «typologiczna»: podobieństwo sposobu użycia i znaczenia *samyj* i turko-tatarskiego *äŋ (s. 461) nie jest przekonująca. Całość sposobów stopniowania w bałkańskich językach słowiańskich ma ściślejsze analogie w bliżej spokrewnionych językach, indoeuropejskich (romańskie, grecki i inne), a wschodniosłowiańskie *samyj* — w językach słowiańskich innych grup (sach., pd.). Na to, żeby stwierdzić interferencyjne pochodzenie jakiejś formy lub konstrukcji nie wystarczają powierzchowne analogie socjolingwistyczne i quasi-typologiczne. Trzeba wziąć pod uwagę miejsce badanej formy w całości systemu języka badanego i najbliższych mu genetycznie i typologicznie sąsiednich.

Altbauer M. (Is). Krótka typologiczna uwaga do ciekawych wywodów prof. W. Witkowskiego: w języku hebrajskim tworzy się superlatyw przez dodanie do przymiotnika artykuły definitywnej **ha-** («ta, sama»), jak naprz.:

1. yaffa «piękna»
2. yoter yaffa «więcej piękna»
3. ha-yaffa «najpiękniejsza».

Należy przebadać wszystkie podobne zwroty w Biblii i jej przekładach wschodniosłowiańskich, gdzie niekiedy artykułę definiującą tłumaczy się czasownikiem *самъ*.

Стоянов И. А. (СССР). В изчерпателния доклад на проф. Р. Павлова са набелязани пътищата за решаване на сложния и многоаспектен проблем, свързан с изучаването на българско-руските езикови връзки през средновековието. Правилно се отбелязва като едно от възможните решения например при изследване на българския елемент в източнославянските паметници проучване в сравнителен план на лексикалното им богатство. Да си послужим в рамките на изказването само с един пример. В староруския език, както се вижда от даните на «Материалы для словаря древнерусского языка» (т. 1, с. 1267), се е употребявала думата *комъкати, комкати* със специално значение «комквам» (в речника се дават примери за функционирането ѝ от XI до XVI в.). Материалът показва, че по-късно това значение се поема от глагола

причастити, причастити, имащ по-широк семантичен обем «направя участник; получа; унаследя; овладея; привлека», вследствие на което първата дума постепенно изчезва. Изгубването на каквато и да е следа от нея в съвременните диалекти (вж. «Словарь русских народных говоров») свидетелствува, че думата е била книжовна, заета, функционираща в канонически текстове.

Изворът на тази заемка — без всякакво съмнение — е старобългарският език, от който тя преминава по книжовен път като специален термин, който след няколко столетия се заменя с домашна руска дума *причаститься*, имаща ясна вътрешна форма и употребяваща се до днес. В българския език обаче *комквам* се запазва като единствена дума в литературния език и диалектите за изразяване на понятието, отнасящо се към известния църковен обред. Тя е унаследена от старобългарски, заета там, на свой ред, от гръцки.

При по-специално разглеждане на функционирането и конкуренцията между разглежданите думи в старуски език могат да се открият и уточнят някои нови допълнителни отношения, но този пример е посочен тук само за да илюстрира една съществуваща несъмненна връзка между двата езика в най-старо време.

Щапов Я. Н. (СССР). Доклад проф. Рейнхарта вновь привлекает внимание к проблеме происхождения сербской редакции кормчей книги. Через много десятилетий после работ В. И. Ягича, А. И. Соболевского, А. Белича мы имеем, наконец, новый анализ языка этого памятника, который сделан на уровне современной науки. Интересен вывод докладчика о том, что перевод осуществлен сербом, возможно, самим Саввой, в русском монастыре на Афоне, с чем связаны русизмы в лексике этого перевода. Такой вывод ведет к несколько иной оценке роли Саввы в истории этой кормчей, чем можно было думать прежде. Если перевод всей кормчей (и правил, и Прохирона) одинаков, принадлежит сербу, но сделан в русском монастыре в конце XII в. (время жизни Саввы на Афоне), то он должен быть осуществлен с готовой компиляции, составленной в Византии, причем до 80-х годов XII в., ибо в нее не вошли толкования Вальсамона, получившие широкое распространение в последние десятилетия XII в. Однако, как мы знаем, в сохранившейся византийской письменности сборников-компиляций такого состава нет, а это и вело к заключению о составлении кормчей славянскими афонскими монахами (или самим Саввой) по готовым переводам, выполненным ранее, в XII в., со сборников различного состава.

Важны также для характеристики лексики кормчей глоссы на полях ее списков, объясняющие для сербского читателя чужие слова перевода, в том числе русские «падщерица», «пращур», «отчим». Особый интерес как новый источник для изучения славянской лексики, обозначающей музыкантов и музыкальные инструменты, представляют глоссы к слову *гудьць*, публикуемые в сборнике «Памятники культуры. Новые открытия».

Минчева А. (НРБ). Доклад Й. Райнхарта является очень важным в методологическом отношении: в результате исследования составлен список русизмов, который может быть использован в дальнейшей работе; автор сделал также удачную попытку ответить на вопрос, к какому

этапу истории текста относятся русизмы — к последнему списку, к протографу или к исходному тексту. Так как словарь Дж. Даничича страдает неполнотой, а в словаре И. И. Срезневского много материала из преславских текстов, нужно будет в дальнейших исследованиях привлечь материал из опубликованных словоуказателей и словарей к отдельным памятникам.

Русизмы в тексте евангелия нужно исследовать отдельно, потому что этот вопрос тесно связан с историей и развитием перевода евангелия. Известно, что полный апракос возник на Руси, а с другой стороны, много лексических вариантов связано с техникой перевода. Полезным оказалось бы сравнение с Врачанским евангелием XIII в., в котором впервые зафиксированы следы русского влияния.

Упоминание в синаксарии Ассеманиевого евангелия **свѧщенніе ст҃аго георгіа** не должно обязательно относиться к Киевскому собору, потому что нет указания на Киев. Возможно, что это ранний византийский праздник, который уже находился в византийском календаре, откуда и попал в синаксарии Ассеманиева евангелия.

Демина Е. И. (СССР). Я хочу высказать несколько замечаний, которые возникают в связи с докладом Р. Павловой. Вопрос о влиянии и традиции, о прерывности и непрерывности литературно-языкового развития является очень сложным. Его нельзя решать без предварительного глубокого исследования всего корпуса текстов памятников письменности в их взаимной преемственной связи и соотношениях. Так, например, широко распространенное убеждение о перерыве в развитии болгарского литературного языка, о том, что ряд явлений, не присущих народному болгарскому языку, легшему в основу новоболгарского литературного языка (ср. существительные на **-ние, -ие** и под.), воспринят последним из церковнославянско-русского языка, не учитывает фактов письменности XVII—XVIII вв.— письменности дамаскинов. Язык дамаскинов XVII в. сложился в итоге синтеза выразительных средств народного болгарского языка аналитического строя и традиционного литературного языка синтетического строя. В частности, указанные существительные на **-ние, -ие** входили в норму этого языка. Сохранение выразительных средств традиционного литературного языка в письменности дамаскинов позволяет в целом ряде случаев говорить не о влиянии церковнославянско-русского языка, а о продолжении традиции, о континуитете в истории литературного языка в Болгарии.

Необходимы новые исследования, которые позволили бы отграничить явление церковнославянско-русского влияния на формирование современного болгарского литературного языка от явлений, свидетельствующих о континуитете, о непрерывности болгарской литературно-языковой традиции.

Утреннее заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Младеновић А. (Yu) — Примање руско-словенског језика код Срба у XVIII веку (Зборник за филологију и лингвистику.— Нови Сад (Матица српска), 1982, књ. XXV—2, с. 49—81).

Seeman K. D. (BRD) — Die «Diglossie» und die Systeme der sprachlichen Kommunikation im alten Russland (Slavistische Studien zum IX. internationalen Slavistenkongress in Kiev 1983.— Wien; Köln, 1983, S. 553—561).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Katičić R. (A). Referat profesora Mladenovića bio je osobito zanimljiv sa tri gledišta:

1. Otvorio je dubok uvod u narav diglosije. Pokasalo se u primjeru gdje nastaje nov njezin oblik da ona nije samo pojava stilskih registara nego i pitanje identifikacije s autoritetima.

2. Paralelna je pojava rusifikacija liturgijskih knjiga hrvatske crkvenoslavenske liturgije do koji je došlo pod suprotnim pritiskom. Pri tome su sudjelovali Ukrajinci u Rimu.

3. Reakcija na čitanje ruskoslavenskih tekstova srpskim izgovorom pokazala je koliko se on učinio neobičnim. A zapravo se tu moglo doživjeti da je to liturgijski jezik najvišega autoriteta koji se raznim zemljama izgovara različito, kao latinski.

Ивић П. (Yu). Историја се понавља. Српскословенски језик у своје време настао тиме што је старословенски модификован према српском изговору. Кад је српскословенски у првој половини XVIII в. замењен рускословенским, и он је модификован према српском изговору. Тако је настао језички тип који можемо назвати српском редакцијом рускословенског. Досад је о њему врло мало писано и реферат проф. А. Младеновића је први систематски преглед његових особина. Текст молитзе оченаша, какав се учио у време кад сам ја био дете, садржи илустрације за све феномене које је констатовао референт, и осим тога за декомпозицију меких сугласника испред а (*свјатитсја*), за јотовање л испред **је** < **ѣ** (*хљеб*) и за посебну акцентуацију у облицима који не одговарају српском језичком осећању (*остављáјем*, *лукàвāго*). Ова редакција црквеног језика је пре свега ствар изгогора; тако су настајале и средњовековне редакције. Скроман почетак стварања писмене форме ове редакције представљају предратни молитвеници за школе, у којима су текстови транскрибовани савременом вуковском ћирилицом, што није стварало никакве проблеме, јер се ради о изговору у којем нема фонема непознатих данашњем српскохрватском језику. Било би интересантно чути од бугарских колега како изгледају одговарајуће појаве у њиховој средини.

Давидов А. (НРБ). Преди всичко искам да изкажа дълбокото си задоволство от изнесените доклади — на акад. Бл. Конески, проф. Р. Павлова, проф. Й. Райнхарт и проф. Ал. Младенович. Те са постижение както за своите автори, така и за славистиката.

Основен въпрос в четирите доклада е въпросът за руското влияние, отразено в български и сръбски книжовни паметници — това е въпрос, все още непроучен напълно.

Акад. Бл. Конески разглежда задълбочено руското влияние, отразено във фонетиката, морфологията и лексиката на евангелието на поп Йоан от XIII в. и Станиславовия пролог от 1330 г. В науката за историята на българския език за този период няма много данни (с изключение на Врачанското евангелие и някои др.). В това отношение акад. Конески прави похвален принос. По-нататък трябва да се изясни как е проникнало това влияние — най-вероятно чрез руските монаси на Атон. Имам една бележка по отношение на примера с **капъ** — това е дума, употребявана още в старобългарския период (у Йоан Екзарх). При това тя е от тюркски произход и не би трябвало да се посочва като русизъм.

Проф. Р. Павлова разработва нови положения в методологията и критериите за изследване на староруски писмени паметници като източник за изучаване и обогатяване на историята на българския език. За българите, пък и изобщо за южните славяни, писмените паметници, запазени в руските книгохранилища, са неоценим извор за нашата езикова история. И аз искам от този висок форум на славистите да изразя нашата дълбока благодарност към Русия, към руската наука за това, че руски изследвачи са открили, спасили и запазили за науката огромно количество южнославянски ръкописи и сега ние имаме възможност да ги изучаваме и използуваме.

С голям интерес се запознах с доклада на проф. Райнхарт за източнославянското влияние в старосръбската Кормчая. Особенно ценно е лексикалното проучване, което той прави. В такъв род изследвания е наложително сравнение с данните, които дават речниците на Миклошич, Срезневски, Садник—Айцетмюлер, а също така с речниците на Чехословашката АН и на староруския език, на Даничич. При това обаче е необходимо да се посочи в какъв кръг паметници се среща определена лексема със същата семантика, какви са нейните словопроизводствени и валентни способности, да се види тази дума в лексикалната система на паметника върху контекста на старобългарската, респ. на старосръбската лексика.

Проф. Ал. Младенович, който многократно е показвал своето умение за задълбочен и тънък езиков анализ на старите писмени паметници, и днес изнесе един интересен и добре аргументиран доклад, който заслужи нашето одобрение.

Накрая — за една терминологична неточност. Считам, че не е правилно, когато се говори за писмени паметници от XIII и XIV в., да се определят те като македонски. В този период българският език е единен, независимо от различията, обусловени от диалектната принадлежност на писача, от авторовата специфика и предпочитания и т. н. Няма основания да наричаме отделни паметници от този период според тяхното местонахождение нито македонски, нито тракийски, нито мизийски. Ако даден паметник е създаден в Преслав, или в Охрид, или в Търново, той може да има свои особености, известни езикови различия, но те в никой случай не са такива и в та-

кава степен, че да ни дават основание да говорим за три езика — това е все български език от неговия най-стар период.

Чешко Е. В. (СССР). Еще несколько замечаний по докладу Д. Ворта. Генетический или функционально-генетический подход к изучению проблемы языковых влияний мне представляется неправильным, потому что проблема влияния — это проблема изучения путей проникновения тех или иных языковых явлений в определенную языковую систему, явлений, которых в период, предшествующий данному влиянию, в этой системе не было. Это относится не только к конкретным языковым фактам, но также к определенным тенденциям формирования литературного языка, например тенденции архаизации книжного языка или тенденции формального приближения переводных текстов к греческому оригиналу. Эти две тенденции, отмеченные проф. Д. Вортом как автохтонные в развитии древнерусской письменности XV—XVI вв., определяли развитие среднеболгарского книжного языка XIV в. Благоприятствующие условия исторической жизни Московской Руси могли способствовать восприятию этих тенденций болгарской книжности в развитии церковнославянского языка. В связи с этим хочется подчеркнуть значение богослужебных книг для изучения истории церковнославянского языка, как это утверждала в своем докладе проф. Д. Иванова-Мирчева. Эти книги на первом этапе в большей степени, чем другие, были носителями книжных норм первого письменного языка славян. В дальнейшем в них в наиболее последовательной степени представлены все фазы постепенного уточнения текста, т. е. сознательного редактирования, отражающего свойственное каждому времени представление о точности перевода, который бы обеспечил адекватность понимания священного текста. Развитие книжных норм церковнославянского языка также, в первую очередь, отражалось в этих текстах.

Тарабасова Н. И. (СССР). Проф. К. Зееман поднял вопрос о языковой ситуации средневековья. Проблема языковой ситуации в Московской Руси периода средневековья является чрезвычайно важной. От ее решения зависит трактовка ряда вопросов истории русского литературного языка. Установлено, что для древней Руси было характерно наличие диглоссии, т. е. того состояния, когда два языка (церковнославянский и русский обиходный) воспринимаются и функционируют как один (см., например, доклад Б. А. Успенского «Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка»). Письменность же существовала в двух разновидностях: церковнославянской, в основе своей — культовой, а также «деловой» (своды законов, договоры и под.). Это позволяло говорить о двух функциональных типах письменного языка, которые на протяжении всех веков истории русского литературного языка характеризовались своей противопоставленностью. Эта противопоставленность особенно четко обозначилась в московском приказном языке XVII в. Тяготея к обиходному языку, «деловой» язык оказался малопроницаемым не только для церковнославянского, но и для живых языков. Соотношение «делового» (разных типов деловой письменности) XVII в. и церковнославянского языков в настоящее время разработано слабо.

Говорят, что «деловой» язык не нормирован. Однако наблюдения показывают обратное: в нем существовала определенная система узуальных норм, включающих допустимую вариативность. Эта узуально-нормативная система «делового» языка прослеживается в письменности довольно последовательно.

Решение поднятых вопросов позволило бы в значительной мере определить языковую ситуацию в средневековой Московской Руси.

Живов В. М. (СССР). Мнение проф. К. Зеемана о том, что связь деловых документов с разговорной речью объясняется перформативным характером деловых формул, следует поддержать. Существенно, что автор подчеркивает проблему древнерусской письменности на некнижном языке. Ее существование не объясняется диглоссией — есть ряд диглоссийных языковых коллективов, в которых легальные тексты пишутся на «высоком» языке. На мой взгляд, однако, эта проблема не исчерпывается указанием на перформативность. Легальные кодексы (например, Русская Правда или Устав Ярослава) не обладают перформативностью, но написаны на некнижном языке.

Фиксация русского права на некнижном языке и отсутствие его переводов на церковнославянский обусловлены двумя факторами. Во-первых, еще до принятия христианства право существовало как устный кодифицированный текст; это создавало возможность его немедленной письменной фиксации в период распространения письменности. Во-вторых, юридические нормы в древнем праве существовали не обособленно, а входили в синкретический комплекс религиозно-мифологических и легально-нравственных представлений. Наряду с обычным русским правом в России было известно византийское право в церковнославянском переводе. Конфликт этих двух юридических систем и обусловливает существование легальной литературы на некнижном языке: перевести русское право на книжный язык представлялось невозможным, потому что это придавало бы сакральный статус явно языческому институту. Пока живо было язычество, противопоставление русского и церковнославянско-византийского права вписывалось в оппозицию язычества и христианства. Это отразилось в противопоставленности систем юридической терминологии (ср. работы Б. Г. Унбегауна), например, рус. *головщина, головник* — цсл. **ꙋбиѥство**, **ꙋбиѥца**, рус. *рѣз, наклад* — цсл. **лихва**, рус. *задница* — цсл. **наслѣдие**. В дальнейшем русское право перестало ассоциироваться с язычеством, но к этому времени сложилась прочная привычка к легальным текстам на некнижном языке. Право оказалось вне сферы культурной письменности, что привело к разнообразным последствиям как в развитии юридических институтов, так и в особенностях языковой ситуации.

Судаков Г. В. (СССР). Русская средневековая письменность имела сложный состав, и развитие ее языка совершалось весьма динамично. Языковое оформление повествовательных и художественных текстов зависело от быстро меняющихся политических, религиозных и идеологических течений эпохи (ср. язык художественных текстов XVI в. с его архаическими тенденциями и художественную речь XVII в., заметно сбросившую узы зависимости от традиции).

Отдельные типы деловой речи также в некоторые моменты могли приближаться к книжному языку, а другие типы всегда ему противостояли. В один и тот же период разные процессы происходили в юридической речи Москвы и в правовой документации на местах. Правовые тексты Москвы по языку весьма неодинаковы, даже в области приказной письменности. Язык Уложения 1649 г. с его строгими формулами более архаичен, чем язык царских указов той поры. Зато в наказах воеводам, таможенных грамотах обнаруживается масса местных элементов. Вероятно, в каждом типе деловой письменности существовали свои, но узуальные нормы.

Нужно стремиться прежде всего дифференцировать правовые тексты и деловую речь, изучить каждую разновидность отдельно, а затем обобщить данные и сопоставить деловую речь с другими разновидностями письменной речи Московской Руси.

Филкова П. (НРБ). Доклад проф. К. Зеемана обращает наше внимание на расслоение в составе письменности, в частности в деловом и в речевом узусе. Подобное расслоение наблюдается и в других видах и жанрах древнерусской письменности. Так, жанр «хождений» (например, «Хождение Даниила» и «Хождение Афанасия») показывает, что нормы их языка разные, и определяет их, как это доказал акад. Д. С. Лихачев, содержание произведений. Следует учитывать мысль акад. В. В. Виноградова о том, что в эпоху средневековья функции литературного языка во многих государствах распределялись между двумя языками. Если один язык функционально не обеспечивает всех потребностей жизни общества, закономерно развивается двуязычие.

Донець Л. С. (СССР). Я хотів би звернути увагу проф. К. Зеемана на давньоруське походження «Договорів русичів з греками», де живомовна східнослов'янська стихія є основною, а старослов'янська — вкрапленнями; очевидно, ті договори, що дійшли до нас, не були першими, бо вони мають усталену форму. Безсумнівно, що договори писалися одночасно на двох мовах (давньоруській і давньогрецькій). При цьому широко використувалася традиція давньоруських усних літописів. Існування їх беззаперечно доведено ленінградськими ученими. Протиставляти давньоруську літературну мову старослов'янській не варто. Це було співіснування двох близьких мов. Іларіон не міг виголосити своє «Слово» діловою мовою, це було б не логічно. Ділове письмо позначене високою нормативністю. Формувалося воно на основі живомовних традицій, значна частина давньоруських юридичних термінів спочатку мала язичеське, а потім феодальне семантичне наповнення. Разом з тим семантичні зміни у багатьох випадках незначні (у діловій лексиці).

Павлова Р. (НРБ). Проблемы традиций и влияний требуют серьезного и обстоятельного изучения. Я довольно долго занимаюсь Пандектами Никона Черногорца и могу сказать, что последняя правленая редакция этого большого текста, созданная в Тырновской школе патриарха Евфимия, распространилась среди восточных славян, среди сербов, и именно она стала и длительное время оставалась господствующей: по ней осуществлено печатное издание Пандектов Никона Черногорца в XVIII в. Я знаю и другие тексты: могу сказать, что вто-

рое южнославянское влияние было, и притом не только в сфере языка, оно было общекультурным явлением. Поэтому совсем неубедительно, когда только на основании графико-орфографических особенностей делается вывод о его отсутствии, например, в Прологе. Надо исследовать все языковые уровни и тогда делать выводы. И вообще пора серьезно заняться исследованием текстов, прежде чем строить заключения.

Бокадорова Н. Ю. (СССР). Решение вопроса о языковой ситуации в Киевской Руси должно проводиться с широким привлечением общей теории образования и развития литературных языков, типологии языковых состояний и ситуаций и с учетом закономерностей развития литературно-письменной культуры в целом. Решение этой проблемы лишь на уровне соотношения элементов различных языков (например, стсл. и др.-рус.) в текстах, а также на уровне изучения жанрово-стилистической организации бытовавших на Руси текстов не может дать окончательного ответа на вопрос о реальной картине языковой коммуникации. Нужна общая концепция изучения языковых ситуаций, учитывающая природу литературных языков в донациональный период, принципиальное отличие их стилистической структуры от функционально-стилистической организации литературных языков в национальный период. Особенности литературных языков в Средние века, связанные с дву- и многоязычием, с особенностями строения и бытования литературы и ее строгой жанровой замкнутостью, определяющей жесткий выбор стилистических средств для каждого жанра, были блестяще описаны в работах акад. В. В. Виноградова и акад. Д. С. Лихачева.

Представляется чрезвычайно важным для современной науки о литературных языках синтезировать достижения современной социолингвистики в области изучения типологии языковых ситуаций и состояний и результаты, полученные в итоге многочисленных исследований в области истории литературных языков (германских, романских, славянских и ряда др.). К сожалению, история литературных языков как отдельная дисциплина не располагает в настоящее время богатым материалом для типологических обобщений, так как для большинства языков, характеризующихся высоким уровнем литературно-письменной культуры в истории и современном состоянии, не воссоздана еще их систематическая история, в отличие от истории их структуры. Более того, в настоящее время не разработаны и практически не могут применяться как последовательные операциональные термины такие понятия, как «литературный язык» в его соотношении с «литературой» в разные исторические эпохи, «литературный язык» и «деловой язык», «книжный язык» и «литературный язык», «художественная литература» и «язык художественной литературы» и т. д. Для уяснения сути этих понятий и их определения для разных эпох нужны серьезные исследования в области истории филологических и литературно-письменных традиций.

Дерягин В. Я. (СССР). 1. Традиция обычного права длительное время существовала в устной форме. На это указывали историки русского права еще в XIX в. Однако как только появилась возможность

записать правовой акт, его стали записывать. И письменный документ принял на себя ритуальную часть акта. Письменная форма с этого момента стала оказывать влияние на язык документа.

Здесь, в Киеве, на стене Софийского собора записана древнейшая купчая: **А ПЕРЕДЪ ТИМИ ПОСЛУХЫ КУПИ ЗЕМЛЮ КНЯГЫНИ БОЮНЮ ВЬСЮ А ВЪДАЛА НА НЕИ СЕМЬДЕСЯТЪ ГРИВЬНЪ СОБОЛИНА** (вторая половина XII в.). Заметим, что здесь послухи указаны в начале документа, в более поздних купчих (и других актах) это указание включается только в состав конечного протокола.

Есть купчие на бересте (отрывки), много — на пергамене, великое множество — на бумаге. Как только появилась возможность (на рубеже XVI—XVII вв.), акт стал фиксироваться в двух документах или в двух разновидностях одного документа (купчая — продажная, порядная — покладное письмо на Севере и т. п.).

2. Следует решительно возразить против утверждения Б. А. Успенского о противопоставлении «культуры» (язык культа) «хаосу» (русский язык некультовый) (доклад, с. 64). Понятие «культуры», безусловно, шире понятия «культ»: правовые отношения, государственность, материальная культура, наконец, устное народное творчество — все это исключать из культуры нельзя.

Язык права в первых письменных фиксациях предстает перед нами как язык строго нормированный. «Принципиальная вариативность», указанная Б. А. Успенским только для церковнославянского, есть, конечно, и здесь. Исследование конкретных текстов, опубликованных и рукописных, эту вариативность хорошо демонстрирует, равно как и норму деловой речи. Дальнейшее развитие конкретных изысканий в этой области очень важно. Не подкрепленные фактами рассуждения о «трансплантациях» (Б. А. Успенский в докладе, Н. Ю. Бокадорова в выступлении) дела вперед не продвигают.

3. Прав Г. В. Судаков, указавший в своем выступлении на невозможность рассмотрения истории русской деловой речи «в едином потоке». Известны различия в формулах новгородских и двинских актов XIII—XV вв. и московских (Северо-Восточной Руси): от 3-го лица, с долго державшейся формой аориста, от 1-го лица, с ранней формой перфекта; есть и другие различия.

4. Лишены оснований рассуждения Б. А. Успенского о скорописи. Ссылки на В. Н. Щепкина (с. 60—61) сделаны некорректно. У Щепкина: «Югославянское влияние [конец XIV — начало XV в.] приносит в Россию исключительно полуустав» (Щепкин, 1967, с. 129); «Во второй половине XVI в. московская письменность уже свободна от югославянской орфографии, между тем как западная и юго-западная страдает ими весь XVI в.» (с. 133). В целом схематизму работ, состоящих в основном из отсылок к работам столь же схематичным, противостоят в науке исследования, построенные на новом конкретном материале.

Подсекция 3.

ГЕНЕТИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И АРЕАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Утреннее заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Lötsch R. (DDR) — Zum Verhältnis zwischen der genetischen, typologischen und arealen Klassifizierung der slawischen Sprachen und Dialekte (Zeitschrift für Slawistik.— Berlin, 1982, Bd 27, H. 3, S. 356—363).

Krajčovič R. (ČS) —Genetická interpretácia paralelizmov v slovanských jazykoch (Československá slavistika 1983. Lingvistika, historie.— Praha, 1983, s. 23—30).

Pabis I. (P), Йотов Ц. (НРБ).— Próba typologizacji rosyjskich wysp gwarowych w otoczeniu obcojęzycznym. Na materiale gwar rosyjskich w Polsce, w Bulgarii i na Ukrainie (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 109—121).

Пенчев Й. (НРБ) — Книжовни езикови явления от гледище на диалекта (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 115—118).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Куркина Л. В. (СССР). В докладе Р. Леча убедительно показано, что генетическая классификация не является абсолютной, последовательной. По сути, это условная схема, отражающая наши представления об отличительных особенностях современных славянских языков. Исследования последних лет и особенно работы по реконструкции праславянского лексического фонда подтверждают это положение и побуждают пересмотреть некоторые исходные понятия генетической классификации. Концепция праславянского языка как единого монолита, развивающегося по схеме родословного древа, уступает место более сложным представлениям. Праславянский язык предстает как система сложная, с диалектными различиями и подвижным ареалом. Современные исследования также не подтверждают существования прадиалектов для каждой из славянских языковых групп. В традиционном понимании праславянский язык имел трехчленную структуру, и все дальнейшее развитие шло путем постепенной, последовательной дифференциации исходных диалектов. В докладе показано, что внутреннее развитие праславянского происходило в тесном взаимодействии с процессами дивергенции и конвергенции. Миграции племен, воздействие субстрата, процессы интерференции — эти и многие другие факторы, о которых говорится в докладе, не могли не влиять на распределение и перегруппировку праславянских диалектов. По тем же причинам не могут удовлетворять генетические классификации, построенные на выделении четырех и шести языковых групп.

В плане сравнительно-исторических исследований задача, собственно, состоит в том, чтобы на основе внутренней реконструкции восстановить по возможности древнейшие диалекты и диалектные группы, которые легли в основу славянских языковых групп. Как показывают предварительные наблюдения, славянские языковые группы не образуют однородного единства. Их формирование — позднее явление, результат консолидации разных диалектов, нивелирования диалектных различий, подчинения их доминирующему типу. Выявить степень генетической близости между диалектами и языками позволяет ареальный метод. Реконструируемые для поздней эпохи праславянского диалекты и диалектные комплексы различаются характером и направлением изоглоссных связей. Так, выделяемые в соответствии с особенностями изоглосс древнейшие южнославянские диалекты поразному соотносятся с северно-славянскими языками. Неодинаковые изоглоссы характеризуют северо-западную часть, область болгаро-македонских диалектов, западную и восточную части штокавского диалекта. Для северо-западной части (словенско-кайкавско-чакавско-шчакавская и западноштокавская) существенны изоглоссы, связывающие эту область с диалектами чешско-словацкой группы, с лужицкими и восточнославянскими языками. Ряд выразительных изоглосс связывает северо-западную область с диалектами юго-восточной части южнославянской территории. Этот факт позволяет усомниться в древности членения южнославянской языковой области в целом на две части — западную и восточную. Есть основания думать, что обе группы южнославянских языков и диалектов сложились в новую балканскую эпоху.

Полная изоглоссная характеристика древнейших славянских диалектов даст основу для определения характера и степени генетической близости славянских языков.

Карпенко Ю. А. (СССР). Выполненный Р. Лечем анализ классификаций языков впечатляет и заслуживает высокой оценки. Но следует возразить против тезиса о том, что типологическая классификация оперирует «субъективно отобранными критериями». Критерии эти заданы объективно, субъективен разве что отбор языков для типологического анализа. Из четырех уровней языка базу для типологической классификации дают все. Но на фонологическом уровне единиц слишком мало, поэтому каждая перестройка здесь слишком значима. Так, если древнерусский язык типологически был вокалическим, то современный русский является консонантным. Типология оказывается неустойчивой, переменчивой. На лексическом уровне единиц, наоборот, слишком много, что также усложняет типологическую группировку. Остается грамматика — синтаксический и морфологический уровни, которые и представляют наиболее благодарный материал для типологии. Типологическая классификация языков от В. Гумбольдта и А. Шлейхера была, как правило, морфологической, и это обусловлено указанными объективными факторами, а не субъективизмом исследователей.

И еще одно. Если генеалогическая классификация четко выделяет славянские языки, то типологическая выполняет другие функции.

Скажем, болгарский язык типологически может оказаться ближе к неславянским балканским, чем к славянским небалканским. Типология не выделяет славянские языки, а устанавливает особенности уже выделенных и сгруппированных генеалогическим путем языков. Если генеалогическая классификация устанавливает материальную близость языков и ее меру, то типологическая классификация определяет структурную близость языков и ее меру.

Кодухов В. И. (СССР). Классификация славянских языков есть обобщение, которое дает возможность описывать современные языки с дальнейшим учетом индивидуальных, диалектных явлений. Признание трех групп славянских языков — это не только классификация праславянских диалектных зон, но и того, что возникло позднее в результате собственного развития, неоднократных инноваций и взаимодействия языков. Проникновение в системы современных языков различных явлений неодинаково, поэтому использовать в качестве классификационных признаков можно только такие явления, которые имеют широкое распространение в системах языков. Так, третье смягчение заднеязычных ограничено лексически и потому не может быть классификационным признаком.

Классификация языков и систематика диалектных явлений вряд ли могут быть рассмотрены как единый научный подход; они могут дополнять друг друга. Фонетико-морфологическое деление славянских языков дает возможность выявить типологические (общие) и дифференциальные признаки трех групп славянских языков, внутри которых имеются языковые и диалектные различия.

Климчук Ф. Д. (СССР). Констатируя невозможность однозначности классификации славянских языков и диалектов, следует использовать одновременно несколько категорий единиц классификации. Например, кроме категорий «языковая (диалектная) группа, подгруппа», приобретает значение категория «диалектная зона». Последняя представляет собой пучок изоглосс, объединяющий ареалы нескольких языков (не менее двух) или их частей. К таким пучкам, например, можно отнести «комплексы» особенностей, объединяющих говоры языков: 1) белорусского, польского, словацкого, лужицких; 2) украинского, чешского, южнославянских; 3) русского, южнославянских и др. Использование нескольких единиц диалектного членения, с одной стороны, реальнее отражает диалектный ландшафт, с другой — показывает сложность его формирования.

Разграничение генетического родства и типологической близости того или иного языкового явления в ряде случаев не нашло окончательного решения, что затрудняет их использование при классификации языков и диалектов.

Кочев И. (НРБ). Докладът на д-р Р. Леч в с ъ щ н о с т фактически е отрицание на всякакъв тип класификации на славянските езици и диалекти.

В началото на доклада е налице дискретно отрицание на типологическата и ареална класификация, а в хода на разсъжденията — и на генеалогичната. Според него различните типове класификации в крайна сметка имат субективен характер.

Неправилна е мисълта на автора, че съвременните славянски диалекти са продължение на славянските диалекти от времето на феодалната раздробеност, имаща за основа по-рано и племенната раздробеност.

Според мене, класификациите, които се правят, въпреки някои отделни неизбежни субективни моменти, без които не може да се мине, имат обективен характер. Те се изграждат въз основа на обобщаване на множество факти. Съвременните диалектни делитби се изграждат въз основа на голямо количество снопове от изоглоси, които ярко оформят обективни диалектни ареали (източните български говори се отделят от западните чрез цял изоглосен — ятов — пояс). Вярно е, че има различни класификации с различна интерпретация на детайлите, но факт е, че основната диалектна делитба на българския език — на източни и западни говори,— която се приема от всички, има обективен характер.

Диалектите нямат отношение само към феодалната раздробеност от миналото. Те са плод и на рабовладелческото общество (Гърция) и на капиталистическото, а дори и днес се видоизменят при социализма.

Днес е трудно, западночешките «нивелирани» говори да се свържат с архаичната делитба на славянските племена. В историята на българския народ в резултат на силната централизираност на българската държава (ранна държавност през VII—IX в.) племенните различия не играят вече такава голяма роля, както през V—VI вв. «Македонските» диалекти, които визира Р. Леч, не представляват нещо отделно, а са част от българския говорен континуум.

Младенов М. (НРБ). Колегата Р. Леч разработва в теоретически план много важен и интересен проблем. Иска ми се да подчертая неговия основен извод, че последователна генетична класификация не е възможно да бъде осъществена. Той обръща внимание на типологическата класификация и на ареалния фактор, които подпомагат генетичната, но същевременно я комплицират.

Мене ми се струва, че при класификацията на диалектите следва да се съчетават повече критерии — главни и второстепенни: е з и к о в и — генетически, структурно-типологически, исторически; н е е з и к о в и — географски (ареални); и з в ъ н е з и к о в и — историко-демографски, археологически, етнографски, фолклористични, та дори антропологични. В този смисъл например, досегашните опити да се очертае основното диалектно членение на българския език трябва да се смятат за съвсем предварителни. За това свидетелствува и последният опит на уважавания проф. С. Б. Бернштейн «К вопросу о членении болгарских диалектов» (Вопросы языкознания, 1983, № 4), който е посветен на IX конгрес на славистите, и това ми дава повод да взема отношение към него във връзка с проблематиката на това заседание. Преди всичко следва да се отбележи, че проф. Бернштейн засяга един изключително важен, актуален и генерален въпрос в диалектологията на българския език. Неговото решение винаги ще зависи от равнището в развитието на диалектоложката наука. Естествено днес разполагаме със значително повече знания за българските диалекти от преди 100, 80, 50 години. Обогатен е методологическият арсенал, имаме вече

резултатите на богата лингвогеографска дейност. Авторът само отчасти информира за досегашните опити да се класифицират българските диалекти. Казвам отчасти, защото не са посочени направените напоследък опити (Т. Бояджиев, Ив. Кочев) и дори разгледаните опити са представени непълно. Преди всичко досегашните опити за класификация са имали предвид българския диалектен континуум, а не само част от българските диалекти, които днес е възможно да наблюдаваме в НР България. Известно е, че български диалекти съществуват и извън НРБ в южна и юго-западна посока. Така е било у В. Григорович (тогава няма българска държава), Б. Цонев, Л. Милетич, Ст. Младенов, Ст. Стойков. Ще си позволя да отбележа, че в многобройни свои статии съм посочвал връзката и единството на споменатите диалекти с диалектите от метрополията, срв. напр. от използуваната от проф. Бернштейн моя статия: «Към този ареал (т. е. *чувам* «пазя, отглеждам») се отнасят и Странджанската област, а също така и българските тракийски говори на юг от сегашната държавната граница с Турция и Гърция. Част от този ареал са и говорите в Македония». Нещо повече. Самият проф. Бернштейн беше отбелязал връзката между рупските, западнобългарските и македонските говори по чисто окончание **-м** в сегашно време като посочва, че има и други явления с подобно разпространение (статията му е публикувана през 1963 г. в «Slavica Pragensia»). Неточно и непълно проф. Бернштейн сочи, че ятовата изоглоса в българските диалекти е разпространена от Никопол до Разлог,— както е добре известно, тя продължава на юг към Петрич — Сяр — Солун.

Добре е, че проф. Бернштейн предлага по-удобни според него обозначения на българските диалектни масиви — зона А и зона Б, но е изненадващо, че той влага в термина «централни говори» съдържание, каквото той няма. Той настоява, че в тези говори като че ли има някакви структурни особености, каквито липсват в другите говори. Всъщност проф. Стойков нарича централни говорите, които са обгърнати отстрани от «латералните, периферните». Следователно става дума не за структурно-генетично противопоставяне на двете зони, а за чисто географско разположение една спрямо друга. Защото е очевидно за всекиго, който се занимава с българския език, че структурните му черти са присъщи за всичките му диалекти — във и извън границите на сегашната българска държава. Неточен и неверен е изводът за расположението на старобългарските диалекти в район на сегашната българска държава. Българските автори (Ст. Стойков) говорят за североизточни, западни и южни български земи, което не е едно и също. И тъй като стана дума за старобългарски диалекти, то трябва да се имат пред вид и диалектите както на романизираните дакийски славяни, така и на грецизираните български славяни в Гърция. Проф. Бернштейн застъпва гледище за двудялба на североизточни и западни с южни говори. Струва ми се, че старото деление по **ѣ** на западни и източни не е изчерпало своите възможности и засега не може да бъде изцяло изоставено. Разпределение, при което южните говори се отнасят към западните, може да се смята като вариант на първото разпределение по **ѣ**. Предстои огромна работа, при която трябва да се обра-

боти с единни методи огромен материал, за да се получим по-задоволително представяне на основните групи български диалекти.

Клепикова Г. П. (СССР). В связи с докладом проф. Р. Леча и некоторыми выступлениями по докладу представляется целесообразным подчеркнуть один важный аспект — принципиальное различие, с одной стороны, операции по классификации таких феноменов, как (современные) я з ы к и (имеющей ретроспективно-диахроничную глубину) или как диалекты праславянского языка (resp. индоевропейского праязыка), где параметр «диахронической «глубины»» выступает проспективно, и, с другой стороны, операции по классификации д и а л е к т о в того или иного языка, рассматриваемого сугубо синхронно. Учет этого аспекта, повышающий корректность классифицирования в методологическом плане, помогает диалектически рассматривать соотношение объективных и субъективных моментов в тех или иных типах классификаций (ср. обсуждение этого соотношения, например, в выступлении Ю. А. Карпенко), а также требует специальных оговорок диахронического характера при классификации говоров современных языков (ср. полемическое выступление проф. Д. Брозовича по поводу принадлежности кайкавских говоров хорватского языка).

Кроме того, принципиальное различие указанных операций сказывается и в том, что в случае классификации языков в поле зрения классифицирующего субъекта оказываются языки в ц е л о м (не может быть такой классификации с учетом лишь ч а с т и языка, части диалектов), тогда как при классифицировании диалектов (какой-либо диалектной зоны, например, юго-западных украинских говоров Карпатского ареала) вполне возможна и корректна классификация (resp. микроклассификация) части диалектного континуума. В связи с этим неверным (излишне категоричным) выглядит утверждение проф. М. Младенова, что классификация диалектов языка должна охватывать в с е диалекты данного языка.

Habovštiak A. (ČS). O lexikálno-sémantických paralelizmoch Pre slavistické bádanie je ustavične aktuálny výskum slovanských jazykov na širšom základe ako to bolo doteraz. Do úvahy prichádza aj výskum slovnej zásoby s uplatnením geografického aspektu, t. j. sledovanie lexikálno-sémantickej diferenciácie slovanských jazykov a ich dialektov. Na paralelizmy v jednotlivých jazykoch velmi výrazne poukazuje najmä jazykový zemepis. Pozoruhodné sú napr. zistenia, že na istom slovanskom areáli sa niektorý již výrazne diferencuje, a že niekedy možno hovorit' o tzv. maximálnej diferenciácii napr. pri názve netopier v západoslovanských a južnoslovanských jazykoch. Vo východoslovánskom areáli sa však názov tohto živočícha člení iba minimálne (kožan, letučaja myš). Velká členitost' názvov netopiera súvisí s tabuovým charakterom tohto živočícha.

Pre slovanské jazyky je príznačné, že sa v nich vyskytujú lexikálno-sémantické zvláštnosti príznačné pre západoslovanské, východoslovanské i južnoslovanské jazyky. Dôležitý je aj vzájomný vzt'ah týchto areálov, resp. vzt'ah jednotlivých jazykov k týmto areálom. Pre slovenčinu je charakteristický vzt'ah nielen k západoslovanskej skupine, ale aj k južnoslovanskej oblasti (najmä strednej slovenčiny). Známe sú však

aj javy, ktoré ju pripájajú k iným jazykom (napr. názov chvost je známy iba v slovenčine a východoslovanských jazykoch). Takéto zvláštnosti si zasluhujú osobitnú pozornosť, lebo môžu byť dokladom na členenie slovnej zásoby z najstaršieho obdobia, a to napr. aj na obdobie príchodu slovanského obyvateľstva do nových sídel.

Výskum slovnej zásoby slovanských nárečí ukázal, že najstaršie členenie nárečí súvisí s osídlením Slovenska v jeho nížinnej časti, t. j. v západoslovenskej a východoslovenskej nížine. Toto členenie rozdeluje Slovensko na dve oblasti (tzv. dichotomické členenie slovenských nárečí). Najcharakteristickejšie členenie na tri skupiny je novšie a súvisí s obdobím Veľkomoravskéj ríše, t. j. s 9 a 10. stor. Členenie na dva areály sa viaže na príchod slovanského obyvateľstva v 5. a 6. stor. Diferenciácia slovnej zásoby slovenských nárečí to zreteľne dokazuje.

Orzechowska H. (P). Referat R. Lötscha więcej zapowiada niż daje. Jest oczywiste, że każda klasyfikacja jest umowna. W dziedzinie humanistyki ponadto każda klasyfikacja musi być niepełna, bo w grę wchodzi zbyt wiele różnorodnych czynników. Im więcej elementów obejmuje i im bardziej jest sformalizowana — tym większe taka klasyfikacja zawiera ryzyko błędu.

Klasyfikację typologiczną ogólno-językoznawczą w slawistyce zaczęto stosować późno (100 lat później niż powstała genetyczna klasyfikacja języków słowiańskich) i nie ma ona wypracowanej jednolitej podstawy klasyfikacyjnej. Dlatego też istniejące charakterystyki typologiczne dotyczą poszczególnych, wybranych (dowolnie — bo to wynika z tego, co «niesie» materiał) zjawisk językowych.

Proponowana przez R. Krajčoviča klasyfikacja (też typologiczna) paralelizmów słowiańskich dotyczy wybranych zjawisk językowych. Na obecnym etapie rozwoju typologii języków nic innego zrobić nie można.

Przed paru laty zbadałam typ słc. *čo je to za ženu/za žena* pospolity we współczesnym języku słowackim. Ma on odpowiednik w XVI w. w języku słoweńskim (*Kaj je to za eno sanjo* w Biblii Dalmatina); paralelizm składniowy w słowackim a słoweńskim jest oczywisty, ale nie istnieje jeszcze taka klasyfikacja typologiczna słowiańskich zjawisk składniowych, w której można by to zjawisko umiejscowić.

Карпенко Ю. А. (СССР). Успех описания островных говоров определяется не только избранной методикой, которая в докладе И. Пабис и Ц. Йотова в целом удовлетворительна, но также количеством и качеством материала, который в докладе несколько недостаточен. В Одесской области УССР имеется более 30 русских сел, существующих уже около 200 лет в иноязычном (украинском, молдавском и болгарском) окружении. Словарь этих говоров, составленный одесскими русистами и ныне готовящийся к печати, насчитывает до 20 тысяч специфических слов, из которых более 60 % нет в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ), основанном Ф. П. Филиным (сопоставление выполнено по опубликованным выпускам СРНГ). Эта часть специфических слов, не зафиксированных до сих пор в русской диалектной лексикографии, состоит из трех компонентов: 1) древние слова или значения, известные в древнерусском, но утраченные материковыми русскими говорами;

2) заимствования из окружающих языков; 3) русские диалектные новации. Вовлечение этих материалов в научный обиход существенно для диалектологии.

Zdaniukiewicz A. (P). Z referatu I. Pabis a C. Jotowa, który w zasadzie dotyczy tylko języka starowierów, wynikają wnioski ogólniejszej natury, wykraczające poza krąg spraw związanych z rozwojem rosyjskich wysp gwarowych. Referat ten bowiem rzuca nieco światła i na inne języki rozwijające się w obcym, a więc niesprzyjającym otoczeniu. Wnioski wyciągnięte przez autorów referatu pokrywają się w znacznej mierze z wynikami moich badań nad polskimi gwarami obrzeżnymi, zwłaszcza nad gwarami wileńskimi.

O trwaniu przez wieki określonego języka w obcym otoczeniu decyduje — jak to słusznie zauważyłi referenci — wiele czynników. Sądzę jednak, że wśród tych czynników ważną rolę odgrywają uwarunkowania pozajęzykowe. Język w obcym otoczeniu trwa tak długo, jak długo ludzie nim posługujący się łączą go w swej świadomości z określonymi wartościami wyższego rzędu, np. z religią czy kulturą.

Веренич В. Л. (СССР). Общая языковая принадлежность старообрядцев и специфически замкнутый характер их среды дают исследователю достаточно однородный исходный языковой материал, что особенно важно при изучении контактов носителей этих говоров с иноязычным окружением за пределами России. Доклад И. Пабис и Ц. Йотова является удачной попыткой типологизации русских островных говоров в иноязычной среде, а предложенная авторами программа будет способствовать разработке единой методики обследования.

Следует обратить больше внимания на роль социально-политических факторов в ускорении ассимиляционных процессов. Например, прежняя замкнутость старообрядческих сел в Литве и Латвии стала быстро устраняться после установления там Советской власти. Дети старообрядцев, получив образование, активно включились в общественно-политическую жизнь этих республик. У представителей среднего и младшего поколения наблюдается резкий отход от наиболее специфических диалектизмов и стремление к общерусскому разговорному языку.

Что касается Белоруссии, то старообрядческие поселения не исчерпываются упоминавшимся авторами районом Ветки. Они довольно часто встречаются на северо-западе республики, в восточном Полесье, а спорадически и в других районах БССР.

Попова Т. В. (СССР). Проблема взаимоотношений между литературным языком и диалектами, затронутая в докладе Й. Пенчева, является чрезвычайно важной и многогранной. Актуальность ее несомненна при изучении как литературных языков, так и диалектов. Й. Пенчев очень хорошо и убедительно показал, что некоторые, казалось бы, необъяснимые или противоречивые факты литературного болгарского языка могут быть раскрыты путем привлечения диалектных данных. Это красноречиво свидетельствует о том, что для исследователя литературного языка необходимо глубокое знание диалектного материала. Особого внимания заслуживает тот факт, что в современной языковой ситуации, когда роль литературного языка как коммуника-

тивного средства и средства передачи информации все более и более возрастает, диалекты не только не исчезают, но сохраняют свою специфику, а в сознании современных носителей литературного языка престижность диалектов даже в некоторой степени повышается (ср., например, современную художественную литературу).

В ряде случаев структура многих сосуществующих (вариативных) явлений литературного языка и тенденции их развития могут быть поняты только в контексте всего диалектного континуума данного языка (например, вариативность, характеризующую морфонологическую структуру глагольного словоизменения в литературном болгарском языке, можно объяснить, привлекая данные диалектов).

Дневное заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Barič E. (Yu) — Ruski jazik ošviceni z priznačkami zahodnoslavianskih i vostočnoslavianskih jazikov (Croatica.— Zagreb, 1983, god. 14, sv. 19, s. 7—20).

Станева Х. (НРБ) — Публицистичният стил в развитието на съвременния български книжовен език (към приноса на Благоев в съпоставка с публицистичния стил на Ленин) (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 119—124).

Трофимович К. К. (СССР) — Спадкоємність у розвитку норм західнослов'янських літературних мов (Слов'янське мовознавство.— К., 1983, с. 211—219).

Komárek M. (ČS) — Ke změně /g/ > /γ/ v slovanských jazycích (Československá slavistika.— Praha, 1983, s. 37—47).

Basara A., Topolińska Z., Zduńska H. (P) — Fonetyczne refleksy *ě we współczesnych dialektach słowiańskich (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa. 1983, s. 25—36).

Mahnken I. (BRD) — Gab es neben der in den altkirchenslawischen Denkmälern überlieferten strukturell archaischen Kirchensprache in altbulgarischer Zeit Ansätze zu einer «Kultursprache»? (Gedanken zur Problematik sprachhistorischer Forschung. Zum IX. Internationalen Slavistenkongreß in Kiev.— Saarbrücken, 1983).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Чучка П. П. (СССР). Питання, порушене Є. Барич у доповіді «Русинська мова у світлі ознак західнослов'янських і східнослов'янських мов», не є новим. Дискусія про те, що, власне, являє собою мова бачвансько-сремських руснаків у Югославії — діалект словацької мови, діалект української мови чи окрему мову,— ведеться вже з початку століття. Останнім часом у дискусію втручаються й самі югославські руснаки, які вже багато зробили для того, щоб піднести руску бешеду, що донедавна обслуговувала тільки побутові потреби 30-тисячного населення на Дунаї, до рівня сучасної літературної мови. Оригіналь-

на, грунтовна і чудово прочитана сьогоднішня доповідь Є. Барич є переконливою ілюстрацією цього.

Є. Барич дотримується точки зору проф. Д. Брозовича, за якою в основі русинської мови лежить мішаний діалектний тип, у якому східнословацькі елементи переважають над південно-західними українськими рисами. З метою перевірки даної тези доповідачка розглядає три типи ознак русинської мови, а саме: а) ознаки, спільні як для західнослов'янських, так і для східнослов'янських мов; б) специфічні західнослов'янські і специфічні східнослов'янські ознаки; в) специфічні риси східнословацького діалекту і специфічні риси закарпато-української групи говорів. Не заперечуючи в принципі проти такої методики, вкажемо, однак, що для правильної відповіді на поставлене питання третій тип ознак є найважливішим, оскільки русинська мова сформувалася не на основі словацької та української літературних мов, а на базі діалекту змішаного типу. Зіставлення фактів русинської мови з відповідними фактами словацької та української літературних мов не зовсім правомірне. Адже формування словацької літературної мови відбувалося неподалік (за 100 км) від тих місць, де руснаки жили до XIX ст., тоді як формування української літературної мови проходило на Дніпрі, тобто за 1000 км від них. А це означає, що такі, наприклад, риси русинської мови, як ог*е*нь, віт*о*р, к*ир*вавий, бл*и*ха, сл*и*за, ж*а*лудок та деякі інші, не можна кваліфікувати як словацькі за походженням, бо вони широко відомі й багатьом говорам української мови, на яких словацька мова ніколи не впливала. Дослідниці треба врахувати це, залучивши до дослідження більше літератури з української діалектології та лінгвогеографії.

Дуже добре, що Є. Барич враховує національну свідомість руснаків і навіть те, як вони самі себе називають. Однак ставити знак рівності між етнонімом «руснак» і етнонімом «русин» не слід. Етнонім «руснак» — це самоназва, якою українське населення Закарпаття називало себе щонайменше з XVI до XX ст. (болгари вживають її стосовно всіх східних слов'ян), тоді як етнонім «русин» за Карпатами є книжним терміном, який поширювався там у XIX і XX ст. з Галичини.

Пилинский Н. Н. (СССР). В интересном и содержательном докладе Х. Станевой нам бы хотелось особенно отметить те моменты в развитии болгарской публицистики, которые сближают ее с публицистическим стилем украинского языка. Это прежде всего их активное развитие во второй половине XIX в., окончательное становление в начале XX в., возросшая роль образности в стилистической системе обоих языков в наши дни. В обоих языках для развития публицистики большое значение имела деятельность выдающихся писателей и общественных деятелей. В этом плане вполне сопоставимы такие выдающиеся в национально-освободительном движении обоих народов фигуры, как Д. Благоев и близкий к марксизму И. Я. Франко. В связи с близостью общих процессов литературно-языкового развития в Болгарии и на Украине привлекательным представляется нам положение доклада о необходимости разграничения исторической стилистики и истории литературного языка, тем более, что история современного состояния

функциональных стилей обоих языков имеет непосредственный выход в практику культуры речи. Как и болгарские коллеги, мы на Украине активно изучаем огромное влияние индивидуального стиля В. И. Ленина на лексику, фразеологию, синтаксис и общую структуру текстов украинской современной публицистики. Доклад раскрывает объективные причины одинакового во многом подхода болгарских и украинских лингвистов к важнейшим явлениям функциональной стилистики. Этот доклад является заметным фактором, содействующим сближению наших научных позиций.

Калнынь Л. Э. (СССР). В связи с докладом М. Комарека следует отметить, что в ряде современных диалектов оппозиция по участию голоса в значительно большей степени сопровождается различием степени напряженности, чем это принято считать. В гуцульском говоре Закарпатья мы наблюдали ситуацию отчетливого различия по степени напряженности между фарингальным **h** и задненебным **x**. При этом в характеристике **x** доминирующее значение имеет именно напряженность, а не отсутствие голоса: слова, произнесенные с γ, воспринимаются носителями диалекта как **x** (т. е. vátaγa слышится ими как vátaxa).

Krajčovič R. (ČS). Dotýkajúc sa referatu K. K. Trofimoviča: novšie výskumy predspísovného obdobia slovenčiny dokazujú, že bernolákovčina nevychádzala z nárečí (západoslovenských), ale z kultúrnej západoslovenčiny, štúrovčina vychádzala zasa z kultúrnej stredoslovenčiny. Kultúrna západoslovenčina a stredoslovenčina — to boli kultivované útvary predspisovnej slovenčiny. V zásadě išlo o úzus vzdelancov domáceho pôvodu. Obidva útvary sú doložené aj v písanej podobe. Bá známe sú aj tlače po 17—18 stor.

Treba hodnotit' pozitívne, že kol. Komárek pri zmene g > **h** obrátil pozornost' na tonické faktory, ktoré utvarali istú «situáciu» na fonologickú zmenu g > **h**. Možno vyjst' aj z toho, že slovanské jazyky z praslovančiny zdedili lenisovu realizáciu znelej razenej vel'ary g, ktorá tiež mohla ako tonický faktor ul'ahčit' zmenu g na trené γ a potom **h**.

Калнынь Л. Э. (СССР). Доклад А. Басары и др. заслуживает особого внимания. Он не может расцениваться как частное лингвогеографическое исследование. Это первая публикация обобщающих результатов работы над «Общеславянским лингвистическим атласом» (ОЛА). На карте отражен не отдельный фонетический факт, а определенное явление, которое прослеживается в пределах всего славянского континуума. Авторы имели сведения о рефлексации **ě** изо всех пунктов ОЛА. Но обилие материала не облегчало, а, наоборот, усложняло задачу, стоявшую перед авторами. Важно было найти критерий сопоставляемости разных диалектов и в этом аспекте представить все имеющиеся факты. Карта является уникальным произведением, впервые показывающим дифференциацию славянского континуума в целом в зависимости от рефлексации **ě**. Будучи составной частью ОЛА, она показывает, как много может дать ОЛА для сравнительного изучения славянских диалектов.

Залеський А. М. (СССР). Доповідь А. Басари, З. Тополінської і Г. Здунської є результатом першого картографічного узагальнення

величезного фактичного матеріалу, зібраного за програмою Загальнослов'янського лінгвістичного атласу в усіх найважливіших сучасних говорах слов'янських мов. З погляду теорії й методики лінгвогеографії значення доповіді полягає, по-перше, в тому, що автори знайшли оригінальне розв'язання щодо спільного знаменника, спільної основи порівняння, на фоні якої можна було давати картографічну експлікацію всієї різноманітності слов'янських рефлексів ě. За таку основу слушно вибрано позицію найбільш незалежної від різних сегментних і суперсегментних факторів у кожній мові реалізації континуантів ě, незважаючи на те, що для різних мов такі позиції будуть різними. Важливим виявляється те, що в них рефлекси ě найменш зумовлюються позицією. По-друге, щодо техніки картографування, то корисною є запропонована авторами картографічна символіка, яка дозволяє графічно й візуально чітко відтворити досить широку шкалу діахронічних варіантів ě в межах однієї говіркової мікросистеми.

Що ж до порівняльної й історичної фонології слов'янських мов, то доповідь серйозно зміцнила новими аргументами існуючу версію про те, що головною лінією розвитку континуантів ě в більшості слов'янських мов було їхнє звуження щодо підняття й пересунення до переднього ряду. Поза цією головною лінією розвитку залишилися лише польські, частково болгарські, македонські й окремі словенські говори.

Кочев И. (НРБ). Докладът на уважаемите колеги А. Басара и др. поставя важен проблем за разрешаване. Жалко, че в него изводите са малко, а повече се изнасят данни за техническото съставяне на картите.

Авторите приемат постановката на Щибер за ѣ < ē, като елиминират схващанията на онези учени, които говорят и за дифтонгичен произход на ѣ. А в материала днес са налице и редица съвременни дифтонги.

Българските диалекти от югозападнобългарски тип в областта на Солунско от авторите са наречени неправилно небългарски. Очевидно е, че те нарушават традициите на самата полска диалектоложка школа. Тези диалекти, блестящо описани от големия полски езиковед Малецки (Сухо и Висока), са назовани на картата, която той прилага в своя труд, точно — български.

Komárek M. (ČS). V referátě polské trojice dialektologů jsme byli seznámeni s výsledky, které jsou pro poznání vyvoje pol. /ě/ velmi důležité. Z hlediska historické fonologie se ovšem jako podstatný jeví rozdíl mezi otevřenými reflexy /ě/ na západě a jihovýchodě, zčásti i na jihozápadě slovanské oblasti a se zavřenou jejich výslovností v středním pruhu slovanských nářečí, táhnoucím se od severovýchodu k jihu. Upozornil jsem již v starších pracích, že tento stav souvisí s denazalizací nazálních vokálů; otvořená výslovnost reflexů za /ě/ se zachovala tam, kde k denazalizaci nedošlo (v pol., polab.) nebo kde došlo k denazalizaci poměrně pozdě (bulh., maked., zčásti slovin.). V ostatních dialektech bylo zúžení obecné pol. [ä]-/ě/ reakcí na denazalizaci a umožnilo v jiné podobě zachovat diferenci mezi /ě/-[ä] a /ę/ = [ą̈] : [ą̈] > [ä] → [ä]= = /ě/ > [ę].— Další podrobné rozdíly mezi reflexy /ě/ jsou až výsledkem vývoje v jednotlivých jazycích a dialektech.

Warchoł S. (P). W interesującym referacie K. K. Trofimowicza słusznie podkreślono rolę dziedzictwa cech prasłowiańskich w rozwoju współczesnych języków zachodniosłowiańskich. Rozwój literackich języków słowiańskich odbywał się z kolei etapami, ale przy zachowaniu zarówno określonych cech dziedzicznych, wyjściowych, jak też przy uwzględnieniu wewnętrznych norm poszczególnych języków słowiańskich. Niezwykle ważnym etapem w rozwoju języków zachodniosłowiańskich były następujące zjawiska językowe: palatalizacja tzw. północnosłowiańska (lechicka), oraz stwardnienie, np. już w XV w. w języku polskim, spółgłosek -č, ž, š (c, ʒ); z tymi procesami wiąże się między innymi obumarcie formantów ekspresywnych (deminutywnych) ***-ьсь, *-ica, *-ьce,** wyparcie np. z literackiego języka polskiego formantu ***-ъko** w jego funkcji hipokorystycznej itd., zaś z drugiej strony szerokie zastosowanie w tej funkcji ekspresywnej formantów **-ek (-'ek)** oraz **-ik.**

W badaniach nad rozwojem literackich języków słowiańskich bardzo istotne z punktu widzenia metodologicznego jest ścisłe uwzględnienie chronologii, a w obrębie tejże — systemowości zjawisk.

W rozważaniach nad genezą prasłowiańskiego [g] (w referacie M. Komarka) należało, moim zdaniem, nieco szerszej uwzględnić procesy, związane z wyrównaniami w ramach szeregów opozycyjnych typu: k : č, ch : š, g : ž. Analogicznie w języku czeskim, słowackim i łużyckim mamy k : c, ch : s oraz **g** (> **h**) : **z**. Oprócz tendencji fonetycznych (jako dziedzictwa języka prasłowiańskiego) dużą rolę w przejściu ***g>h** odegrały więc zapewne późniejsze tzw. zjawiska analogii.

Referat A. Basary a in. na temat **ě** we współczesnych dialektach słowiańskich, ma duże znaczenie także z punktu widzenia badań nad genezą poszczególnych dialektów i języków słowiańskich. Wynika to chociażby z tego, że samogłoska **ě** rozwijała się w różnych dialektach słowiańskich w sposób bardzo zróżnicowany, a jednocześnie dla określonych dialektów i języków niezwykle typowy, jednoznaczny, jak np. język ukraiński, język serbskochorwacki, słoweński itp.

Кочев И. (НРБ). Докладът на проф. И. Манкен правилно поставя въпроса за наличие на два типа книжовен български език през IX в. — писмен и говорим. Тази идея успешно е разработена в последно време в България от проф. Д. Мирчева. Разбира се, не мога да се съглася с термина «църковнославянски език», тъй като всеки език по света е назован по името на неговия етнически носител — народа, който го говори, а не въз основа на функцията, която изпълнява. Латинският език на запад не е «католически» или «църковноромански език», а е свързан с етническия елемент, живеещ в областта Лациум.

Не мога да се съглася и с предположението, че изясняването на ъ в **о** в членната форма за м. р ед ч в мизийските говори се дължи на влияние на друг диалект. Членната форма по цялата говорна територия има нееднаква рефлексация: **ъ > о, ъ > ô, ъ > а, ъ > ê,** която не винаги следва изясняването на **ъ** в коренни срички. В множество диалекти (в това число в Солунския и в Преславския) ъ → **ъ** в корен и **ъ → о** в членната форма. Преславският говор е от рупски, южен тип, какъвто е и солунският. Те образуват един говорен тип, независимо от североизточното място на Преслав (срвн. : наличие на **ê < ѣ,**

на **ы**, на лексикални архаизми — *нынѣ*, *хлѣв* и др. в двата диалекта и др.).

В заключение бих подчертал: основната идея на доклада на И. Манкен е плодотворна и заслужава най-сериозно внимание от бъдещите изследвачи на проблема.

Вечернее заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Kuraszkiewicz W. (P) — Nie akcentowane samogłoski **o, e** wobec dyftongów w białoruskich i ukraińskich narzeczach od Narwi po San (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 213—225).

Flier M. (USA) — The **l** — **v** alternation in East Slavic (American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September 1983. Vol. 1. Linguistics.— Columbus, Ohio, [1983], p. 99—118).

Кочев И. (НРБ) — Общославянски и специфични особености в развоя на българския вокализъм (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 85—91).

Alexander R. (USA) — Directions of morphophonemic change in Balkan Slavic: The accentuation of the present tense (American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September 1983. Vol. 1. Linguistics.— Columbus, Ohio, [1983], p. 9—49).

Zdaniukiewicz A. (P) — System wokaliczny gwar wileńskich a język białoruski (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 475—483).

Bjørnflaten J. I. (N) — Zur Geschichte der gemeinostslawischen morphophonologischen Alternation /k — č/ in der Nominalflexion der drei ostslawischen Sprachen (Tromsø, Norway, 1983, s. 1—33. Отдельный оттиск).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Залеський А. М. (СССР). Наведені в доповіді проф. В. Курашкевича факти про звуження в окремих говірках Підляшшя ненаголошених **о, е** в новозакритих складах при відсутності такого звуження у відкритих складах повинні б свідчити про те, що замінне подовження та дифтонгізація охопили **о, е** в новозакритих наголошених і ненаголошених складах і лише згодом, десь у XIV ст., в північних говорах під впливом сусідніх білоруських з редукцією ненаголошених голосних довгі (або дифтонгізовані) голосні ненаголошених складів скоротились. Ці факти важливі, і їх конче треба буде враховувати, але не можна перебільшувати їх значення. Українські говори Підляшшя займають західну периферію українського ареалу. У них, як у всіх маргінальних говорах, є чимало різного роду гібридних елементів, явищ, форм інтерферентного походження. Цілком можливо, що й звуження **е > и, о > у** в зазначеній позиції є інтерферентним. Редуктивна гіпотеза В. Курашкевича викликає й інші застереження.

У сусідніх з підляськими говірках Берестейщини нами спостережено дуже рівномірний розподіл експірації між складами фонетичного слова. І незважаючи на відсутність будь-яких ознак фонетичної редукції, дистрибуція рефлексів totъ(ь), tetъ(ь) у цих говірках типово поліська. Розвиток totъ(ь), tetъ(ь) не можна розглядати ізольовано від розвитку **ę, ě, 'a,** які рефлексуються також по-різному в ненаголошених і наголошених складах, хоч із замінним подовженням вони ніяк не пов'язані. Типологія східнослов'янських редуктивних фонологічних нейтралізацій, зумовлених фонетичною редукцією, свідчить про елімінацію в ненаголошених складах голосних середнього підняття на користь голосних крайніх піднять, на Поліссі ж якраз навпаки — в ненаголошеній позиції узагальнюються голосні середнього підняття за рахунок голосних крайніх піднять, наприклад: **î̂ê (ê̂) ~ é>e, ŷô (ô̂) ~ ~ ó > o, 'á ~ é > e** (наявні випадки, як правило, нерегулярного заміщення ненаголошених **а, у, и** голосними **о, е** мають, без сумніву, контактно-гіперистичне походження).

Zdaniukiewicz A. (P). Prof. W. Kuraszkiewicz w swoim interesującym referacie stwierdził m. in., że w południowozachodnich gwarach białoruskich występuje w pozycjach akcentowanych dyftong u̯o, czego nie można dostrzec w białoruskich gwarach północnowschodnich. Chcę w związku z tym powiedzieć, że w toku badań polskich gwar kresowych zauważyłem podobne zjawisko, o czym nawet napomknąłem w dzisiejszym moim referacie. Otóż w b. powiecie Wołkowyskim i kilku innych rejonach b. województwa Nowogródzkiego zauważyłem w pozycjach akcentowanych dyftongiczną wymowę typu ku̯ot, ku̯oń, mu̯ost, pu̯ot^am itp. Tego typu wymowy nie stwierdziłem w innych rejonach Wileńszczyzny, np. w rejonie Wilna, Trok, Święcian, Dzisny czy Brasławia. To spostrzeżenie z jednej strony potwierdza słuszność wywodu prof. Kuraszkiewicza, z drugiej zaś wskazuje na ścisłą więź zachodzącą między tymi gwarami polskimi i białoruskimi.

Веренич В. Л. (СССР). Сваімі шматгадовымі назіраннямі і публікацыямі праф. В. Курашкевіч даў падрабязнае і стройнае апісанне беларускіх і ўкраінскіх гаворак ад Нарвы па Сан. У сёняшнім дакладзе ён спыніўся на рэалізацыі ненаціскных галосных **о, е** ў адносінах да дыфтонгаў. Зроблена гэта пераканаўча. Хачу падкрэсліць, што ўказаныя ім асаблівасці вакалізму эпізадычна сустракаюцца не толькі ў заходнім, але таксама ў сярэднім і ўсходнім Палессі, моўная тэрыторыя экватарыяльнай часткі якога аб'ядноўваецца яшчэ шэрагам іншых асаблівасцей.

Горшкова К. В. (СССР). В докладе М. Флайера фонологическая и морфонологическая интерпретация фонетических фактов последовательна и непротиворечива в общетеоретическом и историческом отношении и не вызывает замечаний. Но возникает вопрос, почему в одних диалектах древнерусского языка в эпоху до падения редуцированных фонема [l] в слабой позиции вокализовалась, изменилась в [w], т. е. tъlt > tъwt, а в других этого изменения не произошло. Думаю, что на этот вопрос нельзя найти ответ ни путем изучения древнерусских текстов, ни в результате изучения частных систем губных спирантов

или сонорных звуков. Лишь обращение ко всей совокупности фонетических фактов, характерных для системы в целом, позволяет найти ответ. Такую совокупность фактов можно получить при изучении фонетических карт «Диалектологического атласа русского языка». Указанные автором факты сочетаются со многими другими в пределах единой изоглоссной области, относящейся к периферийным северно-великорусским говорам. Совокупность этих фактов на первый взгляд пестрая, здесь: шести- или семифонемный вокализм, непоследовательное изменение **е > о** или отсутствие такого изменения, непротивопоставленность губных по твердости/мягкости на конце слова и др. Но в своей совокупности они могут быть поняты как фонетическое отражение фонологической системы не консонантного, а вокалистического типа. Есть основания считать, что вплоть до настоящего времени русский диалектный язык знает фонологические системы двух типов: консонантного, характерного для диалектной зоны центра (такая же система характерна и для литературного языка), и вокалистического, характерного прежде всего для периферийных северно-великорусских говоров, генетически восходящих к диалектам западной (северо-западной и юго-западной) локализации. Указанная автором доклада вокализация сонорного согласного [l], его изменение в [w] могла иметь место в диалектах с фонологической системой вокалистического типа.

Бромлей С. В. (СССР). Анализ различий в восточнославянских языках рефлексов [l], проведенный в докладе на фонетическом и морфонологическом уровнях, представляется безупречным решением одного из сложных и интересных вопросов восточнославянской исторической фонетики. Представленные М. Флайером доказательства причин рефонологизации [l] в [v] являются вполне убедительными.

Хотелось бы, чтобы в орбиту внимания автора попали и идентичные факты северо-восточных говоров русского языка, тем более, что они возникли на той же фонетической основе, что и соответствующие факты украинского и белорусского языков (имеем в виду чередование зна*в* — зна*ла* — зна*ли*). Такой основой являются системы вокального типа, где сонорные имеют больший потенциал звучности, в связи с чем фонемы [v] и [l] могут выступать в общих более вокализованных вариантах (**w, ŭ**). В русском языке это системы периферийные, по многим чертам, связанным с повышенной степенью вокальности, проявляющие свою близость к языкам украинскому и частично белорусскому Высокая степень близости всех трех восточнославянских языков, формирование которых накладывалось на сложную картину древнерусского диалектного членения, определяет тот факт, что плодотворными (в особенности для целей истории языка) в области восточнославянского языкознания могут быть только те исследования, которые строятся с обязательным учетом диалектного уровня.

Медведєв Ф. П. (СССР). Інтересна доповідь М. Флайєра присвячена важливому питанню історії української і білоруської мов — переходові **л у в**. На нашу думку, представлений у доповіді аналіз цього явища, на жаль, не відбиває об'єктивних закономірностей розвитку української і білоруської мов. По-перше, тут ми маємо не одне фонетичне явище, яке стверджує доповідач, а два різних явища, які мають лише

зовнішню схожість. Доповідач не зважив на те, що перехід **л** у **в** у дієсловах минулого часу пояснюється граматичною аналогією, впливом давніх дієприкметників, що закінчувалися на **-въ**, на дієприкметники, що закінчувалися на **-лъ** (сучасні дієслова минулого часу), тоді як перехід **л** у **в** у словах типу *вълкъ, пълкъ, жълтъ* зумовлений суто фонетичними факторами: у цих випадках **л** переходить у **в** після зредукованих **ъ** і **ь** перед наступним приголосним.

Веренич В. Л. (СССР). Змены ненаціскных галосных у польскіх перыферыйных гаворках паўн.-зах. Беларусі і паўдн.- ўсх. Літвы праф. А. Зданюкевіч звязвае з уплывам беларускай мовы. Такое меркаванне мае ўсе падставы, калі гаварыць пра «аканне». Аднак не ўсе польскія гаворкі адлюстроўваюць яго, бо не выступае яно аднолькава паслядоўна і на беларускай моўнай тэрыторыі. Таму змену галосных трэба, перш за ўсё, звязваць з экспрэсіўным націскам і абумоўленай гэтым рэдукцыяй ненаціскных, калі маецца магчымасць дваякай іх рэалізацыі: **о** ⩾ **а**... **u, е** ⩾ **'а, а**...**і, у**. Першыя з іх выступаюць у тых гаворках, дзе паслядоўна рэалізуецца «аканне» (Беларусь), другія — там, дзе яго няма (Украіна) або яно праяўляецца непаслядоўна (напрыклад, частка спрадвечна літоўскіх вёсак, насельніцтва якіх зазнала паланізацыю без пераходнай стадыі беларускай («простай») мовы).

Климчук Ф. Д. (СССР). Пры даследаванні польскіх гаворак Віленшчыны заслугоўвае ўвагі ўлік моўнай сітуацыі асобных мікрарэгіёнаў гэтай вобласці. Можна выдзеліць наступныя тыпы такіх мікрарэгіёнаў: 1. Пераважае літоўская мова; значная частка літоўскамоўнага насельніцтва валодае польскімі гаворкамі; 2. Пераважаюць польскія гаворкі; часткова захоўваюцца традыцыйныя літоўскія гаворкі; 3. Рэлікты традыцыйных літоўскіх гаворак; пераважаюць польскія гаворкі; беларускія гаворкі ўжываліся на рубяжы XIX—XX ст.; 4. Рэлікты традыцыйных літоўскіх гаворак; пераважаюць польскія гаворкі; значнае пашырэнне беларускіх гаворак (пераважна старэйшае пакаленне); 5. Рэлікты літоўскіх гаворак; пашырэнне польскіх і беларускіх гаворак прыкладна аднолькавае; 6. Асноўны сродак зносін — беларускія гаворкі; рэлікты традыцыйных літоўскіх гаворак; польскамоўныя астравы; беларусамоўнае і літоўскамоўнае насельніцтва пераважна валодае польскай мовай.

Ивић П. (Yu). Реферат проф. Р. Александер лепо илуструје акцентолошке прилике у словенским дијалектима на територији балканског језичког савеза. Њене карте 1 и 3 тичу се старих појава везаних за генетичку хетерогеност тог подручја. Северозападни говори — пре свега они који припадају сх. торлачком наречју — разликују се од осталих и западнојужнословенским иновацијама и одсуством источнојужнословенских. У осталом, ти су говори тек касно развили прозодијске особине које карактеришу балкански језички савез. У разним говорима тога типа нађена су акценатска преношења условљена квантитетским приликама (краткоћом првобитног финалног акцента), а у два ареала недавно су констатовани различити рефлекси дугог и кратког **о**, односно **е**. Све то сугерира да је квантитет у тој зони дуго био присутан и утицао на гласовни развој. Карте 2 и 4 тичу се иновација насталих

у крилу самог балканског савеза. Ауторка је с правом искључила из разматрања западномакедонске говоре, који у прозодијском погледу представљају антипод осталим балканизираним словенским дијалектима: док је за ове карактеристична максимална улога акцента, у западномакедонском акценат уопште није релевантан на плану фонологије речи.

Младенов М. (НРБ). Няма съмнение, че проф. Р. Александер очертава едно действително състояние на изследваните явления. Тя е известен специалист по акцентните проблеми на южнославянските езици. Бих препоръчал само по-коректен подбор в някои случаи. Става дума за тип *донесене, плетене* в Кюстендилско и другаде, който е присъщ само при глаголи на **-ох.** Навярно това е отбелязано в напечатания текст на доклада.

Но у мене възникват все пак два основни въпроса, които имат принципиално значение:

а) Какво отношение всъщност има изследваната проблематика (място на ударението в сегашно време и аорист) към проблемите на балканския езиков съюз (авторката има нужда да си служи с термина «балканославянски ареал»)?

б) Не е ли това всъщност (вътрешно) диалектна проблематика на българския език?

Тези въпроси нямат чисто риторически характер. Твърде е възможно в разширения печатен текст на доклада тези въпроси да са разгледани.

Попова Т. В. (СССР). Отрадно отметить, что в последние годы заметно возрос интерес славистов к морфонологии как особой лингвистической дисциплине. К настоящему времени уже накоплен достаточный опыт описания морфонологической структуры словообразовательной и словоизменительной систем отдельных литературных языков и диалектов. В меньшей степени разработана методика сопоставительного изучения морфонологии славянских языков в их литературной и диалектной разновидностях. Проблема же исследования морфонологических явлений в лингвогеографическом аспекте на материале славянских диалектов фактически еще и не ставилась. С этой точки зрения доклад американской лингвистки Р. Александер можно рассматривать как один из первых опытов разработки нового направления морфонологических исследований в славянском языкознании. В докладе показаны все типы акцентных морфонологических чередований в парадигмах настоящего времени аориста в славянских диалектах балканского ареала. На картах дано географическое распределение этих типов, которые получают в докладе также и диахроническую интерпретацию. Кроме того, определяется степень продуктивности рассматриваемых акцентных типов. Приведенный материал позволяет усмотреть в некоторых закономерностях распределения акцентных кривых балканские черты. Лингвогеографический анализ акцентных типов глагольной системы проведен автором на сопоставимом в лексическом и морфологическом планах материале, что делает выводы вполне убедительными.

Известно, однако, что морфонологическая структура языка состоит

из совокупности акцентных и сегментных характеристик. При этом существуют вполне определенные отношения обратной пропорциональности между акцентными и сегментными чередованиями, отмеченные еще Э. Станкевичем и М. В. Пановым и проверенные на материале многих болгарских диалектов, а именно: чем сложнее структура одних чередований, тем проще структура других. В связи с этим мне представляется очень важным продолжение изучения морфонологических явлений в лингвогеографическом аспекте, но с расширением объекта исследования за счет сегментных чередований глагола, что, несомненно, могло бы дать новый убедительный материал для подтверждения важных выводов, содержащихся в докладе.

Утреннее заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Basara J. (P) — Prasłowiański *paǫkъ i jego realizacje fonetyczne we współczesnych gwarach słowiańskich (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 37—41).

Лукінова Т. Б. (СССР) — Лексика слов'янських мов як джерело вивчення духовної культури давніх слов'ян (Слов'янське мовознавство.— К., 1983, с. 87—115).

Лемцюгова В. П. (СССР) — Фарміраванне ўсходнеславянскай айканіміі ў сувязі з гісторыяй развіцця славянскіх тыпаў пасялення (IX Международный съезд славистов. Доклады.— Мінск, 1983, с. 3—39. Отдельный оттиск).

Borek H. (P) — Potrzeby i zadania nazwotwórstwa w toponimii słowiańskiej. (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo. — Warszawa, 1983, s. 51—62).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Коломиец В. Т. (СССР). Доклад Я. Басары привлекает к себе внимание прежде всего как яркая демонстрация большой научной плодотворности подготовляемого славистами ряда европейских стран «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА). Используя материалы одной карты ОЛА, посвященной названиям паука в современных славянских говорах, докладчик внес существенное уточнение в этимологию общеславянского названия, неоспоримо показав, что наряду со звуковой формой *pa-ǫkъ в праславянском существовала параллельная форма *pa-ękъ, почти никем до сих пор эксплицитно не выделяемая. Не менее важное значение имеет и другой аспект результатов фронтального лингвогеографического обследования славянских языков, касающийся возможностей истолкования территориальных различий рассматриваемого явления как отражений временной последовательности и пространственных направлений исторических процессов становления славянских языков. Хотя из карты, посвященной одному слову, даже и такой информативной, как представленная докладчиком, ответ на вопрос этого характера и не может вытекать в окон-

чательном и однозначном виде, тем не менее территориальное распространение свойственных славянским языкам основных фонетических вариантов названия паука представляет ряд данных и для решения вопросов славянского глоттогенеза, особенно при условии привлечения материалов других аналогичных карт ОЛА.

Варбот Ж. Ж. (СССР). Доклад Т. Б. Лукиновой очень привлекает своей актуальностью, перспективностью для славянской этимологии и исторической лексикологии, четкостью аргументации. Многие выводы достаточно убедительны — например, о природе развития лексического гнезда с корнем ***děd-.** Очень интересно новое направление в истолковании происхождения сл. *ǫругъ.

Но этюд о *врать* и *врач* вызывает некоторые возражения. Автор доклада совсем не упоминает версию, возводящую рус. *врать* к гнезду *verti «сновать» → «связывать» → «плести» (A. Vaillant, Revue des études slaves 1954, t. 31, p. 100—101). Хотя рус. *врать* не имеет точных соответствий в других славянских языках и фиксируется в памятниках лишь с XVI в., тем не менее есть основания считать это значение присущим исходному гнезду *ver- уже в праславянском языке: ср. словен. zvîrati «сваливать вину на другого», várati «обманывать», схв. vȁrati и болг. *вáрам* «обманывать». Семантическое развитие «плести» → «обманывать» широко распространено и достаточно очевидно (подробно см. в моей статье в ежегоднике «Этимология. 1974».— М., 1976, с. 39—41). Далее, значение состояния глагола vьrěti — «кипеть», «бурлить» (а не «варить»!) препятствует, кажется, предположению о развитии на его базе значения «заклинать». Наконец, аргументом в пользу гипотезы о родстве глаголов vьrati и vьrěti не может быть тождество их основ настоящего времени, поскольку изначально эти основы различались: у vьrati это основа на **e/o** — vьrǫ, а у vьrěti — основа на **-i-** — vьr'ǫ (ср. пол. wrzący «кипящий»). Все это снижает вероятность версии автора доклада о развитии рус. *врать* на базе гнезда *variti/*vьrěti.

Карпенко Ю. А. (СССР). Доклад Т. Б. Лукиновой впечатляет своей глубиной и аргументированностью. Особенно интересен анализ лексемы *упырь*, интерпретация которой как сл. «несожженный» является, по-видимому, окончательной и закрывает проблему этимологизации этого трудного слова. Привлекательны, хотя и более дискуссионны соображения об образованиях от корня ***var-, *vor-, *vьr-,** которые связываются с культом огня в славянском язычестве. Эти соображения хорошо вписываются в идею больших корней, развиваемую этимологической школой А. С. Мельничука. Но здесь следует отметить, что смысл всех простых образований с данным корнем указывает на *воду* (нагретую, кипящую), а не на *огонь*. В более отдаленных образованиях, производимых Т. Б. Лукиновой от этого корня (*враг, ворожить, ворог, вергать, вред*), сохраняется древняя семантическая увязка с волхвованием, но исчезает какой бы то ни было намек не только на *огонь*, но и на *воду*. В глаголе же *вертеть* вообще более чем сомнительна связь с язычеством. Увязку с этим корнем теонима *Сварог* (как и гипотезу о реальности человека с этим именем) трудно признать удачной. *Пирог* убедительно отделяется от *пира* и возводится, вслед за А. И. Со-

болевским, к форме *пырогъ. Однако этот *пырогъ не может одновременно указывать и на пшеницу, и на огонь. Возможно лишь одно семантическое решение, и типологическая параллель с лексемой *ватрушка* подсказывает, что смысл древнего *пырогъ — скорее «огненный», а не «пшеничный».

И одно общее соображение. Мировоззрение древних было, конечно, насквозь языческим. Но все же язык древнее язычества. Язычество — это уже интерпретация мира, и до него надо было еще дорасти. Можно думать, что до язычества был период примитивного материализма, когда мир воспринимался без его интерпретации. Язык отразил и этот доязыческий период. Древние названия созвездий, в том числе славянские, даны по сходству, это небесные метафоры социально значимых земных реалий, их мифологические (языческие!) истолкования вторичны.

Коломиец В. Т. (СССР). Доклад Т. Б. Лукиновой представляет собой образец непосредственной увязки этимологических исследований с исследованиями истории общества, в частности истории духовной культуры. Именно включение этимологического аспекта исследования в аспект культурно-исторический позволило рассмотреть под одним семантическим углом зрения и во многом прояснить этимологию целого ряда слов, которые до сих пор рассматривались раздельно. Особенно большой интерес в этом плане представляет предложенное в докладе новое понимание этимологии слова *упырь*, псл. ǫругъ. Толкование первоначального значения этого слова как «несожженный» (т. е. покойник, не подвергнутый обязательному обряду трупосожжения) является особенно убедительным как с точки зрения лингвистической, так и в свете данных истории и этнографии славян. Вместе с тем сохраняющееся в различных славянских языках значение слова *упырь*, осмысленное в свете предложенной в докладе этимологии, в значительной степени конкретизирует научное представление о древнейших верованиях и обычаях, связанных с обрядом трупосожжения. Ввиду всего сказанного ни одна из предпринимавшихся до настоящего времени многочисленных попыток этимологизации слова *упырь* не может быть поставлена в один ряд с основательным объяснением Т. Б. Лукиновой.

Копыленко М. М. (СССР). На мою думку, в доповіді проф. Т. Б. Лукінової ретельно підсумовано все те, що досі досліджено у відповідній галузі нашої науки, і виявлено багато нових, дуже цікавих матеріалів. Я хотів би лише додати, що не тільки розмовні шари слов'янських мов можуть правити за джерело для дослідження стародавніх культових слів, але й давні пам'ятки слов'янської писемності. У складених мною «Материалах для словаря раннего древнеславянского языка» (М., 1977) зібрані слова стародавніх пам'яток, які не належать до так званої канонічної лексики. Тут багато слів із пам'яток XII—XV ст., зокрема із рукописів Апостола. Серед них чимало культових, але пов'язаних этимологічно не з новим християнським культом, а з старим — язичницьким. Це такі слова, як **баснь, влъхвовати, влъшвєнніє, кадильница** та ін. Мою увагу привернуло гніздо слів, пов'язаних з лексемою **корєнь** (яка одна тільки входить до «канону»): **корєннє**

«чарівництво», **корєнитьць** «чарівник», **корєновати**, **окорєнити**. Тут може бути два тлумачення **корєнитьць**: 1) той, хто закріпляє, зміцнює, на якого можна опертися, покластися у тих справах, що торкаються душі; 2) той, хто укорінює, насаджує знання, навчає, наставляє. Я схильний до другого тлумачення. І чи не відголоском такого значення є російське прислів'я *Корень учения горек, а плод его сладок?*

Гриценко П. Ю. (СССР). Доповідь Т. Б. Лукінової демонструє перспективність запропонованої методики дослідження — широкого залучення у лінгвістичних дослідженнях інформації суміжних семіотичних систем, особливо даних міфології, обрядів, повір'їв. Підставою для комплексної реконструкції семантики архаїчної лексики, особливо дотичної до багатогранної культури давніх слов'ян, є повторюваність типових зв'язків денотатів або уявлень про них у кількох семіотичних підсистемах, а в мові — у семантичній структурі кількох лексем. Для реконструкції історії значень окремих слів важливою залишається експериментальна перевірка реконструйованих етапів і напрямків семантичного розвитку. Така верифікація реконструкцій має включати кілька етапів: 1) встановлення реалемного (понятійного) ряду, який відповідав би компонентам семантичної структури аналізованої лексеми (чи основи); 2) встановлення реєстру лексем, якими ці поняття можуть бути реалізовані в мові (чи групі споріднених мов); 3) з'ясування семантичної структури виявлених лексем; 4) типологію семантичних структур цих лексем. Останнє дає набір типових семантичних зв'язків у межах наддіалектних змодельованих семантичних полів полісемантичних лексем, типових випадків семантичного синкретизму. На основі типових семантичних зв'язків більш переконливо можна з'ясувати етапи семантичного розвитку окремої лексеми чи групи лексем, встановити їх етимологію. Перспективність комплексної внутрішньомовної реконструкції із залученням екстралінгвістичних даних завдяки доповіді Т. Б. Лукінової стала очевидною.

Karpluk M. (P). Bardzo interesujący referat, nawiązujący do prowadzonych obecnie badań slawistycznych (por. sympozjum w Gandawie. «Slavica Gandensia» 7—8, 1980—1981; E. Eichler w «Studia Onomastica», 2, 1981). Referentka T. B. Łukinowa wspomniała o nazwach roślin: w Słowniku polszczyzny XVI w. mamy nazwę *dziewięćsił*, botaniczną i w niejasnym jakby magicznym znaczeniu.

Туркин В. Н. (СССР). Вопросы докладчику Т. Б. Лукиновой: 1. Каковы, по мнению докладчика, тематические разряды слов, покрывающие понятийное поле «духовная культура (развитие) древних славян»? 2. Каково отношение докладчика к гипотезе акад. Б. А. Рыбакова о том, что корень **рос-** (*Рус-*, *Русь*) восходит к названию притока Днепра *Рось*?

Наркевич А. И. (СССР). Даклад В. П. Лемцюговай «Фарміраванне ўсходнеславянскай айканіміі ў сувязі з развіццём тыпаў пасяленняў» цікавы ўжо самой пастаноўкай пытання і яго асвятленнем, методыкай і планам даследавання, сваёй будовай. Ён вызначаецца шырынёй ахопу тапанімічнага і апелятыўнага матэрыялу, своеасаблівым падыходам да яго аналізу.

Аўтар даволі падрабязна раскрыў умовы, пры якіх адбываецца пераход агульных апелятыўных назваў пасяленняў ва ўласныя тапанімічныя, што ў выніку дазволіла яму больш пераканаўча растлумачыць семантычную матываванасць айконімаў, паказаць працэс іх станаўлення і фарміравання ў строгай дыялектычнай паслядоўнасці і развіцці.

Даследаванне тапаніміі ў святле гістарычных і сацыяльна-эканамічных фактараў, несумненна, з'яўляецца перспектыўным і надзвычай плённым па сваіх выніках, бо ў канчатковым плане яно арыентавана на выясненне не толькі ўласна моўных, але і знешніх, экстралінгвістычных — гісторыка-геаграфічных, грамадска-эканамічных і сацыяльных прычын узнікнення таго ці іншага тапанімічнага тыпа. З гэтымі задачамі добра ўзгадняецца прынцып чляненння айконімаў па семантычных адзнаках, якія забяспечваюць сістэмны падыход да вывучэння матэрыялаў агульнай тэрытарыяльнай і мясцовай рэгіянальнай тапанімічнай лексікі.

В. П. Лемцюгова пераканаўча паказала, што працэс фарміравання ўсходнеславянскай айканіміі цесна пераплятаецца з гістарычным лёсам агульных назваў (тыпаў) пасяленняў, са зменамі ў іх функцыянальным выкарыстанні і семантычнай структуры, што выбар апелятываў залежыць ад сацыяльных перадумоў, грамадскага ўкладу жыцця, ад агульнага ўзроўню гістарычнага развіцця саміх носьбітаў мовы, іх уласных патрэб і інтарэсаў.

У аснове працэсу тапанімізацыі айконімаў знайшлі адлюстраванне як агульныя, так і спецыфічныя рысы гісторыі развіцця трох усходнеславянскіх народаў — рускага, беларускага і ўкраінскага.

Каштоўным дапаўненнем да даклада з'яўляюцца змешчаныя ў ім шэсць карт, на якіх паказаны арэалы дзесяці тапаасноў і сферы іх тэрытарыяльнага пашырэння. Яны даюць нам не толькі агульны арыенцір распаўсюджанасці роднасных па структуры тыпаў пасялення, але і раскрываюць увесь спектр іх ўзаемадзеяння і ўплыву.

Вынікі, атрыманыя ў працэсе аналізу айконімаў, матываваных агульнымі назвамі тыпаў пасяленняў, важныя не толькі для тапанімікі, але і для гістарычнай лексікалогіі і дыялекталогіі , для этнаграфіі і гісторыі. У гэтым заключаецца навуковая актуальнасць і практычная значнасць праведзеных аўтарам даследаванняў.

Отин Е. С. (СССР). Для исторической лексикологии славянских языков различные классы топонимов нередко предоставляют возможность реконструкции не засвидетельствованных в других источниках апеллятивных лексем. В материалах В. П. Лемтюговой таковых оказалось два десятка. Восстанавливая апеллятив на основе топонима, следует быть предельно осторожным, так как в своем новом качестве он часто получает суффиксальное дооформление по образцу распространенных на данной территории топонимических структур. Так, предполагаемый «апеллятив» *новоселок*, реконструируемый на основе омонимичного топонима, мог возникнуть уже на стадии топонимического словопроизводства в результате универбации описательного названия *Новое Село* в зоне, где высокочастотным был топоформант-**ок**, тогда как тот же составной протоойконим в зонах преобладания суф-

фиксов **-ица** и **-(ов)ка** изменялся в *Новоселицы* и *Новосел(ов)ки*. Вероятность реконструируемого апеллятива возрастает, когда имеются структурные аналоги в общеупотребительной лексике. Такие апеллятивы «под звездочкой», как *подселица, подсельница* и *уселье*, не безупречны, так как могли быть мотивированы не глагольными основами (*подселить, уселить*), а предложно-именными описательными микротопонимами *Под Селом, У Села*, позднее превратившимися в названия-субстантивы.

Доверчивый исследователь легко впадает в «оптический обман», когда имеет дело с двукомпонентными названиями типа *Село Лукинское*, взятыми из официальных источников (например, из «Списков населенных мест Российской империи»). Написание с большой буквы обоих слов создает иллюзию цельнооформленности названия. Препозиция определяемого компонента или даже его присутствие в ойкониме в официальных списках населенных мест (*Сельцо Каменка, Сельцо Авдотьевщина* и т. д.) отнюдь не отражает функционирования подобных структур в живой речи. Чаще всего это искусственные, а не спонтанно сложившиеся образования. В живой речи им соответствуют просто *Каменка* и *Авдотьевщина*. Такого рода псевдосоставные ойконимы нередко, к сожалению, рассматриваются в одном ряду с теми, в которых географический апеллятив — неотъемлемая часть названия.

Ойконимы типа *Среднее Село, Средний Починок* не обязательно входили в топонимическую триаду с определениями *передний и задний*. Здесь возможны и другие корреляты — *верхний* и *нижний*. Интересна мысль о превращении элементов **-селка** и **-селье** в топоморфемы. Однако допущение этой возможности требует внимательного рассмотрения словообразовательной истории каждого подобного названия, так как здесь могло иметь место и переоформление начальных двусловных ойконимов. В названии *Красноселка*, например, возможен как топосуффиксоид, так и распространенный суффикс **-к(а)**, оформивший универбацию определительного словосочетания (*Красное Село*).

Коломиец В. Т. (СССР). В докладе В. П. Лемтюговой собран и проанализирован богатый словообразовательный материал, касающийся восточнославянских ойконимов, производных от апеллятивов с основой **сел-**. Вместе с тем в докладе фактически не уделено внимания обозначенному в его названии экстралингвистическому аспекту разрабатываемой темы — истории развития славянских типов поселений. Результатом недосмотра является последовательное написание в тексте доклада лексической основы др.-рус. **сел-** с буквой **ѣ** вместо **е**.

Гулиева Л. (СССР). Отражение в восточнославянской ойконимии апеллятивов со значением «тип поселения» свойственно не только раннему периоду формирования названий населенных мест исконно славянских территорий, но и характерно для территорий позднего восточнославянского (русского и украинского) заселения, к которым могут быть отнесены Северный Кавказ, Закавказье (XVIII—XIX вв.).

Стан, станица, кут, куток, кош, хутор, крепость, село, выселок, отселок, зимовка, ватага и т. д. участвовали в образовании ойконимов (происходила онимизация апеллятивов или использовались дериваты названных лексем). Ареал восточнославянских апеллятивов

на Кавказе в определенной мере искусственный, но обнаруживает генетическую связь с территорией Поочья и Украины.

Коломиец В. Т. (СССР). В докладе Г. Борека теоретически четко определены различия между отдельными способами образования топонимов от апеллятивов или от названий других групп ономастики, в частности таких, как семантический способ (brzeźnik — Brzeźnik) и формальный способ аффиксации (Mroczek — Mroczkowizna). Представляется целесообразной и предполагаемая докладчиком обстоятельная разработка конкретных разновидностей этих способов во всех славянских языках с учетом всех используемых в них онимообразовательных формантов. Следовало бы, однако, сразу сделать оговорку о том, что такая разработка может привести только к установлению конкретных формальных моделей онимообразования с различными формантами, но никогда не обеспечит исчерпывающего распределения всех имеющихся топонимов между названиями, образованными формальным способом аффиксации, и названиями, образованными семантическим способом, подобно тому как в области словообразования никогда не удастся восстановить конкретный исторический путь аффиксального образования каждого отдельно взятого производного слова. В приложенном к докладу перечне суффиксов допущены отдельные недосмотры: суффикс **-ov(ev)- ьn-ikъ** приведен дважды — на с. 59 (п. 25.1) и на с. 61 (п. 85.1); суффикс **-ujь** на с. 60 (п. 59.0) проиллюстрирован названием Barujec. Остается неясным, в чем заключается собственно топонимический характер суффикса **-sk-** в названиях типа Nakielskie Łąki (с. 57—58) и чем он отличается от суффикса **-sk-** в оттопонимическом прилагательном, употребленном в апеллятивном словосочетании nakielskie łąki.

Селимски Л. (НРБ). Chciałbym zwrócić uwagę na jeszcze jeden środek nazwotwórczy, który, wydaje się, został pominięty w referacie H. Borka, mianowicie na suprasegmentalny środek, jakim jest miejsce akcentu w językach z akcentem ruchomym, o których pisał bułgarski badacz I. Duridanow. Mam na myśli sposób powstania nazw jako bułg. *Пéщера/пещерá, Кóтел/котéл*, lub *Рáдомир* (nazwa miasta)/*Радомúр* (imię własne osoby), w których opozycja nomen proprium/nomen apellativum przedstawia się diachronicznie lub jako opozycja *starsza postać/nowsza postać*, albo jako *przymiotnik/imię własne* (**Рáдомирjь/Радомúр*), albo wreszcie *postać biernika/postać mianownika* (typu bulg. *Пéщера/пещерá*, por. ros. *рýку/рукá*) z tej racji, że toponimy są używane przeważnie w przypadkach lokalnych (W. Mańczak).

Mańczak W. (P). Swego czasu zajmowałem się prawami rozwoju fleksji nazw własnych (m. in. w książce «Z zagadnień językoznawstwa ogólnego»), zwracając uwagę m. in. na to, że jeśli między odmianą apelatywów a odmianą nazw geograficznych zachodzą różnice, przypadki lokalne nazw geograficznych wykazują na ogół archaizmy (np. w *kraj-ach*, ale we *Włosz-ech*), natomiast przypadki nielokalne wykazują na ogół innowację (np. *błot-a*, ale *Białobłot-y*). W tym stanie rzeczy powinno się wyróżniać nie dwie, ale trzy kategorie nazw geograficznych: 1) nazwa geograficzna-apelatyw (np. *Góra*), 2) nazwa geograficzna ≠ apelatyw (np. *Otwock*), 3) nazwa geograficzna różni się od apelatywu tylko fleksją (np. *Grodzisko*, ale *Grodzisk*; pierwotnie nom. apelatywu brzmiał

Grodziec, a gen.— *Grójca*, a dziś istnieją nazwy geograficzne typu zarówno *Grodziec*, *Grodźca* jak i *Grójec*, *Grójca*).

Eichler E. (DDR). In der toponomastischen Praxis entsteht die Frage, wie die Fälle poln. *Grodno* zu behandeln sind, vor allem bei der Darstellung in Namenlexika. Eine Entscheidung zwischen **grod + no* oder **grod-* ist schwer zu treffen. Sie könnte durch den Fortschritt in der slawischen Wortbildungsforschung erleichtert werden. In dieser Hinsicht ist die slawistische Onomastik von der historischen Lexikographie slawischer Sprachen stark abhängig.

Бартков Б. И.(СССР). Доклад проф. Г. Борека содержит интересные сведения о подсистеме словообразования в топонимике. Эти данные оказываются очень важными для такой области языкознания, как дериватография (морфемография). Сведения о топонимических аффиксах, особенно количественные (продуктивность синхроническая и диахроническая, частотность употребления их в географических текстах), позволят полно описать деривационную подсистему языка. Кроме того, такие сведения позволят получить точный ответ на вопрос о том, однозначны ли топонимические аффиксы, имеют ли они синонимы? Кроме того, фиксируя древнейшие пласты лексики, топонимика сохраняет для нас и древнейшие типы и модели словообразования, которые окажутся полезными при сопоставительном изучении словообразовательных подсистем славянских языков.

Подольская Н. В. (СССР). Словообразовательные парадигмы в сопоставительном плане: апеллятив — топоним — антропоним — идентичность или омонимия? Семантическое различие идентичных форм в различных группах онимической лексики.

Дневное заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Eichler E. (DDR) — Probleme der vergleichenden westslawischen Toponomastik (Zeitschrift für Slawistik. 1982, Bd 27, H. 3, S. 412—419).

Karpluk M. (P) — O staropolskich imionach typu Michał (na tle słowiańskim) (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 173—178).

Ferrel J. (USA) — Исторические заметки о старорусских именах типа *Душило* (American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September 1983, Vol. 1. Linguistics.— Columbus, Ohio, [1983], p. 93—98).

Rymut K. (P) — Pogranicze polsko-ukraińskie w świetle nazw miejscowych.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Рінецька О. Ф. (СССР). Найновіші топонімічні дослідження проф. Е. Ейхлера спрямовані на вивчення проблем міжмовної порівняльної типології на топонімічному матеріалі давніх західнослов'янських мов. Звернення до міжмовної типології обгрунтоване тим, що

на сьогодні топонімія окремих західнослов'янських мов і їх діалектів, передусім полабських, серболужицьких і чеських, грунтовно опрацьована. Необхідно відзначити вагомий внесок численних праць проф. Е. Ейхлера, а також робіт керованої ним Лейпцігської ономастичної групи у вивчення давньої серболужицької топонімії. Дослідження ведуться за чітко розробленою, теоретично обгрунтованою методикою. Встановлюючи паралельні типологічні риси давньої серболужицької і давньої чеської топонімії, дослідник бере до уваги топонімотвірні і морфологічні особливості топонімів, встановлює структурні риси антропонімів, дає лексико-семантичну характеристику апелятивів, покладених в основу відповідних відапелятивних утворень.

Одночасно з порівняльно-типологічним вивченням вихідних форм топонімів, яке спирається на їх етимологію, виникає можливість вивчати у порівняльному плані типологію онімечених форм відповідних давньослов'янських топонімічних типів як на територіях повністю онімечених, так і в зонах довготривалих слов'яно-німецьких контактів. Процес і результат топонімічної інтеграції обумовлюється лінгвістичними і екстралінгвістичними факторами, передусім типом мовних контактів і відмінними рисами територіальних діалектів мови, в яку потрапляють міжмовні топоніми. На базі давніх слов'янських топонімічних структур виникають нові онімечені типи. При тому декілька слов'янських типів, наприклад з формантом **-ic- (-itz),** зливаються в один онімечений тип з його розширеними варіантами **(-witz, -schütz, -nitz),** а один слов'янський прототип розщеплюється на німецькому грунті на декілька самостійних типів (наприклад, ойконіми на **-ow(o)** — на утворення з формантами **-ow,** фонет. **/o:i, au, a, e/).** Чітку структурну диференціацію сучасних німецьких форм виявляють утворення з розширеним суфіксоідним формантом **-witz** < **ovici.** Для повністю онімечених територій характерні двоморфні утворення (Merkwitz), а також триморфні з внутрішніми суфіксами **-e, -el, -er** (Lonnewitz, Zadelwitz), тоді як на територіях довготривалих мовних контактів (верхньолужицько-німецьких, нижньолужицько-німецьких, чесько- і польсько-німецьких) поряд з наведеними структурами виступають онімечені форми, в яких зберігається слов'янський суфікс **-ow-:** Dahlowitz, Drauschkowitz, Mirkowitz, Miroschowitz.

Steinke K. (BRD). Zu dem interessanten Vortrag von Prof. Eichler, der nicht nur auf die Verbreitung slawischer Toponyme im deutschen Sprachraum eingeht, sondern sich auch um die notwendige sprachliche Differenzierung und Klassifizierung der Elemente bemüht, möchte ich zwei Fragen stellen:

1. An der Verbreitung der Ethnonyme *Serbe, Kroate* — und *Slovene,* wie ich hinzufügen möchte — in großen Teilen des slawischen Sprachgebiets gibt es wohl keine Zweifel. Doch, wie steht es mit *Bulgare*? Ist der Anlaut der Belege stimmhaft oder stimmlos? Liegt ein Diphthong (vgl. *Bautzen, Lausitz*) oder ein Monophthong vor? (Letzterer wäre zu erklären.) Doch abgesehen von diesen Fragen, die Prof. Eichler sicher in seinem Artikel gelöst hat, scheint es mir schwer, einen Zusammenhang mit den Bulgaren auf der Balkanhalbinsel herzustellen. Hiergegen spre-

chen einfach die historischen Zusammenhänge und die bisherige evidente Ableitung aus den Turksprachen.

2. Der Zusammenhang zwischen *Krebs* und *in cravas* (lat. Urkunde) ist plausibel. Problematisch scheint mir nur die Interpretation des **-s** zu sein. Handelt es sich um eine slawische Endung für den Lokativ aus ***-sŭ?** Ist es vielleicht nicht besser, wenn es der Kontext des lateinischen Belegs erlaubt, eine latinisierte Form im Akk. Plur. anzusetzen?

Hayekova M. (ČS). Pri toponymách treba prihliadat' aj k keltskému superstrátu, ktorý už jestvoval na Slovensku pred príchodom Slovanov; napr. *Dun + ava* = vlnitá voda > *Dunaj*; *Raslav + vice* > *Raslavice* = Raslavova dedina. Pri antroponymách tak isto, lebo odrážujú pôsobenie keltských misionárov; napr. priezviská *Lukačovič* > *Lukášov + vigh* (= syn, dedíč). Tym sa tieto priezviská zaradia medzi inonárodné typu *Jakobson*, *Pálfi*, *Ben Hur*.

Бондалетов В. Д. (СССР). Доклад М. Карплюк посвящен небольшой по составу группе христианско-византийских имен, восходящих к древнееврейскому источнику — *Михаил, Гавриил, Рафаил*. Ценным в ее исследовании является попытка уточнить языковой источник, время и конкретные пути вхождения этих имен в славянские языки, в особенности в старопольский. В центре внимания автора варианты имен, ареалы их распространения, сосуществование вариантов и др. Считаем целесообразным привести некоторые сведения по именам изучаемого типа в русском языке. В 1863 г. И. И. Срезневский напечатал «Древний русский календарь. По месячным минеям XI—XIII вв». По нашим подсчетам в нем зафиксировано 328 мужских и 43 женских имени. Среди мужских — следующие имена интересующего нас типа: *Гаврил (Гавриил), Данил, Измаил, Мануил, Михаил, Самуил*. В истории русской антропонимии наибольшее распространение имели имена *Михаил, Гаврил, Данил*. Так, *Михаил* в XVII в. входит в десяток употребительнейших имен (в разных городах — на севере, западе, юге, востоке), в XVIII и XIX вв. попадает нередко в первую пятерку, в XX в.— тоже частое имя.

Чучка П. П. (СССР). Досліджень конкретних шляхів, якими приходили християнські імена в давні часи до слов'ян, як і спостережень за механізмом їх адаптації до фоно-морфемної системи окремих мов, у сучасній антропоніміці небагато. Доповідь М. Карплюк, безперечно, належить до найкращих серед них. Методика, застосована М. Карплюк, не викликає заперечення, однак кінцевий висновок дослідниці, у якому вона старопольське ім'я Michał схильна кваліфікувати як богемізм, не вважаємо переконливим щонайменше з двох причин: а) стягнення фонемосполучень типу **ae** > **a** (у тому числі і в запозичених іменах типу Michael > Michal) не є рисою самої тільки чеської мови, а становить давню загальнослов'янську тенденцію до усунення збігу двох голосних; б) варіанти *Михал* і *Михаль* раніше фіксуються на слов'янському сході, ніж на слов'янському заході. Щодо давньоруського варіанта *Михаль* (з м'яким кінцевим **л'**), то він справді дуже давній, вживаний і понині на Україні (пор. прізвища *Мигаль, Михальчук*), а причину його м'якості, правдоподібно, треба шукати

у сусідніх народів, що населяють країни нижнього Дунаю (пор. угор. Michály, рум. Mihai).

Kostov K. (DDR). Западнославянският облик Michał не може да се сравнява по начин на възникване с формата *Михал,* разпространена в български говори: българското име *Михал* е пряка заемка от гръцкото Μιχάλις.

Смолицкая Г. П. (СССР). При анализе семантики апеллятивов, лежащих в основе антропонимов со значением действующего лица архаического типа и шире — неканонических имен, надо иметь в виду, что в основе их мотивации лежат эмоции, связанные с рождением ребенка, сопутствующими обстоятельствами, его внешним видом и т. п. Во-вторых, надо иметь в виду, что такое имя может быть прозвищем, полученным не при рождении, а позже в зависимости от характера, судьбы человека, его внешности и т. д. В соответствии с учетом этих моментов семантика антропонимов, исследуемых в докладе Дж. Феррела, видимо, будет иной. Имя *Душило* правильнее производить не от *душа, душенька,* а от глагола *душить* — «тот, кого чуть не удушили (не задохнулся) при рождении» или «тот, который чуть не удушил мать (при рождении)». Прозвище *Душило* может быть мотивировано как «тот, кто любит душить (кур, кошек и т. п.)». По особенностям внешнего вида могут быть мотивированы *Шило, Рыло* «похожий, напоминающий шило, рыло». Эмоциональный аспект в докладе недостаточно учтен.

Бучко Д. Г. (СССР). Доклад проф. К. Рымута представляет значительный научный интерес по ряду причин: во-первых, исследуемая им территория находится сегодня вне поля исследований украинских и белорусских топонимистов; во-вторых, географические названия этой территории в прошлом почти не исследовались, а в настоящее время им посвящены лишь отдельные работы (исследования М. Лесева и А. Вильконя); в-третьих, даже предварительные топонимические исследования, изложенные в докладе К. Рымута, позволили четко определить линию, по которой проходила западная граница украинских поселений, украинско-польского пограничья. Исторически это граница между Великопольшей и Червоной Русью.

Мы согласны с докладчиком, что в силу близости украинского и польского языков одни и те же географические названия нередко фиксируются в письменных памятниках, писанных на староукраинском языке, в украинской языковой огласовке, а в памятниках, писанных на старопольском языке,— в польской огласовке. Однако мы не разделяем точки зрения автора доклада, согласно которой топонимические исследования не дадут возможности раскрыть действительную картину украинско-польского пограничья в X—XIV вв. Мы считаем, что для изучения данной территории того времени необходимо прежде всего максимально использовать древнейшие памятники, писанные на латинском языке, которые фиксируют относительно реальное звучание топонимов определенной территории; шире следует использовать богатейшие собрания древних рукописных памятников, писанных прежде всего на староукраинском языке и хранящихся сегодня в архивах Перемышля, Кракова и, возможно, других городов Восточной Польши.

Для всестороннего исследования украинско-польского пограничья необходимо также полно использовать ценнейший материал по микротопонимии, этнографии и археологии этой территории. Диалектные же материалы с этой территории, к сожалению, не могут быть использованы в связи с тем, что сплошной украинский этнический ареал в настоящее время здесь полностью размыт. Кроме того, для воссоздания древнейшей системы топонимии названного пограничья в X—XIV вв. можно использовать топонимическую реконструкцию. Следует учитывать и тот факт, что для топонимических систем разных языков характерны свои модели. Так, характерная для украинской топонимической системы модель на **-овцы, -инцы** локализуется на территории современной Польши только в регионе украинско-польского пограничья.

Бондалетов В. Д. (СССР). Доклады Э. Эйхлера, К. Рымута, Г. Борека, В. П. Лемтюговой, ономастические публикации последних лет убедительно показывают, что одной из актуальных становится проблема сравнительного изучения ономастики славянских народов. Конкретные аспекты этой задачи могут и должны быть разными — синхронный, диахронический, генетический, сопоставительный и т. д. Однако для успешной реализации ее нужна более совершенная методика сравнительно-типологического изучения ономастического материала. Методы и конкретные приемы анализа должны с максимально возможной полнотой учитывать все виды сходства и все виды различий между сопоставляемыми топонимическими системами или их фрагментами.

В типологии сходств-различий значительное место должно быть уделено структуре топонимов (однословных, многословных), составу топооснов, их дотопонимическому и собственно топонимическому значению, принципам топонимической номинации, способам образования топонимов, типам, моделям, а также средствам словообразования, их продуктивности, удельному весу сопоставляемых единиц, их месту в топонимической системе языка (региона), характеру топонимического ландшафта и т. д.

Urbańczyk S. (P). 1. Pogląd prof. E. Eichlera wydaje mi się słuszny; chciałbym przy tej okazji poruszyć pytanie, gdzie powstał ten zbiór słowotwórczych typów, o których on mówił: czy w «praojczyźnie», z której wywędrowali przodkowie Czechów i Górnołużyczan, czy w Czechach. Aby odpowiedzieć na pierwsze pytanie, trzeba przestudiować nazewnictwo na ogromnym terenie słowiańszczyzny na północ od łuku Karpat. W wypadku drugim mielibyśmy do czynienia z selekcją typów słowotwórczych, znanych w «praojczyźnie»; w tym wypadku związek genetyczny przodków Górnołużyczan z Czechami byłby szczególnie mocny.

2. W próbach rekonstrukcji dawnych stosunków językowych na pograniczu przyjmuje się milcząco, że istniała ciągłość osadnicza w przestrzeni i czasie. Nie jest to słuszne. Pogranicza były zwykle terenem nieprzydatnym dla osadnictwa, słabo zaludnionym. Pogranicze polsko-ruskie było wiele razy wyniszczane przez obustronne najazdy, wprowadzanie ludności. Potem następowało osadnictwo kierowane przez aktualne księstwo — polskie i ruskie. Podobnie było po najazdach tatarskich lub wielkich epidemiach. Nie było więc ciągłości osadniczej ani w czasie

ani w przestrzeni. Koniec końców nie wierzę, aby rekonstrukcja stosunków osadniczych i językowych mogła sięgnąć w przeszłość głębiej niż do XIV w.

3. Sądzę, że warto, aby dr Karpluk wzięła pod uwagę jeszcze wymowę dyskutowanych imion w językach romańskich i w niemieckim. Imiona jak Lucas, Kosmas mogły być w Polsce (przynajmniej teoretycznie) przyswajane jako Łuka, Kuźma, ponieważ znawcy łaciny byli tego świadomi, że te imiona należą do żeńskiej deklinacji i powinny być wprowadzone do polskiej deklinacji na **-a**.

Borek H. (P.) Referat prof. E. Eichlera daje ciekawe perspektywy do szeroko pojętej problematyki etnogenezy Słowian, gdzie trzeba wykorzystać w większym zakresie materiał onomastyczny. Trzeba jednak dysponować pełnym i wyczerpującym materiałem. Badać należy porównawczo podobne modele nazwotwórcze i podobne topoleksemy. Brak było w referacie wzmianki o hydronimii —ważnym zasobie nazw o starym pochodzeniu.

Referat prof. K. Rymuta przestrzega przed trudnościami przy wykorzystaniu toponimów do zagadnień etno-osadniczych. Jednak trzeba ten materiał umiejętnie wykorzystać, bo w swojej masowości jest ważnym swiadectwem przeszłości osadniczej na pograniczach etnicznych. Trzeba odróżnić nazwy przejrzyste od nieprzejrzystych, które łatwiej zachowują stare cechy językowe. Trzeba również uwzględnić nazwy terenowe, bo mają one bliższy związek z dialektem danego obszaru, niż nazwy miejscowe.

Вечернее заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Никонов В. А. (СССР) — Типология славянской антропонимии (История, культура, этнография и фольклор славянских народов.— М., 1983, с. 257—270)

Богатова Г. А., Дерягин В. Я., Романова Г. Я. (СССР) — Славянская историческая лексикография и проблемы региональной характеристики слова (Славянское языкознание.— М., 1983, с. 18—34).

Bolocan G., Robciuc I., Reguş A., Reguş C. (R) — Словарь славяно-румынских грамот XIV—XVI вв. (Romanoslavica.— Bucureşti, 1983, v. 21, p. 65—75).

Rusek J. (P) — Leksykalne podziały Słowiańszczyzny (próba rewizji) (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 323—332).

Мокиенко В. М. (СССР) — Проблемы ареального описания восточнославянской фразеологии (Сравнительно-исторические исследования славянских языков и литератур.— Л., 1983, с. 40—53).

Yoneshige F. (Japan) — О семантическом изоморфизме на грамматическом и лексическом уровнях (на материале современного русского языка) (Japanese Contributions to the Ninth International Congress of Slavists, 1983.— Tokyo, 1983, p. 1—8).

Митков М. (Yu) — Категориите *конкретност* и *апстрактност* во сознанието и нивниот одраз во изразната структура на македонскиот

јазик и на други словенски јазици (Реферати на македонските слависти за IX Меѓународен славистички конгрес во Киев.— Скопје, 1983, с. 55—62).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Blanár V. (ČS). Treba uvítať, že na program rokovaní sa dostala aj otázka typológie slovanskej antroponomastiky. Pravda, porovnávacie a typologické štúdium slovanských osobných mien predpokladá aspoň blízke teoretické východiská a metodologické prístupy. Osvetlovaniu základných pojmov a metodických postupov v onomastike i osobitne v antroponomastike sa venuje v posledných rokoch nemalá pozornosť, ale výsledky tohto úsilia sa len pomaly dostávajú do bádateľskej praxe. Do istej miery o tom svedčí aj prednesený referát prof. V. A. Nikonova. Napr. mnohé základné termíny, ako napr. dvojmennosť, trojmennosť (dodávam: jednomennosť) naozaj nie sú najšťastnejšie, ale ich terminologický obsah dnes nevymedzujeme vzhľadom na ich slovotvorný význam, ale vzhľadom na ich miesto v antroponomastickej terminologickej sústave. V. A. Nikonov právom sdôraznil dôležitosť neúradných (živých) osobných mien pre porovnávaciu slovanskú antroponomastiku. Stav výskumu živých osobných mien nie je taký bezútešný, ako by vyplynulo zo slov referenta. Napr. na Slovensku sme spracovali podľa vypracovanej teórie časť z dva a pol milióna v teréne zozbieraných neúradných osobných mien (V. Blanár — J. Matejčík «Živé osobné mená na strednom Slovensku», I, 1978, II 1983; 2. diel obsahuje pri charakteristike antroponymických mikrosystémov a stredoslovenského makrosystému údaje, ktoré sú porovnávateľné so stavom v iných slovanských neúradných antroponymických sústavách).

Ešte niekoľko myšlienok k problematike porovnávania a typológie slovanských osobných mien. Osobné mená porovnávame ako prvky príslušnej antroponymickej sústavy. V slovotvornej štruktúre osobného mena sa využívajú prostriedky jazykového systému cez možnosti, ktoré poskytuje daná antroponymická sústava. Takýmto prístupom sa dajú vysvetliť charakteristické typologické rozdiely v slovanských osobných menách. Vzhľadom na svoju antroponymickú hodnotu má rozdielnu platnosť rovnozvučná lexéma použitá napr. v platnosti rodného mena (*Petr-ík* — deminutívna forma k *Peter*), v platnosti priezviska (*Petr-ík*— prípona **-ík** ma «iba» diferenciačnú funkciu v pomere k priezviskám *Petr-ák, Petr-íček, Petr-ovský* a pod.). Antroponymickú hodnotu vytvára súbor relevantných špecificky antroponymických sémantických príznakov.

Милейковская Г. (P). В связи с тематикой доклада проф. В. А. Никонова хотелось бы высказать три соображения. Говоря о сопоставлении системы имен собственных в антропонимике, нельзя проводить сопоставление вне учета стилистической и языковой ситуации. Трехчленность русской системы антропонимики проявляется только в официальном документально-актовом стиле. Бытовая сфера пользуется только двумя членами — именем и отчеством, фамильярная ситуация — одним. Что касается польского языка, то в документальной сфере он также

имеет три члена, только член, соответствующий русскому отчеству, выражен словосочетанием syn Tadeusza, córka Michała. Система антропонимики должна сопоставляться в системе стилистической организации языка, а не вообще.

Когда говорят о древнейшем пласте первичных имен, в одном ряду обычно рассматривают омонимы нарицательные (*Бык, Болда, Первый*) и производные словообразовательные формы (*Друган, Досадка, Белялица, Беляй*). Между тем вторая группа является типологически и исторически совершенно другим классом слов, только антропонимических, хотя они долго сосуществовали рядом с первой группой (например, Новгородские кабальные книги начала XVII в.).

По отношению к нарицательному имени не может быть понятия эстетики имени. Частотность нарицательного имени постулируется типом текста, значением слова и др. Популярность, частотность имени собственного определяется тем, что одно имя считается красивым, другое — нет. При этом обнаруживается, что эстетика имени собственного может быть шире национальных границ. Так, польский и русский языки имеют в нарицательном материале совершенно разные нормы и толеранции в фонетической организации слова, тогда как в популярных женских именах их фонетические параметры совпадают. В нарицательных именах польская норма в отличие от русской допускает существование в границах слога до четырех и даже изредка пяти согласных. В женских именах, характеризующихся частотностью, как и в русском языке, группы согласных состоят главным образом из двух членов и организованы чаще по возрастающей звучности; преобладают открытые слоги (в польских женских именах 13 : 1, в русских — 12 : 1). Имя часто начинается на **а** или сонорную перед гласной (в польском — 40 %, в русском — 33 %). Высокую частотность имеют сонорные **л, л'; н, н'**, тогда как согласные в нарицательных именах имеют другую последовательность (**т, п** и др.).

Следовательно, изоляция подсистемы собственных имен имеет глубинные черты. А «красивость» собственного имени определяется, кроме экстралингвистических факторов, также, а может быть главным образом, особыми нормами его фонетической структуры.

Мокиенко В. М. (СССР). В. А. Никонов, как всегда, предлагает слушателям «остросюжетный» и темпераментный доклад на интересующую всех ономастов тему. Действительно, было бы заманчиво представить всю славянскую антропонимическую систему как нечто цельное, имеющее яркие типологические признаки, свойственные всем подсистемам. К сожалению, в устном изложении типология, представленная докладчиком, выглядит скорее тремя осколками цельной мозаики, о характере которой слушателю можно лишь строить догадки. Самый яркий осколок этой мозаики, пожалуй,— рассуждения В. А. Никонова об антропонимических композитах. И — скажу сразу — осколок обоюдоострый, режущий прямо по живой плоти общеславянской антропонимической системы. Докладчик категорично называет все славянские композиты «инородными именами», которые возникли как «подражание соседям» и «не имели никакой зацепки на почве славянских языков». Я никак не могу согласиться ни со столь категоричным

диагнозом, ни с аргументами, которые предлагает В. А. Никонов для его обоснования. Многие индоевропеисты (например, Э. Бенвенист) давно уже подвергли сомнению «аксиому» прошлого века о заимствованном характере композит в славянских языках. Ведь сам способ сложения корневых основ в одно слово древен, хотя активизация его в различных зонах была различной. Трудно согласиться с тем, что композиты — «антибудничные» имена. Как тогда трактовать такие имена, как *Перебийніс, Покатигорошек, Сломинога* и под., которые представлены в фольклоре многих славянских народов (ср., например, работы А. К. Кошелева о композитах).

Следовательно, этот типологический критерий о заимствовании композит и тезис об исконно «некомпозитном» типе славянских антропонимов «не работает» на общую типологию славянской антропонимии: он слишком глобален, чтобы быть принятым.

Маројевић Р. (Yu). Да би се испитала словенска антропонимија са типолошког аспекта, потребно је претходно извршити реконструкцију прасловенског антропонимског система. Један такав покушај реконструкције на основу староруског материјала дат је у нашем раду «Антропонимске категорије староруског језика (прилог питању реконструкције прасловенског антропонимског система)», Ономатолошки прилози, књ. IV (Београд, САНУ, 1983). У овом раду се доказује да је прасловенски језик имао три посебне антропонимске категорије са посебним ономатолошким значењем и посебном формом: лична имена, мушки патроними и имена по мужу.

И једна напомена. Није методолошки исправно типолошки поистовећивати облике са различитим значењем и употребом, као руске патрониме типа *Иванович* и српскохрватска презимена типа *Иванович*. Српскохрватска презимена типа *Попов* (укључујући и секундарна презимена «породичне надимне») настала су у оним говорима у којима се изгубило патронимичко значење облика на **-(ов)-ић**. У том смислу су карактеристичне области у којима су презимена махом на **-(ов)-ић**, а «породичне надимњи» (секундарна презимена) на **-ов, -ин.** Чичагов је показао да су руска презимена на **-ов, -ин** настала преображајем генитива очевог патронима у номинатив. Српскохрватска презимена на **-ов, -ин** настала су сингуларизацијом облика типа *Петрови (Петрови → Петров)*. Према томе, ни презимена на **-ов, -ин** у руском и српскохрватском језику нису типолошки идентична.

Бондалетов В. Д. (СССР). Отмечая черты сходства и различия в антропонимии славянских народов, В. А. Никонов пытается наметить типологию сходного и несходного и объяснить общее и специфическое собственно языковыми и экстралингвистическими факторами. Полностью соглашаясь с основными «единицами» сравнения (состав антропонимов, их структура, фонетические, грамматические и словообразовательные признаки и др.), отмечаем, что для определения степени сходства и различия между антропонимией славянских народов полезно было бы предпринять анализ статистической структуры их именников (особенно официальных имен) по предложенной нами количественно-качественной методике (см.: *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика.— М., 1983). Эта методика позволяет определить не только степень

сходства и различия (в процентах), но и все слагаемые их, то есть получить более полное представление о качественном составе и функционировании именников. С ее помощью можно измерить «расстояние» между именниками разных хронологических срезов, что немаловажно для сопоставления и сравнения темпов изменения именников разных народов.

Чучка П. П. (СССР). Я хочу возразить против той части доклада В. А. Никонова, в которой безосновательно утверждается, будто имена-композиты в древнерусский период были только именами социальной верхушки, а простой народ, якобы, не называл своих детей именами типа *Всеволод, Домажир, Ярослав*.

Изучение древнерусских текстов показывает, что носителями подобных имен там действительно чаще всего выступают князья. Но это вовсе не означает, что имена-композиты были чужды простому народу. Дело в том, что простые люди в древних памятниках письменности упоминаются исключительно редко, а следовательно, мы не можем так категорически заявлять, что двухсоставные имена не были свойственны широким народным массам. Если внимательно прочитать такие документы, как берестяные грамоты (например, № 320, 348, 509, 526 и др.), то можно убедиться, что носителями двухосновных имен на Руси нередко были также люди средних социальных слоев, например бояре, или даже люди более низких слоев древнерусского общества.

Отин Е. С. (СССР). Конфронтационное исследование славянской антропонимии только начинается. Здесь важно наметить перспективные направления. Одним из них является сопоставительное описание двух или нескольких национальных антропонимий в определенные периоды их функционирования. К сравнению должны привлекаться крупные и относительно равновеликие антропонимные массивы, например, украинская антропонимия реестра Войска Запорожского и относящаяся к этому же периоду южнорусская антропонимия донского казачества, получившая отражение в «донских делах»; для сопоставительного исследования современной антропонимии (фамилий) можно использовать телефонные справочники крупнейших городов России и Украины и т. д. Важно определить соотношение собственно национальных и заимствованных лексем в сравниваемых массивах; словообразовательные типы антропонимов, их репрезентативность (ср. лексикализацию словосочетаний в украинских прозвищах-фамилиях и факультативность этих структур в русской антропонимии и т. д.); способы образования производных форм (своеобразие и степень представленности в сопоставляемых антропонимиях); способы и средства отапеллятивного и отонимного образования антропонимов; соотношение коэффициентов тождества и расхождения с апеллятивной лексикой; степень лексической близости и характер различий сравниваемых антропонимов и т. д. Для успешного выполнения этой работы необходимо составление и издание словарей имен и фамилий, а также антропонимов других подклассов (прозвищ, андронимов, гинеконимов, патронимов и т. д.) по всем славянским языкам.

Зинин С. И. (СССР). Решение поставленной в докладе В. А. Никонова проблемы актуально, так как накопленный научно обработанный

материал антропонимии отдельных славянских языков требует его обобщения. К сожалению, в докладе есть постановка вопроса, но нет его решения, хотя бы предположительного. Очень неясна теоретическая позиция докладчика, так как многие отступления (например, о прозвищах, суффиксах субъективной оценки и др.), часто иллюстрирующие только русскую антропонимию, отвлекают от сути поставленной проблемы. При этом заметно, что эклектично собранные факты даются без учета общих закономерностей в славянской антропонимии, мотивированных общностью антропонимической базы в дохристианский период, влиянием православия и католицизма в раннее средневековье и др., без чего нельзя решать проблемы типологии в антропонимии славян. Нельзя согласиться с утверждением, будто славяне получили фамилии от западных соседей, так как процесс офамиливания связан, прежде всего, со сложным процессом формирования государственно-экономических отношений, где наблюдается общее и специфическое протекание этого процесса в конкретной славянской стране.

Сомнительно утверждение В. А. Никонова, будто у русских нет закона, регламентирующего употребление фамилий. На самом деле известны не только указы в России, определявшие употребление имен личных (при Петре I), отчеств (при Екатерине II), но и законы о толковании и употреблении термина «фамилия», в которых законодательно закреплялось употребление двух значений — «семья, род» и «наследственное именование», а также указ о замене вульгарных фамилий у рекрутов на благопристойные (середина XIX в.) и др.

Требует иллюстрации утверждение, что в святцах есть имена угрофинского происхождения.

Отождествление фамильного суффикса **-ич (-ичи)** с аналогичным суффиксом в русских отчествах требует теоретического обоснования, так как они уже противопоставлены функционально.

Встречающиеся в докладе ошибки, например, упоминание антропонимиста М. Железняк вместо исследовательницы И. М. Железняк, вызывают сомнение в абсолютной достоверности некоторых статистических данных без ссылок на источники (ср. 20 млн. носителей фамилий на **-ичи** и др.). Заметно, что В. А. Никонов очень мало использовал работы украинских и белорусских исследователей антропонимии.

Одинцов Г. Ф. (СССР). В докладе Г. А. Богатовой и др. справедливо подчеркивается, что важнейшие аспекты лексикографической работы находятся в непосредственной связи с намеченной Ф. П. Филиным программой лексикологических исследований. Два главных поставленных в докладе вопроса — о максимальной полноте словника и об отражении в словарной статье региональных моментов в истории слова — актуальны в наши дни и требуют к себе постоянного внимания. Действительно, необходимо расширять круг лексикографических источников, особенно рукописных, хотя работа по их выявлению и использованию весьма трудоемка.

Региональные моменты в истории слова должны находить отражение в словаре, но какое? Иногда читатели издаваемых в настоящее время исторических словарей утверждают, что надо сопровождать толкуемое слово территориальной пометой хотя бы в тех случаях,

если слово представлено в текстах одного определенного региона и если в современном языке оно известно лишь как диалектное, относящееся к тому же самому региону. Это нецелесообразно, особенно при составлении исторического словаря, в котором охватывается материал, относящийся к нескольким векам, каковым является, например, «Словарь русского языка XI—XVII вв.». Дело в том, что с течением времени может обнаружиться один или несколько памятников письменности, в которых встречается то же самое слово, но при этом относится к другим регионам. Кроме того, слово, являющееся областным по памятникам письменности XVI—XVII вв., может и не быть диалектным в более раннюю эпоху; территориальная помета при нем в таком случае, например, в «Словаре русского языка XI—XVII вв.», вводила бы в заблуждение. Возможно, однако, в наиболее очевидных случаях сравнивать в словарной статье (в скобках) древнее диалектное слово с современным, семантически тождественным ему и близким или совпадающим с ним по звуковому составу диалектизмом того же или другого региона, даже не делая при этом ссылок на современные диалектные словари.

Кодухов В. И. (СССР). Изучение словарного состава языка предполагает сбор и описание как можно большего количества слов — исторические и диалектные словари являются фактически базой любой лексикологической теории. Поэтому теоретическая и практическая работа коллективов, возглавляемая Ф. П. Филиным, О. Н. Трубачевым, Г. А. Богатовой, Ф. П. Сороколетовым, Л. П. Кутиной, имеет большое значение для русской и славянской лексикологии.

Принципы исторической и диалектной стратификации слов и их значений заслуживают поддержки и поощрения. Уже сейчас можно говорить об отличии праславянского и прарусского словарного фонда, древнерусского и среднерусского языков, словаря XVIII в., словаря XIX — первой половины XX в. и словаря современного русского литературного языка. Естественно, что завершение этимологических, исторических и диалектных словарей всех славянских языков эти выводы будет уточнять и углублять, но обобщения надо делать уже сейчас.

В то же время наряду со вскрытием многообразия словоупотребления в жизни отдельных языков и диалектов необходимо выделение ведущих тенденций в развитии словарного состава, наиболее употребительных слов и лексико-семантических групп слов для установления основных общих черт лексики и семасиологии славянских языков.

Судаков Г. В. (СССР). В исторической лексикологии русского языка наблюдается переход от фиксации отдельных фактов употребления и асинхронного описания семантики слова к изучению функционирования древнерусской и старорусской лексики в динамическом, жанрово-стилевом и ареальном аспектах.

Если для XI—XV вв. можно говорить о некоторых предполагаемых диалектизмах, то для XVI—XVII вв. возможно выявить диалектизмы очевидные. Историческая лексикология XVI—XVII вв. может утверждать что-либо о диалектном членении языка той поры с большей определенностью, чем современная диалектология о том же периоде с использованием ретроспективной методики. В связи с этим важно

добиваться равномерного привлечения источников с разных русских территорий. Вместо эпизодических косвенных указаний на место создания памятника желательно в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» сопровождать по возможности каждую иллюстрацию территориальной пометой.

В теоретическом и практическом плане решена проблема узколокального старорусского слова. Гораздо сложнее вопрос о лексемах, связанных с несколькими диалектными объединениями, так как в исторической лексикологии не проведено отграничение междиалектных лексем широкого распространения от разговорных фактов общерусского бытования. Решение этого вопроса видится в расширении источниковой базы лексикологических штудий, развитии региональной исторической лексикографии.

Исследования в области предметно-бытовой лексики выявили противопоставление севернорусской территории югу, а внутри них противостоят друг другу западная и восточная зоны. Границы диалектов средней России весьма неотчетливы. В западной части среднерусской территории вовсе не замечено какой-либо прослойки между севернорусскими и южнорусскими говорами, обнаружено значительное число слов, общих для западных зон севернорусской и южнорусской территорий.

Гринчишин Д. Г. (СССР). Регіональна характеристика слів в історичних словниках — важливий і необхідний компонент. Вона є цінним матеріалом для висновків про реальний внесок різних етногеографічних одиниць у складний і багатовіковий процес формування загальнонародної мови, для дослідження проблем мовних контактів, актуальних питань історичної лексикології, історичної діалектології. Особливо важливе значення має регіональна характеристика слів для висвітлення проблеми ролі й місця лексичних діалектів у системі писемно-літературної мови на різних етапах її історичного розвитку. На жаль, регіональній характеристиці слів в історичних словниках приділяється мало уваги. У зв'язку з цим в переважній більшості випадків ми не можемо дізнатися про ареал поширення того чи іншого слова. З метою відбиття в історичних словниках регіональної характеристики слова потрібно якнайширше залучати до канону джерел словника пам'ятки з різних територій, причому враховувати тип пам'ятки, особу писаря. У цьому плані багатий матеріал містять записи на полях книг, книги прибутків і витрат, документи сільських канцелярій, народні пісні, інтермедії тощо. Необхідно також обов'язково вказувати при екземпліфікації місце написання пам'ятки.

При визначенні лексичного та семантичного діалектизму в історичних словниках потрібно брати до уваги територію (ареал) поширення слова у пам'ятках і його паралелі у сучасних говорах та діалектах. Якщо дані пам'яток, а також відповідних джерел, зокрема діалектних словників, дозволяють локалізувати діалектний відповідник, то його потрібно подавати згідно з загальноприйнятим групуванням говорів. Наприклад: укр. **кичера** *діал.* гора, вкрита лісом, крім вершини (гуц.).

Сумникова Т. А. (СССР). Региональная характеристика слова при составлении исторического словаря общефилологического типа в настоящее время представляется неразрешимой задачей. На сложность

ее для русской письменности XV — XVII вв. было обращено внимание на этом заседании в выступлении Г. В. Судакова.

Еще большую трудность испытывают составители словаря более отдаленной эпохи, ибо им приходится иметь дело с различными в жанровом отношении оригинальными и переводными памятниками, многие из которых не содержат указаний на место их написания в пределах восточнославянской территории. Сложность разграничения общеупотребительных и региональных слов, разрешимая в известных пределах в лексикографических исследованиях, усугубляется в этом случае еще и возникающей проблемой заимствований.

«Словарь древнерусского языка (XI — XIV вв.)» (СДРЯ), работа над которым ведется в Москве в Институте русского языка АН СССР (от А до половины слов на букву О она проводилась под руководством чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова), дает при части грамот указание на место их написания, например, «новгородская», «полоцкая», «рязанская», «южнорусская» и т. п. Но эта помета при сокращении названия грамоты в словарной статье характеризует лишь территориальную принадлежность памятника, а не каждого входящего в ее состав слова. Задача СДРЯ XI — XIV вв., построенного на принципе сплошной выписки всех слов в каждом их употреблении в избранном круге восточнославянской письменности XI — XIV вв. в списках не позднее первой половины XV века,— дать надежный материал для дальнейших раздумий лексиколога.

Выход в свет первого тома СДРЯ XI — XIV вв. (буквы А, Б, часть В, список источников, вступительная статья) предусмотрен планом издательства «Русский язык» на 1985 г.

Маројевић Р. (Yu). Проблем «региональной характеристики слова» у Сл.РЯ XI — XVII вв. своди се на «указание на региональную принадлежность памятника» и само у том смислу може имати смисла. Указивање на регионално обележје речи у речнику какав је «Словарь русского языка XI — XVII вв.» не може се доследно спровести због «тројезичности» наведеног речника: Сл.РЯ XI — XVII вв. је, прво, речник руског језика XV — XVII вв., друго, речник староруског (општеисточнословенског) језика XI — XIV вв., који се од претходног знатно и типолошки разликује, и треће, речник са знатним бројем јединица (лексичких и граматичких) црквенословенског (старословенског) језика.

Гринчишин Д. Г. (СССР). Проблема слов'яно-східнороманських контактів привертала увагу багатьох дослідників — як румунських, так і зарубіжних. Велике значення для дослідження цієї проблеми мають слов'янські грамоти XIV — XVI ст., що вийшли з канцелярій молдавських, волоських господарів. Ці грамоти містять цінний матеріал для з'ясування природи слов'янської мови у Молдавії, Валахії, Трансільванії, для висвітлення співвідношення слов'янських, східнороманських та іншомовних елементів у мові грамот на різних рівнях — лексичному, фонетико-графічному, граматичному і словотвірному.

У доповіді румунських лексикографів (Г. Болокана та ін.) висвітлено основні принципи побудови словника слов'янських грамот XIV —

XVI ст. Цілковитого схвалення заслуговують самий тип словника як словника-тезауруса, включення у реєстр словника багатої й різноманітної ономастичної лексики, подача фонетичних, графічних та морфологічних варіантів, подача форм слова, побудова словника на матеріалі рукописних пам'яток, фотокопій та вдало виданих з філологічного погляду пам'яток, наведення цитат у хронологічному порядку та ін. Разом з тим хочеться висловити окремі міркування. На нашу думку, включення в словник молдавських і валаських грамот з наукового погляду не зовсім виправдане, оскільки ці грамоти, як показали дослідження вчених, сильно відрізняються не тільки мовними, а й стилістичними рисами. Тому доцільно було створювати два словники: словник слов'янських грамот Молдавії і словник слов'янських грамот Валахії. Порушено принцип щодо розміщення лексичного матеріалу. При слов'янському матеріалі виділяються окремо топоніми і антропоніми, тоді як при румунському вони об'єднані. Невиправданим є поділ апелятивної лексики на румунську і слов'янську, оскільки при такому поділі поза словником залишаються численні мадяризми, грецизми, тюркізми. Для кращого користування словником варто було б фонетичні й графічні варіанти слова подавати не в кінці словникової статті, а при реєстровому слові.

Olteanu P. (R). Súhlasime so zásadami a myšlienkami o vytvorenie i o dôležitost' «Словаря славяно-румынских грамот XIV— XVI вв.». Utočníme, že jazyk rumunských listov a listinov je viac rumunský po štrukturnej stránke. V lexike sú početné rumunizmy. Slovanský lexik obsahuje početné archaizmy i dialektizmy (napríklad slová *račiti — račenie, račitel'*).

V niektorých listoch a listinoch z Moldovy jestvujú čechizmy a slovakizmy. Poukázali na to prof. J. Macůrek (Brno), J. Stanislav (Bratislava).

V tej istej liste alebo listine stretávajú sa bulharizmy: **овємзн, болѣрн, поне** etc. i srbizmy **мегю вас, хокет, веке**. V Transilvanii stretávajú všetke tri redakcije *(Олтяну П.* Особенности славянского языка в Трансильвании.— Romanoslavica). Pri vytvorení toho slovníka zaužívajú vyše poloviny slavjano-rumunských gramot. Úlohou rumunských autorov z Lingvistického ústavu v Bukurešti bude doplnit' istoriu lexika nárečí i jazykov slovanských ako aj istoriu starej rumunčiny.

Бучко Д. Г. (СССР). Составление четырехтомного словаря славяно-румынских грамот XIV — XVI вв., писанных на территории Молдавии, Валахии и Трансильвании, представляет для славистов большой интерес. Уже вышел первый том этого издания, словник которого составляют романские элементы этих грамот. Три последующих тома распределены так: для славянской нарицательной лексики предназначен второй том, для топонимии — третий, для антропонимии — четвертый том.

Такое распределение томов между лексикой названных грамот кажется нам не вполне оправданным. Во-первых, язык этих грамот является не одинаковым — грамоты с территории Молдавии написаны на староукраинском языке, а с территории Валахии и Трансильвании —

на южнославянских языках. Объединение же славянской лексики всех этих грамот в один том считаем неправомерным. Во-вторых, выделение лишь одного тома для славянской нарицательной лексики этих грамот, являющихся практически славянскими, также не считаем оправданным. Не вполне удачным считаем и сам термин «славяно-румынские грамоты». Решающим для определения типа грамоты следует считать язык, а не территорию, где написана сама грамота.

Положительным считаем выделение ономастического материала в отдельные тома, однако, как нам кажется, более целесообразным было бы объединение топонимического и антропонимического материала в один том.

Кочев И. (НРБ). Бих искал да взема отношение само по един терминологичен въпрос. В доклада наред с другите редакции (изводи) на «старославянския» език се говори и за български извод. Като се има пред вид, че т. нар. «старославянски» език в същност е старобългарски език, у авторите се получава тавтологичното недоразумение — български извод на български (в случая старобългарски) език — нещо, което е невъзможно и безсмислено. Няма българска редакция на «старославянския» език, а среднобългарски езиков развоен период.

Urbańczyk S. (P). Referat doc. Ruska uprzytomniał nam, jak cenne można osiągnąć wyniki w badaniach nad geografią wyrazów. Uprzytomniał również, jakie do tego potrzebne jest znawstwo trudno dostępnych a często jeszcze nie publikowanych faktów. W przyszłości, w miarę publikowania słowników historycznych i gwarowych, będą te studia łatwiejsze. Z referatu doc. Ruska wynika także, że liczba prasłowiańskich wyrazów o ograniczonym zasięgu może zmaleć. Dla dobra nauki warto by sporządzić prasłowiańskie listy wyrazów o ograniczonych dziś zasięgach. W następnym etapie należałoby przez specjalne badania sprawdzić, czy ich zasiąg był w przeszłości tak rzeczywiście jak dziś ograniczony. Jeżeli przyjmiemy, np., że przodkowie Czechów wywędrowali z «praojczyzny» w VI w., to się pokaże, że od tej wędrówki a zapisania większej ilości słownictwa w XIV i XV w. upłynęło aż 800-900 lat. Podobnie w innych krajach słowiańskich. Przez tyle wieków mogły, a nawet musiały zajść wielkie straty w odziedziczonym słownym zasobie.

Кочев И. (НРБ). Докладът на Русек поставя интересни проблеми за т. нар. «севернославянизми» в български език: *бáран, сосна, грыб, сука, варбел, слимáк,* които днес имат ограничен в териториално отношение обхват.

Докладът обаче не винаги е прецизен в терминологично отношение, особено що се касае до териториалните названия, които в известни случаи се разглеждат едва ли не като чуждоезичнобългарски, и то в исторически план. След известна преработка съобщението на Русек би постигнало по-добре поставените цели.

Ткаченко О. Б.(СССР). В своем чрезвычайно интересном докладе В. М. Мокиенко нарисовал вполне реальные перспективы ареального описания восточнославянской фразеологии. Я не могу коснуться всех сторон задуманного докладчиком и уже реализуемого огромного предприятия — ареального описания восточнославянской фразеологии. В целом подход к решению этой сложной задачи представляется пра-

вильным. Позволю себе только некоторые соображения, учет которых, возможно, был бы небесполезен в этом большом деле. Поскольку, как учит опыт языковой истории в целом, очень многое в языке калькируется, а ареальное описание будет в конечном счете служить установлению праславянской, восточнославянской и сугубо национальной фразеологии в каждом из восточнославянских языков, очень важно научиться отделять то, что действительно могло сложиться исторически спонтанно в каждом языке, от того, что могло возникнуть в результате межъязыковых контактов. И второе. Исследователи полабского языка, например, находят, по-видимому, действительно существовавшие в нем реальные факты и так называемые переводные (книжные) образования, созданные составителями словарей (видимо, подобные явления возможны и в области полабской фразеологии). Кое-что похожее, несомненно, может появиться и среди восточнославянских фразеологизмов. Надо было бы выработать какие-то критерии, которые бы помогли избежать в ареальной фразеологии этой, видимо, неизбежной, особенно на первых порах, детской болезни. Наверно, здесь помогут и обычная диалектологическая работа, и умело составленные вопросники, и рациональная система проверки собираемого материала. Работы здесь много, и работы сложной.

Matešić J. (BRD). Ja se u svemu slažem što nam je izložio prof. Mokienko. O njegov prijedlog da što prije treba početi s izradom frazeološkog atlasa istočnoslavenskih naroda ja bih upodpunio sa zahtevom da treba početi s izradom frazeološkog atlasa svih slavenskih naroda. Tu treba provesti mnogo predradnji, np. izraditi terminologiju, skupiti frazeološki materijal pojedinih naroda itd.

Predlažem da na X kongresu treba bezuvjetno osnovati podsekciju «Slavenska frazeologija», kako bi se sva problematika i pitanja po frazeologiji mogla razmotriti na jednom mjestu, a ne heterogeno kao što je to, nažalost bio slučaj ovdje u Kijevu.

Удовиченко Г. М. (СССР). Положения и рекомендации, высказанные в докладе В. М. Мокиенко, в достаточной степени аргументированы и убедительны. Заслуживают пристального внимания мысли докладчика о расширении объекта фразеологии. Известно, что основой теоретических исследований фразеографии были фразеологизмы, представленные преимущественно в художественной литературе, в то время как семантические и структурные варианты узуальных фразеологических единиц (а этих вариантов, как справедливо замечает В. М. Мокиенко, нередко множество) бытуют в речетворческой практике людей различных регионов. Несомненно, собранный фразеологический материал в пределах изоглосс будет иметь большое значение не только для лингвистики, но и для славянского этногенеза. И тем не менее ареальное описание фразеологизмов осложняется пока что неразработанностью методики сбора фразеологического материала. Поэтому реализация идей, изложенных в докладе В. М. Мокиенко, предполагает создание общеславянской, или региональной, или ареальной программы сбора фразеологических единиц.

Бортэ Л. В. (СССР). В докладе проф. Ф. Йонэсигэ на конкретном материале русского языка разрабатывается идея, лишь намеченная в

языкознании, о том, что одно и то же содержание может быть представлено разноуровневыми языковыми единицами — в лексике и грамматике. Например, значение множества — окончанием (*стол*-**ы**) и лексемой (*много*). Ф. Йонэсигэ детально анализирует возможности репрезентации в русском языке содержания «направление движения» в лексемах *дорога, путь* и предлогах *на, в;* «однонаправленное — определенное (в терминологии автора) движение» и его выражение в группе процессуальных глаголов типа *идти*. К сожалению, в массе тонких наблюдений тонут (или совсем не представлены) общие выводы. Между тем, важный результат, идущий из материала исследования, заключается в том, что интерпретации категории вида в грамматиках (от А. Пешковского до В. Виноградова, А. Бондарко) нуждаются в уточнении и даже пересмотре. Анализ конкретного материала Ф. Йонэсигэ показывает, что вид — это количественная характеристика процесса, мера и исчисляемость процесса, как это подчеркнуто в работах проф. В. Мигирина. Подобная характеристика может быть представлена в языке лексическими средствами и грамматическими формами. Следовательно, данную категорию необходимо изучать на материале текста, а не только слова или предложения, как это сделано в докладе Ф. Йонэсигэ, отчего здесь не учтен ряд значений анализируемых слов и форм и, напротив, некоторые значения типа «дождь идет» для слова *идти* выходят за пределы исследуемого семантического ряда. Тем не менее обращение к проблеме, детальнейший анализ конкретного материала чрезвычайно перспективны и заслуживают одобрения.

Станков В. (НРБ). В доклада на колегата Митков бяха поставени интересни въпроси, свързани с категорията конкретност/абстрактност,— наистина, повече в логически аспект. При интерпретирането на въпроса за езиковия израз на тази категория авторът, според мене, е допуснал някои неточности. Напр., струва ми се, че той е много категоричен, като маркира със знак абстрактност само сегашно, бъдеще и минало неопределено време, а всички останали времена маркира с белег конкретност. Имперфектът в българския език в определени свои употреби също е маркиран със знак абстрактност. Това явление не се наблюдава в същия вид в останалите славянски езици, където с малки изключения темпоралната система е твърде опростена. Интересна е и тенденцията (която не беше отбелязана в доклада) абстрактните съществителни имена, когато изразяват неопределеност, да се употребяват без неопределителен член, т. е. с нулев неопределителен член, а конкретните съществителни имена да се употребяват с неопределителен член *един,* който в определени позиции е задължителен. Такава тенденция също липсва в останалите славянски езици, които не познават категорията определеност/неопределеност на имената. Изобщо струва ми се, че в доклада не беше достатъчно наблегнато именно на тази специфичност, която намира израз и в редица други отношения.

Утреннее заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Szymczak M. (P) — Nowe tendencje rozwojowe zachodniosłowiańskich czasowników częstotliwych (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 417—423).

Chloupek J. (ČS) — Vyjadřovací dichotomie ve slovanských jazycích (Československá slavistika.— Praha, 1983, s. 31—36).

Thelin N. B. (S) — Типология глагольной префиксации и ее семантики в славянских языках.

Sokołowski J. (P) — Słowiańskie negatywa z prefiksem **ne-** (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 405—415).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Селимски Л. (НРБ). Przy ewentualnym dalszym opracowywaniu tej problematyki perspektywnym byłoby, moim sdaniem, przyglądnąć się wszystkim rozpatrywanym faktom z punktu widzenia podstaw słowotwórczych poszczególnych przykładów, sfer użycia (mowa potoczna: język literacki) a związanej z tym większej czy mniejszej częstotliwości użycia.

Alternacja **o/a** jest najbardziej typową w czasownikach pierwotnych lub odczasownikowych. Jest ona dodatkowym środkiem (submorfem) cimperfektywacji towarzyszącym zmianie koniugacji (lub zmianie samogłoski tematycznej) oraz zmianie końcowej spółgłoski tematycznej *(chodzić — chadzać)*. Oczywiście chodzi tu o czasowniki o relatywnie większej częstotliwości użycia. Alternacja natomiast jest mniej typową u szasowników denominalnych, których liczba, wydaje mi się, rozrasta się o wiele więcej w porównaniu z liczbą czasowników pierwotnych lub odczasownikowych, zwłaszcza w języku literackim — w związku z rozbudowywaniem terminologii naukowo-technicznej, najjaskrawszym przykładem czego jest przytoczony przez autora czasownik *uwodornić*. Stąd skierowanie rozwoju do ograniczenia alternacji, który obserwuje się niemal że we wszystkich językach słowiańskich. W języku bułgarskim zjawisko to zaszło dalej w porównaniu z polskim, ponieważ jest to ułatwione przez niesamowite tutaj rozbudowanie — pod wpływem języka rosyjskiego — tworów z poszerzonymi przyrostkami **-ва** lub **-ава/-'ава,** charakterystyczne dla języka literackiego, por. bułg. *готвя: подготвям/приготовлявам* (z rosyjskim I'po *vj) z gwarowym lub potocznym *подгатвям*.

Георгиева Е. (НРБ). Без да засяга аналогичните процеси в българския език, докладът на проф. М. Шимчак представлява несъмнен интерес за оценяване на явления, протичащи и в съвременния български книжовен език. Не става дума за напълно аналогични явления, макар, че в основата си те отговарят на една и съща тенденция. Става дума за системна проява (забелязвана предимно в узуса) към подчертаване (или експлициране по формален път) на несвършеността (в граматичен мисъл) и на повторителността (в семантичен смисъл) на някои дву-

видови глаголи, заемки в българския език, завършващи на **-ирам.** Формалното експлициране става с помощта на въвеждане на суф. **-вам** (или на елемента **-в-** в и бездруго съставния суф. **-ир-ам),** който по-категорично изразява значенията несвършеност (повторителност), напр. *анализирам — анализирвам, констатирам — констатирвам, синтезирам — синтезирвам.*

Jedlička A. (ČS). Prof. J. Chloupek se ve svém referátě dovolal i některých výchozích přístupů a pojmů, které jsme propracovali v české teorii spisovného jazyka sociolingvisticky orientované. K řešení složité problematiky stratifikace národního jazyka a k určení iednotlivých útvarů (různotvarů), zvláště tzv. přechodného pásma mezi jazykem spisovným a dialektem může přispět i diferenciace typů norem, která se nově propracovává. Vedle základního typu jazykové normy, vypracovaného v české lingvistice akad. B. Havránkem, a nazývaného dnes diferencovaně normou systémovou, ukazuje se vhodným a potřebným vydělit tzv. komunikační normu. Komunikační norma je charakterizována jednak ve své složce jazykové, jednak nejazykové. Složka jazyková se manifestuje ve dvou směrech: uzuální distribucí jazykových útvarů v komunikačních sférách a smíšeným jazykovým charakterem projevů (tj. výskytem různonoremních prvků v nich) v některých komunikačních sférách, především situačních. Prof. Chloupek se zmínil o možnosti detailního členění útvarů tzv. přechodného pásma. Bylo by přitom vhodné diferencovat mezi útvary (těm je vlastní systémová norma) a mezi různými komunikačními variantami (varietami) smíšeného charakteru, které se v současné komunikaci v jednotlivých slovanských jazycích v různé míře a diferencovaně uplatňují a jejichž charakteristice se věnuje v příslušných lingvistikách pozornost.

Siatkowski J. (P). W związku z referatem J. Chloupka nawiązującym do wieloletniej dyskusji o stosunku języka literackiego (spisovná čeština) do języka potocznego wersji literackiej (hovorová čeština) i wersji nieliterackiej (obecná čeština) chciałbym zwrócić uwagę na różnice w sytuacji językowej między językiem czeskim i polskim.

Różnice sytuacyjne w języku polskim dotyczą głównie środków składniowych i leksykalnych, ale nie morfologicznych i fonetycznych. Tzw. «wiech» pełni inną funkcję, funkcję żargonu. Nawiązuję tu do wypowiedzi Ivicia o języku rosyjskim i serbskochorwackim.

W języku polskim dochodzi do ścierania różnic między wypowiedzią oficjalną i potoczną. Pod wpływem prasy, radia i telewizji środki oficjalne przechodzą do języka potocznego, co prowadzi do niepożądanego zubożenia stylistycznego języka.

Багмут А. И. (СССР). Дихотомия письменного/устного языка, resp. официального/неофициального характера высказывания, получила в докладе Я. Хлоупка проекцию на дихотомию «литературность»/ «нелитературность» с учетом территориальных диалектов. Известно, что в традиции чешской лингвистики говорить о тройном делении: литературный язык — разговорный язык (obecná čeština) — диалект (resp. нелитературная речь, арго, сленг). Внимание к дихотомическим различиям литературности (связанным с письменным языком) и нарушением литературных норм в устной (разговорной) речи позволяет

автору по-новому ставить ряд вопросов. Это, прежде всего, вопрос об изменении коммуникативных условий, о социолингвистическом аспекте коммуникативного акта. Однако тезис о нелитературности устной (в частности, чешской) речи не кажется нам бесспорным. Более аргументированным является тезис Е. А. Земской о наличии своеобразной системы устной речи, отличной от системы письменного языка. Внимание к процессу речеобразования позволяет отказаться от понимания целого ряда речевых фактов как нелитературных — это касается как фонетических, так и синтаксических явлений(характер актуализации, порядок слов, семантика высказывания и др.). Доклад Я. Хлоупка представляет безусловный интерес и в плане теоретическом, и в плане практическом.

Георгиева Е. (НРБ). Докладът на проф. Я. Хлоупек прави особено силно впечатление с опита да се преосмислят теоретически някои явления в речевата практика, имащи пряко отношение към съвременната езикова ситуация и в българския език. Представената от него дихотомия книжност — некнижност като прояви на съществуващи езикови реализации или като тенденция, преднамерено създавана с оглед на известно модално-стилистично преразпределение на езиковите средства в определен ред, като напр. престижност — книжност (книжовни образци в най-строг смисъл); фамилиарност — нарушаване на строгата нормативност в рамките на допустимата книжовна вариантност с вмъкване на лексикални елементи от жаргона; сниженост — нарушаване на книжовните норми с рядко преднамерено въвеждане на диалектни елементи особено в областта на изговора. Тенденцията има определено стилистично предназначение. Характерно е това, че в зависимост от комуникативните сфери рядко се увеличава употребата на средства, маркирани с престижност и на средства, маркирани със сниженост. Увеличаването на престижността става чрез използване на средства, характерни за писмената реч, в рамките на устната реч, която чрез това се превръща в псевдоразговорна реч.

Gutschmidt K. (DDR). Im Vortrag von Prof. J. Chloupek wird am Beispiel der tschechischen Sprache sehr überzeugend gezeigt, daß im Zusammenhang mit der Entwicklung der Gesellschaft und der Veränderung der Sprachsituation auch die Hierarchie der Merkmale ändert, mit denen im Bewußtsein der Spachbenutzer der Begriff der Literarizität — Nichtliterarizität (spisovnost — nespisovnost) der sprachlichen Ausdrucksmittel verbunden wird. Vom Gesichtspunkt einer anzustrebenden Typologie der Sprachsituationen in den slawischen (und darüberhinaus auch nichtslawischen) Ländern scheint es jedoch zweckmäßig und notwendig, die Opposition Literarizität — Nichtliterarizität weiter zu gliedern. Wenn in der vornationalen Epoche und in der frühnationalen Periode die Opposition Literarizität — Nichtliterarizität tatsächlich vor allem mit der Gegenüberstellung der Übermittlungsformen der Kommunikate — nämlich schriftlich versus mündlich — verbunden war, so ist heute innerhalb der literatursprachlichen Mittel eine Gegenüberstellung von nichtkolloquial — kolloquial (nehovorové — hovorové) in Bezug auf schriftlich — mündlich zu beobachten. Das gilt z. B. für das Russische, Bulgarische, weniger wohl für das Tschechische. Weiter, während Nichtliterarizität

in Bezug auf das Russische oder Bulgarische vor allem Mundartlichkeit (nářečovost) bedeutet, ist im Tschechischen nespisovnost vor allem als Nichtmundartlichkeit ausgeprägt, d. h. wir haben es hier mit einem ausgeformten System einer nichtschriftsprachlichen Umgangssprache zu tun.

Бондарко А. В. (СССР). В интересном и проблемном докладе Н. Телина поставлены и остро интерпретированы ключевые вопросы предельности в ее отношении к виду. Я не могу согласиться с тезисом о принципиальной разнородности акциональной семантики предельности и видовой семантики. Отношение действия к пределу — это семантическая доминанта поля аспектуальности. Данное отношение проявляется: а) как противопоставление направленности/ненаправленности действия на достижение предела (ср. *гулять* и *разрабатывать*); б) как противопоставление направленности действия на предел его реального достижения (ср. *разрабатывать* и *разработать*); в) как ограниченность действия пределом (не только в случаях типа *написать*, но и *посидеть* — при целостности, сопряженной с временным ограничением длительности действия; ср. также *заволноваться, полюбить, мигнуть, засвидетельствовать* и т. п.). Все типы отношения к пределу связаны с видом. Направленность действия на достижение предела могут выражать только глаголы несовершенного вида. Ни один глагол совершенного вида ни в одном из славянских языков не способен выражать это значение. Реальное достижение предела в эксплицитной форме может быть выражено совершенным видом, хотя в определенных условиях контекста выражение данного значения возможно и при несовершенном виде. То же следует сказать об ограниченности действия пределом. Комплекс признаков отношения к пределу не совпадает с видовыми значениями, но этот комплекс нельзя отделить от семантики вида. На этой связи строится поле аспектуальности. Значение тотальности (целостности) нельзя оторвать от значения ограниченности действия пределом. Это разные стороны единого значения: действие целостно именно в силу ограниченности его пределом. Неясно, что такое глубинные семантико-синтаксические структуры в области аспектологии. Неясно, почему подход В. В. Виноградова, Б. Н. Головина, Ю. С. Маслова, А. В Бондарко и ряда других ученых (доклад, с. 4) к предельности и виду является сходным с «характерным для англо-американской лингвистики отождествлением аспектологии с семантической типизацией глаголов и глагольных фраз» (там же) и почему этот подход «угрожает завести современную аспектологию в тупик» (там же). В целом же полемическая постановка всех этих вопросов в докладе Н. Телина и дальнейшее обсуждение этой проблематики будет способствовать развитию разных направлений аспектологии и более четкому осознанию различий в теоретических позициях этих направлений.

Běličová-Křížková H. (ČS). Можно согласиться с тем, что совершенный вид не обязательно связан с предельностью, т. е. признак «тотальность», с которым работает проф. Н. Телин (но можно работать также с признаком «комплексность» и др.), накладывается и на семантику глаголов непредельных. Но вторичные имперфективные глаголы в

русском, болгарском, польском языках, закрепленные за контекстом, предполагающим узуальное действие, или же за так называемым настоящим историческим и сценическим, которые проф. Телин считает дефективными в видовом отношении, т. е. не входящими в видовую пару, являются как раз характерным примером глаголов. У проф. Телина на первый план выдвигается в основном одно из контекстуальных значений данных глаголов, но те же глаголы употребляются также в настоящем историческом и сценическом. В контексте настоящего исторического /сценического в данном случае абсолютно невозможно интерпретировать такие глаголы, как «обязательно тотальные», но им можно приписать признак «предельность». Именно необходимость выразить предельность, закрепленную за префиксом, приводит к образованию вторичных глаголов несовершенного вида в тех языках, которые ограничивают употребление глаголов совершенного вида. Если бы глаголы несовершенного вида вроде рус. *прочитывать,* болг. *написвам* и т. п. были связаны с признаком «тотальность», то было бы непонятно, почему они образуются. То обстоятельство, что глаголы совершенного вида в ряде контекстов в некоторых славянских языках исключены, имеет своим следствием образование вторичных имперфективов, сохраняющих предельное значение перфективов. Глагол несовершенного вида нельзя интерпретировать в зависимости от контекста то как «тотальный», то как «нетотальный»; несовершенный вид в ряде контекстов оставляет признак «тотальность» невыраженным, а в других контекстах связан с «отсутствием тотальности».

Силина В. Б. (СССР). Кажется несколько односторонним представленный в докладе проф. Н. Телина подход к оппозиции предельности/непредельности как к семантико-синтаксическому противопоставлению, связанному только с префиксацией. Обращение к диахроническому рассмотрению проблемы дает возможность установить, что семантическая оппозиция предельности / непредельности была одним из конституирующих факторов развития славянской видовой системы Из общей массы позднеславянских непроизводных глаголов (т. е. глаголов формально нехарактеризованных) получить видовой статус первоначально могли только те, у которых предельность была составной частью лексической семантики (*пленити, решити, скочити, ступити, хватити* и т. п.). И хотя в эпоху становления первичных видовых различий выражение предельности действительно получило прямую связь с префиксацией, весь корпус непроизводных глаголов приобрел распределение по совершенному/несовершенному виду, исходя из отношения к предельности/непредельности. Это семантическое противопоставление сохранило свою роль в конструировании видовой семантики и в наши дни.

Смирнов Л. Н. (СССР). Содержательный доклад проф. М. Шимчака посвящен характеристике новых тенденций в развитии многократных глаголов в западнославянских языках. Обращение к данной теме вполне оправдано, так как категория многократности в западнославянских языках проявляется в специфических глагольных формах. Как правильно подчеркнул докладчик, эта категория и в настоящее время является в рассматриваемых языках живой и продуктивной. На фоне

обзора формальных средств, используемых для выражения многократного действия (суффиксация, чередование **о/а** в глагольной основе), докладчик освещает новые явления и тенденции в сфере многократных глаголов в польском, чешском и словацком языках. Хотелось бы подчеркнуть плодотворность использования сопоставительного метода при исследовании данного вопроса. Это дало возможность сделать интересные наблюдения о динамике и преобразовании формального аппарата выражения многократности действия, о взаимовлиянии сравниваемых языков в рассматриваемой сфере морфологии глагола. Убедительно показано, с одной стороны, «давление» традиционной формально-морфологической системы при возникновении новых многократных глаголов, с другой — действие новых тенденций (активизация суффиксальных средств, ограничение, сужение сферы действия альтернации **о/а**). Это особенно ярко проявляется при образовании многократных форм от префиксально-суффиксальных отыменных глаголов типа spolszczyć, udoskonalić и др. Автор сосредоточил свое внимание на формально-морфологической характеристике многократных глаголов, анализируя их и в аспекте нормативности, что тоже очень существенно. Представляется, однако, что рассматриваемые глаголы интересны и в плане семантики, в частности, было бы целесообразно выявить в них взаимодействие сем многократности и имперфективности.

Несколько слов по докладу проф. Н. Телина, в котором сделана интересная попытка выявить типологически существенные семантические признаки глагольных приставок и свести их в определенную систему на основе применения компонентного анализа. Общая концепция автора, известная и по его ранее опубликованным работам, не во всех своих пунктах представляется вполне убедительной и бесспорной, однако она содержит ряд новых, важных идей и положений, которые могут быть перспективными для дальнейших аспектологических исследований. В этом плане нам кажется важным подчеркивание роли противопоставления «предельность»/«непредельность» для понимания акциональной семантики глагольных приставок и нетрадиционное специфическое толкование этого противопоставления, которое связывается автором не только с семантикой самой глагольной словоформы, но и с семантико-синтаксической структурой предиката.

Кажется чрезмерно категорическим тезис докладчика о том, что положение о «пустых» («чистовидовых») приставках уже сыграло свою роль и стало догмой, тормозящей в настоящее время дальнейшее развитие науки о глагольной префиксации. По нашему мнению, признание чистовидовой функции глагольных приставок базируется на бесспорном факте их полифункциональности, оно вовсе не означает полного отождествления функции префиксации с функцией выражения совершенного вида, как думает докладчик, и никак не затрагивает другие функции приставок. Компонентный анализ семантики глагольных приставок может, как нам кажется, проводиться и при признании их чистовидовой функции.

Thelin N. B. (S). Интересно отметить, что, в отличие от коллеги А. В. Бондарко, коллега Х. Беличова поддерживает мое принципиальное разграничение категории предельности как семантико-синтакси-

ческого явления и видо-семантического противопоставления ± *тотальность*. В этих условиях совершенно естественно, что формы совершенного вида могут не выражать предельности или, точнее, достижения предела. Необоснованным, однако, представляется мне возражение коллеги Беличовой против постулированной мною в случаях так называемых дефективных глаголов «обязательной тотальности». Утверждению ее, что в данных случаях налицо «процессуальность», противоречит тот неоспоримый факт, что эти глаголы как раз не могут выражать актуальные процессы. При указанном мной условии, что такие глаголы вообще выражают отнесенные ко времени действия, они, как правило, могут употребляться только для выражения итеративности или исторического, репортажного, сценического, а также «будущего» презенса. При этом речь идет именно о тотальном видовом представлении действий, в случаях презенса — транспонированных из прошлого в настоящее (исторический презенс) или из будущего в настоящее (будущий презенс), или же — в целях секвенсирования — из актуального настоящего в «прошлое настоящее» (репортажный и сценический презенс).

Узуальное значение, выражаемое данными глаголами в случаях неотнесенности ко времени, нельзя отождествлять со значением «процессуальности». Аргумент коллеги Беличовой, что данные глаголы входят в «видовые пары», является поверхностно-морфологическим и не учитывает полисемию несовершенных форм вообще и приведенную здесь специфику так называемых дефективных глаголов в отдельности.

На фоне указанных условий меня не убеждает сомнение коллеги Бондарко в необходимости постулировать глубинные структуры. Только в рамках глубинной иерархически-компонентной модели видовой семантики можно логически объяснить и предсказать конкретное употребление видовых форм. В этих условиях становится ясно, что неразграничение исконно видовых противопоставлений, с одной стороны, и семантико-синтаксических явлений — с другой, действительно может завести современную аспектологию в тупик. Попытаюсь разъяснить, почему. Чтобы оправдать тезис о слиянии противопоставлений + *предельность* и ± *тотальность* (как выражение достижения/недостижения предела) в единой аспектуальной системе, коллега Бондарко прибегает к дифференциации понятия предельности. По его мнению, оно может означать не только направленность действия на предел, а также ограничение действия. Таким образом, становится возможным согласовать мой контраргумент, т. е. делимитативные глаголы типа *почитать, поработать,* с «видовой теорией предельности». Однако говорить здесь о предельности, постулируя уже не только конечный предел, но и «начальный предел» действия, означает такое расширение понятия «предельность», которое приводит не только к его расплывчатости, но и к логическим противоречиям. Если по данному тезису такие глаголы, как *почитать, поработать,* выражают предельность, то спрашивается: какой именно предел достигается? Почему в простых глаголах *читать, работать* нет предельности, а есть только в совершенном виде?

Логичное решение этой проблемы я вижу только в отказе от понятия предельности в данных случаях и в трактовке временной делимитативности как естественного выражения одного видового признака + *тотальность*. Видовая тотальность ведь предполагает именно перспективное делимитирование действия в отношении ко времени.

Обсуждаемые отношения между предельностью/непредельностью и видовым противопоставлением ± *тотальность* можно представить себе следующим образом:

А. «предельный глагол» — Перспектива действия

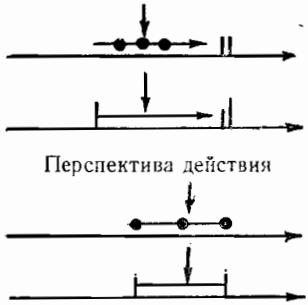
перечитать — ТОТ

перечитывать + ТОТ

Б. «непредельный глагол» — Перспектива действия

читать — ТОТ

почитать + ТОТ



Когда коллега Бондарко в своем докладе на этом съезде выдвигает тезис, будто противопоставление ± *предельность* является не только видовым, но даже доминирующим видовым признаком в отношении к противопоставлению ± *время*, и в поддержку его приводит предположение, что первое противопоставление сохраняется и в случаях неотнесенности ко времени, я с ним не могу согласиться. Предел как лингвистический (концептуально-семантический) фактор, на мой взгляд, может быть налицо только при объекте отнесенного ко времени действия. В противоположных случаях (ср. *Ты когда-нибудь перешивала платье? Мне нужна твоя помощь;* He writes books) формальные (и соответствующие реальные) объекты не представляют собой пределы, на которые направлены действия с целью их достижения, как это предполагается при отнесенности ко времени (ср. *Когда я зашел в комнату, она как раз перешивала платье;* He is writing a book).

Выступление коллеги Л. Н. Смирнова мне понравилось тем, что оно проявляет бо́льшую флексибельность в отношении к предложенному мной разграничению двух обсуждаемых выше категорий. Однако опасение его, что семантико-синтаксическая ориентация в исследовании славянской глагольной префиксации «может отвести в сторону от грамматики», я не разделяю. Именно предложенная мной дальнейшая «установка на усиленную разработку ее концептуально-семантических и глубинно-синтаксических предпосылок» получила самую очевидную поддержку в важных наблюдениях над префиксальными инновациями в южнославянских языках, приведенных на этом же съезде в докладе коллеги М. Ивич.

Michalk S. (DDR). Хочу подтвердить наблюдения докладчика по поводу серболужицкого языка данными моего языкового сознания.

Из двадцати возможных негативов (по примерам, указанным в резюме J. Sokołowski, с. 100) мне кажутся действительно лексикализованными только следующие: njedobry, njerjany, njemały.

Крайняя редкость прилагательных исследуемого типа подчеркивается еще тем, что даже те немногие случаи, о которых была речь в докладе, надо снабдить оговорками: вл. njem(u)dry имеет значение «дикий», а не «unklug»; нл. njegłupy является литературным словом. В нижнелужицких говорах преобладает заимствованное из нем. tum, tumny.

Кочев И. (НРБ). Докладът на д-р Соколовски е изграден върху незначителен по обем материал, въз основа на различни по тип източници — речник, картотека, анкета, върху смесване на нееднакви признаци на делитба: ортографични и действително отразяващи реалното положение на нещата. Пред д-р Соколовски стои нелесната задача тепърва да ги уеднакви и въз основа на по-богат материал да отрази действителното езиково състояние.

Русинов Р. (НРБ). Докладът на проф. Соколовски съдържа богат езиков материал и въз основа на този материал са направени интересни разсъждения върху негацията с префикс **не-** в славянските езици. Но в доклада си проф. Соколовски неправилно диференцира префиксалната негация в славянските говори в Македония от българските говори, тъй като говорите в областта Македония са продължение на югозападните български говори (или по-точно са част от тях). Като част от българските говори славянските говори в Македония са еднакви с останалите български говори не само по образуване на негативните лексеми с префикс **не-**, но и по всички останали свои основни особености. Понеже писмената норма в СРМ е изградена върху български говор, напълно естествено е негативните форми тук да са еднакви с формите в останалите български говори и в книжовния български език.

Warchoł S. (P). Przedstawiony w referacie M. Szymczaka proces powstawania w języku polskim czasowników częstotliwych typu *chodzić/chadzać, spóźniać (się)/spaźniać (się)* znany jest też w innych językach zachodniosłowiańskich. Zjawisko to ukazane zostało w sposób interesujący i na szerokim materiale porównawczym. Autor wskazał również na pewne ograniczenia w tym zakresie, podkreślając między innymi, że zmiana **o** na **a** w czasownikach częstotliwych nie obejmuje dość często tzw. czasowników rdzennych, czyli nie ma jeszcze charakteru powszechnego. Niemniej jednak, mimo pewnych ograniczeń, należy podkreślić, że w procesie tym poważną rolę odegrało tzw. zjawisko automatyzacji środków językowych oraz tendencje do powstawania struktur modelowych. Pod tym więc względem zaprezentowany referat stanowi poważne osiągnięcie także z punktu widzenia teoretycznego, ogólnojęzykowego.

Podobne tendencje do automatyzacji elementów słowotwórczych i modelowego kształtowania się określonych formacji językowych stwierdziłem np. przy opracowywaniu zagadnienia ekspresywów typu *teatrzyk/teatr*, ros. *meamрик/meamр* oraz słowackie *portrétik*. Okazuje się bowiem, że w tych trzech wymienionych językach ekspresywne formacje od podstaw słowotwórczych pochodzenia obcego (łacińskiego, greckiego itd.)

tworzone są od dość dawna już niemal w sposób regularny (modelowy) za pomocą formantu **-ik**(< ***-ikъ**).

W związku z interesującym odczytem d-ra J. Sokołowskiego pragnę jedynie dodać, iż należało bardziej uwypuklić i podkreślić szczególnie charakterystyczny podział słowiańszczyzny także w świetle negatywów z prefiksem **ne-** na dwa odłamy, a mianowicie na odłam północnosłowiański i południowosłowiański. W tym zakresie ta przeciwstawność dwu obrazów językowych słowiańskich ujawniona została przede wszystkim na bazie przymiotników mających «klasyczne antonimy leksykalne», czyli typu *duży — mały*. Są to jednocześnie struktury najbardziej z punktu widzenia antonimii wyraziste i historycznie spójne, trwałe. Pod tym względem są one szczególnie cennym materiałem do badań typologiczno-porównawczych.

Дневное заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Liukkonen K. (SF) — Происхождение русских отглагольных наречий на **-мя** (Доклады финской делегации на IX Международном съезде славистов. Киев, сентябрь 1983.— Slavica Helsingiensia.— Helsinki, 1983, t. 1, s. 5—19).

Warchoł S. (P) — O ekspresywach z formantem **-ica** w językach wschodnioslowiańskich w porównaniu z językiem polskim (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 445—454).

Кершиене Р. Б., Морозова С. Е., Преображенская М. Н. (СССР) — Особенности организации сложных синтаксических конструкций в текстах старорусских древнерусских памятников (XI—XVII вв.) (Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983, № 1, с. 48—58).

Тагамлицка Г. А. (НРБ) — Към въпроса за формалните свойства на думата и връзките ѝ в изреченията (върху материала на руски и български език) (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 125—132).

Ермакова М. И., Калнынь Л. Э., Масленникова Л. И., Попова Т. В. (СССР) — Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов как способ их синхронной структурной классификации (Славянское языкознание.— М., 1983, с. 95—109).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Orzechowska H. (P). Wyjaśnienie późnego wschodnio- i południowosłowiańskiego typu innowacyjnego na **-oma** kontaminacją dwu form (Instr. sg. **-om** + adverbium **-ma**) jest bardzo prawdopodobne (s. 13—14). Tematyczne **-o-** w językach południowosłowiańskich również w innych wypadkach pojawia się przez analogię poza swoim «etymologicznym» zasięgiem. W tym późnoogólnosłowiańskim procesie kontaminacji, ze względów semantycznych, nie jest natomiast możliwy udział formy Dat.-Instr. dualis. Analogią do formy Dat.-Instr. dualis można by jednak

wytłumaczyć ogromną produktywność przysłówków na **-oma** w języku słoweńskim (referat K. Liukkonena, s. 13), gdzie kategoria liczby podwójnej zachowała się do dziś.

Wymaga mianowicie wyjaśnienia kwestia, dlaczego od przełomu XVIII—XIX w. do końca XIX w. przysłówki słoweńskie typu *popolnoma, deloma, begoma, nenadoma, nepretrgoma, večinoma* były tworzone masowo praktycznie od wszelkich możliwych podstaw słowotwórczych (rodzimych), ale głównie w języku literackim. Oczywiste jest, że były produktem świadomej działalności normalizacyjnej związanej z usuwaniem germanizmów. W takim wypadku wzór archaicznej i słowiańskiej formy Dat.-Instr. dualis był argumentem na rzecz takich przysłówków bez względu na to, że zbieżność formalna typu *begoma* z Dat.-Instr. dualis na **-oma** była przypadkowa.

Янович Е. И. (СССР). Хочу поддержать идею доклада К. Лиукконена об образовании наречий на **-ма (-мя)** на базе падежных форм существительных с суффиксами **-ьмо, -ъмо,** в качестве которых формы двойственного числа маловероятны. Однако в связи с предложением докладчика считать исходной форму творительного падежа единственного числа с реликтовым индоевропейским окончанием **-ō** (> ***-a**) возникает следующий вопрос: если звук /а/ в звуковом комплексе **-ма** возводить к древнему индоевропейскому форманту, который в праславянскую эпоху уже не реконструируется, то как представить функционирование существительных, образованных в праславянский период, в той падежной форме, формант которой на данном этапе уже является исчезнувшим? Вместе с тем функционирование падежных форм в свободной синтаксической связи с однокоренным глаголом было необходимым условием для того, чтобы в составе тавтологического словосочетания произошло переразложение падежной формы субстантива и выделение комплекса **-ма** как суффикса обстоятельственности, обозначавшего интенсивность действия.

Мне представляется возможным возведение наречий на **-ма** к формам субстантивов среднего рода винительного падежа множественного числа с окончанием **-а**. Речь идет об адвербиализации форм существительных в составе прямообъектных тавтологических конструкций типа современных разговорных *горе горевать, беду (беды) бедовать,* диал. белор. *шчасця шчасціць, ліха ліхуваць,* объектное значение которых развивалось в обстоятельственное. Формирование значения интенсивности действия опиралось не только на тавтологию глагола и имени, но и на грамматическую форму множественности. Конечно, производные отглагольные существительные в таком употреблении были возможны далеко не для каждого глагола в силу специфики лексического значения. Но подобное явление, хотя бы и в узком кругу глагольных образований, положило начало формированию морфологического типа наречий, что означало возможность сочетания суффикса **-ма** как наречного средства словообразования с широким кругом глагольных (и не глагольных) основ.

Что касается семантики праславянских отглагольных существительных среднего рода, то следует принимать во внимание то, что имя действия легко развивает значение результата действия, т. е. зна-

чение предметности (именно такова эволюция упомянутого в докладе слова *письмо*). Поэтому предположение о возведении исходной формы имени к форме множественного числа как будто не должно быть отвергаемо по этим соображениям.

Демьянов В. Г. (СССР). Доклад К. Лиукконена привлекает богатством материала, его систематической обработкой. Однако нам хотелось бы высказать несколько соображений и сомнений. Коллега К. Лиукконен склонен присоединиться к гипотезе о происхождении наречий на **-мя** из формы старого индоевропейского творительного падежа на **-mō**, отвергая при этом точку зрения ряда исследователей на происхождение форм наречий на **-мя** из форм двойственного числа существительных, весьма распространенных, кстати, в словенском и сербскохорватском языках. Отдавая себе отчет во всей сложности проблемы происхождения данных наречных форм, я был бы склонен более к последней гипотезе, хотя бы по той причине, что она опирается на факты, более приближенные к периоду употребления наречий на **-мя** в памятниках письменности, диалектах, просторечии, разговорном и литературном языке различных групп славян.

Несколько более частных замечаний. *Горьма (горма) гореть* — такое сочетание вряд ли можно приписать современному русскому языку и русскому просторечию, его документация представляется сомнительной. Мало обоснованно отнесение образования *горьмо* «горение» к словам, входившим в состав праславянского языка. Представляется, что коллега Лиукконен недостаточно использует материал приставочных образований (таких, например, как *задарма* — разгов. рус. *мне это задарма не надо* и др.). Хотя в докладе привлекается в основном материал наречных образований отглагольного характера, вместе с тем очевидно, что решать вопрос о происхождении наречий на **-мя** следует с привлечением также материала, образованного и иными способами. Небесполезным было бы привлечение материала иных славянских языков.

Чурмаева Н. В. (СССР). Проблема, затронутая в докладе К. Лиукконена, важна и интересна как сама по себе, так и в связи с формированием наречий в славянских языках вообще. Несколько замечаний. Наречия в русских сочетаниях типа *горьмя гореть* выражают не только интенсификацию действия, переводы типа «сильно гореть» не полностью передают их специфику. В них есть элемент сравнения; ср. *стоймя стоять* («очень стоять»? скорее «столбом стоять», ср. в свою очередь *стойком стоять*). Возведение их прямо к названиям действия по глаголу (**горьмо, *письмо*) осложняет переход к категориальному значению наречия (признак действия). Аналогия с деепричастиями на **-я**, которой автор объясняет появление **-мя** из **-ма**, нуждается в историческом подтверждении: доказательствах принадлежности обоих явлений одному говору и их хронологической сопоставленности.

Демьянов В. Г. (СССР). Доклад С. Вархола опирается на обширный материал современных славянских литературных языков и их диалектов, дана его подробная классификация. Намечены хронологические соотношения польских существительных с суф. **-ica** с существительными с суф. **-ica** (а также его грамматическим омонимом **-ka**) в других

славянских языках, в том числе русском литературном и диалектах. Конкретные замечания, которые мне хотелось бы высказать в связи с докладом, касаются отдельных моментов комментирования форм из русского языка. Появление суф. **-ица** в древнерусском языке не следует, по-видимому, приписывать влиянию письменных переводов на древнецерковнославянский, а тем более в качестве примера такого влияния приводить слово *книжица,* которое затруднительно отнести ввиду его деминутивной семантики к древнему письменному периоду развития русского языка. Его не книжный, а экспрессивно-разговорный характер подчеркивают такие употребления, как «...и я достаю мою пурпурную *книжицу*» (В. В. Маяковский. «Стихи о советском паспорте»). В один ряд с этим случаем следует поставить *девица, молодица* и другие слова явно разговорно-просторечного характера. Не следовало бы обделять русский язык, лишая его образования, аналогичного укр. *водиця.*

Смольская А. К. (СССР). В обстоятельном, насыщенном материалом докладе проф. С. Вархола убедительно показан процесс вытеснения на славянских территориях экспрессивного **-иц-а** формантом **-к-а.**

Взаимоотношения суф. **-к-а** и **-иц-** — одна из давних проблем славянской ареальной и исторической деривации. Сложным является вопрос о соотношении этих формантов в праславянский период, т. к. вторичный по происхождению **-иц-а** в письменности всех славян хронологически отражен ранее, чем **-к-а.**

Проф. Вархол оперировал, в основном, фактами восточнославянских и западнославянских языков. По отношению к конкуренции **-иц-а** и **-к-а** особую позицию занимают сербскохорватский и словенский языки, о чем писал Р. Бошкович, подчеркнувший активность деминутивного и фемининного **-иц-а** как типологическую черту этих языков. Однако материалы сербскохорватских словарей XIX в. говорят о том, что в народной речи сербов и хорватов были отдельные модели фемининного словообразования, требующие суффикса **-к-а,** а не **-иц-а.** Это не только отгопонимические производные, но и слова на **-ичар-к-а** (ср. *тамничарка, кашичарка, воденичарка* и др.). Следовательно, константа языкового (деривативного) развития славянских языков — укрепление **-к-а** вместо **-иц-а** — по направлению к нашему времени частично затрагивает и южнославянские территории.

Стецко П. В. (СССР). В докладе проф. С. Вархола шла речь об экспрессивах с формантом **-ица** в восточнославянских и польском языках. Общие выводы автора справедливы. Однако в докладе не учтены данные народных говоров белорусского и украинского языков. Исследования по словообразованию в белорусском народном языке показывают, что дериваты с суф. **-іц-а** здесь составляют довольно обширный разряд слов и этот словообразовательный тип проявляет продуктивность в разговорном языке (ср. *змяіца, жабіца* и т. п. при негативной характеристике лица женского пола или образования типа *біялагіца, матэматыца, хіміца* при обозначении лица женского пола со значением «учительница биологии, математики, химии» с оттенком пренебрежения). Учет этих данных помог бы более полно представить и охарактеризовать поднятый вопрос.

Закревська Я. В. (СССР). При аналізі експресивних утворень з суф. **-іса** досі мало використовувався український матеріал, як історичний, так і сучасний. При розгляді українського матеріалу варто виразніше наголосити, що експресивні утворення з суф. **-иця** в українській мові мають переважно гіпокористичний характер і тільки спорадично демінутивно-гіпокористичний. Вони по-різному функціонують в українській літературній мові і в діалектах: в літературній мові структури типу *вербиця, водиця, дівиця, землиця, коровиця, росиця, сестриця* та ін. (які, до речі, у «Словнику української мови» подаються без обмежуючих стилістичних ремарок) становлять закритий ряд, належать, без сумніву, до непродуктивного типу і мають, як правило, народно-поетичний характер; у діалектах функціонує більше експресивних формацій з суф. **-иця,** особливо в говорах карпатского ареалу, трохи менше в прикарпатських говорах, де структури типу *бесідиця, головиця, землиця, коровиця, невістиця, неділиця, сусідиця* та цілий ряд інших і досі є в активному вжитку мовлян і особливо в мові фольклору. Вивчення діалектних експресивних утворень з суф. **-иця** у лінгвогеографічний проекції дає підставу вважати їх найбільш активними в окраїнних говорах української мови, які і досі зберігають найбільше архаїчних рис, у тому числі і збереження експресивної функції суф. **-иця.** Ця думка співзвучна з даними польських дослідників, які виявили таку ж тенденцію на польському діалектному матеріалі. Питання про те, які з аналізованих структур генетично є експресивними — демінутивними чи гіпокористичними, а які ні, вимагає окремого вивчення. Іменники типу *вдовиця, дівиця, землиця, книжиця* (про які була мова) та ін. справді фіксуються пам'ятками української мови, починаючи з XVI ст., однак наші попередні спостереження дають підставу вважати їх уже в той час по-різному емоційно забарвленими, а деякі з них, наприклад *вдовиця,* уже в той час були емоційно-нейтральними утвореннями

Milejkowska H. (P). Наречия на **-ма, -м'а** глагольного происхождения наиболее неясны. Их возникновение относится к дописьменному периоду, они остались классом непродуктивным, едва ли общевосточнославянским. Диалектальная изоглосса — скорее к северу. Совершенно прав докладчик К. Лиукконен, считающий, что объяснение **-ма** из флексии dualis не выдерживает критики. Оно идет от формы *четырьмя, тремя, двумя,* где оно логически понятно. В богатом материале доклада можно разграничить разного типа конструкции, исключая явно именные формы *(босикма).* Ведущим признаком является тавтологическая конструкция при второй полной морфологической единице *(стойма стоит, ливмя льет; горьмя горит).* В русских наречиях могут быть и другие тавтологические конструкции *(красным-красна, белым-бела, мало-помалу).*

Встает вопрос, имеем ли мы дело с одним и тем же **-ма (-м'а)** в именах числительных и в наречиях.

Что касается темы доклада коллеги С. Вархола, то, как кажется, для окончательных выводов надо иметь данные диалектов, тем более, что история экспрессивных образований слабо исследована, а данные словарей по отношению к ним обычно ограничены и поэтому нельзя

строить на этой базе окончательные выводы. Они преимущественно попадают в словари после деэтимологизации. Может быть, презентация материала на **-ица** была из-за ограниченности времени сокращена, но ведь и в среднем, и в мужском роде подобные формы существовали *(отьць, братьць, сельцо, щец)*. Не всегда происходит вытеснение этого якобы церковного элемента **(-иц-)** народным **-к-**, как утверждает докладчик. Наверно, отмирание второго прогрессивного смягчения способствовало ограничению **-иц-** и укреплению **-к-**, но были и другие факторы развития этих конкурирующих формаций.

Кузнецова Р. Д. (СССР). Доклад Р. Б. Кершиене и др. произвел хорошее впечатление, так как в нем рассмотрена история предложения, а не его отдельного структурного элемента. Сложное предложение анализируется как многоаспектное явление, в котором на всех этапах его истории сложно взаимодействовали различные его компоненты. Представляется важным рассмотрение особенностей сложного предложения с учетом его функционирования в тексте, так как именно в цепочке связанных по смыслу предложений, из элементов текстовой организации, формировались структурные особенности предложения.

Вместе с тем при характеристике цепочки предикативных единиц и способов их связи в тексте авторы анализируют традиционные средства выражения отношений между предикативными единицами *(а, но, же)*. Работы последних лет свидетельствуют о том, что в выражении связи между предикативными единицами в древнерусском языке семантический принцип превалирует над грамматическим (ср. работы З. Трестеровой). Выявить состав лексических элементов, ставших постоянными компонентами предложения,— важная задача, стоящая перед исследователями истории сложного предложения. Кроме того, нужно учитывать, что конструкции цепного нанизывания не представляли в древнерусских памятниках обязательную модель.

Вечернее заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Weiss D. (CH) — К типологическому исследованию польского синтаксиса. Специфические черты и переклички с соседними языками (Schweizerische Beiträge zum IX Internationalen Slavistenkongress in Kiev, September, 1983, S. 219—245).

Dunn J. A. (GB) — The nominative and infinitive construction in the Slavonic languages (The Slavonic and East European Review.— London, 1982, vol. 60, N 4, p. 500—527).

Dezső L. (H) — Об историко-типологической характеристике украинской грамматики в сопоставлении с русской и сербохорватской.— Budapest, 1983. Отд. оттиск.

Nichols J., Schallert G. (USA) — Тема и рема в причастном обороте с повышением субъекта в древнерусском и общеславянском (American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September, 1983. Vol. 1. Linguistics.— Columbus, Ohio, [1983], p. 221—246).

Corbett G. G. (GB) — Resolution rules for predicate agreement in the Slavonic languages (The Slavonic and East European Review.— London, 1982, vol. 60, N 3, p. 347—378).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Бевзенко С. Ф. (СССР). Мне импонирует один из выводов доклада проф. Д. Вайса, вытекающий из проделанного им сопоставительно-типологического исследования польского синтаксиса, о разной степени флективности сопоставляемых славянских языков (польского, русского, чешского). Польский язык менее флективен, чем чешский, но более флективен, чем русский. Интересно проделать подобные типологические сопоставления и между восточнославянскими языками. Они также дают основание говорить о разной степени флективности этих языков, несмотря на чрезвычайную близость их между собой: из них наиболее флективен украинский, среднее положение на этой оси занимает белорусский, наименее флективен русский. Определенный интерес представляет также сопоставление польского, украинского и русского, среди которых украинский оказывается менее флективным, чем польский, но более флективным, чем русский.

Откупщиков Ю. В. (СССР). В докладе проф. Дж. Данна анализ синтаксической конструкции «именительный с инфинитивом» рассматривается главным образом в рамках северных говоров русского языка, причем он сознательно исключает из своего исследования, например, данные балтийских и западнофинских языков. Между тем для последних эта конструкция более типична, чем для русского языка.

Кроме того, следует иметь в виду, что анализируемая синтаксическая конструкция — не единственная в том же самом финно-балто-славянском ареале. Здесь же засвидетельствован, например, родительный падеж при переходных глаголах с отрицанием или творительный предикативный.

Ходова К. И. (СССР). Ареал конструкции «именительный при инфинитиве», рассматриваемый в докладе проф. Дж. Данна, часто ограничивают пределами говоров русского языка, а между тем он значительно шире. Речь идет, правда, лишь о той разновидности инфинитивных конструкций, которая включает инфинитив, образованный от глаголов со значениями «видеть» и «слышать». Такие предложения встречаются не только в русских говорах, но и в современном белорусском языке, где они употребляются наряду с более обычными инфинитивно-аккузативными образованиями В чешском разговорном языке и просторечии известны конструкции типа je vidět Sněžka, о происхождении которых ведутся споры. В верхнелужицком и нижнелужицком языках при инфинитиве от глаголов указанной семантики известен только именительный, а параллель с формой винительного отсутствует. В свете этих фактов кажется допустимым утверждение о праславянском генезисе конструкций именительного с инфинитивом вообще. В свою очередь, возникают основания для того, чтобы среднерусские и южнорусские конструкции с инфинитивом, отразившиеся в памятниках и

отмечаемые изредка в диалектах, признать исконным явлением, а не следствием севернорусского влияния.

Кузьмина И. Б. (СССР). Именительный падеж прямого объекта при глаголах — явление, которое уже столетие привлекает внимание ученых и которое тем не менее до настоящего времени хранит тайну своего происхождения и первоначальной локализации. Решение последнего вопроса в значительной степени зависит от того, как квалифицировать материал современных южнорусских и частично среднерусских говоров. Проф. Дж. Данн подходит к этому материалу (как и материалу памятников с южнорусской территории) весьма осторожно. Тем не менее мне хотелось бы указать на три момента, которые еще больше подрывают «авторитет» южнорусского диалектного материала и соответственно предполагают еще большую осторожность при установлении исходной локализации явления.

Части южнорусских говоров (прежде всего на юго-востоке территории), а также некоторым среднерусским известно такое фонетическое явление, как делабиализация и редукция безударного **у**, что делает непоказательными примеры с существительными, имеющими безударную флексию, и, может быть, дает основание для предположения о вторичном происхождении единично отмеченных здесь случаев типа *доить/дою козá*. В диалектологических материалах конца XIX — начала XX в. именительный падеж прямого объекта на **-а** отмечен, насколько мне известно, для северных русских губерний, изредка для западных и единично для Московской (хотя некоторые другие синтаксические особенности, для которых предполагалась северная локализация,— например предикативное употребление причастия на **-ши,** фиксируются и в южнорусских материалах, несмотря на отсутствие соответствующего вопроса в южнорусской программе). На территории севернорусских говоров практически совпадают изоглоссы трех конструкций с именительным падежом: глагольной *(косить/кошу трава)*, наречной *(надо трава)* и причастной *(трава было скошено)*. В той или иной степени эти конструкции связаны также с русским западом. Остальная же очень значительная часть занятой русским языком территории остается за пределами изоглоссы не только глагольной, но также изоглосс наречной и причастной конструкций (положение сопровождается показом карты).

Бевзенко С. Ф. (СССР). Спробу історико-типологічної характеристики української граматики, подану в доповіді Л. Деже, треба вітати, хоч вона одночасно говорить про необхідність продовження пошуків у цьому напрямку. Проте доповідь викликає окремі зауваження. Не зовсім зрозуміло, чому розгортання тенденцій розвитку вивчається за допомогою порівняння лише трьох зрізів (східнослов'янська мова, українська мова XVI ст. і сучасна українська мова), хоч це, очевидно, може пояснюватися індивідуальними інтересами автора (пор. його «Очерки по истории закарпатских говоров», 1967) і наявністю детального опису морфологічної системи синхронного зрізу XVI ст. з охопленням всього українського континууму (пор. *Керницький І. М.* Система словозміни в українській мові, 1967), який виявився, на жаль, недоступний авторові. Варто було для староукраїнської мови вико-

ристати особливо важливий зріз XIV — середини XV ст. хоча б за даними праці В. Дем'янчука. Говорячи про формування видових розрізнень в українській мові і в інших східнослов'янських мовах, не можна з усією категоричністю стверджувати, що в давньоруській мові система часів ще не підпорядковувалась виду. Очевидно, треба говорити про руйнування в цей час старовинної системи виду, опертої на протиставлення різної міри тривалості дії, і активне формування нової, заснованої на протиставленні завершеності/незавершеності. Це викликало зміни і в системі часових форм, зокрема минулого, про що свідчать хоча б утрата імперфекта й аориста у давньоруській протягом XI — початку XII ст. і розширення значення перфекта, яке засвідчується уже найдавнішими пам'ятками. Крім того, твердження про завершення формування у староукраїнській мові видової системи на сучасних засадах має бути уточнене. Воно сталося значно раніше XVI—XVII ст., бо тісно пов'язане з формуванням сучасної системи часових форм, формальне виявлення яких навіть у сучасних українських діалектах залишається різним.

Собинникова В. И. (СССР). В докладе Дж. Николз и Дж. Шаллерт рассматриваются конструкции со «вторыми косвенными падежами», в которых функцию второго падежа выполняет причастие. Авторы нашли новый подход к этой сложной конструкции, связанный с «актуальным членением». В докладе утверждается, что конструкция оказалась избыточной, так как тема и рема получили возможность выражения придаточной частью сложноподчиненного предложения. Считаем целесообразным дополнить, что данная конструкция соотносительна с другими, имеющими вторые косвенные падежи (с существительными, прилагательными). В них наблюдается связь трех компонентов: глагол — дополнение — предикативный компонент. Отношения двух косвенных падежей могут быть определены как имеющие косвенную предикативность. При этом временные отношения причастия и глагола взаимосвязаны: одновременность выражена абсолютно при одинаковых формах времени (прошедшее — прошедшее: *Печенези же мнѣша князя пришедша*); одновременность выражена относительно (прошедшее — настоящее: *Мняху ... идуще*). Утрата этой конструкции вызвана развитием сложноподчиненного предложения, вытеснившего ее. Вторые косвенные падежи, имевшие косвенную предикативность, не были четко отграничены от других омонимических форм, собственно атрибутивных, и были вытеснены в силу омонимического отталкивания придаточным предложением или творительным предикативным (при существительном, прилагательном). Разрыв формы и содержания вызвал вытеснение вторых косвенных падежей. Доклад свидетельствует о необходимости новых поисков решения вопроса.

Амбразас В. (СССР). Проблема возникновения конструкции Nominativus cum infinitivo в славянских языках представляет интерес для сравнительно-исторического синтаксиса не только славянских, но также балтийских и других индоевропейских языков. Аргументы в пользу исконно славянского характера данной конструкции, приведенные в докладе проф. Дж. Дана, находятся в полном согласии с нашими наблюдениями над структурой и употреблением соответствую-

щих оборотов в балтийских языках. Место этих оборотов в синтаксической системе литовского и латышского языков не дает основания считать их заимствованиями из финских языков. На материале литовского языка еще можно выявить генетические связи таких конструкций, как alus gardu gerti, букв. «пиво (nom. sg.) вкусно пить», с конструкциями типа alus gardu «пиво вкусно» (ср. др.-рус. *грѣхъ сладко* с многочисленными соответствиями в других индоевропейских языках), восходящими к древнему именному предложению. Инфинитив, присоединяемый к таким конструкциям, в литовском во многих случаях сохраняет значение цели и предназначения, свойственные дативу отглагольных существительных — имен действия на **-ti**.

Положение об архаическом характере славянской конструкции Accusativus cum participio в докладе Дж. Николз и Дж. Шаллерт также подтверждают данные балтийских языков. Результаты сравнительно-исторического анализа соответствующей конструкции древнелитовского языка указывают на ее генетические связи с именными оборотами двойного винительного.

Утреннее заседание 12 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Русинов Р. Ц. (НРБ) — Общност и различия в изграждането на българския и украинския литературен език.

Kuroczycki T., Rzepka W. R., Walczak B. (P) — O zapożyczeniach leksykalnych z języka ukraińskiego we współczesnej polszczyźnie pisanej (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 227—234).

Zoltán A. (H) — Некоторые аспекты польско-восточнославянских языковых контактов в области лексики (Hungaro-Slavica 1983.— Budapest, 1983, 1. 333—344).

Lubaś W. (P) — Słowiańska sociolingwistyka (Poradnik językowy, 1983, z. 4, s. 209—221).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Gutschmidt K. (DDR). Докладът на проф. Р. Русинов е сериозен принос към бъдеща типология на развойните закономерности на славянските литературни езици. Правилно са изтъкнати редица общи черти в развитието на тези два езика — важната, плодотворна роля на руски език като модел на книжовен език, бавно формиране на нормите и т. н.,— а също така и различията, напр. съществуването на регионални варианти в украински език при липса на такива в български. Следните бележки имат по-скоро характер на добавки и уточнения.

Би било целесъобразно да се вземат пред вид особеностите в поставянето на езиковия въпрос у българи и у украинци. У българите проблемът се свежда към това дали книжовният език трябва да бъде изграден въз основа на по-стари книжовно-езикови формации или въз основа на живата народна реч като негова необходимост и индиви-

дуалност въобще не се поставят под съмнение. Този проблем съществува и у украинците.

Проф. Русинов обърна внимание върху ролята на езика на българската дамаскинска книжнина, който е много близък до народната реч. Този писмен език на народна основа обаче още не е непосредствена стъпка към създаване на националния книжовен език. Такава формация по-скоро е т. н. прост език, който се отразява в езика на Паисий Хилендарски, Софроний Врачански и др. Простият език пък намира аналогия в «проста мова». Изследването на типологичните сходства на «простите езици» в раннонационалния период на православните славянски народи е важна задача на сравнителното славянско езикознание.

Едва ли може да се каже, че обликът на новобългарския книжовен език се определя непосредствено от черковнославянско влияние. Възприемането на черковнославянските елементи в български език се регулира до голяма степен от тяхната функция и разпространение в руския книжовен език. За това говори не само фактът, че в съвременния български книжовен език почти не се срещат черковнославянски думи, липсващи в руски, но и бързото изчезване на специфично черковнославянска лексика в български още преди Освобождението, за разлика обаче от украински, където руската лексика от черковнославянски произход се подлага на своеобразна трансформация, като напр. вместо формата с метатеза се въвежда форма с полногласие. Въпрос между другото досега недостатъчно изследван; в български поради генетичната идентичност на черковнославянски и български такива трансформации не се извършват.

Цойнска Р. (НРБ). С основание проф. Р. Русинов поставя въпроса за съпоставително-типологичното проучване на оформянето на националните книжовни езици на българи и украинци. Съпоставителното проучване на славянските книжовни езици (а също и на други книжовни езици) в исторически план е една от важните и перспективни изследователски задачи, на която досега не е обръщано необходимото внимание в славянското езикознание. Преди всичко обаче трябва да бъдат установени основните диференциални признаци, въз основа на които да се извърши съпоставянето на книжовните езици. Принципно значение в това отношение има например докладът на проф. Е. И. Дьомина, изнесен на VIII Международен конгрес на славистите през 1978 г. Макар и доста накратко и синтетично, докладчикът очерта както някои общи процеси и закономерности, така и отделни различия в оформянето на новите книжовни езици на българи и украинци.

Струва ми се, че има противоречие в твърдението на докладчика, че в историята на българския книжовен език, от една страна, няма прекъсване на книжовноезиковото развитие между донационалния и националния период, а от друга — че няма прерастване на народностния книжовен език в национален книжовен език и че българският книжовен език от националния период се изгражда на основата на говоримата народна реч. Този въпрос е доста по-сложен и се нуждае от прецизиране и някои корекции въз основа на теоретични принципи и конкретен езиков материал. Известно е, че в донационалния период, и по-

конкретно през XVII и XVIII вв., се оформят няколко типа български книжовен език, което дава отражение на езиковата ситуация и на развитието на книжовноезиковите нормативни процеси през епохата на Българското възраждане.

Панько Т. И. (СССР). Доклад Р. Русинова идет в русле типолого-исторических исследований болгарского и украинского языков. Отмечая серьезность и глубину доклада, высказываем некоторые пожелания по поводу дальнейшей работы над этой проблемой. На фоне современной типологии проблему формирования близкородственных славянских литературных языков нельзя рассматривать без глубокого изучения тех интралингвальных факторов, которые явились импульсом, определяющим самобытность этих языков (например, переход синтетических форм в болгарском языке в аналитические). Больше внимания следует уделять выравниванию статуса как украинского, так и болгарского языка в процессе дифференциации их стилей под непосредственным влиянием русского языка. Необходимо различать интерференцию со стороны неблизкородственных и близкородственных языков.

Нельзя согласиться с утверждением Р. Русинова, что формирование научного стиля украинского языка начинается с XX в. Развивается он параллельно с публицистическим уже в XIX в.

Urbańczyk S. (P). Autorzy referatu o zapożyczeniach z języka ukraińskiego zrobili godny uznania krok, używając słownika frekwencyjnego i z pewnością znajdą naśladowców. Dlatego pragnę zwrócić uwagę na niektóre pułapki, w które mogą wpaść. Wartość słownika wiele zależy od doboru źródeł. Należy pominąć powieści historyczne z ich przestarzałym słownictwem i nazwami dziś nie istniejących przedmiotów. Odrzucić powieści, których akcja odbywa się poza granicami narodu. Np. znane powieści H. Auderskiej są relacją Polaka, wychowanego na Białorusi, a ich akcja częściowo rozgrywa się na Białorusi i na Syberii.

Słownik frekwencyjny prozy artystycznej może mieć nadmierną ilość rutenizmów, jeżeli zbyt wiele ekscerpowano powieści takich autorów, jak Iwaszkiewicz, Putrament, Czeszko, Kuśniewicz itp.

Nie jestem pewien, czy wolno do listy rutenizmów wpisywać wyrazy wprawdzie zapożyczone, ale z innym już dziś znaczeniem, np. *kołtun* oznacza dziś człowieka zacofanego, a nie niechlujny zwitek włosów na głowie. Albo: czy wolno zaliczać do rutenizmów takie wyrazy, jak *brynza* — wyraz przejęty z mowy polskich górali, ci zaś przyjęli go od tzw. pasterzy włoskich.

Чучка П. П. (СССР). Доповідь Т. Курочицького та ін. є новаторською, оскільки автори не обмежилися встановленням самої лише кількості лексичних українізмів у сучасній польській літературній мові, а встановлюють частотність їх уживання по різних функціональних стилях, а також характеризують похідні від них лексеми. Усе це дозволяє бачити ступінь входження українізмів до лексичного складу сучасної польської мови і ту роль, яку вони виконали у творенні нових слів у ній.

Наші критичні зауваження стосуються критеріїв етимологічної ідентифікації лексичних українізмів. У доповіді такі критерії не роз-

криваються, і тому незрозуміло, чому цілий ряд лексем, які для польської й української мов кваліфікуються в сучасному мовознавстві як орієнталізми (наприклад, лексеми arbuz, arkan, arszyn, ataman, bachmat, bajdak, bajtała, bakłażan, bakszysz, bałamut, bałwan, baskak, baszłyk, basza, baszybuzuk, bezmian, bojarzyn, bułany, bułat, burłak, burnus, buzdygan та ін.), у доповіді навіть не згадуються. Кількість таких орієнталізмів, за підрахунками доповідачів, у межах літер **A** і **B** становить усього 7, а за нашими підрахунками їх кількість перевищує 30. Звичайно, не всі вони для польської мови є українізмами. Частина з них потрапила до польської мови, як і до української, безпосередньо з тюркських, передусім від татар і від турків, деякі з них були засвоєні польською мовою з давньоруської. Однак є серед подібних орієнталізмів слова (насамперед побутовізми), які пам'ятками української мови фіксуються раніше, ніж пам'ятками старопольської. Зазначений факт, а також та обставина, що українці з давніх часів мають безпосередні контакти з тюрками, дають усі підстави переглянути етимологічну кваліфікацію таких лексем і їх статус у лексичних системах української та польської мов.

На нашу думку, робота над історичними та над етимологічними словниками польської, української та білоруської мов внесе істотні корективи в запропоновані доповідачами висновки про кількість лексичних українізмів у сучасній польській літературній мові. Гадаємо, що загальна кількість таких (історичних, а не генетичних) українізмів у польській мові не 101, а декілька сотень.

Солнцева Н. Д. (СССР). Доклад проф. Б. Вальчак представляет собой несомненный интерес для дальнейшего изучения языковых контактов, в частности польско-украинских. Проделана кропотливая работа по определению функционально-стилистических разновидностей заимствованных слов и их частотности. Однако, говоря конкретно о языке-источнике заимствования того или иного слова, необходимо, с одной стороны, четко разграничивать его этимологический состав и его возникновение в том или ином языке; с другой — учитывать язык-посредник, язык-передатчик (слова *арба, базар* и некоторые другие вошли в польский язык через украинское посредничество).

Проблема языковых контактов, в частности на уровне лексики, многоаспектна и многогранна. При переходе из одного языка в другой слова могут осваиваться фонетически, графически, грамматически, лексически. При фонетическом освоении слово обычно меняет свой звуковой облик, причем изменение звучания может не зависеть от каких-либо фонетических законов; при графическом освоении заимствованное слово передается на письме средствами алфавита заимствующего языка (языка — носителя заимствования). Грамматическое освоение слов свидетельствует о действии своих грамматических норм (законов) в языке заимствования и вместе с лексическим освоением,— при котором слово из языка-источника настолько прочно входит в язык — носитель заимствования, что воспринимается последним как исконное,— представляет особый интерес для дальнейшего изучения заимствованных слов, в частности специальных, научно-технических терминов, проблема функционирования которых в художественной, публи-

цистической, научно-популярной речи до сих пор остается одной из наименее изученных.

Одинцов Г. Ф. (СССР). В докладе А. Золтана справедливо отмечается важная роль западнорусского языкового посредничества в усвоении слов польского происхождения в русском языке. В дипломатической переписке Московского государства с польской стороной роль западнорусского языка с его выработанными нормами деловой письменности настолько велика, что в связи с этим В. Р. Кипарский в своей исторической грамматике русского языка (Russische historische Grammatik. Bd 3.— Heidelberg, 1975) высказал мысль о том, что при определенных исторических и политических условиях западнорусский язык мог бы стать основой русского литературного языка. Доклад представляет интерес не только для языковедов, но и для литературоведов, благодаря наблюдению А. Золтана, заключающемуся в том, что употребление весьма значительной части так называемых «полонизмов» в посланиях Ивана Грозного к Стефану Баторию, а именно в тех случаях, когда русским царем излагается, подчас цитируется позиция Батория, объясняется отнюдь не стилистическими соображениями Ивана Грозного, а непосредственным влиянием самого текста оригинала и западнорусских элементов деловой письменности. А. Золтан называет подобные слова и словосочетания заимствованными в русском языке, относя сюда, например, словосочетания *по звыклому обычаю, зашлые дела*. Следует, однако, отличать заимствованные, усвоенные русским языком слова и так называемые чужие, не усвоенные и не вошедшие в русский язык слова. Большинство примеров, приводимых в докладе А. Золтана, нужно отнести к «чужим» словам и словосочетаниям в русском языке, что объясняется характером анализируемого А. Золтаном памятника письменности. Как известно, в дипломатической переписке, касающейся двусторонних переговоров, нередко встречаются элементы «чужие», не заимствованные еще языком. Учитывая это, венгерский лингвист Фогараши, уточняя древнейшую фиксацию ряда древнерусских слов, особым образом оговаривает тексты дипломатических документов, считая их лишь вспомогательным материалом, даже в тех случаях, когда в них встречаются слова, впоследствии прочно вошедшие в русский язык.

Во вступительной части доклада, касающейся судьбы полонизмов в русском языке в целом, высказывается мысль о необходимости трактовать польско-русские связи не как непосредственно двусторонние, а как осложненные украинско-белорусским посредничеством. Это бесспорно во многих случаях, но вряд ли безоговорочно применимо ко всем тематическим группам лексики. Если, например, мы возьмем военную и — у́же — оружейную лексику, то увидим, что полонизмы могли приходить и приходили в русский язык и непосредственно из польского, а не из украинского или белорусского. Таково, например, слово *пушка*, употреблявшееся на Руси первоначально в несколько ином звуковом оформлении, но в том же значении «артиллерийское орудие»,— *пуска, пускича, пущича* в Псковской летописи. Незадолго до фиксации в этой летописи слова *пуска* оно точно в этой форме было засвидетельствовано в старопольских документах. Само п. puska —

германизм (нем. puksa, Buksa «коробка», англ. box «то же»). Сравнение старобелорусской оружейной лексики, заимствованной, по А. А. Булыко, из польского, с соответствующей старорусской военной терминологией убеждает в невыводимости ряда русских полонизмов из старобелорусского.

Ткаченко О. Б. (СССР). Доклад А. Золтана привлекает к себе внимание как актуальностью и важностью темы, так и основательностью и убедительностью ее разработки. Для каждого, кто серьезно интересовался вопросом польско-русских связей и знает украинский и белорусский языковой материал, несомненно, что здесь без данных этих двух восточнославянских языков никак не обойтись. Между тем без них и до сих пор обходятся нередко даже там, где вопрос об их посредничестве между русским и польским давно напрашивается. Делается это к явному ущербу для науки. Ограничусь одним, но достаточно красноречивым примером. Во всех русских словарях литературоведческих и поэтических терминов, даже в энциклопедиях термин «вирши» — «досиллабические и силлабические стихи XVII — начала XVIII в.; *(перен.)* плохие, недостаточно умелые стихи; *(пренебр.)* стихи вообще (ср. у Некрасова: «Пишу свои ви́рши...»)» —неизменно объясняется как заимствование из польского (от п. wiersze — род. п. мн. ч. wierszy). Однако форма слова говорит о том, что в русский слово попало непосредственно из украинского (ср. современное укр. *вірші*, ст.-укр. *вѣршъ*, например, в словаре «Синонима славенороская», *вѣрши*, (XVII в.), где **-ѣ-** читалось, как рус. **-и-**). По-видимому, слово в польском могло иметь так называемое é pochylone, произносившееся как звук средний между **е** и **і** или как чистое **і**, и поэтому в староукраинской орфографии передававшееся с помощью **ѣ**. Казалось бы, факт бесспорный и ясный, и тем не менее его почему-то «не замечают». А сколько еще подобных же, но более сложных фактов, которые предстоит открыть? Контакты русского и польского языков могли быть и непосредственными, но и для того, чтобы их обнаружить, надо предварительно отсеять все те случаи, где в качестве посредников между ними выступали украинский и белорусский языки.

Демьянов В. Г. (СССР). В последние годы с привлечением все большего числа лингвистических доказательств ученые ПНР, СССР, ВНР и других стран обращаются к изучению русско-польских языковых контактов XVI — XVII вв. в широком контексте польско-восточнославянских языковых связей, как это сделано и в интересном докладе А. Золтана. Существенно отметить тот факт, что на ограниченном материале текстов посланий Ивана Грозного к Стефану Баторию А. Золтан поднял важные в методологическом отношении вопросы и наметил некоторые перспективы их разработки. Само собой разумеется, что для изучения русско-украинских и русско-белорусских языковых контактов в диахроническом плане необходимо в целях строгой синхронизации исследования и максимальной научной достоверности выводов опираться на лексические данные староукраинского и старобелорусского языков. Они фиксированы уже в «Словаре староукраинского языка XIV — XV вв.» и в двух выпусках «Словаря старобелорусского языка XV — XVII вв». Составлена картотека «Словаря ста-

роукраинского языка XVI — XVII вв.». Таким образом, материал для изучения посредствующей роли старобелорусского и староукраинского языков при русско-польских контактах налицо, хотя он и в разной степени доступен для специалистов разных стран.

Изучение русско-украинских и русско-белорусских языковых контактов, на наш взгляд, в каком-то отношении отстало от изучения истории литературных связей, истории общества. Причина такого отставания видится в том, что при исследовании языковых контактов и словарных заимствований как их следствия уделялось недостаточно внимания посредствующим ролям языков, т. е. преобладает аспект изучения результатов контактов как конкретных словарных заимствований. Исторические условия контактирования языков, т. е. широкий культурно-исторический контекст, остается на втором плане. А между тем именно анализ заимствований в широком контексте при комплексном подходе дает наиболее надежные результаты.

Что касается комплексности подхода, то позволю себе упрекнуть коллегу А. Золтана в том, что факторы фонетические и грамматические им почти оставлены в стороне. Ясно, что изучение фонетической стороны тех слов, которые исследователи именуют «полонизмами» в русском, представляется немаловажным, так как их фонетические особенности свидетельствуют о преобразовании польской фонетики в украинскую и белорусскую. В качестве конкретных примеров можно привести такие явления, как передача п. **rz** (< ***rj**) как **р** твердого, польского **ó** pochylone как **о**, суф. **-ość** как **-ость**, окончание инфинитива **-ти** вместо п. **ć** и многие другие. Инвентарь этих фонетических польско-русско-украинско-белорусских корреляций можно было бы пополнить, и он нуждается в дальнейшем уточнении. В ходе этого уточнения исследователями выявляются собственно польские фонетические черты (п. **ę** как **ен** в русских текстах, **rz** как **рз** — *коморзи* в русском XVII в.), исключающие украино-белорусское посредничество. Обратим еще внимание на два морфологических момента в сравнении текстов писем С.Батория и И. Грозного, на которые не обратил внимания А. Золтан, но которые служат дополнительной иллюстрацией того, как текст И. Грозного отклоняется от польского языка. В письме Батория *верущимъ* (< п. wierzący), в письме Грозного *верующимъ*, а также, соответственно, *ствержeнью* (< п. stwerdzenie) — *утверждению*.

Романова Н. П. (СССР). Изучение польско-восточнославянских языковых контактов, менявших свой характер и направленность в различные исторические периоды, чрезвычайно важно для исследования процессов формирования литературных языков. Отсюда столь пристальное внимание к этой проблеме многих лингвистов, значительно усилившееся в последнее время, о чем свидетельствует и ряд докладов, посвященных этому вопросу, на IX Международном съезде славистов.

Неудовлетворительное состояние изучения проблемы взаимосвязей языков восточнославянских с польским связано в значительной мере с отсутствием достаточно четко разработанной методологии исследования, которая включала бы как общие методические принципы

изучения языковых контактов, так и частные методики исследования различного уровня взаимосвязей близкородственных языков в условиях, специфических для контактов восточнославянско-польских.

Положительные достижения в этой области работ по диалектологии, ареальной лингвистике, этимолого-исторических разысканий с их глубоким вниманием к отдельному языковому факту должны быть методологически обобщены, чтобы повсеместно заменить собой тенденцию к списочным перечням заимствованных слов, к поверхностным обобщениям. К изучению польско-восточнославянских языковых контактов представляется необходимым привлечь целый ряд областей и методов современного языкознания — таких, как применение статистических методов, уровневое изучение языкового материала, стилистическое его размежевание и изучение стилевого взаимодействия, исследование динамики заимствованных форм в аспекте нормы и др.

Сергеев Ф. П. (СССР). А. Золтан провел тонкий лингвистический анализ языка ответного послания Ивана Грозного Стефану Баторию. Отвергнуты трактовки полонизмов в тексте послания Грозного как стилистического средства (Тамань), как хамелеонской способности приноравливаться к языку адресата (А. В. Исаченко) и др. Докладчик прав, развивая и уточняя высказанное Шмидтом мнение о том, что использование Грозным полонизмов подчинено требованиям деловой переписки (они вводятся в текст с учетом особенностей языка адресата).

Наши наблюдения над языком дипломатических памятников подтверждают развиваемое А. Золтаном соображение относительно причин включения полонизмов в язык послания Грозного. Исследование А. Золтана имело бы большую убедительность, если бы он привлек для анализа и другие памятники той поры, в которых так или иначе отражены полонизмы. Можно было бы обратить внимание на то, что ряд полонизмов, встречающихся едва ли не впервые в послании Грозного, затем укрепились в русском языке (ср. *подданство* и т. п.).

Правильна мысль о том, что при характеристике заимствований из польского языка надо учитывать и языки-посредники — украинский и белорусский. Но не на все заимствования следует распространять этот тезис: немало случаев, когда полонизмы приходили в русский язык непосредственно из польского. Требуется весьма тщательный анализ полонизмов в русском, украинском и белорусском языках для выяснения, где они раньше появились.

Овчинникова В. С. (СССР). Доклад проф. А. Золтана посвящен актуальной теме современного языкознания — славянским языковым контактам. Построенный, казалось бы, на узком материале (одно письмо Ивана Грозного Стефану Баторию), он дает возможность сделать значительные выводы. Действительно, многие полонизмы вошли в русский язык через старобелорусский и староукраинский языки, а наличие их в письме Ивана Грозного объясняется вовсе не стилистическими целями, а характером делового письма в это время: необходимостью приводить содержание документа, на который идет ответ, или его части (иногда с цитированием). Все это убедительно доказано проф. Золтаном путем сравнения текстов писем Стефана Батория от 4 июля 1581 г. и Ивана Грозного от 29 сентября 1581 г.

В качестве пожелания можно высказать следующее. Хотелось бы, чтобы выводы были подтверждены сравнением фонетики и морфологии писем, а не только лексики, и на большем материале. В Ростовском университете в 1982 г. студенткой из Польши М. Стацива была выполнена дипломная работа «Полонизмы в русском языке XVI — XVII вв.». Ею были выявлены интересные фонетические и морфологические факты. Следует согласиться с положением проф. Р. Русинова о том, что некоторые полонизмы вошли в русский язык непосредственно из польского.

Ищенко Д. С. (СССР). Доклад А. Золтана производит хорошее впечатление тщательной разработкой всех деталей исследуемого автором текста. По-новому представлена роль Ивана Грозного в использовании полонизмов, которые, как выясняется, уже были употреблены в западнорусском тексте послания Стефана Батория, на которое отвечал Иван Грозный. В исчерпывающем использовании письменных источников кроются резервы дальнейшего развития нашей науки, и доклад А. Золтана является подтверждением этого.

Łesiów M. (P). Referaty T. Kuroczyckiego i kolegów oraz A. Zołtana dotyczą bardzo ważnego i ciągle otwartego problemu wzajemnych stosunków pomiędzy językami słowiańskimi, których badanie nie jest łatwe, bo im języki bliższe sobie, tym trudniej wydzielać konkretne fakty wzajemnego oddziaływania. W badaniu tych faktów mogą też przeszkadzać fakty pozajęzykowe i pozanaukowe. Na szczęście naukowcy starają się być obiektywnymi.

Jest jeszcze wiele do zrobienia w zakresie zagadnień wzajemnych stosunków językowych polsko-ukraińskich (przebadanie tekstów literackich, gwarowych). Pewnym krokiem naprzód w tym względzie są referaty tu przedstawione, bo jeśli wiemy wiele albo prawie wszystko o cechach fonetycznych tych zapożyczeń, trochę o cechach morfologicznych, to znacznie mniej o leksyce. Coraz łatwiej te cechy robić w związku z pojawianiem się kapitalnych słowników w Polsce i w Ukrainie. Aż się prosi odpowiednia monografia na ten temat, bo wiele się już uzbierało przyczynków i stwierdzeń rozrzuconych po większych pracach.

Najważniejszą sprawą jest oczywiście zbadanie pochodzenia wyrazów, ustalenie ich etymologii. Niemniej jednak próba spojrzenia na ukrainizmy od strony ich frekwencji we współczesnym języku polskim jest również interesująca.

W związku z tym pytania: 1) Jak koledzy sobie poradzili ze stwierdzeniem, że to są ukrainizmy, kiedy nie ma wyróżników formalnych? Szokuje ta mała ilość leksemów uznanych za ukrainizmy. 2) Skąd wiadomo, że szereg turcyzmów to akurat ukrainizmy? 3) Czy wyrazy typu *hodowca* i *bohaterski* należy traktować tak samo jak *hodowla* i *bohater?* Czy *władyka* nie należy uważać za cerkiewizm, a *hadło* — białorutenizm?

Cieszę się z wystąpienia kol. prof. Zołtana, który zwrócił uwagę na ważny fakt, niedostrzegany przez wielu badaczy, że języki ukraiński i białoruski pełniły często funkcję pośredników we wzajemnych stosunkach językowych polsko-rosyjskich. Rzecz najzupełniej naturalna.

Urbańczyk S. (P). Referat prof. W. Lubasia trzeba przyjąć z wielkim uznaniem, bo dostrzegł, zarejestrował i objaśnił mnóstwo zjawisk języ-

kowych, związanych z kontaktami międzyludzkimi. Zjawisk tych starsza literatura albo nie dostrzegała wcale, albo wspominała o niektórych z nich przygodnie. Rejestracja i opis będzie bardzo przydatny nie tylko cudzoziemcom uczącym się mówić po polsku, ale i dla Polaków, zwłaszcza dla tych, którzy przechodzą z jednej warstwy społecznej do drugiej. W praktyce językowej potrzebne są wskazówki dla zachowania się językowego. Gdy słyszę, że ktoś mówi przy mnie: «panie Bolku» — wiem od razu, że mówi równy do równego lub niższego prestiżem poufale po imieniu, gdy mówi «panie Bolek», wiem że mówi wyższy do niższego po nazwisku. Takie subtelności musi znać każdy człowiek danej grupy społecznej.

Хасанов Б. (СССР). Проф. В. Любась в докладе «Славянская социолингвистика» отвечает на вопросы: возможно ли социолингвистическое компаративное описание славянских языков и какие лингвистические явления и мотивирующие их социолингвистические параметры могут быть предметом этого описания. Мы с основными положениями доклада согласны. Однако трудно согласиться с мнением о том, что социолингвистика является языковедческим методом, а не разделом языкознания (Резюме..., с. 208).

В советском языкознании в трудах Ю. Д. Дешериева, А. Д. Швейцера, Л. Б. Никольского и др. четко очерчено место социолингвистики в кругу других наук: социологии, психологии, философии, лингвистики. Советские языковеды социолингвистику характеризуют не только как раздел, но и как самостоятельную дисциплину. Самостоятельность этой научной дисциплины обусловлена тем, что она вооружена собственными социолингвистическими методами. Кроме того, она привлекает методы сопредельных наук. Таким образом, социолингвистика — не метод, а раздел науки о языке, имеющий свои методы.

Дневное заседание 12 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Kowalska A. (P) — Z zagadnień czesko-polskiej interferencji językowej na Górnym Śląsku w okresie habsburskim (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 195—202).

Минчева А. (НРБ) — Структурните черти на Балканския езиков съюз от гледище на развоя на българския език (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 107—114).

Цыхун Г. А. (СССР) — Паўднёваславянска-ўсходнеславянскія моўныя сувязі (Праблема славянскага ўклада ў балканскі моўны саюз) (IX Международный съезд славистов. Доклады.— Минск, 1983, с. 3—39. Отдельный оттиск).

Илиевски П. (Yu) — Лексички реликти от стариот балкански јазичен сојуз во современите балкански словенски јазици (Реферати на македонските слависти за IX Меѓународен славистички конгрес во Киев.— Скопје, 1983, с. 7—14).

Цивьян Т. В., Судник Т. М. (СССР) — К типологическому анализу механизма двуязычия (Балтославянский и балканский языковые союзы) (Славянское языкознание.— М., 1983, с. 199—213).

Orzechowska H. (P) — O historyczną, geograficzną i typologiczną definicję bałkanizmów słowiańskich (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 261—271).

Siatkowski J. (P) — Słowiańskie interferencje w zakresie morfologii (Ibid., s. 357—367).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Lötzsch R. (DDR). В докладе коллеги А. Минчевой еще раз убедительно показано, что при контактах языков непосредственно неродственных взаимовлияние на морфологическом уровне, за редкими исключениями, осуществляется путем не заимствования, а калькирования формальных средств выражения грамматических значений. Вывод этот не новый, но все же целесообразно на основе новых фактов указывать на его оправданность, поскольку в последнее время иногда возобновляются попытки воскресить давно опровергнутую, казалось бы, концепцию, согласно которой «многокомпонентность» языков может касаться и материальной стороны грамматической структуры. Вызывает сомнение ограничение внешних толчков, приведших к образованию балканизмов, влиянием греческого и латинского языков. По крайней мере возникновение постпозитивного члена нельзя объяснить воздействием этих языков, в которых нет постпозитивного члена, а из романских языков его имеет только балкано-романский. Тут, по-видимому, имело место воздействие автохтонного субстрата, поскольку и в том языке, который является прямым продолжением этого субстрата,— в албанском — имеется постпозитивный член.

Orzechowska H. (P). Przy historycznym badaniu bałkanizmów jako produktu «rozwoju konwergentnego» języków niepokrewnych (ref. A. Minczewa, s. 107 i s. 109) nie docenia się na ogół faktu, że wszystkie języki bałkańskiej ligi językowej należą do tej samej szerszej rodziny indoeuropejskiej. Podstawowe elementy ich struktury morfologicznej i składniowej mają wspólną genezę. Inne są prawidłowości interferencji na terenach objętych bilingwizmem tam, gdzie sąsiadują ze sobą języki nie spokrewnione w ten sposób: ani węgierski, ani turecki do ligi bałkańskiej nie należą, mimo wielowiekowego istnienia stref bi- i multilingwizmu na pograniczach z językami tej ligi.

Wzięcie pod uwagę wspólnej genezy indoeuropejskiej języków bałkańskiej ligi językowej oszczędziłoby nam błędów wynikających z powierzchownego traktowania poszczególnych bałkanizmów jako zapożyczeń z jednego języka ligi bałkańskiej do drugiego.

Nieistotny z punktu widzenia kommunikacji językowej stopień pokrewieństwa między językami, jest bardzo istotny dla kierunku i «reguł» kształtowania się ich systemów. Te procesy odbywają się poza świadomością użytkowników języka.

Gutschmidt K. (DDR). В доклада на Г. А. Цихун се предлага много ценен съпоставителен анализ на някои явления в източнославянски

и южнославянски, който значително обогатява нашите знания. Много важно в методологично отношение е неговото положение «аб несупадзенні дыялектнага і арэальнага члянення праславянскай моўнай прасторы», което важи в еднаква степен и за балканското езиково пространство. Бих искал само да запитам уважаемия колега Г. А. Цихун дали той действително смята, че основната функция на члена в българския език не е сигнализирането на актуалното членение на изказването. Като съм съгласен с неговия тезис, че както в северноруските така и в българските говори задпоставените слаби форми на показателни форми са били използвани за сигнализиране на актуалното членение, бих искал да добавя, че в български вследствие на конвергентното развитие в рамките на балканския езиков съюз енклитичните форми «се резервират» за имената. В североруски, изглежда, те показват по-широка функция, тъй като липсват езикови контакти подобни на балканските. А това ни подсказва мисълта, че превръщането на задпоставените местоимения в артикъл в български се дължи на контакти с езици, в които това средство е било вече развито.

Шило Г. Ф. (СССР). З деякими твердженнями проф. Г. А. Цихуна ми не можемо погодитись. Так, доповідач вважає, що болгарський артикль *тъ, та, то* споріднений із частками *та, то* в деяких північних російських говорах, і заперечує думку проф. А. М. Селищева, який правильно вважав, що між функцією болгарського артикля і частками *та, то* в російських говорах нема нічого спільного. Наведу кілька прикладів лексичних одиниць, спільних для південнослов'янських і східнослов'янських мов. Назва *шавар* чи *шувар* у значенні «лепеха» поширена у наддністрянських говорах української мови та в банатських говорах болгарської мови, а ця назва запозичена з тюркських мов. Назва *під* у двох значеннях: «горище над хатою» і «підстилка під стіжком, під снопами (в стодолі)» зустрічається в поліських говорах (деякі говірки північних населених пунктів). У цьому значенні виступають деривати назви *під* у наддністрянських говорах: *подéн'а, пудéн'і подéн'е* а також у гуцульських говорах: *пóдина* «підстилка». Разом з тим це слово у значенні «підлога» відоме болгарській мові *(под)*, сербській *(пȍд)*, словенській (pȍd).

Младенов М. (НРБ). Докладът на проф. П. Илиевски дава много добра сумарна представа за резултатите от интерференцията и контактите на древните и съвременните балкански (неславянски) езици в южнославянските езици и специално в българския диалектен континуум. Но аз мисля, че вече се налага задължителното въвеждане на географския (ареалния) аспект при изследване на интерференцията в балканските езици. Ще дам един ярък пример с географското разпределение на гръцките лексикалните елементи в българския език. Вече са съставени около 150 карти (цял атлас), които достатъчно ясно очертават няколко ареала: южен (от Албания до Черно море), източен (с вариант североизточен около Черно море) и северозападен. Не е трудно да се обяснят първите два ареала, но третият поставя много проблеми пред етимолози и историци на езика поради това, че е значително отдален от гръцкия ареал. В него се срещат заемки от гръцки като *скали* «стълба», *манара* «брадва», *мигар* «нима», *лаха се* «случва

се», *парапит* «свободен» и мн. др., които са непознати на другите ареали. И за това много е недостатъчно да се каже, че те са заемки от гръцки — трябва да се обясни и тяхното разпространение.

Olteanu P. (R). Referát prof. P. Ilievsky (Skoplje) predstavuje vel'ký záujem po obsahovej i metodickej stránke. To by sa muselo však upresnit' kedy výtvoril starý jazykový sväz balkanský. Častočné jednotke a podobenstvá dnešných slovanských jazykov vysvetluje sa spoločným substratum tracko-ilirsko-goto-dackým a grečkým.

Keď prošli Slovania v Karpatskej oblasti i na Balkane, trakovia boli romanizovani-grecizovani. Proto tieto lexikálne relikty neslovanského pôvodu sa majú vysvetlit' balkanskou latinčinou, grečtinou, albančinou, a najmä rumunčinou. Nova praca Gr. Brîncuš «Elementul autohton în limba română» (1983) núka 90 slov tracko-greko-dackého pôvodu s istou etymológiou a asi 60 s etymológiou neistou. Študuje ich v úzkej súvislosti s albanským jazykom. Dovol'ujem si upozornit' na atestovanie istých reliktov v starých textoch.

Linguistické štúdium toho istého vo viacerých balkanských jazykoch vedie nas nie len k lexikálnym totožnostiam no i k syntaktickým-morfologickým.

Ивић П. (Yu). У вези с балканистичким рефератима напомињем да главна карактеристика већине балканизама — замена афикса клитикама — значи повећање прозрачности исказа. Такве појаве настају у резултату билингвизма. Разуме се, природно је што је за нове конструкције употребљен домаћи језички материјал. Зна се, и данас је истакнуто, да су морфолошке позајмице изузетак кад се ради о односу међу језицима који нису блиско сродни. Суштина језичких савеза није у идентитету језичке супстанце, него у паралелизму структура.

За проучавање генезе балканизама ванредно су значајни српскохрватски говори у румунском Банату. Од њих крашовански имају призренско-тимочку (торлачку) основицу, док они у околини Темишвара припадају шумадијско-војвођанском дијалекту. Познато је да су призренско-тимочки говори део балканског језичког савеза, док шумадијско-војвођански говори нису балканизирани. Међутим, у румунском Банату налазимо парадоксалну ситуацију. Број балканизама у крашованском говору је сасвим ограничен, док су српски говори у темишварском крају захваћени интензивном балканизацијом. Пред нашим очима тече процес претварања тих говора у структурално «балканске», под непосредним утицајем румунског окружења. Као што је нагласила колегиница Минчева, тај процес почиње стварањем синтаксичких варијаната, да би његови резултати били коначно уграђени у морфолошке парадигме. То се у низу случајева може пратити од села до села у зависности од јачине румунског утицаја. Поменути парадокс лако се објашњава тиме што су Крашовани католици, а Срби око Темишвара православни. У првом случају вера је стварала баријеру контактима, нарочито етничком мешању, док су у другом случају врата за сваковрсне контакте била отворена. Отуда је крашовански говор сведок старог, још увек небалканизираног стања призренско-тимочких дијалеката, док су говори темишварске околине жива илустрација за моралитете процеса балканизације.

Реферат академика Илиевског, који нам доноси примере сличности супстратске и данашње топонимије и који поставља проблем директног преузимања супстратских елемената у словенске идиоме, актуализује два крупна проблема: 1) Који би били критерији — фонетски, семантички или какви други — за разликовање директних позајмица из супстрата од оних које су ишле посредно кроз балкански латинитет (или грецитет)? 2) Ако је било директног преузимања из супстрата, требало би објаснити зашто нпр. Илирик није био романизован, док су провинције као Галија или Хиспанија претрпеле готово потпуну романизацију.

Младенов М. (НРБ). Мене ми се струва, че след Кр. Сандфелд към инвентаря на балканизмите не е прибавено нищо съществено и, ако трябва да видим накъде ще се развиват балканоложките изследвания, то несъмнено това е уточняване на законите, в които са съсредоточени балканизмите, което ще позволи да се вникне в механизма на интерференционните и контактните процеси. Защото поне в българския език от балканистичен аспект е почти парадоксално положението: географското разпределение на елементи **-то** в относителните местоимения *(който, какъвто)*, което е безспорен балканизъм, се съчетава със зоната на разпространение на най-много падежни остатъци, което от своя страна извежда тази зона извън ядрото на балканската интерференция. Ето защо един атлас на балканизмите би могъл да допринесе да се изяснят процесите и явлението.

Warchoł S. (P). W referacie prof. G. Cychuna słusznie podkreślono konieczność uwzględniania w badaniach o charakterze typologiczno-porównawczym: a) genetycznej identyczności określonych cech językowych, b) możliwości powstania identycznych zmian w różnych językach słowiańskich w sposób całkowicie niezależny, c) w miarę precyzyjnego odróżniania chronologii występowania konkretnych zjawisk lub cech językowych, d) konsekwentnego odróżniania innowacji od archaizmów (w różnych płaszczyznach systemu językowego).

Przy porównywaniu jezyków wschodniosłowiańskich z językami południowymi należało jednak, jak sądzę, nieco bardziej i dogłębniej uwypuklić charakter przejściowy języków: ukraińskiego, słowackiego i czeskiego.

Przedstawiony przez Orzechowską referat uświadomił nam wiele różnych problemów, które występują nie tylko przy badaniu bałkanizmów, ale również innych cech językowych bądź to łączących bądź też różnicujących słowiańszczyzną. Mam tu przede wszystkim na uwadze następujące, cenne z punktu widzenia metodologicznego, sugestie autorki: a) ukazanie konieczności uwzględnienia chronologii (względnej) w badaniach językowych, b) nie ograniczać się tylko do metody porównawczej, ale jednocześnie mieć na uwadze opis typologiczny konkretnych zjawisk, c) w szerokim możliwie zakresie uwzględnienie zjawisk językowych.

Konieczność kompleksowego traktowania badań w zakresie pokrewieństwa języków słowiańskich jest już na obecnym etapie warunkiem niezbędnym.

Widziałbym jednakże większą niż to pokazała referentka potrzebę uwzględniania w tego typu badaniach materiału gwarowego.

Gutschmidt K. (DDR). Проф. А. Минчева показва съвсем убедително, че «всички балканизми» в началото на появата си имат статус на синтактични явления» —а те, както е известно, се поддават на калкиране, докато тяхна вътрешна форма е ясна. Струва ми се, че реконструкцията на първоначалната мотивация (на вътрешната форма) на т. н. балканизми е съвършено необходима предпоставка за обосноваване на езиков съюз. Това ни връща към мисълта на Й. Копитар от 1825 г., че в български, румънски, албански и новогръцки «ein Sprachgeist herrscht». Също така се присъединявам към мнението на проф. Минчева, че е необходимо като критерий за езиков съюз да послужи конвергентното развитие на съответните системни черти. Иначе ние смесваме «понятийната» област на езикови интерференции и «езиков съюз», като последното понятие е класификационно — то служи за обединяване на езици с вторично придобито роднинство. А във връзка с това си позволявам да напомня, че още И. А. Бодуен де Куртене в лекциите си по сравнително славянско езикознание (1902—1903) изрично привежда като възможност за негенетична и нетипологична класификация на езиците и наличието на черти, възникнали в резултат на конвергентно развитие.

Илиевски П. (Yu). Четирите реферати (на проф. А. Минчева, Г. А. Цихун, Х. Ожеховска и Т. М. Судник — Т. В. Цивьян), посветени на балканскиот јазичен сојуз, заемно се дополнуваат и фрлаат нова светлина врз зараѓањето и развојот на балканизмите. Во својата дискусија ќе се осврнам само на рефератот од проф. Минчева.

Наполно сум согласен со нејзиното објаснување за појавата на балканизмите врз синтаксична основа и со двојни синонимни форми (стари, наследени синтетички и нови аналитички калки) во почетната фаза. Иако е тоа познато од порано, проф. Минчева ја искажа оваа вистина мошне убедливо. На овие момента од развојот на балканизмите сум укажувал и јас во своите прилози. Меѓутоа, во печатниот текст од реферата на проф. Минчева двапати е апострофирано моето име дека сум то упростувал процесот на балканизација, сведувајќи то механизмот само на влијанието од грчкиот и балканскиот латински, каде што повеќето од овие црти биле веќе развиени пред заселувањето на јужните Словени на Балканот. Всушност, како во статијата што ја цитира проф. Минчева, така и во оние мои трудови (спомнати во неа), каде што секој балканизам посебно е предмет на специјално иследување, наоѓам повеќе фактори (внатрешни и надворешни) што ја условиле појавата на овие особености во балканските словенски јазици.

Во рефератот се истакнува дека во новобугарскиот биле наполно развиени сите балканизми. На тога би забележал дека бројот на балканизмите не се исцрпува со оние што се разгледани од проф. Минчева. Македонскиот како централен балкански јазик, е со најразвиена балканска јазична структура. Овде е бројот на балканизмите поголем. Наполно се оформени балкански особености, кои во бугарскиот се наоѓаат во зародок, како на пр.: а) аналитичка конструкција на перфект со *имам (имам пишувано/имам написано)* идентична со онаа во романските јазици, албанскиот и грчкиот; б) проклиза на заменските клитики од типот ***ми рече, се мне,*** која исто така е карактеристичен

белег за сите несловенски балкански јазици, а во бугарскиот не се развила; в) удвојувањето на директниот и индиректниот објект во бугарскиот не станало задолжителна граматичка категорија како во македонскиот.

Има и други балкански черти во балканските словенски јазици (бугарски, македонски и торлачките српски говори), како хипердетерминираност и други плеонастички изрази, кои се уште имаат својства повеќе на стилски особености, отколку на типични балканизми.

Симеонов Б. (НРБ). С балканистиката се занимават вече три вида «изследователи» — любители, които едва сега се запознават с известни факти от структурната общност на балканските езици и които не знаят все още, че изразът ἔχω γράφειν — хощѫ писати се среща и в четирите балкански езика между XII — XV вв. Към тях се отнасят и ония, които смятат все още, че известните балканизми около 10 брой в структурата на балканските езици были независими в тях и били по произход общоевропейски или общославянски за български и неговите говори. Към втория вид изследователи се отнасят ония, които по профила на своята специалност не са балканисти, но се занимават с балканистика. Очевидно и четирите докладчика се отнасят към тази категория, защото те все още търсят възникването на балканизмите в еднопосочното въздействие на гръцки или романски върху останалите балкански езици или в калкиране на семантични или синтактични конструкции между четирите балкански езика, влизащи в балканския езиков съюз. Самите балканисти, истинските балканолози, разглеждат възникването на балканизмите не в механичното еднопосочно въздействие от един език върху друг, не в калкирането на семантични и синтаксични конструкции, а в сложния процес на билингвизма и полилингвизма, в който става сближаване на черти и структури въз основа на наличен езиков материал в тях и в които тия общи черти постепенно по честота и употреба вземат връх. Билингвизмът утвърждава тия общи черти, поради което езиците все повече и повече са били сближавани и изравнявани.

Българският езиков материал в доклада на Г. Цихун е подценен. Освен това за членната форма, нейните варианти и постпозиция съществуват редица важни публикации, които са останали неизвестни на автора.

Докладът на П. Илиевски, подобно на доклада на Б. Марков е непълен, неточен и повърхностен. Субстратните ономастични черти в балканските езици са изследвани и известни по отношение и на четирите езика.

Името на с. *Гопеш* не е старомакедонско. То лежи доста на север и неговият предславяно-български облик е бил вероятно със звучна фонема /β/ (/Б/), тъй като в тая зона например Ἀστείβος > *щипъ* > *щип* и *Щип-ок* в Софийско Στόβος > *Стоп* и *Стоб*, т. е. първичната форма е Gobeş, а подобно название се среща и в Прокопий (Γῶμβες ~ Γῶβες).

Топонимът *Бара* не е от илирийски произход. Ст. Младенов и Вл. Георгиев смятат, че той е от индоевропейско-славянски произход,

а Б. Симеонов — от хуно-алтайски (хуно-булгарски, т. е. прабългарски произход) и се отнася към ранните заемки от IV — VI в., тъй като в тия езици bar, bare означава «река, рекичка, която поради маловодие пресъхва през лятото» и др.

Kostov K. (DDR). В последно време заниманията с въпросите на езиковата теория заемат превес в балканското езикознание, за което свидетелствува не само докладът на Х. Ожеховска. Във връзка с поставената вече задача за съставяне на Атлас на балканските езици докладите на Г. А. Цихун, П. Илиевски и А. Минчева имат особено значение, защото те разкриват важни страни на взаимоотношенията между славянските езици на Балкана и са принос за изясняване на типологично-структурната им характеристика.

Lötzsch R. (DDR). В докладе коллеги Сятковского наглядно показано, что при контактах между языками близкородственными могут заимствоваться элементы любого уровня структуры, в том числе грамматические морфемы. Все же утверждение о расширении употребления якобы английского окончания множественного числа -s в немецком языке, в частности в языке ФРГ, основано на недоразумении. Это окончание было свойственно не только языку той части саксов, которая переселилась в Англию, но и диалектам саксов, оставшихся на континенте. Стало быть, оно свойственно нижненемецким диалектам от самого начала их существования. Отсюда оно проникло и в средненемецкие диалекты и в литературный язык. Расширяется его употребление ныне не только в языке ФРГ, но и в языке ГДР, причем в словах, связанных не с английским, а с русским влиянием. Так, в военном жаргоне ГДР замполит называется Politnik, а деятеля молодежной организации FDJ в разговорном языке называют FDJ-nik, т. е. оба слова образованы с помощью ставшего в разговорном языке ГДР продуктивным русского суффикса **-ник.** А множественное число обоих слов — die Politniks, die FDJ-niks.

Kowalska A. (P). Uwagi moje dotyczą pierwszej części interesującego referatu prof. Siatkowskiego, poświęconej fleksji. Zgadzam się z referentem, że wpływy czeskie w odmianie rzeczowników są rzadkie, wydaje mi się jednak, że w niektórych tekstach są te wpływy większe, niż wynika z referatu. Myślę o utworach pisarzy górnośląskich, opublikowanych w Oleśnicy i Brzegu na przełomie XVII i XVIII w.

Oddziaływaniem języka czeskiego tłumaczyć należy m. in. zachowanie niektórych starych końcówek, wspólnych do XVI wieku językowi polskiemu i czeskiemu, lecz o sto lat później występujących już tylko w języku czeskim. Utrzymywanie się tych form w., utworach pisarzy śląskich, żyjących na przełomie XVII i XVIII w., warunkowane było nie tylko śląskim podłożem gwarowym, ale także wpływem literackiego języka czeskiego, znanego w tym czasie nie tylko w okolicach Cieszyna, ale także na Opolszczyźnie. Świadczy o tym prawie całkowity brak w utworach pisarzy śląskich dialektyzmów nie mających oparcia w literackim języku czeskim i występowanie w nich wariantów o charakterze chronologiczno-kontaktowym, mających źródło zarówno w starszej polszczyźnie, jak i w języku polskim z końca XVII i początku XVIII w.

Младенов М. (НРБ). Проф. Сятковски приведе пример за интерференция в морфологията с български пример като *дечдр* «деца», в което (след акад. Вл. Георгиев) смята, че **-ор** е заето от румънски език. Само ще отбележа съмненията си относно това твърдение. Няма нито една дума в говорите, в които има такива форми (*жендр, дечдр, войничдр, цигандр* и мн. др.), която да е заета от румънски език. В български това окончание има облик **-ор** и винаги е под ударение, а в румънски то е **-uri** и не е под ударение (ceàsuri, brînzèturi и т. н).

Клепикова Г. П. (СССР). Представляется чрезвычайно важным учет ряда теоретических принципов (= параметров) анализа феномена «языковой союз» (ЯС), как это сформулировано в опубликованном тексте доклада Т. В. Цивьян и Т. М. Судник, при рассмотрении и сопоставлении (= типологизации) языковых общностей разного характера: собственно ЯС (на стадии его конституированности — как балканский языковой союз [БЯС]), языковых общностей, развивающихся в направлении ЯС (анализируемый балто-славянский ЯС (БСлЯС), упоминавшийся в выступлении проф. П. Ивича, язык тимишоарских карашован), а также языковых общностей, не имеющих статуса ЯС, как это имеет место в случае с балкано-карпатской языковой общностью (БКО), которая является в настоящее время объектом интенсивного изучения (см. доклад С. Б. Бернштейна). Сопоставление языковых общностей разного типа показывает общее и специфическое в каждом из них. Во-первых, БЯС, как и БКО, является результатом процессов контактирования в прошлом. Напротив, в случае в БСлЯС речь идет о живом процессе формирования ЯС (ЯС in statu nascendi). Во-вторых, БЯС характеризуется не только общим лексическим фондом, но и большим числом системных схождений и принципиальной ориентированностью на единую структурную схему. БКО, как в известной степени и БСлЯС, строится на большом фонде общих лексико-семантических элементов. Ведущиеся в настоящее время специальные исследования, например создание «Общекарпатского диалектологического атласа» (ОКДА), позволяют достаточно полно описать обширный фрагмент лексико-семантической сферы языков и диалектов БКО. Важно учитывать, как подчеркнуто в докладе, схождения на фоне расхождений, различий между отдельными языками и диалектами. ОКДА исходит из карпатской ситуации и рассматривает балканскую ситуацию через «призму» карпатской ситуации. Очевидно, что для всестороннего рассмотрения балкано-карпатской языковой общности важно изучение лексики зоны Карпат через «призму» балканской ситуации. Этому мог бы послужить «Балканский лингвистический атлас», о котором упоминал коллега С. Костов.

Буш О. (СССР). Положительно оценивая содержание коллективного доклада, прочитанного Т. М. Судник, считаю необходимой реплику терминологического характера. Термин «балто-славянский языковой союз» вне контекста может быть понят лишь как охватывающий целый комплекс балто-славянских языковых отношений, балто-славянскую языковую общность. В данном же докладе предметом исследования являются намного более частные (хотя очень интересные) вопросы. Учитывая традицию, в данном случае вряд ли можно признать удачным

обозначение «языковой союз», если же его все-таки придерживаться, то было бы желательно расширение его за счет локализационного или спецификационного определения (например, «балто-славянский *региональный* языковой союз» или что-либо более удачное). Иначе неизбежны недоразумения (вроде уже вызванных названием сегодняшнего доклада).

Вечернее заседание 12 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Urbańczyk S. (P) — Wschodniopolski wariant dialektu kulturalnego i języka literackiego (Zagadnienie interferencji wschodniosłowiańskiej) (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 435—443).

Michałk S. (DDR) — Rěčnogeografiska struktura serbšćiny a jeje socialnohistoriski pozadk (Lětopis A, 1982, t. 29/2, s. 141—156).

Jahić D. A. (Yu) — Neke vokalsko-konsonantske korelacije između ijekavskoštokavskih istočnobosanskih govora i srednjeruskih govora Pskovske oblasti (Јужнословенски филолог.— Београд, 1984, т. 40, с. 75—93).

Lencek R. (USA) — From language interference to the influence of area in dialect-geography (American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September, 1983, Vol. 1. Linguistics.— Columbus, Ohio, [1983], p. 185—191).

Dorul'a J. (ČS) — Z histórie lexikálnych slovensko-východoslovanských súvislostí a paralel (Československá slavistika.— Praha, 1983, s. 61—70).

Мароjевић Р. (Yu) — Прасловенска adjectiva possessiva типа *Творимиричь* (од патронима типа *Творимиричь*), њихова судбина и трагови у словенским језицима (Посебан отисак из Јужнословенског филолога.— Београд, 1982, т. 38, с. 89—109).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Ткаченко О. Б. (СССР). Prof. S. Urbańczyk poświęca dużo uwagi i wysiłków badaniu historii języka polskiego, polskiej dialektologii historycznej. Nowa jego praca, odzwierciedlona w dopiero co wygłoszonym przez niego referacie, jest bardzo ciekawa i ważna pod każdym względem. Kwestje, związane z dialektem wschodniopolskim, prof. Urbańczyk już poruszał, zwłaszcza pisząc o przyczynach zniknięcia z polszczyzny literackiej samogłosek pochylonych á i é. Już wtedy zwrócił uwagę na doniosłość oddziaływania wschodniopolskiego dialektu kulturalnego na ogólnopolski język literacki. Badanie tego dialektu ma wielkie znaczenie też przy studiach nad przeszłością języka ukraińskiego i białoruskiego. Tu niejedno jeszcze odkrycie czeka na nas w wyniku tych badań. Przytoczone w referacie fakty i rozumowania są z reguły przekonywające, i chciałoby się tylko, żeby autor kontynuował swoją pracę z tym samym

powodzeniem, z którym ją zapoczątkował. Chciałbym tylko uzupełnić swymi spostrzeżeniami i uwagami to, o czym powedział nam prof. Urbańczyk. Oczywiście, większość osób, które według osobliwości ich języka polskiego musimy zaliczyć do przedstawicieli dialektu wschodniopolskiego lub jego odmiany kulturalnej, mieszka teraz w Polsce. Ale pewna ich część mieszka też na Białorusi, w Litwie i Łotwie. Badaniem ich gwar zajmowali się między innymi badacze białoruscy. Chciałbym jeszcze zwrócić uwagę na znaczenie studium nad wschodniopolskim dialektem kulturalnym, zwłaszcza w przeszłości, dla badań historii języka ukraińskiego. Ograniczę się do jednego przykładu. W ukraińskim języku literackim jest wyraz *реманент* «inwentarz». W polskim języku literackim, jak wiadomo, wyrazu z takim znaczeniem nie ma. Ale czytając powieść J. Korzeniowskiego «Kollokacja», której treść jest związana z terenem ukraińskim, znalazłem tam ten wyraz z tym właśnie znaczeniem. Nie wątpię, że takich wypadków może być dość dużo. Wielkie znaczenie tematu poruszonego w referacie prof. Urbańczyka nie ulega żadnej wątpliwości. Chciałoby się, żeby ta praca miała swój dalszy ciąg i rozwijała się pomyślnie.

Дзендзелівський Й. О. (СССР). Доповідь проф. С. Урбанчика має важливе значення не лише для дослідження історії польської літературної мови, а й у плані вивчення польсько-українських і ширше польсько-східнослов'янських взаємозв'язків. Сучасна польська літературна мова ввібрала в себе чимало явищ (лексичних, фонетичних, граматичних), які генетично пов'язуються з мовною практикою польських письменників XVI—XVIII ст., що походять з колишніх окраїн Польщі (kresów).

Слідом за проф. К. Нічем доповідач вважає, що художня література на діалектній мові (у Польщі кашубська і підгалянська) «słownictwo intelektualne i metaforykę» змушена запозичувати з літературної мови. Звичайно, стилістика літератури на діалектній мові певним чином пов'язується із стилістикою літературної мови. Проте діалекти (як і фольклор) мають і свою стилістику. У даному випадку я користуюся лише нагодою, щоб звернути увагу на необхідність і актуальність вивчення діалектної стилістики. Робота в цій галузі слов'янської діалектології, як відомо, на жаль, ще власне спеціально й не розпочата.

Lötzsch R. (DDR). Мне хотелось бы подчеркнуть то чрезвычайно важное значение, которое работы коллеги З. Михалка, в том числе его сегодняшний доклад, имеют для адекватной социолингвистической интерпретации языковой ситуации лужицких сербов. Тезис о том, что между якобы самостоятельными верхнелужицким и нижнелужицким языками существует абсолютно однозначная граница, высказанный более 50 лет тому назад З. Штибером, основан всего лишь на двух изофонах. Частично с ней совпадают еще и некоторые другие изофоны. Между тем еще в своем фундаментальном исследовании «Der obersorbische Dialekt von Neustadt», вышедшем в 1962 г., коллега Михалк убедительно доказал, что если учесть не только фонетику, но все уровни языковой структуры, то оказывается, что основная линия, отделяющая собственно верхнелужицкие диалекты от остальных лужицких диалектов, проходит значительно южнее. Этот вывод еще тогда получил

соответствующую оценку в сорабистической литературе, в частности в рецензиях на книгу, и в сегодняшнем своем докладе коллега Михалк показал, что и социолингвистическая значимость именно этой линии до некоторой степени долго осознавалась и кое-где по сей день осознается самими лужичанами, живущими в этих местах. Это, конечно, вовсе не означает, что верхнелужицко-нижнелужицкой «языковой» границей отныне следует считать не штиберовскую, а михалковскую линию. Во-первых, эта линия — не граница между верхнелужицким и нижнелужицким диалектами, а южная граница довольно широкой в условиях относительно небольшой лужицкой языковой территории полосы переходных говоров. В большинстве из этих говоров вовсе не так просто определить, конечно, при условии, что учитываются все уровни языковой структуры, элементы какого из основных диалектов в них преобладают. А во-вторых, по критериям современной социолингвистики, в разработку которой весомый вклад внесли и слависты, в первую очередь покойные Р. И. Аванесов и Я. Белич, границы между близкородственными языками определяются не изоглоссами, а этническим самосознанием самих носителей смежных диалектов, разделяемых языковой границей. Лужицкие сербы, на каких бы диалектах они ни говорили, никакой языковой границы в этом смысле не знают. Другое дело, что на основе обоих главных диалектов развивались литературные языки. Но территории распространения этих литературных языков никогда не соприкасались, так как нижнелужицкий литературный язык использовался не во всей Нижней Лужице, а лишь в той ее части, которая еще с XV в. входила в состав Бранденбурга. Поэтому и по критерию подчинения диалектов какому-либо литературному языку весь континуум лужицких диалектов невозможно разделить на две части.

Вывод для меня один: я безоговорочно присоединяюсь к мнению З. Михалка и его коллег, которые лучше всех знают языковую ситуацию лужицких сербов и считают, что по критериям социолингвистики континуум лужицких диалектов вместе со всеми разновидностями литературного языка — а в прошлом их было больше двух — следует рассматривать как одну диасистему порядка языка.

Ермакова М. И. (СССР). Вопрос о социально-исторической основе диалектной дифференциации серболужицкой языковой территории, которому был посвящен доклад З. Михалка, представляется очень важным и актуальным для сорабистики. С ним связан целый круг проблем, а именно: время установления первых контактов лужичан и мильчан, т. е. время заселения Лужицкой голи — безлюдного пояса дремучих лесов и болот, разделявшего части основной серболужицкой языковой территории, где сформировались два основных серболужицких наречия — верхне- и нижнелужицкое; границы заселения Лужицкой голи лужичанами с севера и мильчанами с юга; результаты длительных языковых контактов, представленных в серболужицких говорах так называемой переходной зоны и определивших общую базу развития отдельных языковых явлений; определение границы верхне- и нижнелужицких диалектов, т. е. формирование языковых ландшафтов в Лужице, генетические связи серболужицких диалектов.

Все эти вопросы разными исследователями решались неодинаково. В довоенный период развития сорабистики актуальная проблема дифференциации серболужицких диалектов решалась на основе данных какого-либо одного языкового уровня — лексического (П. Вирт), фонетического (З. Штибер) — с особой для каждого автора аргументацией социально-исторического характера. Лишь в 60-х годах в исследованиях по этим проблемам стала подчеркиваться необходимость учета данных всех языковых уровней, в том числе и морфологии. Именно привлечение морфологических критериев позволило выделить широкое поле так называемых переходных говоров, прояснить характер взаимодействия верхне- и нижнелужицких элементов и его результаты. Однако известно, что статус языковых идиомов, распространенных на территории Верхней и Нижней Лужиц, до сих пор определяется в сорабистике по-разному. Речь идет либо о едином серболужицком языке или о двух самостоятельных языках (Г. Шустер-Шевц). Для аргументации этих точек зрения привлекаются не только лингвистические, но и экстралингвистические факты. Привлечение последних имеет большое значение.

Новая гипотеза З. Михалка интересна и важна тем, что она основывается на новейших достижениях серболужицкой лингвистики и предполагает анализ данных истории, политических условий формирования этнического и языкового сознания, обращение к данным материальной и духовной культуры. Применительно к языковой ситуации в Лужице большое значение приобретает также анализ конфессиональных и административных границ, их влияния на диалектную дифференциацию.

Положение З. Михалка о том, что южная граница зоны переходных говоров являлась когда-то приблизительной границей между землями лужичан и мильчан, заслуживает внимания.

Ивић П. (Yu). Сонантска геминација у групама као **нн < дн**, о којој се говори у лепом реферату колеге Јахића, несумњиво је настала под импулсом из арапског језика. Муслиманско становништво је у прилици да свакодневно слуша и изговара молитве на арапском. Тој језик у изговору босанскохерцеговачких муслимана прилагођен је фонолошком систему српскохрватског језика. Специфично арапски консонанти овде су супституисани српскохрватским гласовима суседним у систему. Једина сачувана фонолошка особеност арапског је управо геминација сонаната у високо фреквентним примерима као *Аллах*. Свакодневна употреба арапских речи с таквом геминацијом створила је могућност да се такав изговор унесе и у српскохрватски језик исте популације. Ипак, ареал тог феномена је ужи од ареала неких других гласовних појава насталих у контакту с оријенталним језицима. У лингвистичкој географији нормално је да разне иновације потекле из истог ирадијационог центра имају ареале које се не поклапају потпуно. Неки од иновационих валова допру даље, док други освоје мање терена.

Поводом дискусије проф. Х. Ожеховске слажем се с њеном констатацијом да се о словенским и романским језицима не може говорити као о несродним. Међутим, у практичном погледу, кад је реч о међује-

зичким контактима, они се понашају као несродни, исто као нпр. словенски и мађарски. Сродност је од значаја онда кад омогућава делимичну разумљивост при узајамној комуникацији, а то у словенско-романским релацијама није случај.

Младенов М. (НРБ). Несъмнено, в доклада на проф. Р. Ленчек е отразена реална ситуация, създала се като резултат на Словенско-романска (италианска) интерференция. Сходни явления се наблюдават в северозападни български диалекти в близост с румънския ареал: промяна **л'** > **й**, срв. *пойе* «поле, *йут* «лют» и т. н. Първата реакция на българските езиковеди определи това явление като румънско влияние — Б. Цонев (1904), а по-късно и акад. Вл. Георгиев (1963). Проф. Ст. Стойков (1952, 1966) изследва подробно и конкретно явлението и показа, че явлението е много по-сложно. Оказа се, че: а) в български промяната **л'** > **й** е сравнително ново явление, навярно от началото на XX в.; б) в румънски процесът е бил завършен вероятно през XVI в., и днес в румънския език има l'; в) в български (а и в други славянски говори) на територията на Румъния, изследвани от проф. Стойков и от мене, в които има много активен билингвизъм, обаче промяната **л'** > **й** не е известна; г) в северозападните български диалекти с **л'** > **й** няма нито една дума, заета от румънски със същото явление.

Всъщност промяната **л'** > **й** се оказва домашно явление, осъществена в диалектите, които познават както силна палатализация на **л'**, така (макар и не повсеместно) и силно затвърдяване на **л**, което в отделни говори е отстранило кореляцията **л'** > **л**, заменяйки я с кореляцията **й** — **ў**.

И така, най-лесното обяснение на промяната **л'** > **й** (като румънско влияние) се оказва най-неприемливо. Ето защо само географското разположение на дадено явление не е достатъчно да даде ключ за неговото обяснение (понякога то е решаващо), а трябва да се види неговият структурен статус и да бъде разглеждано в по-широк лингвистичен и извънлингвистичен контекст.

Кузьмина И. Б. (СССР). Мне бы хотелось поддержать тот тезис из доклада проф. Р. Ленчека, который выделен в резюме как один из главных,— о том, что при утрате явления языком в целом в какой-то части говоров оно может сохраниться и даже развиться под влиянием другого языка. В качестве доказательства актуальности данного тезиса для разных языковых континуумов позволю себе привести примеры, касающиеся говоров русского северо-запада, для которых естественно предполагать — уже по территориальному признаку — возможность взаимодействия с балтийскими и финскими языками. Примеры относятся к сфере синтаксиса и свидетельствуют о том, что сохранение и развитие явления в говорах, находящихся в контакте с говорами другого языка, могут сопровождаться определенными сдвигами функционального характера.

1. Как известно, употребление связки наст. времени в именном сказуемом, свойственное древнерусскому языку, уже в памятниках XV — XVI вв. не было частотным явлением. Именно поэтому трудно рассматривать как архаизм в собственном смысле слова конструкции типа *она есть моя жена, кот есть злой*, употребляющиеся на северо-

западе. Как регулярное данное явление предстает в островных русских говорах на территории Прибалтийских республик и в русских говорах на территории Карельской АССР. Существенно, что в современных говорах наблюдается употребление *есть* не только как связки (что было характерно для древнерусского языка), но и как компонента предиката в односоставных предложениях (*здесь есть холодно*): конструкции оказываются типологически соотносительными с соответствующими конструкциями прибалтийских и финских языков.

2. На северо-западе восточнославянской территории выделяется компактная зона (русские и белорусские говоры), где не только для страдательного, но и для действительного залога разграничены формально значения процессуальное и результативное, перфектное. Перфектная семантика выражается при помощи тех или других причастных конструкций. Явление в целом не выводится из данных, заключенных в памятниках, хотя и имеет известные исторические предпосылки. Конструкции оказываются типологически сходными с конструкциями в говорах соседних языков. Сравнение материалов, относящихся к конструкциям с неизменяемыми причастиями на **-ши** (*он приехавши*) с псковско-новгородской территории и соответствующих материалов островных русских говоров (при статистической обработке их) позволяет увидеть, что в островных говорах явление предстает как более близкое (в структурном и функциональном плане) к явлению балтийских языков (характеристика диалектных фактов сопровождается показом соответствующих карт ОЛА).

Orzechowska H. (P). Przedstawione przez R.Lenčka charakterystyki czterech typów paralelizmów w językach na pograniczu romańsko-słowiańskim mają wiele analogii ze zjawiskami występującymi w bałkańskiej lidze językowej: tam też m. in kontaktują się w strefach bilingwizmu języki słowiańskie i romańskie Przedstawiona klasyfikacja jest jeszcze jednym przykładem paralelizmów pojawiających się w językach genetycznie (w II. stopniu) pokrewnych (Typ 3. i 4.— równoległy rozwój w systemach). Na pograniczach jezyków niepokrewnych (słowiańsko-węgierskim i słowiańsko-tureckim) typ 3 i 4 w ogóle nie mógłby się pojawić. Jest to niezależne od komunikatywnej funkcji języka, bo całokształt systemu rozwija się na odziedziczonej bazie niezależnie od świadomości językowej użytkowników języka.

Селимски Л. (НРБ). Р. Ленчек представил типологию языковых контактов (на примере славяно-романского языкового взаимодействия на территории словенского языка), которая в общем приемлема и может оказаться полезной. Мне кажется, однако, что фонетическое развитие в известной части приводимого Ленчеком материала можно рассматривать как независимое от ситуации контактирования, как результат параллельного независимого развития, встречаемого также на болгарском ареале.

Примеры изменения **л' > й** находим в говорах северной Болгарии (*леля > йейа*). В говорах некоторых деревень в северной Болгарии находим также **м > н**, которое объяснялось как результат контактирования с языком чешских и словацких переселенцев в соседних деревнях (С. Иванчев) или как следствие внутриязыкового развития

(И. Еленски). Переход смягченного **т'** в **к'** также очень распространен; он известен даже с сопутствующим удвоением (типа укр. *життя*) в говорах в Страндре, о чем писал в свое время С. Стойков.

Ткаченко О. Б. (СССР). Вивчення зв'язків словацької мови з українською, про які йдеться в доповіді Я. Дорулі, безперечно, цікаве для історії як словацької мови, так і української. Ці зв'язки відображають чимало з минулого східнословацького діалекту, а також допомагають з'ясувати чимало важливого і в історії української мови, особливо в її суміжних із словацькими говірках.

Матеріал, досліджуваний у доповіді, висвітлено глибоко і всебічно, що взагалі характерно для цього дослідника. Є тільки невелике доповнення до того, що сказано про казковий зворот Dobre lebo nebárs. Справді, типологічно він дуже близький до російського *Хорошо, да не очень*. Але є й ближчі територіально відповідники. Можливо, тепер їх важко знайти в суміжних українських говірках, де вони могли зникнути під впливом словацької мови, але вони зустрічаються на сході України і в українській літературній мові. Для української мови зворот *Добре, та не дуже* є типовим (до речі, звідси він потрапив навіть в один переклад українського народного анекдота мовою есперанто, де його скальковано Bone, sed ne tre), є він і в Шевченка: «Амінь тобі, великий муже! Великий, славний! та не дуже...». Щодо bárs, то маємо форму barz (bardzo) і в польській мові і звідси в українській. Отже, напевне, словацький вираз може мати точніший, власне український відповідник.

Чучка П. П. (СССР). Теза колеги Я. Дорулі, за якою при дослідженні лексичних контактів потрібно спиратися на тексти давніх пам'яток, тексти діалектні і фольклорні, дуже важлива, оскільки такі тексти відображають давніший стан мови. Дослідник не тільки декларує, але й на практиці реалізує цей принцип. Має рацію колега Доруля й тоді, коли заявляє, що при дослідженні словацько-східнослов'янських мовних відносин особливої уваги заслуговують ті прямі контакти словацького та українського етносів, які пов'язані з так званою валаською колонізацією гірських районів Словаччини. Спираючись на конкретні факти, проф. Доруля переконливо доводить, що результати зазначених контактів знайшли конкретне вираження уже в словацьких пам'ятках XV — XVI ст. Проте серед ілюстративного матеріалу явно переважають факти ономастичні, зокрема особові імена *Васько, Дмитор, Іван, Олекса, Федір, Федько*, прізвисько *Русин*, назви свят *Митра* та *Русаля*. Власне апелятивна лексика, яка підтверджувала б висунуту тезу, за винятком лексеми cwietia, в рефераті не наводиться; всі інші приклади, розглянуті в доповіді, фактично є лише ближчими чи дальшими паралелями, які в слов'янських мовах розвивалися незалежно. А факти, якими можна б ілюструвати давність словацько-українських лексичних взаємин, напевно, є. Посереднім доказом цього може служити велика кількість лексичних сходжень, виявлених проф Й. О. Дзендзелівським у сучасних говорах української і словацької мов.

Подсекция 4а.

КОНФРОНТАЦИОННОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФОНОЛОГИИ, ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Утреннее заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Бондарко А. В. (СССР) — Проблемы и методы сопоставительного изучения грамматических категорий в славянских языках (Славянское языкознание.— М., 1983, с. 34—47).

Mistrík J. (ČS) — Konvergentné a divergentné tendencie vo vývine moderných slovanských jazykov (Československá slavistika.— Praha, 1983, s. 71—74).

Durin J. (F) — Бодуэн де Куртенэ и история человеческого языка. Применение к славянским языкам (Revue des études slaves.— Paris, 1983, v. 55, p. 7—25).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Баранникова Л. И. (СССР). Выдвинутая А. В. Бондарко идея сопоставления языков с учетом функционально-семантических полей в качестве сопоставляемых единиц очень плодотворна. Думается, что подобный подход нужен и при изучении и сопоставлении лексико-семантических систем. В этом плане важно предложенное А. В. Бондарко разграничение полей с моноцентричностью и полицентричностью. Подавляющее количество работ по лексике ориентировано на исследование моноцентрических полей, между тем как анализ полицентрических полей дает очень интересные результаты. Это убедительно свидетельствуется рядом работ, проводимых на кафедре общего языкознания Саратовского университета.

Хотелось бы подчеркнуть важность не только состава компонентов функционально-семантического поля, но и характера его организации, учета соотношения семантического пространства между компонентами. Анализ лексико-семантического поля оптативности, проведенный на материале существительных русского, английского и украинского языков, показал, что различия между языками связаны не столько с компонентами поля, сколько с их соотношением, разным в разных языках. Обработанные на ЭВМ данные показали, что по всем проанализированным параметрам различия в структуре поля показывают своеобразное соотношение. Данные по русскому и английскому языкам занимают крайние точки, факты украинского языка близки к русским, но во всех противопоставлениях занимают положение между русским и английским языками. Исследования, проведенные Е. А. Пелих, показали, что при общем трехъядерном составе данного функционально-семантического поля в сопоставляемых языках (*желание — влечение — намерение*), их внутреннее строение обладает существенными различиями.

Очень важно, что рекомендуемый А. В. Бондарко подход к сопоставительному изучению языков помогает их анализу на разных уровнях.

Большова Ю. В. (СССР). В докладе А. В. Бондарко поднимаются принципиально новые проблемы функциональной и общей грамматики: функционально-семантическое (ФС) поле как единица описания и единица сопоставления языков; типология функциональных полей; принципы интеграции языковых единиц в рамках ФС категории, что позволяет определить новые направления для изучения внутренней структуры одного языка и для сопоставительного изучения языков. Особенно плодотворным представляется освещение этих проблем с учетом основных принципов систематологии, что обогащает методологию лингвистических исследований новым материалом. Функциональное поле достаточно широко освещено как объект сам по себе (ср. исследования ФС полей темпоральности, количества и др.); с точки зрения внутренней структуры поля, т. е. типологии полей, оно почти не изучено, и совершенно новой является постановка проблемы о ФС поле в его связи с определенным «языковым контекстом» (т. е. положение ФС поля в макроструктуре языка).

Принципиально новым является положение о двух типах ФС категорий с оппозитивными и неоппозитивными отношениями. Это выдвигает целую цепь новых проблем: 1) сущность и специфика неоппозитивных отношений как особой формы проявления системности в языке; 2) их разновидности и формы реализации в разных языках; 3) структура слабоцентрированных полей (иерархия субполей в рамках ФС поля, специфика парадигматических отношений между ними и т. д.), что потребует, несомненно, специальных исследований.

Осталась незатронутой проблема ФС поля (а тем более системы полей) в плане диахронии. Изучение лексико-семантических полей в диахроническом плане уже вызвало серьезные расхождения (ср. публикации Бертельс в ж. «Вопросы языкознания»). Изучение этой проблемы в рамках функциональной грамматики позволит показать диалектику взаимосвязи единиц разных уровней языка с исторической точки зрения, конкретно охарактеризовать тенденции развития системы ФС полей в плане исторической функциональной сопоставительной грамматики с позиций диалектико-материалистического понимания языковой системы.

Куцаров И. (НРБ). Теорията на А. В. Бондарко за функционално-семантичните полета става все по-популярна. Този факт се потвърждава и от настоящата дискусия. Без съмнение теорията може да бъде използувана както за съпоставителни изследвания, така и за синхронно описание на отделен език. Следя внимателно развитието на идеите на А. В. Бондарко, заложени главно в монографиите му от началото на 70-ти години до наши дни. След отпечатването на «Грамматическая категория и контекст» у нас се водеха спорове, дали може да съществува ФСП без морфологично ядро, въпреки че авторът даваше ясен отговор на този въпрос: ФСП може да се изгради при наличието на дадена морфологична категория в който и да е език, откъдето пък следва, че при съпоставителни изследвания в някои от езиците се

оформят безядрени ФСП. По-късно А. В. Бондарко представи и солидна теория на морфологичните категории. Настоящият доклад обаче, както и последната монография на А. В. Бондарко, създават впечатление, че стройно изградената теория се разводнява, характерът на ФСП става твърде разнообразен, що се отнася до тяхното ядро, броят им е неограничен, описанието им в даден език — практически невъзможно. По мое мнение, най-солидна, логична и полезна би била тази функционално-семантическа граматика, чието ядро е морфологията.

Интересен е и въпросът за опозитивните и неопозитивните различия в рамките на дадена граматична категория. Според мене, категориите, при които А. В. Бондарко отбелязва неопозитивни различия между членовете им, са сложни категории, които могат да се разпаднат на две или повече категории, основаващи се на опозитивни различия.

Золотова Г. А. (СССР). Хотела бы поддержать и, может быть, несколько конкретизировать тезис А. В. Бондарко о взаимодействии системы и среды. Принято считать, что среда проявляется в парадигматическом и синтагматическом планах. Эти понятия требуют уточнения для разных уровней и разных задач исследования.

В синтагматическом плане может быть достаточным контекстом словосочетание или предложение, может быть, для определенных целей, и конкретный текст с его индивидуальными особенностями. На уровне обобщающей абстракции релевантны такие контексты, как коммуникативные типы, или регистры, речи с противопоставленностью изобразительного и информативного комплексов речевых средств.

Это разграничение ведет к вопросу о взаимных отношениях синтагматического и парадигматического планов. Выявляется дифференцированность синтаксических моделей предложения с точки зрения их закрепленности/незакрепленности за тем или иным коммуникативным регистром. Это в свою очередь позволяет разграничить внутрирегистровую и межрегистровую синонимию синтаксических конструкций и уточнить представления о синонимических парадигмах моделей в связи с реализациями их в разной синтагматической среде.

И еще одно пожелание. Справедливо, что поля именуются функционально-семантическими. Но объяснительная сила этого понятия и его роль в сопоставительном изучении языков возрастет, если более четко разграничить функции и семантику грамматических категорий.

Копыленко М. М. (СССР). В докладе А. В. Бондарко получила дальнейшее развитие очень плодотворная теория, которая несомненно может быть использована не только для типологического изучения языков, но и в лингводидактических целях. Однако нельзя при этом не иметь в виду, что функционально-семантические поля организуют материал родственных языков и в связи с этим образующие их ядра отражают грамматические категории, наличествующие в славянских языках Выход за пределы того или иного уровня не может служить препятствием для конфронтации. Так, славянская аспектуальность, представленная морфологической категорией вида, успешно сопоставляется с эстонской аспектуальностью, выражаемой синтаксическим способом — посредством различения падежей дополнения. Но как поступать в тех случаях, когда то или иное явление славянских языков,

организуемое функционально-семантическим полем, приходится сопоставлять с явлением, не имеющим отражения в грамматике, например, с половыми различиями, которые в большом числе языков выражаются исключительно лексическими средствами?

Buzássyová K.(ČS). Chcela by som vo svojej poznámke podčiarknuť, že pojem funkčno-sémantického poľa (kategórie), ako ho rozpracúva profesor A. V. Bondarko, pokladám za osobitne výhodný najmä pri konfrontačnom výskume slovanských jazykov s neslovanskými. Pokúsila som na to ukázať pri konfrontačnej analýze slovenčiny a maďarčiny na kategórii určenosti, personálnosti i posesívnosti. Napr. v kategórii personálnosti (porov. i môj príspevok In: Československé přednášky pro VIII. slavistický sjezd v Záhřebu, 1978) je zaujímavé funkčné rozloženie gramatickej kategórie osoby na slovných druhoch, v maďarčine na rozdiel od slovenčiny sa podľa osoby ohýbajú aj adverbiá ako okolnostné výrazy.

K Bondarkovmu rozlišovaniu komparatívnosti (grupirovky polej s atributívnym jadrom) i «sravnenija» (grupirovky polej s obstojatel'stvennym jadrom) by som chcela poznamenať, že sú to podľa môjho názoru funkčné oblasti, kde môže byť vhodná opačná postupnosť v uplatnení paradigmatických a syntagmatických vzťahov: pri komparatívnosti— od paradigmatiky k syntagmatike, pri sravnenii (porovnávaní) — od syntagmatických vzťahov k paradigmatickým.

Иванова К. (НРБ). Тезисът на проф. А. В. Бондарко за неопозитивните различия среща известен отпор сред «кадровите» граматици, които са склонни да го приемат като посегателство върху степента на абстракция, характерна за това равнище.

Всъщност това е задача на епохата, предизвикана (не е парадокс!) от успехите в проучването именно на опозитивните отношения. Опозитивни отношения имат стомерна същност. По-финото приближение изисква разширение на сферата. В този смисъл понятието *среда* е също релевантно за успеха на изследванията. Много ново може да се открие все още при системно изучаване на общите сечения на категориално различни явления, например, *аспект* и *залог*, и особено при изследване на неопозитивните (или опозитивно-неопозитивните) явления. В това отношение интересни резултати дава, например сечението на *аспектуалността, определеността и партитивността* в аналитичния български език.

Такъв подход наистина смущава лингвистите от по-старата генерация, но поставените общи тезиси в доклада и конкретната им разработка е в съзвучие със съвременния етап от развитието на науката.

Gladrow W. (DDR). Я с большим интересом выслушал доклад А. В. Бондарко и вполне согласен с докладчиком в том, что понятие функционально-семантического поля является плодотворным именно в сопоставительных исследованиях. Думается, что в этой связи особенно сложной является проблема эквивалентности. А. В. Бондарко убедительно показал — ссылаюсь на письменный вариант доклада, с. 34—47,— что рядом с эквивалентностью можно найти и случаи содержательной неэквивалентности. Я имею в виду примеры типа: *Каждый раз я чувствовал резкое и неопреодолимое нерасположение*

к этому, где в чешском языке в качестве соответствия выступает совершенный вид глагола: Po každé jsem k tomu pocítil prudkou a nepřekonatelnou nechut' (с. 41). При сопоставлении языков, в первую очередь, разумеется, славянских и неславянских, кроме явления эквивалентности, с одной стороны, и неэквивалентности — с другой, выступают и разные степени эквивалентности. Такие случаи встречаются особенно тогда, когда в одном языке есть грамматическая категория, а в другом это значение не грамматикализовано. В том языке, где данное значение не грамматикализовано, могут существовать разные соответствия: морфологические, синтаксические, лексические, т. е. здесь перед нами то, что А. В. Бондарко назвал слабоцентрированным или полицентрическим полем. Именно в этих случаях могут выступать соответствия разной степени эквивалентности. В сопоставительных исследованиях проблема эквивалентности, связанная с различиями структуры языкового значения, требует дальнейшей разработки.

Sekaninová E. (ČS). Я хочу выразить полное согласие с мыслями, которые высказал А. В. Бондарко в своем докладе. При исследовании функционирования грамматических категорий надо положить в основу анализа более крупные единицы, которыми могут быть предлагаемые автором доклада функционально-семантические поля. Это адекватно как бы выделению лексико-семантических полей при исследовании лексики.

Функционально-семантическое поле надо считать, по-моему, единицей анализа. Сопоставление является дальнейшим этапом, при котором эта единица играет важную роль. Работа по выделению всех функционально-семантических полей русского языка, которая ведется в Институте языкознания АН СССР в Ленинграде,— дело очень полезное; оно станет основой для сопоставительной грамматики славянских языков.

Klaudy K. (H). Как представитель носителей одного из неславянских языков — венгерского — хотела бы сказать несколько слов о том, что теория проф. А. В. Бондарко о функционально-семантических полях (ФСП) имеет большую объясняющую силу и для теории перевода, в данном случае для частной теории перевода с венгерского на русский. Я приведу только один пример. При переводе с венгерского (т. е. с языка с артиклем) на русский (т. е. на язык без артикля) переводчик как-то должен передать значение венгерского артикля. Для этого в русском языке существует множество средств. Употребляя термины проф. Бондарко, ФСП «определенности — неопределенности» в венгерском языке является «сильно центрированным» полем, в русском — «слабо центрированным» полем. В это ФСП в русском языке входят не только разные л е к с и ч е с к и е средства (местоимения, прилагательные), но и т е к с т о в ы е (текстообразующие), такие, как порядок слов, повторение (вторичная номинация), оформление начала предложения. Хотелось бы подчеркнуть именно последнее средство передачи венгерского артикля: оформление начала русского предложения тоже входит в ФСП «определенности — неопределенности» в русском языке из-за отсутствия единственного центрального грамматического средства — артикля.

Станишева Д. (НРБ). Идея проф. А. В. Бондарко выделить в качестве основы сопоставительного изучения языков функционально-семантическое поле (ФСП), бесспорно, плодотворна. Главное при этом — включение в грамматические категории не только морфологии, но и синтаксиса и лексики. Конкретные методы и способы описания морфологии, синтаксиса и лексики при выделении ФСП продемонстрированы в ряде работ докладчика. Однако следует обратить внимание, что ФСП предложено рассматривать как единицу сопоставления, т. е. как исходную семантическую систему описания. При комплексном и сопоставительном описании единиц разных уровней необходимо также решить вопрос о единицах анализа. Очевидно, единицей анализа морфологического уровня являются грамматические оппозиции, синтаксического — словоформы и сложные морфемы, а лексического — системы лексем. Сложность сопоставительного анализа заключается в несовпадении и пересечении единиц разных уровней в различных языках.

Байкова Л. С. (СССР). Доклад А. В. Бондарко представляет несомненный научный интерес. Особенно ценным является положение о содержании языковых функций как результата соотношения языковой системы и среды, о функционально-семантическом поле как системе разноуровневых средств на основе общей функции, являющейся основой для сопоставления грамматических категорий языков. Однако нам представляется, что при понимании функции как результата соотношения системы со средой целесообразно дифференцировать проблему исследования русского языка как родного и проблему исследования русского языка как неродного. По-видимому, проблема изучения русского языка как неродного должна связываться с расширенным пониманием среды, когда речь идет о сопоставительном изучении грамматических категорий в тех или других языках. Думается, в понятие среды следует включать, помимо парадигматической системы языка и контекста, цель высказывания, его адресат и др.

Дроздовский В. П. (СССР). Метод сопоставительного изучения русского и славянских языков, успешно разрабатываемый проф. А. В. Бондарко, представляется весьма перспективным в лингводидактических целях. Он позволяет по-настоящему объединить разноуровневые элементы языковой системы и ориентирует на методологически обоснованное и назревшее изучение языка с позиций целостности и иерархичности, а также коммуникативной целесообразности. Л. И. Баранникова сообщила об эффективности применения концепции проф. Бондарко с категорией функционально-семантических полей в основе к лексико-фразеологическому уровню. Нам же близка категория функционально-семантических полей применительно к исследованию индивидуальной художественно-образной речи. При этом, естественно, учитывается специфика художественного контекста.

Супрун А. Е. (СССР). Конвергентные процессы в современных славянских языках не ограничиваются отдельными лексемами, но охватывают целые лексико-семантические поля, сочетаемость, семантику, ассоциативные связи слов этих полей. Яркие модели конвергентной общности, представленные такими группами языков, как русский —

украинский — белорусский, чешский и словацкий, сербско-хорватский — словенский — македонский, показывают значение общности пресуппозиций (в широком смысле слова). Важен вопрос о глубине общих инноваций, связываемой с расширением resp. нерасширением понимаемости инославянского текста.

Акуленко В. В. (СССР). Использование функционально-семантического поля в качестве эталона сравнения представляет собой шаг вперед при сопоставительном изучении славянских языков. До настоящего времени такое изучение производилось применительно либо к отдельным элементам словообразования, лексики, грамматики и пр. (контрастивный анализ), либо к соотносительным одноуровневым системам (типологический анализ).

Ориентация на функционально-семантические поля как межуровневые объединения языковых единиц, воплощающих в своей семантике одну и ту же смысловую категорию, позволяет выйти за рамки более или менее жестких одноуровневых систем и установить степень близости и различия славянских языков при организации средств, выполняющих идентичные функции.

Вместе с тем толкования функциональной грамматики и функционально-семантических полей, как они изложены в докладе А. В. Бондарко, целесообразно расширить. По сути речь должна идти не только о грамматике, но также о функциональном описании языков в целом. Далее, не все поля строятся вокруг грамматических категорий: в ряде случаев лексические или словообразовательные средства, воплощающие, хотя и с иной степенью абстракции, тот или иной смысл, образуют второй или единственный центр поля.

Blanár V. (ČS). Konvergentné tendencie vo vývine slovanských spisovných jazykov sa prejavujú predovšetkým v rozvoji slovnej zásoby (prof. Mistrík sa zmienil o internacionálnych slovách, o budovaní terminológií a o štylistickej diferenciácii slovnej zásoby). Chcel by som dodať, že výrazný podiel na konvergentnom vývine majú aj zmeny lexikálno-sémantickej stavby pomenovacích jednotiek.

Pri pomenúvaní reálií, inštitúcií a iných faktov charakteristických pre socialistický spôsob života a ideológiu socialistického človeka sa často využívajú už známe lexémy, ale ich významová stavba sa pozmení tým, že sa sémantizujú niektoré nové príznaky veci (isté gnozeologicko-logické prvky, noémy, sa prehodnotia na sémantické príznaky, a tým nastávajú významové posuny), porov. výrazy *brigáda, brigádnik, socialistická súťaž, sloboda, práca, Februárové udalosti* a pod. Ide o zmeny v hľbkovej štruktúre, ktoré poskytujú možnosť porovnávať vývin slovnej zásoby príbuzných, ale aj nepríbuzných jazykov.

Na úrovni povrchovej štruktúry sú aj pre kratšie vývinové obdobia charakteristické zmeny v lexikálnej spájateľnosti slov, porov. nové spojenia ako *boj za mier, večné priateľstvo, nerozborná družba, tvorivý potenciál, materiálno-technická základna* a i.

Pri analýze vývinových tendencií slovanskej slovnej zásoby treba vidieť zmeny na rovine paradigmatických a syntagmatických vzťahov v ich vzájomných súvislostiach. Takýto aspekt má všeobecnejšiu platnosť. Keď napr. prof. A. V. Bondarko pripomína, že pri štúdiu funkčno-

sémantických polí musíme brat' do úvahy vzt'ahy v jazyku i v reči, túto zložku jeho koncepcie možno hodnotit' ako plodnú.

Болдырев Р. В. (СССР). В аспекте темы, представляющей изучение конвергентных и дивергентных тенденций в развитии славянских языков, разработанной в докладе И. Мистрика, целесообразно выделить также в плане характеристики определенных классов слов и грамматических категорий ряд некоторых общих конвергентных типологических признаков, близких к универсалиям, в частности, для системы «непроизводных» предлогов.

1. Полное или частичное формальное совпадение некоторых древнейших предлогов и ряда именных префиксов, унаследованное через праславянский язык из позднеиндоевропейского, в котором этот признак явился результатом смены свободного употребления предлогов в препозиции или постпозиции к примыкаемому по смыслу имени.

2. Полное или частичное формальное совпадение ряда древнейших предлогов и некоторых глагольных префиксов, унаследованное через праславянский язык из индоевропейского, где этот признак появился в результате утраты свободного употребления приставок, примыкающих по смыслу к глаголу и стоящих отдельно от него в препозиции или постпозиции.

3. Семантическое согласование предлогов и формально совпадающих с ними, полностью или частично, глагольных префиксов, унаследованное через праславянский язык из индоевропейского одновременно с изменением свободного употребления предлогов и приставок в структуре предложения (словосочетания).

4. Полное или частичное формальное совпадение ряда предлогов и наречных префиксов, унаследованное через праславянский из праиндоевропейского языка.

5. Перемещение ударения на предлог с последующего за ним имени в некоторых словосочетаниях. Этот признак частично унаследован из позднепраславянского языка, частично же развился в отдельных славянских языках, как и в ряде других индоевропейских языков, позже под воздействием различных специфических позиционных условий.

6. Деление первичных предлогов по своему морфологическому составу на односложные и двухсложные, унаследованное преимущественно через праславянский язык из праиндоевропейского.

7. Наличие в системе древнейших предлогов в основном односложных предлогов большей частью с согласным началом (с различным количеством согласных — от одной до трех), унаследованное частично через праславянский язык из индоевропейского, частично же сформировавшееся в первые века после распада праславянского единства (IX—XII вв.).

8. Наличие в системе первичных предлогов разнообразных структурных типов слогов (открытых и закрытых; с согласным и гласным началом; с различным количеством согласных — от одной до трех в начале и от одной до двух, изредка трех в конце) и связанная с этим неопределенность границ слогов в ряде случаев, унаследованные частично через праславянский язык из индоевропейского, частично же

сложившиеся в первые столетия раздельного существования славянских языков в результате падения редуцированных ъ, ь, приведшего к прекращению действия праславянского закона открытых слогов.

9. Функциональное взаимодействие с падежом имени, унаследованное через праславянский язык из позднеиндоевропейского.

10. Функциональная дифференциация первичных предлогов, в том числе и наиболее грамматикализированных, нередко сопровождаемая во всей обозримой исторической области славянских языков различными видами межпредложных функциональных смешений.

Акуленко В. В. (СССР). Изучение дивергентных и конвергентных процессов в истории славянских языков является ключом к пониманию того, как сформировались сходства и различия, существующие в современных славянских языках.

В докладе И. Мистрика справедливо подчеркивается, что на ранних этапах становления славянских языков в них преобладала дивергенция, тогда как новое время в них связано с конвергенцией. Но эти общие положения требуют уточнения.

Уже распад общеславянского единства означал не только расхождения, но и возникновение сходных языков. То же относится к распаду древнерусского языка. И напротив, межславянские контакты и контакты с иными языками вели к возникновению новых сходных элементов в славянских языках. Таким образом, общеславянские и более частные черты общности в славянских языках, как и специфические особенности, являются результатом конвергентных и дивергентных процессов в их взаимодействии. Интерславянские и более широкие интернациональные черты в славянских языках развиваются в диалектической связи с национальным оформлением и развитием каждого языка. Но, конечно, в современную эпоху конвергенция в славянских языках преобладает.

Скалозуб Л. Г. (СССР). Проф. Ж. Дюрен развивает мысли И. А. Бодуэна де Куртенэ о развитии речевого механизма, в частности о тенденции перемещения артикуляций гласных из глоточной области в ротовую часть речевого аппарата. Свои выводы автор иллюстрирует схемой, в которой не только обобщенно представлен вокализм как система, но и отражен процесс артикуляции гласных фонем как системное и целостное явление. С этой частью доклада отчасти согласуются данные исследования потока русской речи при помощи кинорентгенографирования, произведенного при лаборатории экспериментальной фонетики Киевского университета (см. *Скалозуб Л. Г.* Динамика звукообразования.— Киев, 1978). По этим данным, процесс артикуляции слогов и слов осуществляется вследствие сложного взаимодействия двух типов активности — консонантной и вокалической. Модальным артикуляционным характеристикам принадлежит ведущая роль в образовании целостности слогов и слов. Модальные признаки зависят от способа импульсации главным образом языка и преларингальной части фаринкса. Консонантный тип активности состоит в большей частоте язычных импульсов и в меньшей частоте преларингальной импульсации, а вокалический — в относительной непрерывности язычной импульсации и большей частоте преларингальной. Артикуляцион-

ная динамика слога (слова) в равной мере определяется обоими компонентами, согласным и гласным, хотя ведущим в организации целостности слога является вокалический тип активности. Поэтому заключения о каких-либо универсальных тенденциях развития вокализма могут быть более достоверными, если при этом учитываются хотя бы общие свойства консонантной системы. Несомненно то, что обе системы связаны и в своем возникновении, и развитии, и функционировании.

Экспериментальные исследования артикуляционного процесса речи, проведенные в Киевском университете, подтверждают существование речевых коррелятов дифференциальных признаков фонем, идею сложного диалектического единства речи и языка, которая идет от И. А. Бодуэна де Куртенэ и развита в советском языкознании его учеником акад. Л. В. Щербой.

Супрун А. Е. (СССР). Мне хотелось бы отметить значение детской речи в исследовании древнейших звуковых процессов. Возможно, это имел в виду и И. А. Бодуэн де Куртенэ, уделивший немалое внимание записям детской речи. Записи К. Онезорга по речи чешского ребенка, мои — по русской детской речи и некоторые другие показывают наличие общих процессов в онтогенезе славянских звуковых систем. Детские гиперфонемы подвергаются расщеплению, а внешняя дифференциация параллельна семантической спецификации.

Богомазов Г. М. (СССР). Коллега Ж. Дюрен в своем многоаспектном докладе развивает положения, высказанные Бодуэном де Куртенэ. Интересна мысль о тесной диалектической связи гортанных и оральных артикуляций вокалического и консонантного типа, которые своеобразно проявляются как в славянских, так и в других языках. Автор выделяет этапы (стадии) развития такого рода связей.

По нашему мнению, выводы и наблюдения автора были бы значительно богаче, если бы он воспользовался такой единицей, как слог. Ибо слог является той функциональной средой, где проявляются как сходные, так и контрастные артикуляторные признаки гласных и согласных. Слог является и той средой, где отражаются специфические признаки гласных и согласных каждого языка (артикуляционная база и т. д.). Наконец, слог является тем своеобразным функционально-содержательным полем, которое помогает глубже понять генетические связи гортанных и оральных артикуляций. Ибо тогда осознаются различия между гласными и согласными, когда возникает такая единица, как слог. Об этом свидетельствуют данные работы Л. Г. Скалозуб.

Колесов В. В. (СССР). Теория функционального семантического поля (А. В. Бондарко) обнаруживает внутренний динамизм, поскольку, в сущности, призвана описать перемаркировку признаков с течением времени; историческая фонология аналогично этому имеет дело с комплексным различительным признаком, который по-разному себя проявляет в отношении к остальным элементам системы. Здесь также, например, и «аспектуальность» и «темпоральность» в какой-то момент могли быть в единстве. Попытка осмыслить единство парадигматики и синтагматики в их взаимной системной связи — как синтез уже проделанных аналитических исследований — также важна: изучается

категория в целом, а это — установка современной науки. Без содействия историка и — с другой стороны — семасиолога такой работы не исполнить.

Ж. Дюрен осуждает Бодуэна де Куртенэ за органические недостатки его теории, и это странно. Бодуэн де Куртенэ решал проблему лингвистически и сделал это превосходно. «Физиологические» добавления Дюрена все сомнительны: если речь шла из глубины гортани «вверх», как быть с губами, с помощью которых «дули на огонь» или на пупок младенца, вдувая посредством «праслова» жизненную силу? Или это противоречие между сакральным и бытовым языком — это преобладание /у/ или /а/? Да, Бодуэн де Куртенэ не говорил явным образом о «развитии гласных», но эта его мысль — во всей истории нашей науки прошлого века: от /а/ через «шва» до средних с включением высоких гласных. Бодуэн де Куртенэ просто не говорил банальных истин. От себя лично мог бы добавить к докладу: современные нам системы с особой силой развивают противоположности между самыми высокими и самыми низкими /и/ — /а/; нельзя ли и это истолковать как отражение социальных противоречий?!

Дневное заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Tarnawecka I. (C) — Interference of Standard Literary Ukrainian on Canadian Ukrainian (Canadian Slavonic Papers. 1983, vol. 25, N 1, p. 163—179).

Земская Е. А. (СССР) — Общее и различное в строении разговорной речи ряда славянских и неславянских языков (Славянское языкознание.— М., 1983, с. 135—152).

Mierzejewska H. (P) — Systemowe cechy zakłóceń afatycznych (na materiale różnych języków słowiańskich i niesłowiańskich).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Жлуктенко Ю. О. (СССР). Дуже цікава доповідь п. І. Тарнавецької привертає увагу тим, що являє собою серйозну спробу об'єктивно розібратися в суті тих процесів, які відбуваються між мовою окремої етнічної групи і літературною мовою вихідного національного колективу. Доповідачка безумовно має рацію, вважаючи, що ці процеси в значній мірі послаблюють вплив домінуючої англійської мови. Проте принципова відмінність цих двох впливів — англійського і літературно-мовного українського у доповіді якось закривається вживанням одного й того ж терміна «інтерференція».

Англійська мова хоч і звична для канадського українця, але є зовсім відмінною системою в порівнянні з системою його рідної (етнічної) мови. Запозичені з неї засоби порушують гомогенність української мови-реципієнта. Якщо їх кількість стане надмірною, то вони створять загрозу втрати ідентичності мовної системи, небезпеку креолізації або й остаточного витіснення її з ужитку. Тому в мові етнічної україн-

ської групи завжди існувала протидія надмірному англійському впливу (тенденція до обмеження запозичень, гібридних утворень тощо). Українська літературна мова не є для канадських українців іншою системою, це та сама система, якою вони користуються, тільки нормована, вдосконалена. Тому взяті з неї засоби не тільки не загрожують ідентичності їх мовного різновиду, а, навпаки, зміцнюють його позиції, посилюють стійкість. Вплив загальнонародної української літературної мови не викликає порушення норм, а являє собою доповнення ресурсів мови етнічної української групи. Тому це не є інтерференція, як вважає шановний доповідач.

Perzyńska N. (P). При изучении двуязычия заслуживает внимания различное отношение носителей какого-либо языка, поселившихся в ином языковом окружении, к этому последнему — в зависимости от их принадлежности к тому или иному поколению. Дети приехавших в новую страну, как правило, иначе относятся к языку своих родителей, чем внуки — к языку своих дедов. Это отмечает в своем исследовании языка польских шахтеров во Франции Елена Здунская (*Zduńska H.* Język polski górniczych środowisk kolonijnych w północnej Francji.— Wrocław, 1981). Я наблюдала это и сама в среде русских (обычно русских жен польских выпускников советских вузов) в Польше. Первое поколение — те, кто родились «на новой земле»,— характеризуется стремлением как можно меньше отличаться от окружения, от «туземцев» — как в духовном, так и в материальном отношении. Они как бы декларируют свою принадлежность к окружению, стараются слиться с ним. Между тем внуки, относительно которых уже нет сомнений, что они с окружением составляют одно целое, охотно проявляют и демонстрируют интерес к отчизне своих дедушек и бабушек, к их родному языку.

Jedlička A. (ČS). Referát prof. H. A. Zemské se zakládá na velké a důkladné práci teoreticko-koncepční a materiálově analytické, kterou autorka spolu s ostatními sovětskými lingvisty vykonala. Širší aspekt konfrontační, který nyní vnesla, přispěje nesporně k dalšímu prohloubení v poznání problematiky. Na fónu našeho sjezdu bude vhodné, když připomenu dosavadní výsledky práci, kterou i v této oblasti vykonala mezinárodní komise pro spisovné slovanské jazyky. Významným příspěvkem ke konfrontačnímu studiu vztahů mluvených forem a spisovného jazyka je nesporně sborník «Говорните форми и словенскити литературни јазици» (Skopje 1974).

Je skutečností, že konfrontační zkoumání stěžuje nejednotnost pojetí tzv. hovorové řeči i rozdíly pojmoslovní i terminologické. K tomu, aby byly jevy konfrontovatelné, je třeba vytvořit hodnou pojmovou základnu. Východiskem se mohou stát pojmy sociolingvistické, které jsme vnesli spolu s Vl. Barnetem do teorie spisovného jazyka (jazykové situaci, komunikační sféry funkční a situační). Na jejich základě vyložil Vl. Barnet model konfrontačního zkoumání «hovorové řeči» na sjezdu v Záhřebu (1978). Sám jsem přispěl k obecnému řešení této problematiky vytčením dvou typů norem, systémové a komunikační (Slovo a slovesnost 1982).V širším smyslu souvisí řešení naší problematiky s otázkou stratifikace národního jazyka. V pokusech o novou stratifikaci se odrážejí

i specifické problémy daného jazyka vyvolané vývojovou dynamikou (srov. pokus J. Horeckého a jeho vymezení tzv. standardní formy, blízké v jistém smyslu tzv. hovorové řeči (Вопросы языкознания, 1977).

Багмут А. И. (СССР). В письменном тексте докладу Е. А. Земской предпослан эпиграф — слова Н. И. Жинкина о парадоксе, согласно которому лингвисты изучают человека молчащего. Внимание лингвистов к человеку говорящему характерно для современной лингвистики с ее новыми методами исследования. География изучения звучащей речи широка, в СССР — это Москва и Ленинград, Саратов, Горький, Ростов-на-Дону, Киев и другие города. В Киеве, например, в Институте языковедения им. А. А. Потебни АН УССР ведутся исследования спонтанной речи, в частности ее интонационной структуры.

Доклад Е. А. Земской полифоничен, в нем поставлен широкий круг вопросов, которые рассматриваются на разных уровнях. Глубокое проникновение в специфику устной речи привело автора к выводу о том, что устная (разговорная) речь представляет собой особую систему, отличную от системы письменного языка. Этот вывод представляется нам вполне обоснованным. Именно многоплановое изучение устного текста раскрывает своеобразие фонетической, синтаксической, лексико-грамматической и коммуникативной структур речи. Нам представляется, однако, что исследование разговорной речи требует разграничения двух планов — внутреннелингвистического и экстралингвистического, связанного с ситуативностью речи, ее коммуникативной спецификой. Если коммуникативный аспект имеет лингвистический характер, как в примерах актуального членения высказывания, то он не всегда проявляется в фактах языка. Так, одна из основных универсалий речи, называемая в общем плане редукцией (редукция фонетическая, морфологическая и синтаксическая — эллипсис), нередко связывается с экстралингвистическими данными: быстрый темп речи вызывает выпадение звука, изменение словоформы и т. п.

По-видимому, существует два вида редукции: редукция, обусловленная темпом речи, и редукция, происходящая в речи при нормальном темпе, но вызванная семантической достаточностью формы, ее понятностью для слушателя. В нашем материале такой вид редукции имеет категориальный характер и относится к числительным, именам собственным, окончаниям прилагательных и др.

Учитывая необходимость многоплановых исследований устной речи и усиления координации в этой работе, представляется целесообразным создать в рамках международных славистических комиссий при МКС комиссию устной речи, которая способствовала бы подготовке, например, частотных словарей речи, супрасегментным, синтаксическим, социологическим и другим исследованиям речи. При этом необходимо учитывать, что устная речь славянских народов изучается преимущественно лингвистами — носителями данного языка, и конфронтационное исследование ее требует усилий лингвистов разных стран.

Собинникова В. И. (СССР). Изучение разговорной литературной речи — значительная проблема современного языкознания. В докладе Е. А. Земской рассматриваются существенные особенности разговорной литературной речи: неподготовленность, ситуативность, использова-

ние немаркированных явлений, свободное соединение различных конструкций, большая вариативность, аналитичность и др. Автором приведены материалы сопоставительного характера из других языков.

Обращаем внимание на то, что разговорная литературная речь рассматривается как особая самостоятельная система. Это положение мы считаем дискуссионным. Противопоставление разговорной литературной речи и письменного (книжного) литературного языка как особых систем противоречит принципу развивающегося единства языка национального периода. Полагаем, что все формы национального языка (литературный язык в письменной и разговорной форме, просторечие, диалекты) имеют общие закономерности и общие явления, которые являются ведущими, основными. Только в области фонетики разговорная литературная речь имеет самостоятельную систему. Общие явления и общие закономерности различных форм национального языка не дают возможности для резкого отрыва разговорной литературной речи от письменной, тем более, что носителем той и другой является одно лицо, использующее категории и формы национального языка. Отношения разговорной и письменной формы литературного языка меняются на протяжении исторического развития. Эти формы взаимодействуют и оказывают влияние друг на друга.

Дополним, что различные формы разговорной литературной речи в славянских языках объясняются их системой в большей степени, чем спецификой разговорной речи. Так, безглагольные формы русского языка (конструкции с нулевым сказуемым, нулевой связкой) противопоставлены «глагольности» болгарского, польского и других языков, находящейся в зависимости от глагольной системы этих языков, а не от принципов разговорной речи.

Sgall P. (ČS). В докладе Е. А. Земской очень удачно анализируются и универсальные и специфические черты разговорных языков. Кажется только, что не совсем убедительно говорить о разговорном языке как об особой языковой формации в рамках литературного языка, так как многие черты разговорных языков имеют скорее квантитативный (и стилистический) характер, чем характер качественных отличий от книжного литературного языка (это касается, например, частого появления неполных, прежде всего номинативных, предложений, которые все же свойственны и книжному языку). Если чешский разговорный язык считать одной из формаций национального языка (а не только системой явлений речевого, более или менее стилистического характера, как это известно из работ Б. Гавранека), то оказываются затруднительными такие типические для чешского случаи, в которых для данной функции не существует нейтральная форма (литературная, а не книжная), которой можно было бы пользоваться в неформальном диалоге (например, формы типа starými stromy; vznikla velká města; přišli bychom, о которых недавно говорилось в чешской лингвистической печати).

Златоустова Л. В. (СССР). Специалистам-лингвистам известны многолетние изыскания проф. Е. А. Земской. Этот огромный труд описания и анализа звучащей розговорной речи дает в руки лингвистов уникальный материал. Проф. Земская совершенно верно отметила возможные

в разговорной речи случаи усечения слогов, максимальной редукции гласных. Вместе с тем, на наш взгляд, важно отметить и другие, противоположные тенденции реализации разговорной речи. Так, изучение звучащей разговорной речи языков: русского, английского, немецкого, болгарского обнаруживает, что в разговорной речи при ее убыстрении наблюдаются более стабильные акустические характеристики сильных частей слов, бóльшая степень стабильности, акустической и перцептивной выраженности фразовых акцентов, являющихся семантическими центрами высказывания. Общим для рассматриваемых языков оказался принцип объединения ударным слогом неударных, различие предударности и заударности, вовлечение в сферу редукции дифтонгов английского и немецкого языков, становящихся монофтонгами. Крайне важен также учет целевой установки говорящего, его эмоционального состояния.

Иванова К. (НРБ). Аз също съм дълбоко убедена, че съпоставителните изследвания в областта на разговорная речь (РР) върху езици с различна степен на близост могат да бъдат много плодотворни. В хода на тези изследвания могат да се установят общите и своеобразните инвентарни средства на РР, както и общото и своеобразното в ограниченията на употребата им в зависимост от аналогичните екстралингвистични моменти. Тези изследвания могат да дадат много за теоретичната и практическата социолингвистика и за обогатяване на типологичните характеристики на отделните езици и езикови групи.

За успеха на паралелните изследвания обаче е нужна обща методика, в която да се съчетаят постиженията на прагматиката и на теорията за пресупозициите. Нужна е и обща методологическа основа.

Мисля, че би могло да се почне с установяването на типовете комуникативни задачи: за културните езици те са повече или по-малко общи. Силно отражение дава общността на обществена формация (напр. социализъм). Вътре в комуникативните задачи трябва да се опишат всички възможни средства за изразяване и да се пристъпи тогава към съпоставка.

Нужно е по-скоро да се разрешат спорните въпроси с принципен характер. Спори се напр. дали паралингвистиката е специфична или универсална. Мисля, че универсалия е самото съществуване и повишената роля на паралингвистичните елементи в РР, но по самата си същност изявите са специфични.

Имам една забележка към писмения текст на доклада: не трябва да се обобщават изводите, направени върху част от славянските езици (напр. руски и полски) за всички славянски езици. Това е опасно. В български напр. се наблюдава следната ситуация:

1) Имаш ли учебник? — Имам.
2) Имаш ли новия учебник? — Имам **го** (*имам)
3) Купи ли хляб? — Купих.
4) Купи ли шапката? — Купих **я** (*купих).

От 2) и 4) следва, че местоименията се явяват при експлициране на определеност чрез членуване.

Очевидна е необходимостта от създаване на комисия по тази проблематика към МКС, така че подкрепям направеното предложение.

Николаева Т. М. (СССР). В числе отмеченных Е. А. Земской парадоксов, характерных для разговорной речи (РР), можно выявить еще один. Разговорная речь, бесспорно, есть кузница языковых инноваций. С другой стороны, это, по всей вероятности, хранилище самых архаических языковых реликтов. Структура синтаксического уровня РР оказывается по многим показателям весьма сходной с данными прагматического кода, т. е. первого этапа в цепи универсальной языковой эволюции. В частности, его характеризуют свободная синтаксическая связь типа примыкания, выдвижение темы (топика), бессоюзие, двойное подлежащее (Слоны/носы длинные) и т. д. Многие примеры из «экзотических» языков и языков древности читаются «в подстрочнике» как очень близкие тем разговорным синтаксическим структурам, которые приводит для русского языка Е. А. Земская. Поэтому следует обратить внимание на важность данных разговорной речи для реконструкции ранних этапов развития синтаксиса; точно так же данные интонации и — шире — просодии и фонетики разговорной речи, например, сдвиг ударения на вводящий синтагму союз или предлог, могут оказаться существенными для построений сравнительно-исторической акцентологии.

Perczyńska N. (P). Представляется совершенно правомерным привлечение при изучении разговорного языка материалов из художественных произведений — разумеется, следует проявлять здесь большую осторожность (в частности, если речь идет о литературе на не родном для исследователя языке), игнорируя шокирующее своей нехудожественностью «подлаживание» под разговорную речь, столь частое и в прозе, и в драматургии (особенно же, кажется, в речи героев фильмов), и обращаться лишь к языку авторов, проявляющих тонкое чутье и вводящих в текст подлинные коллоквиализмы, такие, как у А. Кристи (цитируемые в докладе) или, например, у Ю. Тувима, причем не только в прозе, ср. типичные для разговорного языка повторы в поэме «Kwiaty Polskie»: «I niech ja skonam, niech ja skonam». Недавно скончавшийся талантливейший польский писатель М. Бялошевский писал исключительно на разговорном языке, причем не только прозу, но и стихи.

Интересно было бы изучить использование в разговорном языке фольклора; так, например, возможно, что начало приводившимся докладчиком типам употребления инфинитива положила цитата из известного анекдота: «Об «спрыгнуть» не может быть и речи, помогите слезть!» Или, во всяком случае, эта часто цитирующаяся острота поддерживает описываемое в докладе употребление.

Прокопова Л. И. (СССР). С большим интересом был выслушан доклад Е. А. Земской, который подытоживает серьезную исследовательскую работу автора в течение последних лет. Отдавая должное новизне объекта исследования и широте охвата материала, позволю себе несколько замечаний в отношении глубинной проработки материала вследствие недостаточно освещенного социолингвистического аспекта исследования. Даже на основании приведенных в докладе примеров, в частности «Об помочь не может быть и речи», вытекает, что автор слишком широко трактует понятие русского литературного

разговорного языка (так определяет предмет своего исследования автор), оставляя без внимания стилистическую стратификацию его слоев. Исследование Е. А. Земской значительно выиграло бы, если бы была произведена оценка стилевых компонентов в рамках литературного разговорного языка в связи с социальной дифференциацией общества и если бы материал был освещен под углом зрения минимальных критериев оценки стиля: «Кто сказал, кому сказал, с каким намерением и в какой ситуации». Кроме того, русская разговорная речь пополнилась за последнее время множеством новых выражений и оборотов. Например, выражение «О чем Вы говорите!», очень распространенное в настоящее время, по-видимому, было мало свойственно русскому языку XIX и начала XX в. Выяснить источники и хронологию появления подобных оборотов было бы чрезвычайно важно для глубинной кодификации разговорной литературной нормы русского языка.

Болдырев Р. В. (СССР). В связи с определением разговорной речи (РР), предложенным Земской Е. А., представляется уместным обратить внимание, в частности, на следующие положения.

1. В квалификации лингвистического статуса РР наиболее разработанным и обоснованным считается тезис о подсистемном характере РР. Сформулированные уже В. Гумбольдтом и А. А. Потебней, И. А. Бодуэном де Куртенэ и А. Марти, Ф. де Соссюром и В. А. Богородицким проблемы взаимодействия литературного языка и народно-разговорной речи, литературно-письменного языка и живой устной речи и — шире, в общеязыковедческом плане,— лингвистики языка и лингвистики речи впоследствии активно разрабатываются в трудах Ш. Балли, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, М. Коэна, А. А. Холодовича, Э. Косериу и др. Особенно теоретически плодотворными здесь были идеи Л. В. Щербы о важнейшей роли устной речи в языковой эволюции, о речевой деятельности индивида и о необходимости интерпретации, например, отрицательного языкового материала не только с позиций книжно-литературной нормы, но и с точки зрения прогрессивности живого лингвистического эксперимента в языкознании. Не менее значительными были и выступления Б. А. Ларина, предложившего изучать разговорную речь, в частности городское просторечие, как целостное подсистемное образование национального языка наряду с двумя другими его сферами (подсистемами) — территориальными крестьянскими диалектами и литературным языком. Опираясь на положения Л. П. Якубинского, Б. А. Ларина, В. А. Чернышева, тему соотношения национального языка и социальных диалектов в 30—60 годах успешно разрабатывает В. М. Жирмунский на материале русского, французского и немецкого языков. Он же развивал тезис о первичных и вторичных признаках контактирующих диалектов. В 50—60 годы общелингвистические основы языковой коммуникации как теорию языкового существования выдвигает Н. И. Конрад, опираясь при этом в основном на данные японского языка. С разнообразной социолингвистической проблематикой этих лет связана активизация в языкознании 60 — 80 годов изучения строя РР.

2. Характеристику лингвистического статуса РР правомернее соотносить в основном с системой национального языка как в плане гене-

тико-типологической каталогизации, так и с позиций дифференциации структуры языка и фактов РР.

3. Целесообразно последовательнее разграничивать явления (категории) скрытограмматические и так называемые внешнеграмматические в фактах РР. Архаичный вид некоторых построений РР нередко представляет собой вторичное позднейшее образование.

4. Полифункциональность единиц и аналитизм РР связаны с развитием разных этапов и уровней аналитизма в языках индоевропейской языковой области.

5. Хотелось бы также видеть более последовательное и тонкое разграничение экстралингвистического и собственно лингвистического интерпретирования явлений РР.

Шкатова Л. А. (СССР). Идеи Е. А. Земской плодотворны не только в теоретическом плане; они оказывают большую помощь в решении практических вопросов, связанных с развитием форм общения в социалистическом обществе. Движение за превращение городов в центры высокой культуры предполагает обращение лингвистов к изучению разговорной речи горожан.

Уральские филологи под руководством Е. А. Земской ведут изучение языка города, включающего, помимо разговорной речи, полудиалекты, просторечие и жаргоны (Г. А. Турбин, Л. А. Глинкина, А. А. Скребнева, В. П. Тимофеев, Т. И. Ерофеева и др.). Созданная в 1978 г. Межвузовская лаборатория устной речи ведет большую работу по изучению языковой ситуации уральских городов и пропаганде культуры речевого поведения через местные средства массовой информации (печать, радио, телевидение). Однако нельзя согласиться с ограничением сферы функционирования разговорной речи лишь областью быта. Работа по теме «Русский язык в различных сферах общения» показала, что спонтанная, непринужденная устная речь литературно говорящих людей имеет более широкую сферу проявления. В частности, профессиональное общение использует не только кодифицированный литературный язык, но и разговорную речь.

Сопоставление названий лиц по профессии русского, украинского, польского, чешского и болгарского языков показало, что явление так называемой «вторичной суффиксации» (термин В. П. Даниленко), возникшее в разговорной речи, свойственно и ряду естественно формирующихся терминологий польского и русского языков (например, wulkanizatorowy, odpylaczowy — вулканизаторщик, отжигательщик). Украинский, чешский и болгарский языки используют в устном профессиональном общении однословные односуффиксальные наименования профессий (укр. *нагрівальник, освітлювач*, болг. *отгревач, отвръщач*, чеш. metalisér, galvanizér и под.).

Изучение разговорной речи в сфере профессионального общения славянских языков позволит установить общие тенденции и в терминообразовании.

Бартков Б. И. (СССР). Частотность как речевая характеристика единиц языковой системы заслуживает большего внимания языковедов-компаративистов, поскольку она позволяет количественно оценивать такие языковые характеристики, как число значений и фонети-

ческую длину слова (Zipf, 1949 и Guiraud, 1954 выразили эту связь следующим образом: $S = C_1 \sqrt{f}$ и $L = \frac{C_2}{\lg f}$). Точное знание частотности каждой единицы в различных языках позволит сравнивать славянские языки более полно. Необходимо создавать частотные словари разговорной речи сравниваемых языков, в частности таких единиц, как фонема, морфема, слово, словосочетание, грамматическая категория (падеж, время и т. п.). В этом случае сравнение речи разных языков станет объективным, так как будет основано на числе и мере. Кроме того, получение частотных характеристик единиц разных уровней позволит оценить количественно место разговорной речи в ряду разных функциональных стилей каждого языка.

Критенко А. П. (СССР). З доповіді І. Тарнавецької «Взаємодія стандартної української мови і мови канадських українців» треба зробити однозначний висновок, що літературна українська мова впевнено поширюється, укорінюється і утверджується на канадському грунті.

Относительно доклада коллеги Е. А. Земской о структуре разговорной речи хочу отметить ту, на мой взгляд, важную особенность, что разговорная речь является в первую очередь диалогической, т. е. речью говорящего и слушающего, регулярно меняющихся позициями. Но одно дело грамматика говорящего, а другое — грамматика слушающего, что так хорошо различает Ч. Хоккет (см. его статью в сборнике, посвященном Р. Якобсону, от 1967 г.). В разговорной речи много эллиптических, сокращенных предложений, которые трудно развернуть в полные. Грамматический план слушающего не обязательно совпадает с планом говорящего, не обязательно ему параллелен. Слушающий может нарочито менять его. В диалоге — Pan G. nie żyje.— Serce? — вопрос слушающего — это, в первую очередь, предложение, хоть и сокращенное, во вторую — подлежащее, и лишь в третью — именительный падеж. Из таких примеров еще нельзя делать вывод о доминировании именительного падежа над остальными, хотя в принципе доминирование именительного падежа в языке не исключается.

Вечернее заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Novotná-Hůrková J., Romportl M. (ČS) — Konfrontační studium fonologie slovanských jazyků (Československá slavistika.— Praha, 1983, s. 101—108).

Sabol J. (ČS) — K problematike neutralizácií fonologických protikladov v slovanských jazykoch (Československá slavistika.— Praha, 1983, s. 75—79).

Sperber W. (DDR) — Die Konsonantengruppen am Anfang und Ende der Wortbildungen in den slawischen Sprachen (Zeitschrift für Slawistik. 1982. Bd 27, H. 5, S. 740—750).

Ткаченко О. Б. (СССР) — Проблема реконструкции дославянских субстратных языков на основе славянских субстратных элементов (Слов'янське мовознавство.— К., 1983, с. 220—237).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Прокопова Л. И. (СССР). Из двух способов описания фонологических систем — в терминах различительных признаков и по степени интеграции фонем в фонологической системе (распределение к центру и периферии) М. Ромпортл и Я. Новотна-Гуркова избрали первый способ для конфронтативного изучения фонологии. Хотя степень интеграции, определяющаяся прежде всего на основе количества бинарных оппозиций, могла бы, подобно явлению валентности, иметь цифровые значения, и следовательно, служить адекватной мерой при конфронтации, авторы предпочитают путь, который приводит к сопоставительному описанию общей архитектоники звуковой системы. В докладе рассматриваются две корреляции, свойственные консонантизму славянских языков,— по участию голоса и по мягкости/твердости согласных. Корреляция, как более крупное понятие, чем бинарная оппозиция, характеризуя звуковую систему в целом, может применяться также с целью конфронтационного изучения звуковых систем неродственных языков с бóльшим успехом, чем это осуществляется на основе логической схемы Р. Якобсона и М. Халле, так как при этом может учитываться содержание различительного признака.

Процедура распределения фонем к центру и периферии, уточненная М. Ромпортлом, более пригодна для описания эволюции звуковых систем. Периферийные фонемы участвуют, как правило, в завершении или развитии определенных процессов перестройки звуковых систем.

Sabol J. (ČS). Mäkkostná korelácia, o ktorej bola reč v referáte prof. J. Novotnej-Hůrkovej, patrí k najzaujímavejším, ale aj najnáročnejším problémom pri skúmaní slovenského fonologického systému (porov. najmä našu prácu «Fonetika a fonológia. Metódy fonologického rozboru». Košice, 1982). V spisovnej slovenčine (a v jazykoch, v ktorých sa protiklad «mäkkých» a «tvrdých» spoluhlások obmedzuje na jednu artikulačnú «zónu») možno hovorit' skôr o «kvázikorelácii»; členy tohto protikladu majú popri spoločných aj výrazné špecifické kombinačné a distribučné, a teda aj funkčné znaky. Problémy tu spôsobuje najmä skutočnost', že tento protiklad je neutralizovatelný, ale jeho členy zároveň fungujú aj ako alternanty.

Dostávame sa do štádia konfrontačného výskumu zvukových systémov slovanských jazykov. Nazdávame sa, že základnou podmienkou pri tomto štúdiu je použitie jednotnej fonologickej koncepcie a na jej pozadí vyčerpávajúce vymedzenie fonematického inventára (s centrom a periférioU), fonologicky irelevantných a fonologicky relevantných vlastností fónických prvkov, špecifických úrovní vzt'ahu jednotlivého a všeobecného (a ich vzájomného prepojenia) vo zvukových jednotkách a podrobné preskúmanie «súhry» a «protihry» fonologického a morfologického a fonologického a slovotvorného systému v príslušných jazykoch.

Jóna E. (ČS). Chcem upozornit' na dva javy, ktoré sa vyskytujú

v strednej slovenčine v býv. Župách (komitátoch) Honz, Novohrad a Gemer, na neutralizáciu **-m, -n** na absolútnim konci slova a d'alej na palatalizovanost' velár. Poznamenávam, že tu nemožno prísne rozlišovat' synchróniu a diachróniu.

V týchto nárečiach ve východnej oblasti sa neutralizuje takto: [*dom*] — *dom, domu*; spis. *kôň*, nár. *kón*, gen. *koňa*, atd'.; v západnej oblasti naopak **-n, -ň** > **-m**: *dom*; *kuom, koňa* atd'. Obe tieto oblasti v staršej etape svojho vývinu mali «nábeh» z nosových jedinečných konsonantov **m, n** utvorit' znelostný pár, hoci sa lišia miestom artikulácie ako párové konsonanty. Teraz iba rozličný výsledok týchto procesov svedčí o tomto «nábehu».

V istej časti strednej slovenčiny existujú pozostatky novšej palatalizovanosti velár (podobnej ruskej a pol'skej), ako svedčia tvary substantív typu *ruka, do ruke, v ruki* podobne ako *ulica, ulice, v ulici* atd' i pozostatky palatalizovanosti velár vo výslovnosti dnes už len v časti príslušníkov týchto nárečí. O palatalizovanosti velár svedčia tvary adjektív: *dobrej človek* : *vel'ki človek* (spis. *dobrý, vel'ký*). Komisia fonetiky a fonológie slovanských jazykov si všimne tieto javy. Bližšie tieto javy sú zachýtené v Atlase slovenského jazyka I, II.

Дмитренко С. Н. (СССР). Содержательный доклад Я. Сабола посвящен проблеме нейтрализации фонологических протипоставлений в славянских языках. Автор предлагает четыре типа соотношений трех звуковых единиц: звука (F), фонемы (Fm) и морфонемы (MFm): звук соответствует (или не соответствует) фонеме, фонема соответствует (или не соответствует) морфонеме: $F \equiv Fm \wedge Fm \equiv MFm$, $F \not\equiv Fm \wedge \wedge Fm \not\equiv MFm$, $F \equiv Fm \wedge Fm \not\equiv MFm$, $F \not\equiv Fm \wedge Fm \not\equiv MFm$. Как представляется, эта классификация не вполне приемлема для русского языка. Поиски соответствия/несоответствия звука фонеме могут увенчаться успехом только в том случае, если согласная находится в позиции перед гласным, кроме гласного /е/ на стыке корня (основы) и флексии, где происходит нейтрализация согласных по твердости/мягкости. В позиции перед гласным действительно можно найти внешнее соответствие между согласным звуком и согласной фонемой (эта позиция является позицией максимальной дифференциации для согласных фонем): в словоформе *пар* начальное [п] — и звук, и фонема. В остальных случаях (в позиции конца слова, перед /е/ на стыке корня (основы) и флексии и перед согласными) такого соответствия найти нельзя, хотя внешнее соответствие будет. Так, например, в конце слова можно обнаружить тот же звук [п] в словоформе *клоп*, и внешне этот [п] похож на [п] в словоформе *пар*. Однако функционально эти звуки — разные фонемы (в *пар* — сильная, а в *клоп* — слабая по глухости/звонкости). В позиции конца слова признак «глухость/звонкость» не различается. Сложнее обстоит дело с позицией перед согласными: здесь представлены слабые фонемы (по твердости/мягкости, по глухости/звонкости и по этим двум признакам). Возьмем для примера последние. В словоформах *стал, степь, сдал, здесь* (фонет. [ст]*ал*, [с'т']*епь*, [зд]*ал*, [з'д']*есь*) представлена слабая по твердости/мягкости и глухости/звонкости фонема, обозначаемая индексом **з:** фонол. [$с_з$т]*ал*, [$с_з$т']*епь*, [$с_з$д]*ал*, [$с_з$д']*есь*. В этой фонеме объединяются четыре звука: [с], [с'],

[з], [з']. О каком же соотношении звука и фонемы может идти речь? Внешне только в словоформе *стал* есть подобное соотношение. Или в позиции перед /е/ на стыке корня (основы) и флексии происходит нейтрализация фонологических противопоставлений по твердости/мягкости: *сто*[ла], *коро*[л'а], (о) *сто*[л'é], *коро*[л'é], фонол.(о) *сто*[л$_1$é], *коро*[л$_1$é]. Звуковая транскрипция не соответствует фонемной, хотя внешне [л'] в *коро*[л'á]и [л'] в *коро*[л'é] соответствуют друг другу; функционально же это разные единицы: [л'] в *коро*[л'á] — сильная фонема, а [л'] в *коро*[л'é] — слабая по твердости/мягкости фонема, представленная в своем мягком варианте.

Из сказанного следует, что вопрос о выделении типов соотношения указанных звуковых единиц значительно сложнее, чем это кажется на первый взгляд, и не все, к сожалению, может быть уложено в определенную схему применительно к русскому языку.

Калнынь Л. Э. (СССР). Распространенная в славянских языках замена губного назального **m** зубным **n** часто интерпретируется как нейтрализация назальной оппозиции согласных. Однако эта замена по своему содержанию может характеризоваться не как нейтрализация, а как устранение функционально не нагруженного признака. Нет такой оппозиции, в которой назальность **m** была бы единственным различительным признаком, — **m** противостоит всем другим согласным губного ряда как смычнопроходной, т. е. по способу образования; **n** функционально нагружена — в оппозиции n/l она выступает в качестве единственного различительного признака.

Стремлением заменить менее информативную единицу более информативной объясняется замена губного назального зубным.

Novotná-Hůrková J. (ČS). Tematika W. Sperbera mě velmi zaujala, tím spíše, že na fonetickém pracovišti Ústavu pro jazyk český ČSAV v Praze se v šedesátých letech uskutečnila řada prací, které se zabývaly jak frekvencí výskytu konsonantických spojení v češtině (v iniciální, mediální a finální pozici v slově), tak i kombinační schopností konsonantických fonémů v různých postaveních slova. Cílem výzkumu byla většinou aplikace výsledků v telekomunikační praxi.

Také v češtině je poměrně nízká frekrence výskytu konsonantických spojení ve finální pozici slova; domnívám se, že nechuť k hromadění konsonantů v koncích slov je ve slovanských jazycích obecným jevem.

Tematiku doplňuji o jeden bibliografický údaj, a to o práci polské lingvistky I. Sawické «Struktura grup spółgłoskowych w językach słowiańskich» (Warsawa, 1974). Sawická se v ní zabývá jak kombinační schopností konsonantických fonémů a realizacemi těchto spojení, tak i jejich využitím — při výstavbě systému fonologického a morfofonologického.

Sabol J. (ČS). Pri porovnávaní teoreticky možných kombinácií konsonantov a konkrétnej realizácie spoluhláskových skupín v jednotlivých jazykoch nevyhnutne musíme riešiť otázku vzťahu úrovne akustického signálu, jeho fonematického «štatútu» i morfofonematického zloženia morfém. «Prepojenie» týchto úrovní musí byť rovnaké vo všetkých porovnávaných jazykoch. Spoluhláskové skupiny sú totiž často kľúčom k odhaleniu zásadných zvukovo-typologických charakteristík

jednotlivých jazykov. Dôležité je d'alej skúmat' tieto kombinácie foném v jednotlivých častiach slova ako najmenšej premiestnitel'nej fónicko-sémantickej jednotky: na jeho začiatku (teda v presonantickom postavení), v intersonantickej pozícii a na jeho konci (teda v postsonantickom postavení); tieto pozície slova nie sú totiž rovnako «imúnne» voči konsonantickým skupinám. Okrem toho pri vyčleňovaní spoluhláskových skupín sa musí brat' do úvahy aj protiklad slabika — morféma. Na záver pripomíname, že problematika konsonantických skupín sa podrobne skúmala a skúma aj v slovenskej a v českej jazykovede.

Бартков Б. И. (СССР). Экспериментальные фонетические исследования очень важны не только для фонологии, они имеют «выход» и в другие разделы языкознания, в частности в словообразование и семантику. Установлено, что существует избирательное присоединение каждого суффикса к основам с определенным фонемным исходом, и это является важной объективной характеристикой суффикса. Занимаясь славообразовательной синонимией, мы установили, что если два синонимичных суффикса тяготеют к одним и тем же фонемным исходам основ, то от этих основ могут образовываться одноосновные разносуффиксные дериваты. Например, из 902 слов с суффиксом **-ованиј(э)**, содержащихся в 17-томном академическом словаре русского языка, производящие основы оканчиваются на следующие фонемы: [р] — 62 %, [в] — 7, [д] — 5, [к] — 5 %. Из 519 слов с суффиксом **-овк(а)** фонемные исходы таковы: [р] — 47 %, [т] — 12, [к] — 10, [с] — 7, [н] — 5, [л] — 4 %. Оказалось, что в 17-томном словаре имеется 204 пары с двумя этими суффиксами, и почти все они образованы от основ с финалью на [р], [т]. Налицо влияние на этот процесс фонемного тяготения обоих суффиксов к одним и тем же финалям. Это один из примеров влияния фонетических явлений на словообразовательные.

Вовк П. С. (СССР). Прослушанные нами глубокие и интересные доклады представителей Пражской фонологической школы — проф. И. Новотной (написанный в соавторстве с проф. М. Ромпортлом) и проф. Я. Сабола — посвящены парадигматическому аспекту фонологических систем, доклад проф. В. Шпербера — синтагматическому аспекту фонологических систем. Именно в этих двух направлениях представляется целесообразным вести поиск центра фонологической системы, о котором говорила в своем докладе проф. И. Новотна. Еще в 60-е годы Пражская фонологическая школа разработала два главных критерия для определения центра фонологической системы: количество и качество оппозиций и количество и качество позиций. Проанализировав русскую фонологическую систему с позиций Щербовской школы по каждому из этих критериев в отдельности, мы получили два не совпадающих центра: парадигматический и синтагматический. В парадигматический центр русской фонологической системы входят шумные губные и переднеязычные согласные, противопоставленные по глухости/звонкости, твердости/мягкости, в синтагматический центр — гласные и сонанты (кроме парных мягких). Логично предположить, что существование двух центров — не частный случай, специфичный для русской системы, а общая закономерность, свойствен-

ная языкам мира. Частным случаем ее может быть совпадение центров. Однако на материале русского языка обнаружена тенденция к полярной противоположности размещения фонем относительно центров системы. Например, сонанты находятся на парадигматической периферии и в синтагматическом центре. Вполне возможно, что и эта тенденция характеризует не только один язык. Соотношение двух центров обеспечивает устойчивость фонологической системы в процессе развития языка: система как бы стоит не на одной ноге, а на двух.

Мельничук А. С. (СССР). Доклад О. Б. Ткаченко интересен как попытка конкретной частной реконструкции мерянского языка и как обоснование методики реконструкции субстратных дославянских языков вообще. Оба эти вопроса в докладе тесно связаны, поскольку решение конкретных субстратоведческих задач делает возможным более широкие выводы, в том числе относящиеся к методическим приемам. Исследованием субстратных языков, в том числе мерянского, уже занимались (ср. работы М. Фасмера), однако в докладе О. Б. Ткаченко есть новый существенный момент в подходе к исследованию субстратных языков: автор стремится реконструировать и исследовать субстратный язык в системе, а также воссоздать, насколько возможно, минимальные отрезки текстов, что связано с реконструкцией не только лексики и фонетики мерянского языка, как было до сих пор, но и в какой-то степени грамматики и даже фразеологии. Предложенная реконструкция представляется в основном убедительной, хотя предстоит еще много сделать как в плане изучения конкретного материала, так и обоснования применяемой методики. В связи с вопросом о методике думается, что при реконструкции столь сложного материала, как мерянский, целесообразно допускать возможность известной вариативности; это в докладе частично и делается. Именно так, в частности, можно было бы совместить предложенное в письменной и в устной версиях доклада двоякое объяснение причин сдвига ударения, а также отсутствия или наличия притяжательных суффиксов, не исключая возможности в данных случаях и реальных вариантов. Необходимость и перспективность дальнейшей разработки избранной О. Б. Ткаченко темы не вызывает сомнений.

Утреннее заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Toporišič J. (Yu) — Status fonema [v] v slovanskih knižnih jezikih (Slavistična revija. Časopis za jezikoslovje in literarne vede. 1983, št. 2, s. 123—143).

Видоески Б. (Yu) — Фонолошките системи на македонските дијалекти од јужнословенски аспект.

Gvozdanović J. (NL) — Tipološke karakteristike slavenskih i neslavenskih jezika s distinktivnim tonskim akcentima (Dutch Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Studies in Slavic and General Linguistics, 1983, v. 3, p. 53—108).

Tošović B. (Yu) — Stilsko-semantičke osobine participa ruskoga jezika u odnosu na njegove korespondente u srpskohrvatskom jeziku (Capajево, 1983, с. 1—18. Отдельный оттиск).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Hamm J. (A). Вопрос, является ли **ф** фонемой или фоном (аллофоном), ставился уже Крижаничем в 1665 г. Он различал **ф** как вариант **в** и **ф** «негласница» (консонант) чужого происхождения и знал, что такие слова неславянские. Он также различал **в** и **j** в своей системе кириллических букв.

Sperber W. (DDR). Доклад проф. И. Топоришича затрагивает очень важную проблему. Не может быть сомнения, что в верхнелужицком языке фонемы /u̯/, /u̯'/ являются сонорными согласными. На это указывает между прочим и факт, что есть говоры, где в слабых позициях эти фонемы альтернируют с другими сонорными согласными (например, перед /u/ альтернируют фонемы /u̯/ и /h/ в речи одних и тех же лиц: wumjo «вымя» = [wum'o], [hum'o], huno «гумно» = = [huno], [u̯uno]),и что есть позиции, в которых эти фонемы последовательно заменились другими сонорными согласными (например, после /s/ и перед /a/ встречается только /j/ вместо */u̯'/: swjaty «святой» = [s'jaty]).

Другой статус имеют фонемы /v/, /v'/ русского языка. В отличие от верхнелужицких, они произносятся как фрикативные и оглушаются не перед звонкими звуками. Это оглушение у части носителей русского языка, правда, является неполным. В этом оно напоминает неполное оглушение, которое встречается и у других сонорных согласных русского языка. С другой стороны, они вовлекаются в коррелятивный ряд звонких и глухих согласных, типичный для шумных согласных русского языка, так как существуют самостоятельные фонемы /f/, /f'/. Поэтому фонемы /v/, /v'/ в современном русском языке имеют, по моему мнению, скорее промежуточный статус между сонорными и шумными согласными. Они соединяют в себе признаки и сонорных, и шумных согласных.

Sabol J. (ČS). Skutočnosť, že spoluhláska /v/ v sebe zlučuje vlastnosti šumovej a sonórnej spoluhlásky (čo vyplýva z jej objektívnych artikulačno-akustických charakteristík), má svoj priemet aj v príslušných vzťahoch medzi členmi spoluhláskového podsystému v slovanských jazykoch. Pri hľadaní jej miesta v rámci príslušných fonologických systémov treba podrobne sledovať jej zvukové realizácie, jej fonematický štatút, ale aj morfonologické fungovanie — teda jej «pohyb» na syntagmatickej i paradigmatickej osi jazyka. Napríklad v spisovnej slovenčine spoluhlásku /v/ uvádzame aj medzi sonórnymi, aj medzi šumovými konsonantmi (variant [u̯] hodnotíme ako kombinatórny, ale aj ako fakultatívny); toto jej miesto vo fonologickom systéme vyplýva z jej akustických a iných zvukových čŕt (distribučné osobitosti, «reakcia» na zákonitosti znelostnej neutralizácie a i.). Tento «paradox» [v] /v/ spôsobuje, že bezprienikovú klasifikáciu fón a foném spisovnej slovenčiny (a ich vzájomného vzťahu) bude treba nahradiť prienikovou

(kl'zavou) klasifikáciou. Osobitne treba upozornit' na súhru sonórneho [v] s [u̯] a šumového [v] s [f] v slovenčine (porov. štúdie Á. Král'a) a na distribučné a kombinačné súvislosti vzt'ahu **v** — **u̯** a **j** — **i̯**. Zdá sa, že viaceré interpretácie spoluhlásky **v** a jej fónového «rôzptylu» by boli pregnantnejšie, keby sa plnšie brala do úvahy jej pozícia v slabike (v striktúre, resp. v restriktúre). Špecifickú problematiku tvorí miesto opozície /v — f/ v znelostnej korelácii; v spisovnej slovenčine je dvojica /f — v/ súčast'ou tejto korelácie (nie je však v jej centre, ale na jej periférii).— Viaceré z uvedených otázok sme podrobnejšie riešili najmä v štúdii «K fonologickému protikladu F — V v spisovnej slovenčine» (Rocznik Slawistyczny, 36, 1975, s. 61—66).

Симеонов Д. (НРБ). Статусът на фонемата /v/ не е отразен в нито един учебник по фонетика и граматика на славянски езици. Това обаче не означава, че той не е изследван. По него са работили редица автори във Варшава, Москва и България. Проучването на подобна тема следва да се извършва с помощта на международна фонетическа терминология, а не въз основа на национални термини, тъй като има сериозни различия между терминология на автора и международна терминология. Sonantes са само фонемите /m, n, n', (w), l, l', r, r', j/, но не и /b, d, g/, които са consonantes и са sonores. Фонемата /v/ като консонант не корелира с консонантите **t** — **d**, които са дентали, а с /**b**, **p**, **f**/, с които образува лабиалната серия $\begin{matrix} b & - & p \\ \uparrow & & \\ v & \rightarrow & f \end{matrix}$. Като сонант тя кореспондира на /l, l'/ като ликвидна и на **m** като лабиална. Синтагматическите опозиции, варианти и промени на фонемата [v] обстойно вече са проучени — в началословие, средисловие и краесловие (3 × 3 × × 3 = 27) възможни позиции. Това е сторено от български автори.

Ключковський Б. Г. (СССР). На загальнослов'янському фоні фонема /v/ (укр. /в/ з факультативними варіантами — лабіодентальним [v] і білабіальним [w], а також з нескладовим [ў] та відповідними палаталізованими алофонами, що з'являються внаслідок акомодації до наступного голосного звука [i]) являє складну картину як у фонологічному й фонетичному, так і в морфонологічному й дистрибутивному планах. Грунтовне дослідження цього питання на матеріалі всіх слов'янських літературних мов вимагає синхронно-діахронного підходу та врахування системних кореляцій з іншими генетично й функціонально спорідненими фонемами, зокрема /u/, /j/, /i/, з чітким визначенням їх звукових реалізацій і традиційно-графічних відображень. Такий комплексний аналіз міг би дати реальну основу для переконливих порівняльних висновків і узагальнень про природу й функціональне життя названих (та інших) фонем у сучасних слов'янських мовах. У зв'язку з цим заслуговує на увагу доповідь (та її резюме) югославського дослідника Й. Топоришича, який на основі лише кількох слов'янських мов розкриває статус фонеми /v/. Однак автор доповіді не дотримується чіткого графічного позначення (транскрипції) фонем і їх алофонів, що заважає в сприйманні змісту цікавого дослідження.

Важливий і багатий матеріал, корисний для широких порівняльних узагальнень на фоні всіх слов'янських мов, наявний і в українській

літературній мові, яка виділяється складними синхронними і діахронними кореляціями між фонемами /в/ — /у/, а також відповідно між /й/ — /і/, їх звуковими реалізаціями та графічними відображеннями.

Кочев И. (НРБ). За съжаление в съобщението на колегата Видоески не бяха разгледани нито вокалните, нито консонантните системи, както бяха обявени в заглавието. Пред нас бе представена само една вокална макросистема, така че типовете системи фактически останаха неясни. Съгласен съм с автора, че от типологическо и синхронно гледище няма разлика между говорите в НРБ, СРМ и в Моравско (СФРЮ). Такава е и позицията на българските диалектолози. Действително такава разлика не съществува. Правилно се прави сравнение между еднаквите системи в Струга (СРМ) и Тетевен и Еркеч (НРБ), Дебър (СРМ) и Родопите (НРБ). Правилно се отбелязва, че разликите от система до система имат само дистрибутивен характер — в едни диалекти по-често се среща една фонема, в други говори — по-рядко, напр. фонемата /ъ/. Във връзка с това верна е мисълта, че по произход **ъ** може да е различно: на изток по-често от **ѫ** и **ъ**, в централните български **а**-говори от разлагането на сонантните *р̥* и *л̥* (които са различни в български и в сърбохърватски език). Според Селищев българските *р̥* и *л̥* съдържат в себе си повече **ъ**-елемент, отколкото сърбохърватските, т. е. българските сонанти са от типа **р**ъ, **л**ъ или ъ**р**, ъ**л** и затова лесно се разлагат на съчетания от **ъ** и **р**, **л**.

Не съм съгласен с Видоески, че фонемата /ъ/ е «нова» в историята на българския език. Тя е колкото нова, толкова и стара. Може да е видоизменена, делабиализирана, удължена и пр., но винаги имаше връзка със стб. **ъ**. Историята на българския вокализъм е история на фонемата /ъ/. И в исторически план тя има релевантен характер.

Видоески греши като смята, че в разглежданите диалекти има дифтонги (**ай, ой, ей** и т. н.). Това са дифтонгоиди, а не дифтонги. Греши и като смята, че има фонема /ü/.

Заимов Й. (НРБ). Намирам, че сонантни плавни (**р, л**) няма в македонските говори. В печатни издания се означават под сръбско влияние. Не е обърнато внимание, че **ѫ** > **ъ** се среща западно от централните български говори, а именно в Охридско, докато в централните говори имаме преход **ѫ** > **ѧ** (от Прилепско на североизток до Средна Гора). Трябва да се каже, че **ѣ** /'ѧ/ се среща западно от албанската граница, срв. селищно име *Ляс̥ковик*. До XVII в. в Костурско **ѣ** се е изговарял **'а** = **я**. Редукцията **о** > **у** (*Вòдин* > *вудѝниц*; *ощѐ* > > *ѝшче*); *плòдови* < *плòдове*; *снъга* от *снагà* е характерна за югозападните и за източнобългарските говори и то още от IX — X в. Не се показа нещо типично, което да характеризира и определи даден език в южнославянската езикова среда.

Златоустова Л. В. (СССР). В докладе Й. Гвозданович изложены весьма интересные результаты исследования просодии фонетического слова в ряде языков. Тонкий фонологический анализ Й. Гвозданович показывает механизм фонологической структурированности фонетического слова. Сведения докладчика коррелируют с результатами перцептивного и акустического анализа, направленного на задачу сегментации потока речи на материале пяти языков — русского, болгар-

ского, английского, немецкого и французского. Оказалось, что в рассмотренных языках 80 % покрытия текста обеспечивается для русского языка шестью структурами, болгарского — семью, английского — шестью, немецкого — шестью. Наиболее частотные для сопоставляемых языков — двусложные фонетические слова и трехсложные с ударением на первом и втором слоге (типа *дéло, делá, делáми, дéлали*). Близкими оказались значения количества фонетических слов в синтагме. Усредненные значения таковы: в русском — 2,4, болгарском — 2,6, английском — 2,35, немецком — 2,3, французском — 2,4.

Toporišič J. (Yu). Za oksitonski naglasok u slovenskom jeziku barem od A. I. Isačenka važi — a tog je mišljenja i referentka— da obavlja delimitativnu funkciju. Ovo naravno ne treba shvačati u tom smislu da bi u tom položaju imao samo tu funkciju: taj akcenat naime nagovještava i akutiranost ovakvog sloga u određenim uslovima: *brȁt bráta, psȁ psóma* koji u određenim uslovima metatonira: *bráta — brātov, stezá — stezāmi, nït — níti*. Kao što pokazuje primjer *stezāmi*, delimitativnost nije uvijek u smislu kraja riječi (kao npr. *temèn — temnegȁ*) nego i u smislu kraja osnove s tematskim vokalom.

Ивић П. (Yu). Сва три фонолошка реферата привлаче пажњу својим високим нивоом.

Мислим да би се класификација проф. J. Топоришича могла модификовати полазећи од тога има ли опозиције а) између звучних и безвучних опструената испред /v/ и б) између /v/ и /f/ на крају слога. То даје три основна типа: 1) језици као српскохрватски, где постоје обе дистинкције и где је /v/ несумњиво сонант; 2) језици као руски, где постоји прва дистинкција, али не и друга, тако да /v/ има прелазну позицију између сонаната и опструената; 3) језици као пољски, где нема ниједне од двеју дистинкција и где је /v/ очигледно опструент. Додаћу да не веруем у безвучни изговор крајњег сонаната у типу *сам* у руском језику Кад би он постојао, фонетичари би то одавно утврдили.

Реферат акад. Видоеског даје повода за шире закључке. Вокализам штокавских, македонских и бугарских дијалеката заиста се креће у истом дијапазону. Ако у њима постоје некомпактни вокали који нису ни предњи нелабијализовани ни задњи лабијализовани, то су по правилу вокали непредњи нелабијализовани. Имамо, дакле, у врло условној симболизацији, серију /i, ə, u/, а не /i, ü, u/, са предњим лабијализованим вокалима. У овоме поменути идиоми чувају словенску старину. Такав је и румунски језик, што је разумљиво са гледишта ареалне лингвистике. На словенском југу се /ü/, ређе /ö/, јавља углавном у појединим кајкавским и словеначким говорима и врло мало на чакавском северозападу. Та се зона повезује с мађарском и немачком језичком територијом и делом северноиталијанских дијалеката и наставља се у француском језику, скандинавским језицима и тд.

Поводом реферата J. Гвозденовић, која се афирмирала као врстан акцентолог, нећу се упуштати у начелне проблеме. Напоменуо бих две појединости. 1) За славонске говоре постоје нова фонетска истраживања (Манкен и Матешић, Лехисте и Ивић). 2) Најновији радови показују да се и у југозападним говорима могу наћи примери типа *земльорадник* или чак *асистѐнт*.

Дневное заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Neweklowsky G. (A) — Тенденция развития подвижного ударения имени существительного в славянских языках (Wiener slavistisches Jahrbuch. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. — Wien, 1982, S. 66—76).

Супрун А. Е. (СССР) — Супастаўляльнае (канфрантацыйна-тыпалагічнае) вывучэнне лексікі славянскіх моў (Вестник БГУ.— Минск, 1983, с. 10—13. Отдельный оттиск).

Червенкова И. (НРБ) — К специфике сопоставительного исследования лексики близкородственных языков (на материале русского и болгарского языков) (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 203—211).

Filipec J. (ČS) — Problémy konfrontační synonymiky v současných slovanských jazycích (Československá slavistika.— Praha, 1983, s. 91—99).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Афанасьева А. С. (СССР). В докладе проф. Г. Невекловского подняты важные в теоретическом и практическом планах вопросы. Проблема предсказуемости и непредсказуемости развития акцентных систем славянских языков с подвижным, перемещающимся ударением является одной из центральных. Решение ее на основе только фактов современных литературных языков, как предлагает автор, затруднительно. Представляется полезным сопоставление акцентных данных литературного языка с современными диалектами (включая и особенности ударения социально-речевых групп городского населения), а также данных акцентированных памятников письменности. Тенденция развития акцентной парадигмы существительного *перст*, например, названного в докладе, становится ясной при таком сопоставительном анализе (ср. в «Вѣдомостях времени Петра Великого» *пéрста, пéрстомъ*; аналогичные примеры в других текстах XVIII — начала XIX в.; позже по аналогии с другими формами утверждается ударение на окончании). Ср. современное русское литературное: *избá, -ы́*; болгарское *ѝзба*; южновеликорусское *избá, избý*; северно великорусское — *и́збу*; в русской поэзии XIX в. наблюдаем ударение на первом слоге: «...в горящую *и́збу* войдет...» и другие аналогичные примеры. Важно учитывать и то, что акцентные парадигмы существительных с подвижным, перемещающимся ударением находятся в отношениях морфонологических оппозиций, где место ударения в слове, его схема в морфологической парадигме являются существенным средством различения. Эта закономерность обусловливает устойчивость акцентной системы, ее равновесие. Движение, развитие внутри системы складывается исторически и проявляется в отдельных словах, которые, постепенно утрачивая старое место ударения, обусловленное древними акцентными характеристиками, под влиянием морфонологической анало-

гии приобретают новое место ударения. Установление тенденций развития славянских акцентных систем с подвижным ударением имеет и большое практическое значение при усвоении славянских языков как иностранных.

Воронцова В. Л. (СССР). Я вполне разделяю выводы проф. Г. Невекловского относительно направления изменения ударения имен существительных и причин, вызывающих эти изменения. Акцентные процессы, происходящие в русском литературном языке XVIII — XX вв., действительно свидетельствуют о постепенном развитии грамматически дифференцирующей функции русского ударения в словоизменении имени существительного. Разумеется, это касается только таких групп существительных, которые по своим морфонологическим, морфологическим и иным характеристикам способны к соответствующим акцентным перестройкам.

Хотела бы обратить внимание автора на значительную сложность течения самих процессов акцентной перестройки отдельных слов и групп слов в русском литературном языке, большое число вариантных форм, часто длительно сосуществующих, возможности их функционального и стилистического расслоения. Все это делает результаты происшедших к данному моменту акцентных изменений не вполне определенными, но линии движения прослеживаются вполне четко.

Mustajoki A. (SF). У меня имеются некоторые уточнения по поводу предсказуемости подвижного ударения в современном русском языке. Дело в том, что во всех тех случаях, о которых говорит и пишет коллега Г. Невекловский, предсказуемость не полная. Приведу несколько примеров (которые, несомненно, знакомы и автору доклада). У слов типа *стол, -а* ударение обычно остается на окончании, но не всегда; первый тип исключения: *конь, -я́*; *-и, -е́й* (таких слов 5); второй тип исключения: *лист, -а́*; *-ья, -ьев* (таких слов около 15). Среди слов типа *береза* можно тоже найти два исключения: *деревня* и *доля*, у которых ударение переходит на окончание в косвенных падежах множественного числа. Влияние различных факторов на предсказуемость подвижного ударения рассматривается более подробно в работе: *Мустайоки А.* Типы ударения русских существительных и их минимизация в учебных целях. Дисс. докт. филол. наук.— Хельсинки, 1980.

Toporišič J. (Yu). При обработке морфологических типов ударения в славянских языках Г. Невекловский относительно словенского языка исходит из трех типов ударения (неподвижный, подвижный и окситонический), причем неподвижный тип будто бы предсказывает акутированную тонему в ударном слоге. На самом деле в словенском языке имеется и четвертый тип, как видно уже из флексии родительного падежа единственного числа, где в именительном падеже имен существительных все типы записываются особенно: 1. -a, 2. -'VCa, 3. -'a:, 4.-'ă: *brát-a, jez-ík-a, moz-ā̂, semnj-à̧* (для имен прилагательных ср. форму среднего рода: *stár-o, deb-élo, mlad-ô, zl-ȍ*). Как видно из примеров, первые три типа могут быть акутированы или же циркумфлектированы: *brûs-a, du-ā̂l-a, gosp-é (tem-ȅ)*. Четвертый тип характеризуется альтернацией акута в одних и циркумфлекса в других падежах, а также подвижностью ударения в единственном и неподвижностью во множест-

венном числе. Акутированная тонема может метатонироваться в связи с морфемами, которые стоят справа от него.

Хазагеров Т. Г. (СССР). Содержательный доклад профессора Г. Невекловского вызывает три нижеследующих критических замечания. Подвижность ударения следует определять, учитывая отсутствие предсказуемости выбора места ударения на фонетическом и морфологическом уровне, на лексико-грамматическом уровне. Акцентные отношения *двор — дворá* (схема В) в функциональном отношении целесообразнее интерпретировать как подвижное ударение (ср. аргументацию проф. М. Олехновича). Это подтверждается и анализом аналогических процессов типа: *бык — быкá = жук — жукá* (вместо более старого *жýка* — общесл. акут). При анализе акцентных изменений следует полностью учитывать механизм поляризационных и индукционных аналогичных процессов и ограничивающих их (фонологические, морфонологические и другие факторы).

Винницький В. М. (СССР). Доповідь проф. Г. Невекловського присвячена одній з найменш досліджених ділянок слов'янського мовознавства. Йдеться в ній про розвиток рухомого наголосу в російській, сербохорватській і словенській мовах. Ілюстративним матеріалом служать іменники всіх трьох родів, але найчастіше іменники жіночого роду. Говориться не лише про тенденцію до акцентуаційної опозиції однина/множина, але й аналізуються різні акцентні типи з рухомим наголосом. При цьому, в міру можливості, наводяться приклади з інших східнослов'янських мов, зокрема української, білоруської. Так, наприклад, підкреслюється, що в російській мові в іменниках з флективним наголосом опозиція між числами дуже продуктивна, у білоруській вона виникає автоматично. Така диференціація певною мірою натягнута. Щодо української мови, то тут також в основному виділяються такі самі акцентні типи, але й існують іменники, в яких спостерігаються специфічні особливості акцентуації. Іменники типу *книжка* в українській мові становлять своєрідний акцентний тип, де переміщення наголосу на флексію почалося ще з XVI ст., воно продовжується досі і часом супроводжується ваганням наголосу в множині. Характеризуючи дану тенденцію, варто було б, на нашу думку, дещо чіткіше підкреслити час і причини виникнення рухомого наголосу в іменниках, показати грунтовніше генезис цієї тенденції у різних слов'янських мовах, бо у доповіді якоюсь мірою переважає аналіз акцентних типів над з'ясуванням самої тенденції. Наприклад, на грунті української мови акцентні зрушення в цьому плані простежуються ще з кінця XVI ст. Вони виникли у зв'язку з розмежуванням форм родового відмінка однини і називного — знахідного відмінків множини.

Blanár V. (ČS). Prof. A. E. Suprun v posledných rokoch rozpracúva metodiku porovnávania slovnej zásoby slovanských jazykov. Pre jeho prístup k typologickej problematike je príznačný komplexný aspekt a pohľad na slovnú zásoby vcelku. Ide mu o porovnávanie blízko príbuzných jazykov. Vychádzajúc z povrchovej štruktúry slovnej zásoby, A. Suprun určil 11 parametrov relevantných pre typológiu slovnej zásoby slovanských jazykov. K tomuto metodickému postupu by som chcel pripojiť dve poznámky.

1) Pri porovnávaní blízko príbuzných jazykov sa dostaneme k hlbšiemu pohľadu, ak prizeráme popri intenzionálnych vzťahoch lexikálnej jednotky aj na jej extenzionálne vzťahy. Charakteristické rozdiely v štruktúre slovnej zásoby sa často zisťujú v obsadzovaní aktantov istými sémantickými triedami.

2) Medzi relevantnými parametrami treba hľadať vnútorný súvis. Lexikálna jednotka predstavuje dialektickú jednotu formálnej a obsahovej stránky. Keď si všímame, akou lexémou (lexémami) sa vyjadruje daný obsah jazykového znaku v jednom, resp. vo viacerých jazykoch a aké iné obsahy sa viažu na príslušné lexémy, zisťujeme štruktúrne zhody a rozdiely v organizácii slovnej zásoby porovnávaných jazykov.

Za perspektívne pokladáme vychádzať z obsahov vedomia ako prvkov hlbkovej štruktúry a všímať si ich jazykové spracovanie v jednotlivých lexikálno-sémantických systémoch. Obsahy vedomia predstavujú tertium comparationis, ktoré umožňuje porovnávať slovnú zásobu príbuzných i nepríbuzných jazykov (bližšie: *Blanár V.* Über strukturelle Übereinstimmungen im Wortschatz der Balkansprachen.— Recueil linguistique de Bratislava 2, 1968; Metodologické otázky rekonštrukcie mikrosystému z porovnávacieho hľadiska.— In: Съпоставително изучаване на частните лексикални системи на славянските езици. София, 1979).

Gutschmidt K. (DDR). Доклад проф. А. Е. Супруна содержит не только важные новые данные относительно типологической характеристики лексикона славянских языков, но и впечатляет широтой поставленных проблем и задач. Вместе с тем он поднимает ряд вопросов, касающихся исходной точки и целей сопоставительного изучения лексических составов славянских языков, а также самого понятия «лексикон». На мой взгляд, следует различать, с одной стороны, типологическую характеристику лексикона как инвентаря слов (цельнооформленных структурных единиц языка), причем tertium comparationis является слово (и «словник» как инвентарь слов данного языка), а с другой — типологическую характеристику средств номинации сопоставляемых языков. В последнем случае tertium comparationis будет понятие, а также лексическое поле (лексико-семантическая группа). Сопоставимыми являются не только слова, но и словосочетания (на что неоднократно указывалось), и предложения (высказывания), ср. чеш. pršet «regnen», которому в болгарском соответствует слово *вали*, а также *вали дъжд*, т. е. предложение (предикативная единица), как в русском (белорусском) *дождь идет (ідзе дождж)*.

Баранникова Л. И. (СССР). В языкознании создалось парадоксальное положение с типологическим изучением лексики: сопоставления в лексике начались раньше всего (словари Палласа, Аделунга и под.), а затем явно стали отставать от исследований на других уровнях. Причина, очевидно, в сложности лексики. Пока шли споры о ее системности, естественно, не могло развиваться и ее типологическое изучение.

Обращение к такому изучению в наше время вызывает сложный вопрос о выделении сопоставимых единиц. Несомненно, что такой единицей не может выступать слово в случаях, когда сопоставление ведется на семантическом уровне, так как отдельное слово не дает возмож-

ности полностью выявить всю сложность его семантической структуры. Однако и обширное ЛСП не всегда дает возможность такого сопоставления, т. к. универсальность общих понятийных отношений порой затрудняет выявление отношений собственно лингвистических.

Опыт анализа диалектного материала в рамках одного языка выявил большую эффективность сопоставительных исследований, основанных на выделении и сопоставлении микрополей. Думается, что такая единица дает возможность выявить полноту семантической структуры слова и провести мотивированное сопоставление.

Иванчев С. (НРБ). Много симпатични са за мене усилията на А. Е. Супрун и неговите ученици да поставят изучаването (съпоставително) на лексиката на славянските езици на системни основи от гледище на различните й параметри. Бих добавил към изнесеното в доклада му резултатите от изследването на лексиката на исторически произведения на художествената проза, което направи в България И. Владова в дисертацията си, посветена на съпоставка на лексиката на тези произведения в българските и руските оригинали и техните руски и български преводи. Двупосочното изследване показа, че българският език засега разполага с много по-малко средства за архаизация и изобщо за изобразяване на историческа обстановка, отколкото руския.

Клыгина Е. С. (СССР). Вялікую цікавасць выклікае даклад праф. Супруна А. Я. «Супастаўляльнае (канфрантацыйна-тыпалагічнае) вывучэнне лексікі славянскіх моў». Такое вывучэнне надзённа і зараз ужо вядзецца. А. Я. Супрун у дакладзе і ў сваёй брашуры «Лексическая типология славянских языков» (Минск, 1983) паказвае ўзор, па якому можна весці даследванне, акрэслівае параметры тыпалагічнага аналізу лексікі. Вельмі важным сярод гэтых параметраў з'яўляецца стылістычны аспект. Без уліку стылістычнага расслаення лексікі, мабыць, цяжка пазбегнуць фармалізму, паколькі прадукцыйнасць ужывання тых ці іншых лексічных груп залежыць ад стылю. Напрыклад, колькасная характарыстыка такога граматычнага разраду, як дзеепрыметнік у беларускай мове ў супастаўленні з рускай, можа быць дэталёва праведзена толькі пры ўліку стылю, паколькі дзеепрыметнік у беларускай мове маркіраваны кніжнымі стылямі і зусім не характэрны для гутарковага стылю мовы. У сувязі з гэтым, мабыць, нельга без указання на стыль сцвярджаць, што дзеепрыметнік у беларускай мове колькасна ўжываецца нароўні з рускай і пад уплывам яе. Тут вельмі важны, на нашу думку, і ўлік генетычнай агульнасці славянскіх, у прыватнасці ўсходнеславянскіх, моў для вызначэння ўзаемасувязі і ўзаемаўздзеяння моў: у беларускай мове, напрыклад, ужываюцца дзеепрыметнікі незалежнага стану на *-л(ы) — узмацнелы, пачарнелы, запацелы,* якія ў рускай мове падвергліся ад'ектывацыі, дзеепрыметнікі ж з суфіксамі **-вш-, -ш-,** прадукцыйныя ў рускай мове, у беларускай супалі з дзеепрыслоўямі і таму не ўжываюцца.

Линник Т. Г. (СССР). В докладе проф. А. Е. Супруна представлена широкая программа типологического изучения лексики славянских языков. Учитывая сложный характер лексической системы, автор обосновывает принципы типологической классификации, не ограничиваясь каким-либо одним, пусть и существенным, аспектом лексической

системы, а рассматривая их комплекс. Из теоретических положений заслуживает внимания не прозвучавший явно, но легко выводимый из содержания устанавливаемых в докладе параметров типологического исследования тезис о специфике типологических исследований близкородственных языков, связанной с требованием рассматривать не только идеальную (семантическую), но и материальную сторону слова. Предложенная автором программа исследований намечает выход за пределы собственно лексики, предполагая обращение к другим уровням, прежде всего к морфологическому, что позволяет значительно полнее определить, чем при ограничении только лексическим уровнем, специфическое и общее в строении систем близкородственных языков. Такой выход может быть осуществлен и при ономасиологическом подходе, предусматривающем изучение средств, которыми передается определенная семантика. При этом в сферу изучения включаются факты не только лексики, морфологии, но и синтаксиса. Вместе с тем следует отметить, что предпринимавшиеся ранее пути решения поставленной в этом плане проблемы соотношения однословных и составных наименований в разных славянских языках с дальнейшей интерпретацией такого соотношения, как тенденции к аналитизму или синтетизму, должны быть пересмотрены с учетом нового материала. Отдельным частным примерам, приводимым как аргументы в пользу использования того или иного способа, можно противопоставить другие частные примеры. Изучение некоторых групп лексики славянских языков показало, что в них используются и аналитические, и синтетические способы наименования. Важным является вопрос соотношения этих способов и их функционального использования в каждом из языков. Распространенность того или иного способа специфична для отдельных лексических групп.

Стоянов И. А. (СССР). В докладе И. Червенковой, во многом обобщающем накопленный автором опыт сопоставительного анализа лексики болгарского и русского языков, осмыслены и определены направления исследовательской работы в данной области, учитывающие специфику лексической системы сравниваемых языков. С полным основанием подчеркивается необходимость двунаправленного рассмотрения лексических пар и отдельных групп, дающего возможность, особенно на первоначальном этапе исследования, учитывать системные связи лексики.

Хотелось бы обратить внимание на еще одно возможное направление в подобных разысканиях. На наш взгляд, для обобщений над семантическими процессами важное значение имело бы также исследование сплошного лексического массива как дополнительного параметра анализа, дающего возможность четко представить, например, тенденции в семантической организации заимствованной лексики, развитии новых (преимущественно переносных и коннотативных) значений, способах ее адаптации в сравниваемых языковых системах. Сопоставление, например, корпуса болгарской и украинской лексики (включенной в подготовленный двуязычный словарь на литеры от **а** до **е**) показывает, что чаще всего болгарский язык заимствовал иноязычные элементы в более широком значении, чем украинский. С другой сторо-

ны, среди заимствований в украинском четче выражена тенденция к развитию новых значений. Разумеется, важным условием для подобных наблюдений является сопоставимость привлекаемых для сравнения лексикографических работ. Кажется, настало время для того, чтобы ставить вопрос об унификации подготавливаемой на материале славянских языков словарной продукции.

Алимпиева Р. В. (СССР). Современный этап развития лингвистики характеризуется системным подходом к изучаемому материалу, причем областью, где возможность такого изучения все еще продолжает вызывать сомнение, является лексика, поэтому доклад И. Червенковой вызывает большой интерес. Объектом сопоставительного изучения здесь являются единицы языка как элементы системы, что обеспечивает автору обращение к глубинным структурам семантики соответственно русских и болгарских лексем. В порядке дискуссии к поставленной проблеме хотелось бы поделиться следующими соображениями. Известно, что язык является незамкнутой, постоянно развивающейся системой. Поэтому при сопоставительном анализе родственных славянских лексических микросистем необходимо выявление таких различительных семантических компонентов, которые позволили бы установить соотнесенность родственных лексических систем и их членов в историческом развитии. В плане такого изучения может быть предложена методика семантического анализа, при которой учитывается не только наличие тех или иных компонентов в той или иной семантической структуре, но и постоянно действующая тенденция к их более (или менее) активному выявлению по отношению к семантике конкретных лексем как членов определенной парадигмы. Поэтому, характеризуясь даже единым репертуаром семантических компонентов, лексемы, в том числе и относящиеся к разным языкам (в частности, к разным славянским языкам), могут быть не равны по степени выявленности данных компонентов, по специфике расстановки соответствующих семантических акцентов, что обусловливает не только их семантическое неравенство на данном синхронном срезе, но и дифференцирует направленность их последующего семантического развития.

Вовк Е. Б. (СССР). В своем докладе проф. И. Червенкова ставит задачу выявления меры близости лексики сопоставляемых языков. Одной из перспектив такого исследования может стать поиск закономерностей, определяющих степень эквивалентности лексических единиц.

Так, например, предпринятое нами сопоставление лексических единиц русского языка, имеющих переносное значение, с их аналогами в украинском, английском, французском и новогреческом языках показывает, что структура образного переноса значения влияет на степень эквивалентности сопоставляемых единиц. Для выявления этой структуры целесообразно предпринять сопоставление в рамках одного языка лексических единиц с прямым и переносным значениями *(красная куртка — Красная Армия, растет дерево — растет национальный доход)*. В результате такого анализа представляется возможным выделить в рамках одной лексической единицы три уровня значения по возрастающей степени абстракции: конкретное, абстрактное и категориальное (например, прилагательное *красная* в сочетании со

словом *куртка* содержит следующие семы: первый цвет спектра, цвет, признак). Такая градация действительна и для прямого, и для переносного значения (например, в сочетании со словом *армия* то же прилагательное *красная* имеет переносное значение, выступает как метонимия; в этом случае конкретное значение слова — «революционная, советская»; абстрактное — «политическая принадлежность»; категориальное — «признак»). Образность выступает как оппозиция, которая может формироваться как на одном уровне конкретного значения, между конкретным прямым и конкретным переносным значениями *(растет национальный доход)*, так и на двух уровнях: конкретного и абстрактного значений *(Красная Армия)*. Степень эквивалентности единиц — носителей образности двух уровней и их аналогов выше, чем в случае образности одного уровня. Следовательно, структура образного переноса — один из факторов, определяющих степень эквивалентности образных лексических единиц.

Кононенко В. И. (СССР). Предметом конфронтационного изучения должны стать не столько отдельные синонимы разных языков, сколько синонимические ряды в их системной организации. Такой подход оправдан тем, что наиболее близкий эквивалент в другом языке, даже в близкородственном, определяется далеко не однозначно. Фонематическое подобие лексем не обязательно предопределяет их семантико-стилистическое соответствие. Поэтому целесообразно, предварительно изучив внутрирядовые отношения в пределах отдельных синонимических рядов каждого из сопоставляемых языков, производить наложение одного ряда на другой.

При конфронтационном анализе славянских языков обнаруживается наличие одинаковых по набору синонимических рядов. Изучение таких рядов требует учета дистрибуционных особенностей, частотности, функциональных параметров, степени фразеологичности синонимов и т. д. Особые трудности вызывает сопоставление стилистических коннотаций, проводимое в сочетании с семным описанием. Нужные результаты могут быть получены при использовании не только парадигматического, но и синтагматического плана изучения, обращении к контексту, речевой ситуации.

Требует теоретической разработки создание конфронтационного словаря синонимов славянских языков.

Бартков Б. И. (СССР). Проф. Й. Филипец развивает очень интересное направление: сопоставительное изучение синонимических рядов славянских языков. Заслуживает внимания его предложение начать работу над составлением синонимических словарей всех славянских языков, обращая внимание на сопоставимость объемов словарей. Кроме того, важно определять и частотность употребления каждого члена синонимического ряда. В связи с этим мы хотим обратить внимание на возможность количественной оценки степени синонимической близости членов рядов, как это было впервые сделано проф. С. Г. Бережаном, воспользовавшимся формулой Я. Чекановского (1913) для сравнения двух членов: $K = \frac{2S_o}{S_1 + S_2}$ $(O \leqslant K \leqslant 1)$, где S_o — число общих значений, а S_1 и S_2 — количество значений 1-го и 2-го сравниваемых

членов синонимического ряда. Однако эта формула не позволяет находить близость трех и более членов ряда. Нам удалось получить обобщение формулы Чекановского на n-мерный случай (Бартков, 1978): $K_1 = \frac{nS_0}{S_1 + S_2 \cdots + S_n}$ $(0 \leqslant K_1 \leqslant 1)$. Эта формула позволяет подсчитывать степень близости синонимических рядов любой длины, что позволит проводить точное сопоставление рядов не только одного языка, но и разных языков. Известно, что частотность употребления каждого значения в речи различна (West, 1958). Для учета этого факта мы получили еще более обобщенную формулу: $K_2 = \frac{\sum_i \sum_j S_{ij} P_i}{\sum_i S_i}$ $(0 \leqslant K_2 \leqslant 1)$. Здесь учитывается как число общих значений в синонимическом ряду, так и частотность употребления слова в этом общем значении, что позволит более тонко количественно оценивать степень синонимичности всего ряда синонимов. Однако для таких подсчетов и исследований необходимо составлять семантические частотные словари славянских языков. Интересно отметить также, что подобные исследования можно проводить на материале словообразовательных (аффиксальных) синонимических рядов.

Мокиенко В. М. (СССР). В докладе А. Е. Супруна рассматриваются различные аспекты сопоставительно-типологического анализа славянской лексики. Важно, что докладчик акцентирует необходимость комплексного подхода. Хочется обратить внимание на сложность одного из аспектов — стилистического сопоставления. Здесь будет нужно еще долго искать объективное tertium comparationis, ибо нормы литературного употребления в разных языках характеризуются слишком большим «разбросом»: ср. «пуристичность», жесткость отношения к просторечию в русском языке и гибкость и мобильность разговорно-просторечной нормы в чешском или сербохорватском. В этом плане уравнивание русского, чешского и сербохорватского просторечия (resp. obecná čeština и под.) по одной стилистической мерке будет весьма относительным.

В докладе Й. Филипца также привлекает широкая программа сопоставления синонимии. Важна дихотомия «внутренняя/внешняя синонимия» и иерархическая классификация синонимов, основанная на их семном распределении.

Проблема межъязыкового сопоставления важна и для объективного осознания сущности синонимии и определения ее границ. Некоторые исследователи сужают понятие синонима до семантического тождества внутри идиолекта или говора одной деревни. Й. Филипец убедительно показывает, что такое сужение объекта исследования неоправдано.

При межъязыковом сопоставлении, однако, возникает ряд проблем. Так, лексическая цепочка, типа чеш. štěstí — рус. *счастье* — п. szczęście (примеры докладчика) — синонимы или одна и та же лексема? А рус. *бескрайний* — болг. *безкраен* — синонимы или межъязыковые омонимы?

При составлении свода межславянских синонимов, и особенно при составлении словаря славянских синонимов, важно создать сначала единые количественно и качественно синонимические минимумы отдельных языков. А как известно, и теоретические, и практические установки лексикографов весьма различны. Международный комитет славистов должен включить в свою программу задачу унификации таких синонимических минимумов и разработать соотносимые критерии отбора материала. Наконец, неясно, следует ли в соответствующие словари славянских языков включать фразеологию. Докладчик показал, что далеко не все словари (например, русский под ред. А. П. Евгеньевой, болгарский, сербохорватский) включают фразеологизмы. Как определить фразеологический минимум синонимического ряда? Ведь здесь стилистический критерий (например, отбор стилистически нейтральных единиц) будет весьма относителен, так же как и частотный, ибо стилистически фразеологизмы диффузны, а фреквентативно — весьма неопределенны. Тем не менее программа межславянского сопоставления синонимии и лексикографические задачи в этом направлении, предложенные Й. Филипцем, кажутся чрезвычайно злободневными.

Вайнтрауб Р. М. (СССР). В последнее время появилось много ценных исследований по лексическим системам отдельных славянских языков. В содержательном докладе проф. А. Е. Супруна впервые очень четко была показана необходимость сопоставительного комплексного изучения лексикона всех славянских языков и была предложена методика такого изучения, которую справедливо очень высоко оценил проф. Бланар. А коллеги И. Червенкова и Й. Филипец в своих интересных докладах убедительно показали возможность сопоставительного изучения отдельных микросистем, хотя эта проблема очень сложна. Сложность заключается в том, что в каждом языке слова по-своему и по-разному вступают в парадигматические и синтагматические связи и отношения, и поэтому лексико-семантические микросистемы каждого языка различаются. Отсюда следует, что объем семантической структуры эквивалентных лексем в разных языках, даже в близкородственных, не совпадает. И. Червенкова в своей классификации сопоставляемых слов в русском и болгарском языках отмечает слова, полностью совпадающие по значению, частично совпадающие и совсем не совпадающие.

Мне кажется, что о полностью совпадающих эквивалентных словах в сопоставляемых языках нельзя говорить, а если говорить, то с определенной оговоркой. Ведь если рассмотреть внимательно структуру значений слов *рука* в русском и *ръка* в болгарском, то окажется, что эти слова, приводимые в докладе И. Червенковой в качестве примеров, не будут полностью совпадать. Поэтому, может быть, лучше говорить не о полностью совпадающих словах, а о максимальном совпадении семантического объема сопоставляемых слов.

Вечернее заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Марков Б. (Yu) — Изразуванје на родбинските врзки во современите словенски јазици (Реферати на македонските слависти за IX Меѓународен славистички конгрес во Киев.— Скопје, 1983, с. 41—53).

Паламарчук Л. С., Андерш Й. Ф., Стоянов І. А. (СССР) — Зіставне дослідження лексико-семантичних відношень у слов'янських мовах (Слов'янське мовознавство.— К., 1983, с. 160—184).

Péter M. (H) — Экспрессивно-характеристические имена лиц в русском языке (Из сопоставительной ономатологии славянских и неславянских языков).

Ничева К. (НРБ) — К вопросу о связи образа и значения при возникновении фразеологизмов (на материале болгарского, русского, чешского, польского, французского языков) (Славянска филология. Езикознание. — София, 1983, т. 17, с. 163—172).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Младенов М. (НРБ). Докладът на проф. Б. Марков е свидетелство за нестихващ интерес към една лексико-семантична група, към една тема, която е може би най-експлоатираната не само в славянската лексикология. Тъй като в България в последните години се работи много в това направление (изработен е вече «Атлас на роднинската терминология»), то трябва да подчертая, че в доклада на проф. Марков темата е само отчасти засегната. Ние трябваше да установим семантичния обхват на понятието за родство, т. е. кои хора човек смята за роднини. А това е кръгът от лица, за които е забранено да влизат в брачни отношения помежду си. Така се очерти няколко типа родство: кръвно, брачно, кумство, побратимство, участие съвместно като шафери на сватба, закърмени от една жена и т. н. Освен това държи се сметка за степените на родство по низходяща и възходяща линия, а също така отделно се проследяват термини за референция и вокативни термини. Така беше разработена матрица с около 150 позиции.

В доклада не се държи сметка за съществен момент: развой на типовете семейство у славяните, което несъмненно дава отражение и върху роднинската терминология. Напр. в Северозападна България почти до края на XIX в. се пази голямото патриархално семейство (задругата). Тъкмо там се пази изключително богато нюансирана терминология, така напр. за *девер* (според възрастта): има термини като *брайно, хубавенко, драгинко, словенко, сокол;* за *зълва: хубавка, калина, словенка, ябълка, дюля* и т. н.

В доклада твърде слабо и недостатъчно е представен българският материал, макар че в последните години бяха публикувани редица изследвания в тази област и изключително богати нови диалектни материали.

Симеонов Д. (НРБ). В доклада на Б. Марков са използвани непълни и недостатъчни източници за тази безспорно актуална и интересна

тема. От български източници са взети под внимание само «Българско-руски речник» и «Руско-български речник» — крайно недостатъчни. Поради това са пропуснати редица важни и основни термини. Не е бил в състояние да представи богата наследена от славянско време роднинска терминология. В българската роднинска терминология има иновации, характерни повече за източната половина на България. Има и чужди инфилтрации. Но има и запазена синонимна терминология от прабългарско време. Тия особени положения задължават науката да обърне особено внимание и на състава на роднинската терминология от гледище на нейния произход.

Зайцева И. К. (СССР). С большим интересом я прослушала доклад проф. Б. Маркова. Термины родства привлекают внимание многих исследователей (Н. Дылевский, С. И. Котков, О. Н. Трубачев и др.). Однако попытка исследовать эти термины в большем объеме делается впервые. В докладе проф. Маркова прежде всего заслуживает внимания выяснение факторов, способствующих появлению расхождений между славянскими языками в выражении родственных отношений. Докладчик справедливо говорит и о тенденции к упрощению в выражении родственных отношений в славянских языках.

Мне хотелось бы остановиться на вопросах, которые тоже следует более глубоко рассмотреть при анализе данной тематической группы лексики. Это вопрос о стилистической дифференциации слов — наименований родственных отношений в славянских языках (ср. *матка* в русском языке и matka в чешском), о семантическом объеме слов (ср. *отец* в русском языке и *отец* в болгарском), об употреблении слов в разных временных срезах (в одном или нескольких славянских языках слово может перейти в разряд устаревших).

Интересны вопросы о синонимии, эмоциональной окраске слов и средствах ее создания по языкам, а также об отличиях в употреблении слов в номинативной и вокативной функции, о различии в использовании слов в зависимости от возраста носителей языка, семейной традиции и т. п.

Интерес представляет исследование неосновных значений слов данной тематической группы, так как они могут совпадать в славянских языках и различаться. Различия могут быть результатом обособленного развития этих языков.

Я согласна с проф. М. Н. Нестеровым, что отдельные семантические группы лексики должны быть проанализированы с точки зрения стилистической и эмоционально-экспрессивной.

Vascenco V. (R). Доклад Бориса Маркова о выражении родственных отношений в славянских языках весьма интересный и содержательный. В список терминов со значением родства следовало бы, однако, включить и слово *человек,* конечно, в его древнем (первоначальном) значении, т. е. «дитя племени» (первая часть данного композита — «род, племя», а вторая — «дитя, ребенок»). Ср. фракийские композиты с тем же значением: mukapor «дитя рода» и mukakakes «то же».

Винник В. О. (СССР). Порівняльно-зіставні студії на матеріалі слов'янських мов мають тривалу традицію, проте до недавнього часу вони здійснювались переважно принагідно. В доповіді Л. С. Пала-

марчука, Й. Ф. Андерша, І. А. Стоянова поставлено і, на наш погляд, успішно розв'язано питання характеристики лексико-семантичних відношень між українською, російською, чеською і болгарською мовами на матеріалі окремих словникових статей створених чи підготовлених в Інституті мовознавства ім. О. О. Потебні АН УРСР двомовних перекладних словників (українська мова в одних випадках виступає вихідною, а в інших — цільовою).

Конкретний аналіз цих відношень з урахуванням досвіду лексикографічної роботи доповідачів дає можливість з'ясувати як спільні, так і специфічні риси окремих компонентів лексико-семантичних систем досліджуваних мов, особливості розвитку семантики слів, що належать до спільнослов'янського фонду, явища міжмовної омонімії та ін., відкриває перспективи для широкого зіставного дослідження лексико-семантичних систем слов'янських мов.

За характером постановки питань, способом їх розв'язання, за методикою аналізу лексико-семантичних відношень, застосованою доповідачами, їх дослідження, безсумнівно, має важливе значення для дальших пошуків у напрямі широкого зіставного аналізу лексико-семантичних систем слов'янських мов, особливостей розвитку їх окремих компонентів, для теорії лексикографії і безпосередньої практичної роботи над укладанням перекладних словників.

Соколовская Ж. П. (СССР). Предметом сопоставления в докладе Л. С. Паламарчука и др. являются отдельные единицы лексических систем по данным толковых словарей ряда славянских языков. Такое сопоставление представляется правомерным по ряду причин, одна из которых — четкая постановка вопроса о системном изучении лексико-семантических отношений и об описании одной из характеристик системы — ее единиц.

Представляется возможным сопоставление родственных языков и по другой характеристике системы — ее структуре, или характеру отношений между единицами. Этот вопрос требует дополнительного многостороннего комментирования. Опуская его, позволим себе представить результаты сопоставления русских и украинских имен прилагательных в объеме «Словаря русского языка» (в 4-х т.) и «Словника української мови» (в 11-ти т.): они сопоставлены по восьми семантическим полям: «бытие», «пространство», «время», «движение», «отдельное», «качество», «количество», «отношения» и четырем семантическим классам, соответствующим сферам бытия,— «неотмеченность сферы», «природа», «человек», «общество». Расположение семантических полей по горизонтали, сфер бытия по вертикали дает возможность построения графического варианта модели семантических отношений имен прилагательных и сопоставления их по этой модели. Закономерности, отмеченные в докладе для единиц системы, применительно к структуре проявляются своеобразно. При таком подходе для исследования берутся не отдельные слова разрозненных участков семантического континуума, но иерархически упорядоченные единицы лексико-семантических систем родственных языков.

Антанюк Л. А. (СССР). Хачу спыніцца на адным тыпе лексіка-семантычных адносін, прадстаўленым у цікавай тыпалогіі калег

І. Ф. Андэрша, Л. С. Паламарчука, І. А. Стаянава. Гэта адносіны поўнай адпаведнасці ў дзвюх пэўных славянскіх мовах, у якасці прыкладу якіх аўтары зусім справядліва прыводзяць, у прыватнасці, навуковыя тэрміны. Сапраўды, тэрміналагічная лексіка, прадстаўленая ў перакладных слоўніках славянскіх моў, вылучаецца на фоне агульнаўжывальнай лексікі выключнай поўнаадпаведнасцю. Гэта наглядаецца і ў новым (другім) выданні «Руска-беларускага слоўніка» (Мінск, 1982), падрыхтаваным у Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа Акадэміі навук Беларускай ССР. Гэта выданне значна паўнейшае па колькасці лексічных адзінак (108 000 слоў у параўнанні з 86 000 слоў у першым выданні) і ў першую чаргу за кошт уключэння тэрміналагічнай лексікі, якая ўвайшла ў моўную практыку ў апошнія дзесяцігоддзі бурнага эканамічнага, навукова-тэхнічнага і культурнага развіцця.

Высокую ступень поўнаадпаведнасці тэрміналагічнай лексікі ў славянскіх мовах можна растлумачыць, у першую чаргу, самой прыродай навуковага тэрміна, яго дакладнасцю і адназначнасцю. У той жа час, як сведчыць лексікаграфічная практыка славянскіх моў, значнае месца ў актывізацыі адносін поўнаадпаведнасці адыгрывае тэндэнцыя збліжэння навуковай тэрміналогіі славянскіх моў, якая ў многім падпарадкоўваецца сучаснаму працэсу інтэрнацыяналізацыі тэрміналогіі.

Па ступені поўнаадпаведнасці можна выдзеліць словы, якія тэрміналагізаваліся ў адным пэўным значэнні, захаваўшы ўсе астатнія значэнні агульнаўжывальнага слова (бел. *хваля* — рус. *волна*), і словы, якія ўжываюцца толькі ў якасці тэрмінаў. Самая высокая ступень поўнаадпаведнасці, безумоўна, уласціва тэрмінам інтэрнацыянальным (як у межах славянскіх моў, так і ў больш шырокіх межах).

Баранник Д. Х. (СССР). Исследование семантики языка на различных уровнях его структуры является актуальной проблемой современной лингвистики. В плане обсуждаемых на секции вопросов сопоставительного изучения семантики и заслушанного сегодня доклада Л. С. Паламарчука, Й. Ф. Андерша и И. А. Стоянова представляется возможным поставить вопрос о сопоставительном исследовании отношений и на других уровнях языковых систем славянских языков, в частности на уровне коммуникативной семантики предложения.

Есть основания утверждать, что все многообразие различных по конкретному значению высказываний можно свести к определенному количеству типов (инвариантов) с обобщенной коммуникативной семантикой. Каждому из этих инвариантов коммуникативной семантики предложения должен соответствовать и определенный структурно-синтаксический инвариант, и соответствующий инвариант интонационный. Обусловленный целью говорения подбор структур с определенной коммуникативной семантикой формирует функциональную природу речевого массива, определяет его стилевую принадлежность. Каждая функциональная разновидность речи имеет свой набор коммуникативно-семантических инвариантов.

В этом плане представляется важным исследование следующих вопросов:

1. Определение инвентаря коммуникативных типов высказываний (инвариантов) в национальном языке.

2. Описание этих инвариантов с опорой на синтаксическую структуру, интонационное оформление и лексико-тематическое наполнение высказывания.

3. Сопоставление набора этих коммуникативно-семантических инвариантов в славянских языках. Естественно, последнее —это вопрос более отдаленной перспективы, решение его возможно лишь после описания соответствующих фактов коммуникативно-семантического уровня в отдельно взятых языках.

Исследование текста с точки зрения составляющих его структур с определенной коммуникативной семантикой, в частности в сопоставительном плане, будет иметь, как представляется, существенное теоретическое и практическое значение. Оно поможет осветить ряд вопросов, связанных с общей типологией языков. Применительно же к конкретным национальным языкам такие исследования помогут раскрыть механизмы формирования функциональной направленности речи, сформулировать объективные критерии стилевого диагностирования текста.

Нестеров М. Н. (СССР). Специфические особенности сопоставительного изучения лексики близкородственных языков связаны с наличием значительного количества генетически родственных слов, унаследованных от праязыка ранней поры. Эта генетически родственная лексика (общеславянская, восточнославянская, западнославянская, южнославянская) получила в разных славянских языках не только семантические различия, но и экспрессивно-стилистические. Поэтому в дополнение к интересным проблемным докладам Л. С. Паламарчука, И. Ф. Андерша, И. А. Стоянова, а также А. Е. Супруна, И. Червенковой хочется обратить внимание на то, что сопоставительное изучение родственной лексики в славянских языках следует осуществлять не только в собственно семантическом плане, но и со стороны ее экспрессивно-стилистических различий. Генетические лексические корреляты в разных языках нередко при полном тождестве семантики заметно различаются сферой употребления, стилистической и эмоционально-экспрессивной окраской. Изучение этих экспрессивно-стилистических различий намечено в коллективной монографии «Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков», выпущенной Институтом языковедения им. А. А. Потебни АН УССР в 1981 г. Намеченный в ней аспект открывает широкие перспективы для сопоставительно-типологического исследования лексики славянских языков со стороны ее стилистического употребления и эмоционально-экспрессивной окрашенности, что органически связано с ее сопоставительно-семантическим изучением.

Баранникова Л. И. (СССР). Категория слов-характеристик, рассмотренных в докладе проф. М. Петера, представляет исключительный интерес и в сопоставительном плане и в плане выявления их онтологии. Исследования, проведенные на материале русского языка, позволили

выявить несколько закономерностей, которые было бы очень важно сопоставить с материалом других языков.

Сопоставление однокоренных прилагательных-субстантивов — суффиксальных существительных типа *добрый (человек) — добрый — добряк* выявляет их разную маркированность по разным параметрам. Наиболее маркированными по оценке, экспрессивности, сфере употребления оказываются суффиксальные образования, что далеко не всегда может быть объяснено соответствующей окраской суффикса. Маркированность во всех отношениях значительно сильнее проявляется в словах, называющих личностные (приобретенные), а не индивидные (природные) свойства человека (ср. *егозливый — егоза* и *бородатый — бородач*). Это противопоставление выдерживается в подавляющем большинстве случаев (исследовалось 106 рядов), кроме заимствованных слов (типа *активный — активист*).

Сказанное позволяет утверждать, что в кругу слов, в основе формирования значений которых лежит обозначение признаков, сложившихся в результате многогранных процессов общественного существования человека, маркированность разного типа формировалась активнее. Такой вывод свидетельствует о пдодотворности учета фактов социолингвистического плана.

Nyomárkay I. (H). Я считаю очень положительной чертой доклада проф. М. Петера то, что он расширил исследование, кроме русского, на другие языки и даже на такой язык другого происхождения и другого типа, как венгерский. Это еще раз подтверждает то, что очень полезно сопоставлять неродственные языки. Такие экспрессивно-характеристические имена существуют и в сербохорватском языке (например, типа *šaljivdžija* «Spaßmacher», венг. tréfamester). Существуют и кальки типа схв. zgubidan «лодырь», венг. naplopó; схв. cepidlaka «крохобор», венг. szőrszálhasogató, последнее непосредственно происходит из нем. Haarspalter. Доклад побуждает к дальнейшим исследованиям в плане сопоставления языков разного происхождения и сопоставления самих славянских языков. Было бы интересно ответить на вопрос, в какой мере славянские языки используют суффиксы иностранного происхождения, как сербохорватский в словах с суффиксом **-džija.**

Шкатова Л. А. (СССР). Работа проф. М. Петера представляет не только частный интерес. В ней заложены идеи и методы целого ряда направлений в изучении языка, в частности ономасиологического, идущего от коммуникативных потребностей говорящего. Однако термин «характеристические имена» считаю неудачным, так как для наименований лица профессия, место жительства, принадлежность к организации и т. д.— тоже характеристика, причем социально весьма значимая. Не могу согласиться и с выделением характеристических имен в качестве общей ономатологической (ономасиологической) категории, поскольку, как отмечал сам докладчик, общей словообразовательной категорией (а с ней тесно связана ономасиологическая) является категория лица, которая получает выражение во всех языках. Смущает и то, что не учтены сферы функционирования имен, в связи с чем осталась без внимания нейтрализация имен лиц в профессиональной сфере общения.

В целом считаю работу М. Петера очень продуктивной и нахожу возможным ее продолжение на материале русского языка, в частности, на примере русских названий профессий типа *ванька* «извозчик», *макар* «трактирщик», *жоржик* «матрос» и под.

Копыленко М. М. (СССР). Несмотря на молодость фразеологии, в ней рассматривается ряд проблем, которые можно отнести к числу традиционных. Такова проблема лингвистического статуса компонентов фразеологической единицы (ФЕ). Ряд фразеологов утверждают, что компоненты ФЕ — слова, что какова бы ни была степень их десемантизации, сколь далеко бы ни зашло ослабление их синтаксических функций, все равно они сохраняют основные признаки словности: самостоятельное ударение, ряд морфологических черт, а главное — если не полное значение (что не исключено) и не видоизмененную семантику, то во всяком случае ассоциативные связи со словами, выступающими в денотативных сочетаниях лексем. Другие фразеологи утверждают, что компоненты ФЕ — это «бывшие» слова, ничего общего не имеющие с обычными словами. Я с удовлетворением отмечаю, что проф. К. Ничева своим блестящим докладом основательно укрепила первую из названных здесь точек зрения.Она показала богатую гамму значений, вносимых в семантику ФЕ ряда славянских и неславянских языков лексемой *черт* и ее соответствиями. Дальнейших размышлений требуют ФЕ, выражающие восхищение (*Ах ты, черт!* Куда мне за вами, *черти полосатые*), усилительное значение компаративных ФЕ (*хитер, как черт; измазался, как черт; чертовски везет*), семантическую нейтрализацию (*Аллах, бог, бес, черт, кто его знает*).

Молотков А. И. (СССР). Доклад К. Ничевой затрагивает сложную проблему характеристики фразеологической единицы — формирования ее значения, над своеобразием которого ломают головы многие фразеологи. Традиционному противопоставлению фразеологической единицы словосочетанию-прототипу, из которого возникла фразеологическая единица, автор дает более широкое толкование, вводя дополнительно третий тип в это противопоставление — образ, его содержание, занимающий промежуточное положение между реальным словосочетанием-прототипом и фразеологической единицей. В этом положительная сторона доклада. Вместе с тем, а это главное в таком противопоставлении, не раскрыта ни методика, ни суть этого противопоставления: как следует реализовать противопоставления «содержание словосочетания», «описание образа» и «номинативное значение фразеологической единицы»? Без ответа на этот вопрос нельзя представить самой закономерности возникновения лексического (номинативного) значения фразеологической единицы в ее реальной конкретности, то есть возникновения ее как особой единицы языка, отличающейся категориально и от слова и от словосочетания.

Утреннее заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Леонидова М. (НРБ) — Междуезикова омонимия на фразеологично равнище в руски и български език (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 173—180).

Matešić J. (BRD) — Phrasembildung als Folge einer Wortumdeutung (Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistenkongress.— Köln; Wien, 1983, S. 329—337).

Basaj M. (P) — Aktualne problemy frazeologii słowiańskiej (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 15—23).

Rejakowa B. (P) — Tożsamość w idiomatyce jako rezultat oddziaływania wspólnych mechanizmów językowych (Ibid., s. 291—301).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Молотков А. И. (СССР). Факты межъязыковой омонимии во фразеологии языка — явление хорошо известное. Описание и выявление этих фактов имеет большое значение для сравнительной фразеологии языков и для истории этих единиц в разных языках. Это явление требует внимания и со стороны преподавателей и переводчиков, а также лексикографов при составлении двуязычных фразеологических словарей.

Вместе с тем надо быть предельно осторожным в суждениях, когда речь идет о возникновении таких омонимов. Как они могли возникнуть? Независимо друг от друга или при каком-то взаимовлиянии? Объективный ответ на этот вопрос может дать только историческая фразеология каждого из сопоставляемых языков.

Алефіренко М. Ф. (СССР). Однією з проблем, які випливають з доповіді проф. М. Леонідової, є проблема фразеологічного рівня мови. В лінгвістичній літературі фраземи, як правило, відносять до лексико-фразеологічного рівня. На наш погляд, фраземи будь-якої мови утворюють відносно самостійний структурний рівень, основними ознаками якого є: 1) своєрідне вираження на цьому рівні загальномовних закономірностей, що зумовлюються місцем фразем у системі мови та характером їх взаємодії з одиницями інших рівнів; 2) наявність у фразем ознак, спільних для всіх одиниць даного класу, які, виражаючи їх внутрішні закономірності, становлять специфіку фразеологічної підсистеми; 3) особлива внутрішня взаємодія фразем, внаслідок чого вони істотно відрізняються від інших класів мовних явищ; 4) генетичне, онтологічне і функціональне відношення фразем до одиниць різних рівнів мови, внаслідок якого виникає не просте збільшення кількості мовних елементів, а створюються нелінійні, інтегральні або кумулятивні ефекти; 5) емерджентність одиниць фразеологічного рівня; 6) специфічні внутрішньофразеологічні зв'язки і відношення; 7) своєрідні зовнішні фразеологічні відношення, які служать виявом спеціального функціонально-комунікативного призначення; 8) інваріантні обмеження мовленнєвих трансформацій фразем. Фраземи утво-

рюють суперсинтаксичний рівень, що зумовлюється їх синтагматичними, структурними і семантичними відношеннями до інших одиниць мови. Такий погляд не суперечить поширеному в лінгвістиці розумінню рівня мови як сукупності відносно однорідних одиниць, що не перебувають між собою в ієрархічних відношеннях, але вступають у синтагматичні і парадигматичні зв'язки. Отже, сутність фразеологічного рівня мови полягає в тому, що його об'єкти, будучи органічно цілісною підсистемою, характеризуються, на відміну від їх конституентів, неадитивними властивостями.

Habovštiaková K. (ČS). Program dnešného zasadania naznačil aktuálnost' teoretického výskumu slovanskej frazeológie a potrebu spracovat' frazeológiu v jednojazyčných a dvojjazyčných slovníkoch. Chcela by som zdôraznit', že väčšiu pozornost' treba venovat' aj výskumu slovansko-neslovanskej frazeológie, lebo frazeológia je meradlom ovládania istého jazyka. Aj pri osvojovaní si cudzieho jazyka a pri komunikácii v bilingvistickom jazykovom prostredí a pri prekladaní (najmä krásnej literatúry) býva frazeológia kameňom úrazu.

Z porovnania frazeológie dvoch alebo viacerých slovanských jazykov, resp. slovanského a neslovanského jazyka, vychodí rad zaujímavých poznatkov o zhodách a kontrastivitách vo frazeológii. Všímala som si ich ako spoluautorka «Mad'arsko-slovenského frazeologického slovníka» (Bratislava, 1980) a aj v niektorých štúdiách o slovensko-mad'arských kontrastivitách vo frazeológii. Pozoruhodné je, že aj vo frazeologických jednotkách s rovnakou obraznou motiváciou bývajú isté rozdiely na rovine gramatickej (napr. v jednom jazyku podst. m. v singulári, v druhom v pluráli; v jednom jazyku jednoduchá veta, v druhom súvetie a i.) i lexikálnej (často i v štylistickom zafarbení frazeologizmu).

Podrobné kontrastívne výskumy vo frazeológii môžu prispiet' k hlbšiemu poznaniu slovnej zásoby jednotlivých jazykov a v pedagogickej praxi môžu napomáhat' lepšie uvládnut' cudzí jazyk.

Молотков А. И. (СССР). Остановлюсь лишь на критических замечаниях по существу доклада проф. И. Матешича. Во-первых, фразема, если этим термином обозначается фразеологическая единица языка, возникает в результате не изменения значения слов в словосочетании, как думает автор, а преобразования словосочетания, состоящего из конкретных слов, которые находятся в отношениях и связях по законам лексической и грамматической сочетаемости, в иную языковую единицу — такого преобразования, в результате которого слова вообще десемантизируются, а связи и отношения между ними утрачиваются. Эта новая единица обретает и свою внесловную форму и свое лексическое (номинативное) значение, по природе своей отличающееся от лексического значения слова. Во-вторых, фразема не «возникает как устойчивое словосочетание, состоящее по крайней мере из двух автономных языковых единиц» (с. 137 «Резюме докладов и письменных сообщений»). Реально возможные любые словосочетания, состоят ли они из двух, трех и более слов, находящихся в определенных отношениях и связях, сами по себе устойчивы как по форме, так и по содержанию. Преобразованные во фразеологическую единицу, они кате-

гориально ничего общего не имеют со словосочетаниями. Они только генетически восходят к словосочетаниям. Будучи особой единицей языка, фразеологизм ведет себя как самостоятельный член предложения, вступая в отношения и связи со словами в строе предложения нерасчлененно по его составляющим. Только исходя из объективной категориальной характеристики фразеологической единицы, качественно отличающейся от слова и словосочетания, можно ставить вопрос о внутреннем механизме ее образования как особой единицы языка.

Ничева К. (НРБ). Към казаното в доклада на И. Матешич, че при възникването на фразеологизмите влияят и вътрешноезиковите, и екстралингвистични фактори, трябва да се добавят също и паралингвистични фактори. Имам пред вид възникването на фразеологизми от т. нар. кинеми (мимики, жестове, символични действия), при които, чрез елиминиране на действието и по пътя на абстракцията, при преминаване от една знакова система в друга, се създават фразеологични единици (срв. *хвърлям ръкавицата*). Искам да обърна внимание на една важна мисъл на С. И. Ожегов, съгласно която ФЕ се създават не само чрез преосмисляне на свободни съчетания, а по образец на подобни съчетания. Ще посоча още тропи, които влияят за възникването на ФЕ: олицетворение, ирония, литота, оксиморон, синекдоха (като разновидност на метонимията). Смятам, че е нужно да се подчертае значението на алогичността и парадоксалността при създаването на ФЕ. Тук ще цитирам една мисъл на Л. И. Ройзензон, според която алогизмите се създават на логико-семиотична основа. При биномните ФЕ пък, според някои изследвачи, е налице логическата операция «обобщаване», при която от сливането на две понятия се получава трето «имплицирано» понятие «высшего разряда» (срв. бълг. *кьораво и кьопаво* «всички»).

Сергеев Ф. П. (СССР). В докладе И. Матешича описаны основные условия образования фразеологизмов; ведущим названо «переосмысление свободного сочетания слов». Однако не все рассмотренные автором единицы подчиняются этой закономерности. Не разграничены собственно фразеологизмы и составные обозначения. Так, *холодная война* рассматривается как фразеологизм, *разрядка международной напряженности* — термин международного права — едва ли может быть квалифицирован как фразеологизм (ср. также *третий мир, развивающиеся страны* и т. п.). Не выделены образования по выраженной модели (типа *горячая война*). Не указано, какие фразеологизмы представляют собой заимствования, как в языке-передатчике они образованы. Едва ли сочетание *холодная война* было свободным (как и *горячая война*).

Молотков А. И. (СССР). Заслуживает внимания и похвалы доклад проф. М. Басая, построенный на материале польской фразеологии. Принципиально верными выглядят исходные позиции автора в подходе к анализу этого материала. Речь идет об обращении автора не только к данным современной польской литературной фразеологии, но и к исторической, в том числе диалектной фразеологии, которые позволяют представить становление современного состава фразеологических единиц польского языка.

Можно было бы лишь пожелать, чтобы проф. М. Басай более четко

сформулировал свое понимание категориальной структуры фразеологической единицы как таковой со стороны ее формы и содержания, ее категориальное отличие как от слова, так и от словосочетания.

Гринчишин Д. Г. (СССР). Доповідь М. Басая цікава тим, що в ній поставлено цілий ряд проблем, над якими потрібно працювати нині мовознавцям-славістам. Це, зокрема, питання, що стосуються фразеологічної термінології, де й досі існують розходження у розумінні й тлумаченні одних і тих же понять, це і питання, пов'язані з дослідженням слов'янської історичної та діалектної фразеології, з визначенням моделей фразеологічних одиниць у слов'янських мовах та ін. Для глибокого і всебічного висвітлення цих та інших проблем міжслов'янської фразеології потрібно перш за все створити повні фразеологічні словники слов'янських мов як на літературному, так і на діалектному рівнях, а також історичні фразеологічні словники. Створення таких словників підготує міцну базу для укладання двомовних фразеологічних словників (літературних, діалектних), а також для створення фразеологічного словника слов'янських мов. Матеріал таких словників послужить базою для з'ясування великого кола питань, що стосуються спільних та специфічних рис слов'янської фразеології, типів фразеологічних одиниць на різних етапах розвитку слов'янских мов, проблем запозичення фразеологізмів та ін.

Filipec J. (ČS). Nauka o frazeologii je specifický úsek lingvistický, nejbližší lexikologii. Frazém jako celek je často ekvivalent (synonymum) slova: *starý mládenec* — холостяк, *alter Junggeselle*. Frazém však je jednotka specifická, specifické jazykové roviny, specifický jazykový znak, na rozdíl od slova komplexní a sekundární. Význam slova je primární odrazová kvalita. Složky frazému nelze pokládat za slova, tj. bilaterální formálně významové znaky. Např. komponenty *starý* i *mládenec* nemají stejný význam jako slova *starý* a *mládenec; vzal to hopem — hopem* je ustrnulý tvar; *dal mu co proto—co* nemá funkci zájmena a *proto* nemá funkci spojky. Proto považuji komponenty frazému za lexoidy.

Frazeologie tvoří specifickou jazykovou rovinu. Frazémy jsou lexikální (viz dříve), syntaktické *(kdo jinému jámu kopá, sám do ní padá)* a supersyntaktické (např. dialogizované pozdravy, stereotypy: *Jak se máš? — Jde to*).

Komponenty frazému tedy patří různým rovinám, ale frazémy tvoří rovinu označovací, designativní, kterou na rozdíl od roviny sémantické označuji vžitým termínem onomasiologická (širší než pojmenovací, nejde jen o pojmenování, autosémantika; např. *buch bác* má citoslovečnou povahu).

Význam frazému se konstituje jako jazyková kvalita, vznikající vyplýváním a interpretací komponentů frazému při přechodu situačního kontextu v kontext jazykový. Např. *To je čert jak d'ábel* znamená «to je stejné», protože: *čert = d'ábel*.

Копыленко М. М. (СССР). В докладе проф. М. А. Леонидовой подвергнут тщательному анализу богатейший материал, иллюстрирующий как удивительное сходство, так и фундаментальные различия между фразеологическими единицами (ФЕ) русского и болгарского

языков. Значительные расхождения в семантике ряда русских и болгарских ФЕ не могут препятствовать отнесению их к смысловому инварианту. Вместе с тем возможны два подхода к исследованию подобных ФЕ: 1) вслед за А. А. Потебней и современным исследователем проф. Марковым считать их омонимами (подобно тому как омонимами считаются *лес*$_1$ «собрание деревьев» и *лес*$_2$ «материал»); 2) вслед за В. И. Абаевым рассматривать их как полисеманты (омонимами же считать лишь случайно совпадающие по форме единицы). С моей точки зрения, исторический подход здесь более приемлем — ввиду необходимости представить и уяснить всю глубину духовной и культурной близости славянских народов, отраженной во фразеологии их языков. Исследование следует вести по двум направлениям: выявлять семантические связи, «цепочки» преобразования значений и вести углубленные историко-этимологические разыскания в духе тех, которые ведет проф. В. М. Мокиенко. В докладе проф. Б. Реяковой сделана серьезная заявка на получение значительных результатов на первом из намеченных направлений. Задача Б. Реяковой облегчалась тем, что она привлекла к исследованию серии ФЕ и не столь далекие по смыслу, как у проф. М. А. Леонидовой, образования.

Ничева К. (НРБ). Съгласна съм с изброените в доклада на проф. М. Басай актуални задачи на фразеологията. Искам да наблегна поспециално на перспективността на изучаването на фразеологичните модели. Проф. Басай напълно правилно е насочил, че подобно изследване трябва да се прави в съпоставителен план, като се съпоставят не само родствени езици, но и езици с различни структури (напр. в моя статия съм сравнила български фразеологизми не само с фразеологизми от руски, полски, френски, но и с фразеологични единици от кабардински). Подобни съпоставки ще помогнат да се изясни характерът и същността на фразеологизмите.

Ще обърна внимание на една неотбелязана в доклада, според мен също така актуална задача на фразеологията. Става въпрос за проучването на фразеологизмите в различните славянски езици в тематичен план. Крайно необходимо е да се изработят тематични фразеологични речници на славянските езици, нещо, което ще има както теоретично, така и важно практическо значение, особено при превеждане. Доколкото ми е известно, пръв опит за подобен тематичен речник откриваме във втората част на Lidová rčení на J. Zaorálek.

Eckert R. (DDR). Доклад проф. М. Леонидовой является для меня очень интересным и поучительным, так как она много и успешно занимается сопоставительной фразеологией как в теоретическом, так и в практическом плане. Видимо, нужно различать близкородственные языки, формальная структура которых очень близка, и тогда вполне возможно применение термина «межъязыковая омонимия». Другое дело, когда сравниваются отдаленнородственные (или неродственные) языки. Здесь принимается во внимание только семантическая структура (т. е. семантика компонентов — дословное значение и семантика всего оборота в целом — фразеологическое значение). И в том и в другом случае перед нами «ложные друзья переводчика» в области фразеологии, которые должны быть более подробно изучены.

С проф. И. Матешичем, возглавляющим группу фразеологов-славистов в Маннгейме, я согласен по многим его теоретическим положениям, выдвинутым в докладе (об актуальности фразеообразования, о тесной связи экстра- и внутрилингвистических факторов и т. д.). Хотел бы только еще указать на тенденцию к экспрессивности в языке, которая находит очень яркое и полное воплощение именно во фразеологии. Далее, хотел бы поставить такой вопрос: обязательно ли мы должны предположить в историческом процессе переосмысления свободного словосочетания этап семантического опустошения компонентов? Нам кажется, что скорее происходит усиление одной семы или одних сем и затемнение другой или других (т. е. именно сдвиг в семантике).

С основным подходом исследования у Б. Реяковой я полностью согласен. Она очень убедительно показала целую модель, по которой создаются фразеологические единицы в трех близкородственных языках. В этой связи меня бы интересовало также мнение докладчика о фразеологических сериях.

Мокиенко В. М. (СССР). Пожалуй, ни одно заседание съезда не было столь компактным и монолитным тематически, как сегодняшнее, ибо все докладчики сегодня обсуждали практически одну и ту же проблему — функционирование фразеологизмов в славянских языках. Любопытно, что, несмотря на разноголосицу взглядов на фразеологию, характерную для этой отрасли лингвистики, все выступающие в целом понимали ее объем и границы адекватно.

В теоретическом докладе Й. Матешича поставлено много важных вопросов нашей науки — билатеральности фразеологизма, его социальной обусловленности и семантической специфики. Хочу особо отметить признание докладчиком релевантности таких свойств, как экспрессивность и стилистическая маркированность.

М. Леонидова и Б. Реякова поставили весьма актуальную проблему — межъязыковой омонимии во фразеологии. Их материал — важный задел для межславянского словаря «ложных друзей переводчиков», необходимость которого уже давно назрела. При этом несомненно возникнут сложности теоретического и практического плана. К первому можно отнести разграничение полисемантического и омонимического начала во фразеологии. Ко второму — сложность учета таких различий, как стилистические и френквентативные.

В докладе М. Басая привлекает акцентирование диалектики взаимоперехода качественного и количественного импульсов во фразеологии — прежде всего демонстрация того, как «раскалывание» формы приводит к трансформации содержания.

Единство мнений выступавших здесь фразеологов из разных стран показывает, что слависты уже готовы к выполнению многих актуальных задач, которые под силу лишь интернациональному коллективу. К ним относится прежде всего создание сводного терминологического словника по фразеологии; фразеологические минимумы по славянским языкам как подготовительный этап к разработке принципов фразеологического словаря славянских языков; идеографический словарь (меж)славянской фразеологии и, наконец, этимологический словарь

славянской фразеологии. Перспектива выполнения этих задач уже видна, хотя их исполнение далеко. Но именно оно даст нам представление об образной и национальной специфике славянских языков.

Медведєв Ф. П. (СССР). Неможливо уявити собі ступінь розвитку фразеології, якщо її вивчати відірвано від історії народу, його мови та культури. Структурно-семантичні зміни фразеологічних одиниць (ФО) зумовлені не тільки внутрішніми законами розвитку мови — інтралінгвістичними факторами, але й потребами часу — екстралінгвістичними факторами. Наприклад, у східнослов'янських мовах: *казанська сирота, добувсь як швед під Полтавою, підкласти свиню* тощо. У період науково-технічної революції інтенсивно поширюються фразеологічні новотвори *вийти на орбіту, піднятися на космічну височінь* тощо. Боротьба народів за мир знайшла своє відбиття і в їх фразеології.

Значна частина ФО виникла у давні часи. Протягом своєї тривалої історії, втрачаючи ті чи інші давні риси, ці ФО набували не раз цілком нового значення. Іноді відбувається затемнення їх «внутрішньої форми» або давнього смислу. Розкриття їх колишнього змісту дає можливість усвідомити якоюсь мірою побут, характер, звичаї і неписані закони тогочасного народу.

Вайнтрауб Р. М. (СССР). И вчера (я имею в виду очень содержательный, блестящий, по выражению проф. М. М. Копыленко, доклад проф. К. Ничевой), и сегодня на нашей подсекции были заслушаны очень интересные доклады по различным проблемам сопоставительной фразеологии. Не буду останавливаться на отдельных докладах, уже получивших очень высокую оценку в выступлениях ведущих фразеологов. Это свидетельствует о том, что исследования в области фразеологии, начало которым положили советские ученые, набирают силу во всех славянских и неславянских странах, что гарантирует дальнейшее развитие фразеологической науки. Поэтому я вношу предложение, которое, надеюсь, будет поддержано присутствующими здесь учеными и руководством секции, чтобы в тематике последующих съездов славистов, и прежде всего X Международного съезда славистов, была выделена фразеологическая тематика и для широкого обмена мнениями по вопросам фразеологической теории и практики была организована отдельная подсекция «Фразеология славянских языков».

Дневное заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Јашар-Настева О. (Yu) — Развој на дијалектната лексика во услови на јазични контакти (Реферати на македонските слависти за IX Меѓународен славистички конгрес во Киев.— Скопје, 1983, с. 15—23).

Bielfeldt H. H. (DDR) — Onomatopoetica im Sorbischen und Deutschen (Zeitschrift für Slawistik. 1982, Bd 27, H. 3, S. 323—331).

Ban A. (R) — Фонологическая категория «твердости — мягкости» в русском языке как центральное явление консонантизма (сопоставительное исследование) (Romanoslavica.—Bucureşti, 1983, v. 21, p. 131—144).

Десницкая А. В. (СССР). Проф. О. Яшар-Настева хорошо известна, особенно среди балканистов, своими очень интересными исследованиями языковых контактов, повседневно возникающих в процессе живого общения в многоязычной среде, характерной для Македонии, которая может быть сравнена со специальной «лабораторией» для изучения процессов и закономерностей языкового взаимодействия. Лингвистическая ситуация, исторически сложившаяся в Македонии, где практически представлены почти все компоненты балканского лингвистического комплекса, представляет исключительный интерес для балканистики. Исследования проф. Яшар-Настевой и, в частности, прочитанный ею доклад, вносят значительный вклад в изучение процессов языкового контактирования в условиях многоязычной балканской среды.

Матвіяс І. Г. (СССР). Доповідь О. Яшар-Настевої вагома в двох аспектах: це, з одного боку, надзвичайно цікава наукова інформація, грунтовний аналіз явищ лексичної взаємодії албанських, турецьких і аромунських острівних говірок із слов'янською македонською мовою в умовах білінгвізму, з другого — теоретичні висновки про складні процеси міждіалектних і міжмовних контактів на Балканському півострові, що з успіхом можуть бути використані при аналізі явищ міжмовної взаємодії в інших ареалах стику різносистемних мов і їх діалектів. Важливими вважаємо спостереження дослідниці про вплив лексичних запозичень на зміни в фонетичній і граматичній системі названих говірок. Особливо цікавим видається висновок про спільність ряду процесів у типологічно і генетично відмінних говірках при виявленні відмінності в аромунсько-македонському і албансько-македонському та турецько-македонському білінгвізмі. Цікаво було б довідатись про зворотний процес лексичної взаємодії, про вплив лексики албанських, турецьких і аромунських говірок на сусідні говірки македонської мови, про що в доповіді не говориться.

Слід зазначити, що й на території поширення української мови є острівні говірки типологічно і генетично споріднених і неспоріднених мов (російські, білоруські, польські, словацькі, чеські, болгарські, молдавські, румунські, німецькі, грецькі, циганські, угорські, урумські, гагаузькі). Подібною до македонської є мовна ситуація на українському Закарпатті. В українській діалектології досі головним чином вивчався вплив неукраїнських говірок на говірки української мови. Хоч про зворотний вплив у нас праці є, їх поки що небагато. Доповідь О. Яшар-Настевої сприятиме збільшенню досліджень і в цьому напрямку.

Пещак М. М. (СССР). Взаимодействие контактирующих языков с различной степенью генетического родства на относительно небольшой территории Социалистической Республики Македонии, о котором мы с большим интересом слушали в докладе «Развитие диалектной лексики в условиях языковой интерференции», во многом напоминает языковые процессы в Закарпатской области Украинской ССР. Здесь, как и в Македонии, много столетий подряд контактируют в качестве

маргинальных разноструктурные диалектные системы (украинского, румынского, венгерского, словацкого языков, а на правах островного — даже немецкого языка).

В докладе концентрируется внимание на многих аспектах собственно диалектного характера. Однако освещение их не полностью сведено в единую систему, поэтому многие очень интересные диалектные процессы выступают изолированно друг от друга. Не объединяет их и тот существенный фактор, что при описании диалектной интерференции учитывается роль литературной нормы.

При изучении взаимодействия диалектов системообразующую функцию могло бы выполнять картографирование статистических показателей заимствованных лексических единиц. Даже самые элементарные подсчеты определенных типов заимствований по населенным пунктам дают возможность устанавливать не только более или менее выраженные центры формирования диалектных инноваций, но и определять в зонах их распространения способы затухания центробежных тенденций и наложение одних диалектных процессов на другие. Например, на материалах опубликованного «Атласа венгерских заимствований в украинских говорах Закарпатской области» П. Н. Лизанца были составлены статистические карты, на которых сопоставлялось количество различных слов венгерского происхождения с количеством фонетических вариантов каждого заимствования в каждом обследованном населенном пункте. Мы получили следующую картину: в украинских населенных пунктах, находящихся на границе с венгерскими селами, и в населенных пунктах, расположенных на максимальном расстоянии от венгерских сел, количество фонетических вариантов заимствованных слов ниже, чем в центральной полосе.

Собственно лингвистическое объяснение такого количественного распространения фонетических вариантов заключается в степени интерференции двух диалектных систем — венгерского и украинского языков — на фонетическом уровне. В украинских селах, соседствующих с венгерскими, фонетическая структура лексических венгеризмов максимально приближена к оригиналу и поэтому она мало варьируется. По мере территориального отдаления от венгерских сел на венгерскую диалектную фонетическую систему в целом все больше накладывается фонетическая система украинских говоров Закарпатской области. В центральной полосе происходят процессы наиболее сложного взаимодействия венгерской и украинской диалектных фонетических систем, в связи с чем лексические венгеризмы выступают с максимальным количеством фонетических вариантов. Уменьшение их в самой отдаленной от венгерских сел полосе обследованных украинских населенных пунктов сопряжено с почти полной украинизацией фонетической структуры венгерских заимствований.

В украинских населенных пунктах со взаимодействием трех диалектных систем (украинской, венгерской, словацкой или украинской, венгерской, румынской) варьирование лексических заимствований значительно усложняется. Подобная ареальная лингвогеографическая статистика, очевидно, внесла бы некоторые коррективы и в критерии этимологического определения заимствований.

Кочев И. (НРБ). Докладът на д-р О. Настева разработва същите проблеми, които се откриват и в говорите на територията на НРБ, тъй като езиковият континуум е един и същ. Думите, които посочи тя, като *парно, екскурзия, община, студент* и пр. (характеризиращи новия бит) у информаторите от турски и албански произход, по същия начин са налице и у информаторите, говорещи турски и български в НРБ — разлики няма. В новите заемки у турскоезичните информатори се среща и фонемата /ц/, отсъствуваща в турски.

Ще добавя още, че у гръцкоезични лица в НРБ се наблюдават същите процеси — в турцизми и българизми, така напр. се казва *мерак'* у някои гръцкоезични информатори, а в последно време в речта им навлизат и книжовни български облици: Ego eho poli megalo merak' (тур.) или Ego eho poli megalo želanie (бълг.). При това в първия случай формата merak' е с меко краесловно **k'**, възникнало на домашна почва, тъй като тук поради вокално-консонантната хармония отсъствува **k'**, а налице е твърдо **k**. Еднаквостта на процесите не трябва да ни учудва, те се извършват по едни и същи закони, върху един и същ езиков континуум.

Јашар-Настева О. (Yu). Дозволете ми найтопло да Ви се заблагодарам за вниманието, посебно на професорите А. В. Десницкаја, Г. Видоески, М. М. Пещак, В. И. Собинникова, И. Кочев и др.

Овде би сакала само накусо да одговорам на неколкуте поставени прашања. Во врска со првото прашање «Каково отношение говоров к литературным языкам» би можела да констатирам дека односите меѓу албанските, аромaнските и турските говори од една страна, и македонските народни говори и македонскиот литературен јазик од друга страна, стануваат се поинтимни и поинтензивни и тоа како во рураната, така и во урбаната средина. Ова посебно би се однесувало за односите на споменатите несловенски говори и македонскиот литературен јазик. Имено, македонскиот литературен јазик има посебно значајна улога во образовно-наставниот процес (преку училишната мрежа и «mass media»), како и во општествено-политичкиот живот во кој активно е вклучено и немакедонското население.

Што се однесува до второто прашање «Что оказывает большее влияние — живые соседние языки или литературные?» — би можело да се каже, како што тоа беше изнесено и во рефератот, дека во најново време се забележуваат се подинамични контакти со албанскиот, односно турскиот литературен јазик, што е од примарно значење за говорните субјекти од албанската и турската јазична средина во СР Македонија.

Sperber W. (DDR). Доклад акад. Г. Г. Бильфельдта посвящен очень интересной проблеме — языковым контактам в области ономатопоэтической лексики. В этой сфере взаимные отношения между контактирующими языками намного сложнее, чем в нарицательной лексике. В одних случаях путь распространения их можно установить точно, и академик Бильфельдт убедительно доказал, что такие слова, как herjekać, grypsnuś, восходят к словам, заимствованным из немецкого языка. Но следует учитывать и факт, что ономатопоэтическая лексика

не всегда подлежит обычным закономерностям фонологической системы и фонологического развития языка и тем же обычным закономерностям звуковой субституции при переходе слов из одного языка в другой. Материал «Общеславянского лингвистического атласа» для вопросов «Как подзывают кур, цыплят, гусей, уток» убедительно показывает, что одни и те же или очень похожие друг на друга звуковые комплексы употребляются в самых различных языках и диалектах, даже неродственных, для одной и той же цели. Общее происхождение таких звуковых комплексов очевидно, но в таких случаях поставить вопрос о языке-первоисточнике в смысле обычного этимологизирования представляется невозможным.

Eichler E. (DDR). Im Vortrag von Akad. H. Bielfeldt wurden wichtige methodologische Fragen der Etymologie von Lehnwörtern berührt. Wörter wie *fifolić, fuchać, fyštaś* mit **f** oder *pypsnul, blumbaś/plumbaś* weisen Lautverbindungen auf, die für Onomatopoetika charakteristisch sind. Während sorbische Entlehungen im Deutschen nur selten Verben, sondern meist Substantive sind, finden wir bei den niedersorbischen Entlehnungen aus dem Deutschen eine ganze Reihe von Verben (*barlić, lobriś, pladrować* usw.); dies dürfte für die linguistische Kommunikation in der zweisprachigen Lausitz aufschlußreich sein. Der sorbisch-deutsche Kontakt war so eng, daß er vor allem im Bereich der Bezeichnungen von körperlichen Äußerungen verschiedener Art zu einer so engen Gemeinsamkeit führen mußte, daß die Entlehnungsrichtung oft in mehrfacher Richtung (z. B. erneute sorbische Umgestaltung eines aus dem Deutschen entlehnten sorbischen Wortes) erfolgt sein kann.

Hinze F. (DDR). Ich möchte die Thesen des Beitrags meines verehrten Lehrers Herrn Prof. Dr. H. H. Bielfeldts verteidigen. Mein Vorredner, Herr Prof. Dr. E. Eichler, hat sich zwar verbal seinem Vorredner, Herrn Prof. Dr. W. Sperber, angeschlossen, in Wirklichkeit aber bekräftigen seine Beispiele die Richtigkeit des methodischen Ansatzes H. H. Bielfeldts. Alle von diesem angeführten Lautnachahmenden Verben tragen den Stempel der deutschen Wortbildung. So zeigt das Verbum *fif-ol-i-ć* in seinem **-ol-** die typische Adaptionsentsprechung deutscher Verben auf **-eln.** Im Falle von sorb. *fu-ch-a-ć* bin ich mir nicht sicher, da ich das poln. *fu-k-a-ć* daneben sehe und dieses nicht notwendig aus dem Deutschen herzuleiten ist. *Fišt-a-ć* zeigt deutsche Phonemfolge, wobei **-st-→-št-** in deutschem oder sorbischem Munde entwickelt sein kann. Die Verben *hops-a-ć* 'hüpfen' und *pup-s-nu-ć* 'pupen, furzen' zeigen in ihrem **-s-** so deutliche Spuren deutscher Wortbildung, daß ich in diesem Falle eine parallele spontane Bildung aus sorbischen (slawischen) Sprachmitteln für ausgeschlossen halte. Bei *hryps-a-ć/hryps-nu-ć* 'stiebitzen' bin ich mir in der Etymologie nicht ganz sicher, würde es jedoch wohl auch aus nd. *grīpen* 'greifen' herleiten, wobei jedoch auch mundartliches dt. *graps-en* 'schnell an sich raffen' durchaus mit hineingespielt haben mag.— *Herje-k-a-ć* 'wüst reden' könnte aus *Herr Je(sus)!* hergeleitet werden, doch ist auch an pomoran. *èrlək-a-c* 'jammern' zu denken. *Blumb-a-ć* 'Fische ins Netz scheuchen' ist aus dem Deutschen entlehnt, jedoch bei dem Onomatopoeticon *hut!* 'wegl' bin ich mir hinsichtlich der Herkunft nicht ganz sicher.

Sabol J. (ČS). Prof. A. Ban sa vo svojom referáte — pri porovnávaní zvukových systémov ruštiny a rumunčiny — dotkol vel'mi dôležitej otázky: tlaku konsonantického okolia na vokalické, alebo naopak. Fonológovia dobre vedia, že táto skutočnost' má závažný dosah na vymedzovanie neutralizácií fonologických protikladov v príslušných fonologických štruktúrach, na rekonštrukciu morfofonematického zloženia morfém i na opis manifestácie fonémy v akustickom signáli a jeho kontinuu.

Protiklad foném konštituujúcich mäkkostnú konsonantickú koreláciu, o ktorom sa hovorilo v referáte, patrí pri skúmaní niektorých slovanských jazykov k najväčším problémom v rámci konsonantického podsystému (porov. aj v referáte neb. M. Romportla a J. Novotnej-Hůrkovej), ale zároveň je dobrým príkladom na dialektický vzťah obsahu a formy v jazyku. V spisovnej slovenčine pri protiklade **t—t', d—d', n—n', l—l'** (ide o «stopy» po mäkkostnej konsonantickej korelácii) prebieha osobitný typ neutralizácie — difúznost'/nedifúznost' (**D—D°**). Narušaním tejto neutralizácie, teda realizáciou difúznych spoluhlások /t/, /d/, /n/, /l/ pred /e/, /ie/ sa hlási periférny fonologický systém, presadzuje sa morfologická rovina cez zákonitost' jednotnej podoby tvarotvorného základu a cez zákonitost' tvarovej analógie, ohlasujú sa relikty starších vývinových štádií slovenčiny a potvrdzuje sa súhra medzislovného predelu a prefixálneho švíku. V spisovnej slovenčine pri konsonantickom protiklade D—D° treba riešit' aj zásadný problém spomínaného vplyvu vokalického okolia na konsonanty, alebo naopak a v súvislosti s tým aj priebeh vokalických neutralizácií. (Podrobne sa nad týmito otázkami zamýšl'ame najmä v štúdii «Súčinnost' fonologickej a morfologickej roviny spisovnej slovenčiny».— In: Studia Academica Slovaca. 5. Prednášky XII. letného seminára slovenského jazyka a kultúry/Red. J. Mistrík. Bratislava, Alfa, 1976, s. 421—449).

Вечернее заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Günther E. (DDR) — К соотношению многословных и однословных обозначений (Zeitschrift für Slawistik. 1982, Bd 27, H. 3, S. 323—331).

Fodor E. (R) — Метафорический перенос в семантическом развитии слов в русском и румынском языках (Romanoslavica.— Bucureşti, 1983, v. 21, p. 75—84).

Schenker A. (USA) — Patterns of lexical borrowing in Slavic (American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September 1983. Vol. 1. Linguistics.— Columbus, Ohio, [1983], p. 255—267).

Papp F. (H) — Сопоставительное изучение русских и венгерских словесных ассоциаций (Hungaro-Slavica.— Budapest, 1983, c. 231—245).

Рогожникова Р. П. (СССР). В интересном, тщательно разработанном докладе Э. Гюнтер поставлены важные для лексикологии, грамматики, лексикографии вопросы. В докладе обращается внимание на группу сочетаний, которые можно назвать эквивалентными слову, но не являющихся фразеологизмами. В пределах различных частей речи существуют такого рода сочетания: с именем существительным соотносятся «железная дорога», «детский дом» и т. п.; с глаголами — рассмотренные в докладе Э. Гюнтер глагольно-именные конструкции. Имеются эквивалентные слову сочетания, соотносящиеся с наречиями, модальными словами, служебными частями речи. Последние, наиболее употребительные, собраны в учебном «Словаре сочетаний, эквивалентных слову (наречные, модальные, служебные единства)» Р. П. Рогожниковой (М., 1983). Как представляется, целесообразно создание словаря глагольно-именных сочетаний по материалам, представленным в докладе Э. Гюнтер, а также большого словаря, в который были бы объединены все сочетания, соотносящиеся со словом, по разным частям речи. При этом необходима разработка вопросов, связанных с сочетаемостью подобных конструкций, управлением и др.

В теоретическом отношении этот вопрос важен для выделения в лексикологии специального раздела, в котором бы рассматривались сочетания, соотносящиеся со словом. В настоящее время лексико-фразеологический состав русского языка делится на лексику и фразеологию, а подобного рода сочетания не учитываются. В практическом отношении это важно для обучения русскому языку. Этот разряд сочетаний мало изучен, хотя он характерен не только для русского, но и для других славянских и, как представляется, неславянских языков.

Стоянов И. А. (СССР). В докладе проф. Э. Гюнтер представлены результаты исследований глагольно-именных словосочетаний в русском языке. Автор, насколько нам известно, впервые предлагает семантическую классификацию сочетаний рассматриваемого типа, отличающуюся стройностью и четкостью построения. Важным моментом является также выяснение тождеств и различий в семантике и способе функционирования словесных групп, соотносящихся с соответствующими глагольными единицами (типа *принимать решение — решать*), изучение степени лексико-семантического варьирования, определение синтагматических связей.

Поскольку объект исследования — широко употребляемые в языке средств массовой коммуникации сочетания, имеющие большую частотность в литературном языке, хотелось бы обратить внимание прежде всего лексикографов на тот факт, что подобный тип фразеологизированной связи между словами, как правило, не учитывается должным образом при составлении словарей. Не совсем последовательно проводятся рассматриваемые типы словосочетаний, например, в новом поколении толковых словарей современных славянских языков. Поскольку к рассматриваемым языковым единицам не могут быть применены строгие принципы, распространяемые на фразеологизмы, они, как правило, не рассматриваются и в соответствующих лексикографических

трудах (правда, среди работ последних лет приятным исключением является «Болгарско-русский фразеологический словарь» А. К. Кошелева и М. А. Леонидовой, в котором рассматриваемым лингвистическим объектам уделяется должное внимание). На наш взгляд, их необходимо репрезентовать прежде всего при разработке словарных статей в двуязычных словарях — структурная организация таких словосочетаний представляет собой специфическую черту данной языковой системы (как это хорошо видно из доклада Э. Гюнтер), и она может не совпадать с моделью соответствующего эквивалента в целевом языке, ср., например, болг. *поемам ангажимент* — рус. *брать на себя, обещать*; болг. *вземам решение* — рус. *принимать* (не *брать*!) *решение* и т. д.

Сергеев Ф. П. (СССР). Коллега Э. Гюнтер исследует весьма интересную проблему — соотношение многословных и однословных обозначений. Убедительна классификация устойчивых глагольно-именных сочетаний. Говорится о возможных лексических модификациях и детерминации и соответствующих им языковых средствах; освещается и вопрос семантической сочетаемости глагольной и именной частей. Научно аргументированно подан материал по аналитическим образованиям. Жаль, что в докладе не сказано об устойчивых глагольно-именных сочетаниях в ряде славянских и немецком языках, их сходстве с подобными сочетаниями русского языка и различиях между ними. Хотелось бы услышать уточнения о многословных обозначениях (что подразумевается под этим, так как приводились примеры с двусловными сочетаниями). Имеются ли у докладчика исчерпывающие списки по группам глагольно-именных сочетаний? Интерес представляли бы сведения о частоте по жанрам литературы и данным частотных словарей. Какова частота синонимических замен, сфера употребления? Встретились ли новообразования однословных обозначений?

Видимо, можно было бы связать наблюдения Э. Гюнтер с вопросом об абсолютной и относительной лексической сочетаемости (ср. *разбить парк, гореть желанием* и т. п.). Возможно, что ознакомление с текстом доклада Э. Гюнтер позволило бы снять ряд поставленных вопросов.

Никитевич В. М. (СССР). Разграничение однословных и многословных обозначений все больше привлекает внимание лингвистов, так как стало ясно, что номинативная единица не всегда совпадает с границами отдельного слова. Однако приходится признать, что такое разграничение пока главным образом основано на внешних, чуть ли не визуальных признаках. В отличие от слова, не исследована ни формальная, ни содержательная структура многословных номинаций. Интересный доклад Э. Гюнтер намечает путь конкретного исследования одного из частных явлений соотносительности однословных и неоднословных обозначений.

Вполне естественно, что возникают некоторые вопросы. Не совсем ясно, чем мотивировано столь прямолинейное разделение выделенных групп сочетаний слов по способности соотноситься или не соотноситься с отдельным словом. Так, словосочетания с каузативным значением типа *будить любопытство* не конденсируются в отдельное слово. Этому препятствует объектный инфинитив. В целом же здесь возникают не только семантические, но и морфонологические ограничения. Пред-

ставляется, что более полное развитие может получить положение о парадигматике.

Хотелось бы подчеркнуть теоретический аспект рассматриваемой проблематики. В основу теоретического объяснения аналитизма в его отношении к синтетизму должны быть положены фундаментальные свойства номинативной единицы — номемы. В отличие от морфемы — элементарного типа значения, номема, даже самая простая, является биномом, синтагмой, вторая часть которой создает качество номинации, переводит лексическую морфему в разряд номем. Эта вторая часть, классифицирующая составляющая, может быть выражена как синтетически, посредством аффиксов, так и аналитически, отдельным знаком.

В полнозначном слове мы находим три типа значений: лексическое, словообразовательное (точнее, частеречное) и грамматическое. И в соответствии с этим есть три типа аналитизма. Наиболее известен нам грамматический аналитизм. Лексический аналитизм охватывает беспредельное поле фразеологии в широком смысле. В сочетаниях типа *дать совет, внести предложение,* как представляется, в силу соотнесенности со словообразовательным значением имеет место словообразовательный (деривационный), а не лексический аналитизм.

Одинцов Г. П. (СССР). Выдвинутое в докладе А. Шенкера положение о том, что при выявлении заимствований в отдельном славянском языке нужно привлекать соответствующие лексические данные других славянских языков, весьма полезно для исследователей в области славянской исторической лексикологии. Представляется, однако, что было лишь два выделенных докладчиком направления (пути) славянских заимствований — из древнеболгарского через церковнославянский в другие языки (в том числе русский) или же из чешского через польский в русский, а также украинский и белорусский. История слова *самопал* убеждает, что был и «обратный» путь заимствований — из русского, шире — восточнославянских — в польский, чешский и другие славянские языки. Слово *самопал* значительно раньше появилось в русском языке, чем в польском. Первые употребления его в польском с упоминанием, в частности, о том, что этим термином «москали» именуют свои фузеи, указывают на заимствование п. samopał из восточнославянского источника уже в XVII в. Ср. также *царь* и другие слова, обозначавшие специфически русские реалии. Заимствование подобных слов шло также в направлении из восточнославянского источника в другие славянские языки, а не наоборот.

Кроме того, помимо путей заимствования из одних славянских языков в другие, имели место лексические и семантические инновации, возникавшие одновременно у двух или нескольких народов. Таково, вероятно, слово *водка* (п. wódka), которое первоначально употреблялось на смежной русско-польской территории, как полагает О. Н. Трубачев.

Хотелось бы отметить, что б о г е м и з м ы (докладчик напрасно их именует чехизмами) в определенной степени уже изучены в трудах Й. Речека, Е. И. Мельникова и других ученых, так что тезис А. Шенкера о неизученности богемизмов, как нам кажется, можно в известной степени уточнить.

В докладе совершенно справедливо высказывается мысль о необходимости четкого разграничения понятий «праславянский» и «общеславянский».

Супрун А. Е. (СССР). В добавление к соображениям А. М. Шенкера хотел бы обратить внимание на целесообразность учета круговорота славянских языков — посредников заимствований. Ср. путь в X — XII вв.: старославянский — церковнославянский — древнерусский (— современные восточнославянские языки); в XIV — XVII вв.: чешский — польский — западнорусский (староукраинский, старобелорусский) — русский, а теперь часто русский > украинский, белорусский и т. п.

Демьянов В. Г. (СССР). Доклад А. Шенкера вызывает интерес как характером постановки и трактования сложных проблем направления языковых контактов в славянском языковом мире, так и способом их подачи. В докладе выделен один из наиболее сложных для исследования вопросов — о результатах языковых контактов между близкородственными языками. На этом участке исследования языковых контактов наибольшую трудность создает внешнее сходство сопоставляемых лексем, при котором легко сойти с пути синхронно-сопоставительного анализа лексем конфронтируемых языков на путь рассмотрения их генетического родства. Надо сказать, что коллеге А. Шенкеру удалось избежать этих трудностей. Приведенные им примеры миграции слов: п. duchoweństwo и рус. *награда* — тому подтверждение.

Однако с одним положением коллеги А. Шенкера в том категорическом виде, в каком оно было высказано в докладе, нельзя согласиться. В докладе выделяются два основных пути распространения исконно славянской лексики в разных славянских языках. Один из них — «восточный» — от древнецерковнославянского языка болгарской редакции к восточнославянским литературным языкам. Этот путь признается как имеющий обратную направленность. Второй — «западный» — от древнецерковнославянского языка моравской редакции в чешский, из чешского в польский, из польского в литературные языки украинский, белорусский, русский, литовский, румынский. Второму пути без достаточных оснований придается однонаправленный характер до XVIII в. Полагаем, что в какие бы эпохи и при каких бы исторических обстоятельствах языковые контакты ни проявлялись, они имеют, как правило, взаимный характер, и результаты их сказываются на обеих сторонах, правда, в различной степени. Это представляется тем более справедливым для взаимоотношений между русским, украинским, белорусским и польским, в частности в XVII в. К тому же нельзя не иметь в виду того, что возможности для зондирования материала в эпохи, удаленные от современности на ряд столетий, значительно сужаются.

Понятно, насколько сложно судить о контактах в устной сфере по письменно фиксированным фактам. Думается, что в этом своем положении коллега А. Шенкер несколько отошел от своего же в целом правильного тезиса о злоупотреблении историко-этимологическим методом и необходимости его дополнения данными историко-культурными.

Rot S. (H). Весьма интересен доклад Э. Гюнтер. Он имеет и общетеоретическое значение. О. Есперсен видел в тенденции всех языков к аналитизму отражение развития мышления человека. И хотя «универсальной тенденцией» (B. Comrie) современных языков и является аналитизм в создании «слепков действительности», т. е. лексической номинации, ср. рус. *сделать доклад*, укр. *зробити доповідь*, англ. to give a paper, нем. einen Vortrag halten, венг. előadást tart и т. д., не исключены и явления нового синтетизма (ср. англ. bottommost). Конечно, *сделать доклад* и *докладывать* не являются абсолютными синонимами, таковых хотя бы с точки зрения стилистики нет (см. А. Ломбард и наши работы по лексической синонимии).

Очень поучителен, весьма ценен доклад проф. А. Шенкера. Проблемы лексического взаимодействия языков, и в особенности близкородственных, нелегки. Сколько здесь противоречивых и диаметрально противоположных суждений и выводов относительно того, каким лексическим заимствованием следует считать лексему — из языка, к которому генетически восходит, или из языка, из которого непосредственно заимствована. Посредничество не решает эту проблему, потому что лексема может жить в языке-посреднике веками, прежде чем попадает в заимствующий язык. Так, например, венг. harisnya ~ helisnya, восходящее к фриульск. chaltscha, функционировало в украинских говорах как *холошнє* ~ *холошни* почти два века, прежде чем было заимствовано оттуда венграми. Более целесообразно, развивая теорию А. Граура, различать генетический, первично-исторический и исторический источники лексического заимствования. Еще более сложны эти вопросы при решении путей заимствования лексем из близкородственных языков, потому что на размытой этнической границе один диалект заимствует слово, например, из словацкого в закарпатоукраинский, а другой наоборот. Целесообразно иногда говорить о лексических параллелях; ср. работы И. А. Дзендзелевского о польско-украинских лексических параллелях.

Иванова К. (НРБ). Внимателно проучих писмения текст на доклада и съм убедена, че осъщественият експеримент е принос не само към конфронтативното проучване на унгарски и руски, но и за компаративистиката въобще; той, както и останалите трудове на Ф. Пап, поражда инвенции в най-различни посоки. В случая, струва ми се, че тази работа е ценна за всеки лингвист, който се занимава с психолингвистика, социолингвистика, семантика и/или синтаксис на разговорната реч. Теоретическите ми познания по унгарски език ми дават основание да преценявам изводите като убедителни. Извлечена е ценна социолингвистична и етнолингвистична информация. Бих поставила въпрос: отчетена ли е фреквенцията на думите-стимули, мястото им в ранглистата на фреквентните речници на разговорната реч. Мисля, че при чужденците би трябвало да се отбелязва по-малка «острота» при по-слабо фреквентните думи, по-силно влияние на «тренирана» асоциативна връзка. Специално искам да отбележа стойността на интерпретацията на резултатите, получени при унгарците за глаголните видови двойки. Изводите на проф. Пап подпомагат решението на въпроса за оценката на имперфективацията като видообразуващ,

а не словообразователен процес. А по този въпрос в славистиката все още се водят спорове Мисля, че предварителната прогноза, отхвърлена в хода на експеримент, би се потвърдила при български информатори, поради близкото езиково родство. Впрочем това е извод, имплициран в доклада на проф. Пап.

Черемисина Н. В. (СССР). Доклад Ф. Паппа интересен экспериментальной базой и показом влияния родного языка на количество, состав и типологию вербальных ассоциаций. Мне хотелось остановиться на двух вопросах, только затронутых в докладе: сомнении в наличии лексических ассоциативных норм и замечании о «несистемности лексики».

В ассоциативном поле (АП) всегда есть по крайней мере два состава — социальный (разного ранга: от общенационального до обусловленного своеобразием привычного лексикона семьи) и индивидуальный. И поскольку состав поля определяется тезаурусом, в поле неизбежны фоновые ассоциации (таковы в материале доклада: *любовь — счастье, встретить — вокзал* и др.). Наиболее четкая соотнесенность АП с семантическим полем (СП) наблюдается в АП, характеризующем терминосистему, когда в качестве слова-стимула была избрана доминанта соответствующего АП. Кроме того, с наибольшей определенностью отражаются в АП закрытые СП. Ассоциативные нормы — это не весь состав АП, это отражение в АП элементов СП и фоновых социально значимых ассоциаций. (Индивидуальный фон интересен для психологии и лингвоэтики — для познания идиостиля).

Выделение в русском АП венгерских студентов ассоциаций деривационных синтагматических и парадигматических — еще одно доказательство существования системной группировки лексики в сознании. Отмеченные в докладе богатство дериватов и бедность синтагматики и парадигматики в русском АП венгров можно объяснить, среди прочего, уровнем владения языком. Любопытно, что в детской речи русских деривационные связи осмысляются очень рано (о чем свидетельствует «детская», ложная этимология). Судя по примерам докладчика, в синтагматике русских АП венгров зафиксирована стандартная стереотипная сочетаемость, прежде всего — наиболее сильные во всех языках мира атрибутивные связи (в том числе — из состава речевого этикета: *добрый — вечер, день* и т. п.) и связи объектные при сильноуправляющем глаголе. Аналогичная картина наблюдается в онтогенезе. Наконец, бедность парадигматики, особенно синонимики, не случайна, ибо владение синонимикой, представляющей возможность выбора,— это высшая ступень языковой компетенции. Синонимика обогащается весьма постепенно и в русском онтогенезе.

Видимо, процесс изучения иностранного языка повторяет (в редукции) процесс освоения языка ребенком.

Супрун А. Е. (СССР). В дополнение к привлеченным экспериментальным данным русских ассоциаций от русских и от венгров целесообразно было бы учесть венгерские ассоциации от венгров, что позволило бы уточнить интерференционные ассоциации.

Стратегии, по которым отмечено различие в ассоциациях, могут быть разными. Так, самая частая ассоциация *круглый* на стимул *стол* в молдавском и белорусском (вместо *стул*, как в английском, не-

мецком, русском, польском, украинском) объясняются по-разному (культуроведчески в молдавском и «раздвоением» испытуемых между синонимами *крэсла* и *стул* в белорусском). Интерпретация ассоциативных стратегий существенна для сопоставительного исследования.

Туркин В. Н. (СССР). Проф. Ф. Папп в своем докладе коснулся очень интересного вопроса в обучении русскому языку венгров, раскрыл явление словесной ассоциации. При этом он, как показалось, интерпретирует это явление, в основном, психолого-педагогически, что является естественным. Но возникает вопрос, не связывается ли оно и с лингвистическими факторами. Нам кажется, что эта связь есть. Другими словами, на характере возникающих словесных ассоциаций могут сказываться: звуковое совпадение; характер эпидигматики слова, которому обучают; характер семантической структуры слова (однокоренная — неоднокоренная структура); характер контекста употребления в русском и венгерском языках (постоянный — переменный контекст); характер синтагматического членения мысли. Какую-то роль, конечно, играют и экстралингвистические факторы, в частности, уровень начитанности, подготовки, ознакомления с русским языком.

У меня создается впечатление, что проф. Папп открывает новый аспект изучения иностранного языка. Его работа помогает лучше обучать иностранному языку.

Шейман Л. А. (СССР). Доклад проф. Ф. Паппа открывает перспективные выходы в культуроведение, рецептивную эстетику, в целый комплекс педагогически ориентированных сфер научного знания. В развитие идей, обоснованных в докладе, хотелось бы высказать следующее соображение. Особый интерес для исследования словесных ассоциаций могут представить свободные и направленные ассоциативные эксперименты, проводимые с билингвами на разных этапах развития их двуязычия и на основе специально отобранных пластов лексики, обладающей повышенным этнокультуроведческим потенциалом. Это прежде всего понятийно-безэквивалентная и этноконнотативная лексика (последняя, имея понятийные эквиваленты в корреспондирующем языке, отражает еще и эмоционально-эстетические ассоциации, массово представленные в сознании членов исходной лингвокультурной общности). Примеры слов первого разряда в условиях становления киргизско-русского двуязычия — *колокол, изба, лучина*; второго — *береза, девица, братец*.

Эксперименты, проведенные нами совместно с Т. В. Романевич и М. Х. Манликовой, обнаружили весьма существенные в культурологическом отношении различия ассоциативных фонов, возникающих вокруг слов названных разрядов, у русских и у киргизов. Эти различия сказываются и на восприятии тех литературно-художественных явлений, в формировании которых подобные слова играют важную образотворческую роль, представителями иноязычной — инонациональной общности. В данной связи напрашивается также соображение о существовании в национальных словесно-художественных культурах сквозных этнокультурных аксиосемантических полей (комплексы слов-образов типа *колокол — колокольня — колокольный звон — набат*...). Материалы экспериментов киргизских русистов по данной проблеме

освещены в публикациях, помещенных в ж. «Русский язык и литература в киргизской школе» № 4 за 1983 г.

Дроздовский В. П. (СССР). Доклады Э. Гюнтер и Ф. Паппа представляют собой целенаправленный и довольно успешный творческий поиск. В связи с докладом коллеги Гюнтер представляется, что более или менее устойчивые глагольные словосочетания типа *гореть желанием, лелеять надежду* и др. находятся в сфере функционально-семантического поля глагольных словосочетаний типа *греть руки, взять за живое*. Как и последние, они отражают тенденцию к новизне и метафоризации, сдерживают тенденцию к абстрагированию, приближая содержание сказанного к чувственному восприятию. Относительно доклада проф. Ф. Паппа хочется отметить его исключительно важную практическую направленность. Замечено, например, что венгерские студенты (в том числе из Дебреценского университета), проходящие ежегодно стажировку при Одесском университете, с каждым годом все успешнее совершенствуют знания русского языка и практическое пользование им. В повышении уровня владения русским языком венгерских студентов большая заслуга проф. Ф. Паппа и других венгерских лингвистов.

Утреннее заседание 12 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Цейтлин Р. М. (СССР) — Сравнительная лексикология славянских языков X — XIV вв. (Проблемы и методы) (Славянское языкознание.— М., 1983, с. 288—306).

Иванова К., Лашкова Л., Баракова П. (НРБ) — Ролята на лексиката при функциониране на граматичните категории в славянските езици (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 65—75).

Falińska B., Kowalska A. (P) — Związki leksykalne i morfologiczne polsko-białoruskie i polsko-ukraińskie (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 91—100).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Копыленко М. М. (СССР). Доклад проф. Р. М. Цейтлин — незаурядное явление в исторической лексикологии. Тщательности семантического анализа, проведенного автором, остроумию и обоснованности семантических сопоставлений может позавидовать любой исследователь не только древних памятников письменности, но и новых славянских языков. Однако позволительно ли сопоставление списков с одного и того же памятника, выполненных в различных славянских странах, считать сопоставлением разных языков? Я постарался как можно тщательнее выявить объекты сопоставления в тексте проф. Р. М. Цейтлин. В ряде случаев автор пишет о южно- и восточнославянских рукописях (например, на с. 299, где упоминаются Супрасльская рукопись, Слова Григория Назианзина, Житие Нифонта), но имеет при этом в виду, как явствует из заглавия, различные языки. В иных же местах доклад-

чик прямо говорит о разных языках. См., например, с 301, где представлены Изборник Святослава 1076 г., Супрасльская рукопись, Слова Кирилла Туровского, большое число списков евангелия. Здесь только одно указание на иной язык (на старочешскую библию), но приводится пример другого корня —oklamal. Это семантическое сопоставление и только. Таким образом, я склонен считать доклад Р. М. Цейтлин добротным, необычайно интересным и в высшей степени перспективным исследованием в области лексикологии древнеславянского литературного (resp. древнеболгарского) языка, а не лексикологии древних славянских языков.

Иванова-Мирчева Д. (НРБ). Ще започна от края на печатания текст на доклада на д-р Р. М. Цейтлин, където се дава като илюстрация на резултатите от семантичния анализ на еднокоренни думи. Анализирани са модифицираните значения на коренната група **о-бид-(а)**, като се обръща внимание и на ролята на представката **о-(об-)**. Изследван е преди всичко много интересен сравнителен материал от староруски, старобългарски и старочешки паметници, като са привлечени и данни от съвременните славянски езици или диалекти. За разлика от проф. М. М. Копиленко (имам пред вид някои моменти от изказването му), аз нямам впечатление, че Р. М. Цейтлин смята различните стари паметници, които е използувала в доклада си, като представители на «отделни езици».

Резултатите от историко-семантичния анализ на взетото за пример етимологично гнездо показват, че установените значения на еднокоренните думи са отпаднали от някои славянски езици; други са останали по диалектите; трети са се терминологизували; четвърти са се задържали само в някои съчетания и т. н. Интересен е и общият извод на д-р Р. М. Цейтлин, че доколкото се запазва това етимологично гнездо, думите понякога променят сферата на своята употреба.

На докладчицата този анализ е бил необходим за да покаже колко много въпроси за изследване възникват пред оня, който се заема с кофронтативно изучаване на славянската историческа семантика, и същевременно — колко необходимо и наложително е да се избистри методологията на този тип изследвания. Така схващам аз целта на доклада и мисля, че и в този аспект той е много сполучлив. И макар че съм съгласна с целия доклад, бих желала да подчертая особено казаното в т. 4: Приемы и методы выделения релевантных лексических признаков как основы сопоставления.

Докладът е много проблемен, съдържи много идеи и може да служи като база за организирането на конфронтативните изследвания по историческа семантика на славянските езици.

Порохова О. Г. (СССР). Тема интересного доклада Р. М. Цейтлин чрезвычайно актуальна. Изучение лексики славянских языков эффективно проводить именно в сравнительном аспекте, притом по определенному, одинаковому для всех языков плану, который следует четко сформулировать, о чем и говорила Р. М. Цейтлин.

Гнездовой способ сравнительного исследования лексики славянских языков, названный в докладе среди других методов, должен стать, на мой взгляд, на первом этапе главным. Он показывает лексические,

морфемные, семантические и словообразовательные особенности лексики и дает возможность увидеть сравнительный количественный состав слов данного гнезда в разных языках и тенденции его развития, морфемное своеобразие, специфику и направление семантического развития и др. В частности, при сравнительном изучении гнезд лексики старославянского и древнерусского языков появляется возможность выделить лексику со старославянскими корневыми морфемами, образованную в самом древнерусском языке, вычленение которой, в связи с близостью морфемных средств старославянского и русского, очень затруднительно

Названный в кругу дополнительных источников диалектный материал очень важен, так как он существенно дополняет картину семантического и лексического развития гнезда, дает возможность отчленить лексику, относящуюся к данному гнезду, показывает ее семантический объем в данном языке.

Было бы очень хорошо, если бы Международный комитет славистов способствовал, направлял и помог организовать работу специалистов разных стран по сравнительному изучению лексики славянских языков. При едином руководстве эта работа обрела бы единство форм и направлений, что облегчило бы сравнение материалов разных языков. Доклад Р. М Цейтлин может служить основой программы и возможных направлений исследований.

Павлова Р. (НРБ). Я с большим удовольствием выслушала доклад Р. М. Цейтлин. Ее работы не только хорошо известны в Болгарии, они являются методологически основополагающими при изучении исторической лексикологии. На их основе, по их методике работает значительное количество аспирантов Софийского, В.-Тырновского университетов, а также Института болгарского языка Академии наук, занимающихся вопросами исторической лексикологии.

Установки Р. М. Цейтлин о сравнительном подходе в исторической лексикологии — это новый этап в ее исследовательской работе. Они являются серьезной научной базой будущих исследований в этой важной научной области. В славянских странах есть богатые картотеки, есть и специалисты, и следовало бы начать сравнительное изучение лексики исторических памятников, организовывая коллективы из двух или больше стран. Болгарская сторона это всячески поддерживает.

Черемисина Н. В. (СССР). Доклад Р. М. Цейтлин интересен прежде всего теоретической, методологической направленностью, намечает аспекты и методы ретроспективной сравнительной лексикологии славянских языков (X — XIV вв.). Многие из этих аспектов уже апробированы в синхронической (описательной или контрастивной) лексикологии и существенны также для ее перспектив. Перспективной представляется предлагаемая трехаспектная системность в описании лексики: на основе семантических групп как микросистем языка, на основе анализа связей лексического уровня с другими уровнями языковой системы и в аспекте речи — путем обращения к тексту.

Анализ разного окружения у текстологических дублетов, вариативности их сочетаемости проясняет состав сем в лексическом значе-

нии (ЛЗ) повторяемого слова и позволяет описать ЛЗ слова в древнем памятнике. Текстологическое изучение целесообразно было бы проводить и с учетом влияния на ЛЗ размещения слова в сильной позиции текста. Например, слово *прекрасный* в абсолютном зачине (сильной позиции) «В один прекрасный день...» (В. Шукшин) теряет свое обычное значение. Можно предположить, что сильная позиция влияет на ЛЗ слова и в древнем тексте.

Перспективной является также идея учета конвергенции и дивергенции. Эта (идущая от Е. Д. Поливанова) идея значима не только для сравнительной, но и для описательной диахронической лексикологии: следствием конвергенции (и принципа экономии в линейном ряду) является, например, слияние словосочетания в сложное слово; проявлением дивергенции (и принципа экономии в системе единиц языка) служит закон размежевания лексических дублетов.

Карпенко Ю. А. (СССР). Очень интересный доклад Р. М. Цейтлин может быть дополнен ономастическими материалами. Днестровский лиман впервые упоминается в XVI в. с названиями Vidovo и Obidovo, из которых позднее путем контаминации на молдавской почве развилось именование Лакул Овидулуй. Это загадочное обозначение имеет множество интерпретаций (*Овидий, овца, Давид* и др.), которые не выдерживают критики. Форма Obidovo объяснена как образование от корня **вид-** с префиксом **об-**, однако семантически осмыслена неточно: «место на виду» (Гідроніми Нижнього Подністров'я, К.— Одеса, 1981, с. 32—33). Материалы Р. М. Цейтлин позволяют увидеть в названии Obidovo архаический, древний смысл «опасный, вредный», обнаруженный докладчицей в аппеллятиве *обида* (*Дева-Обида* и др.). Смысл этот имел, скорее всего, географическую направленность (отмели Днестровского лимана усложняют здесь навигацию; в лимане возможно сильное волнение) или же указывал на военную опасность. Так или иначе интерпретация лексемы *обида*, выполненная Р. М. Цейтлин, является сильным аргументом в пользу того, что старое название Днестровского лимана представляет собой один из древнейших славянизмов Северного Причерноморья.

Симеонов Б. (НРБ). Изказвам задоволството си от доклада на д-р Р. М. Цейтлин. Положено е добро начало и можем да очакваме само добри резултати. По повод на модела **ОБ-ВИД** бих добавил наличието на селищно име от XV в. насам в България **ОБИДИМ** от ***ОБ-ВИ-ДИМ-Ъ**.

Старобългарските документи т. е. писмени паметници са били сътворени на говорим език и този език не е бил мъртъв, както твърдят някои. Наличието на прабългаризми в тях, които все повече и повече се откриват, доказва по най-убедителен начин това. Прабългарските думи от типа **ОУСНА** са послужили като словообразователен център на нови думи (**БЕЛЕГЪ**) и чрез старобългарските писмени паметници са преминали в другите славянски езици (виж Словарь И. Срезневского, където от **ОУСНА** има повече от 12 производни).

Чолакова К. (НРБ). Докладът на К. Иванова, Л. Лашкова, П. Баракова, засягащ някои от формите на взаимодействието — лексика/граматика, граматика/лексика, представлява особен интерес. В под-

крепа на изложеното добавям някои случаи, възникнали в условията на многозначността. Ограниченията в резултат на взаимодействието са взаимни и могат да са видови, темпорални, модални или комплексни — видово-темпорални и видово-модални. Например, глаголната лексема *вкусвам* при отрицателно *не* реализира значение «не обичам да ям или пия нещо» само в несвършен вид. Този лексико-семантичен вариант (ЛСВ) сочейки непрекратено действие, естествено се свързва с признака неизчерпамост, неприключеност на действието на несвършен вид, т. е. с неговото неограничено кратно значение. Ограничен видово този ЛСВ е ограничен и темпорално. В това значение глагол *вкусвам* функционира само в обобщено сегашно и обобщено минало несвършено време и то квалификативно сегашно или минало несвършено време. Подобни видово-темпорални ограничения се наблюдават и при други глаголи: *благославям/благославя, затварям се/затворя се* и др. Друг тип видово-темпорална ограниченост ни поднася глагол *умря* (от видова двойка *умирам/умра*).

При съчетаемост с предлог *за* и в иронична употреба глагол *умра* реализира ЛСВ «нямам никакво желание за нещо или да имам досег с някого; безразличен съм към нещо или към някого» — *умрял съм за поканата им*; *умрял съм за тебе*. В този ЛСВ, предавайки само резултат от минал процес, глагол *умря* демонстрира статичност, състояние в момент на говоренето, затова именно той функционира само в миналите времена — минало неопределено време в статалното му значение или в минало предварително време също статално. Подобна видово-темпорална ограниченост сочат глаголи: *замра, изгоря, заритам, приритам* и др. при специализация на същия ЛСВ.

Дефективността в парадигмата на някои деятелни преходни глаголи по отношение на страдателния залог е подчинена на лексикалната семантика. Въздействието е вътрешно лексикално. Представената класификация на семантичните групи би могла да се разшири. При групата преходно-деятелни глаголи със семема «предизвиквам нещо — емоции, състояние» вниманието може да се насочи към съотношението им със съответните непреходно-деятелни глаголи с елемент *се* със семема «изпитвам съответните емоции или изпадам в съответното състояние»: *възхищавам — възхищавам се, възраждам — възраждам се, задъхвам — задъхвам се* и др. Би могло да се предполага, че наличието на корелативни непреходни деятелни глаголи + *се* със специфична семантика блокира страдателната форма при съответните преходни деятелни глаголи. Поставените в доклада проблеми са актуални и би трябвало да се продължи работата в тази насока в отделните славянски езици.

Ивић М. (Yu). Реферат уводи у словенска синтаксичка испитивања сасвим нову и врло важну тему и стога заслужује да буде овде поздрављен. Ауторке указују на значај «блокатора» и «деблокатора» за функционисање језичких јединица на синтаксичком нивоу. Даљи ће задатак бити саставити списак семантичких особености које се показују оперативним у једном или другом смислу Ја бих са своје стране скренула пажњу на чињеницу да се нереференцијална интерпретација исказа потврђује увек делотворно по критерију о којем је реч, и то

најчешће на «деблокаторски» начин (реченице типа *увек ће неко умрети* прихватљиве су због свог нереференцијалног карактера); међутим, ако је нереференцијалност садржана у лексичком значењу глагола, она постаје «блокатор» (тако глагол *одседати*, рецимо, иако је имперфективног вида, не може никако својим презентским обликом исказати актуелну садашњост зато што је маркиран нереференцијалним значењем, тј. хабитуалношћу). На такве факторе који јесу обавезно оперативни, али нису обавезно ни «блокатори» ни «деблокатори» (него, зависно одређених околности, постају једно или друго) мораће се обратити посебна пажња.

Кодухов В. И. (СССР). Взаимодействие и взаимосвязь лексики и грамматики как принцип, обеспечивающий более глубокое изучение системы языка и ее функционирования, получает широкое применение. В докладе К. Ивановой и ее коллег убедительно показана ограничительная функция лексики — ее влияние на функционирование времени и залога глагола в болгарском языке. Эта идея доказывается также работами В. Станкова, М. Ивич, А. Бондарко. Несомненно, что такое направление исследования перспективно.

Однако хотелось бы добавить, что наряду с функционированием форм слова как выразителя его морфологических категорий имеется функционирование словарного состава и синтаксического строя языка, в данном случае возвратных глаголов и пассивных конструкций, лексико-семантических групп глаголов. Это уточнение вытекает из материала доклада.

При анализе ограничения функционирования временных форм речь идет о лексическом значении глагола, тогда как иллюстративные примеры говорят о появлении новых глаголов — возвратных и невозвратных. Так, говоря о специализации аориста в сербохорватском языке, авторы приводят сербохорватско-болгарские параллели: схв. *Одох ја* — болг. *Тръгвам си/Отивам в кръчмата*. Когда же речь идет о деблокаторах, то говорится уже о возвратно-пассивных конструкциях и одиннадцати лексико-семантических группах, которые, правда, выделяются семантически и лексически (глаголы физического действия и *имам*, например).

Дегтярев В. И. (СССР). В докладе К. Ивановой и ее коллег выражена конструктивная мысль о том, что связь грамматического строя языка с объективной действительностью детерминирована лексическими значениями слов. Это положение обычно никем не оспаривается, однако нередко игнорируется в изучении грамматических категорий. Покажу это на примере категории числа имен существительных. В новейших учебных пособиях по исторической грамматике русского языка встречаем утверждения, будто грамматическая система древнерусского языка допускала неограниченное образование форм множественного и двойственного числа от имен существительных, включая вещественные, отвлеченные и собирательные. Это должно означать, что в древнем строе славянских языков не существовало имен singularia и pluralia tantum и что развитие категории числа направлено от словоизменения к словообразованию. Вопреки историческим фактам и этимологии утверждается также, что имена pluralia tantum образовались уже после

падения двойственного числа. В действительности, однако, все обстоял иначе. Имена вещественные и отвлеченные свободнее, чем в современных языках, употреблялись во множественном числе, но именно благодаря более конкретному характеру лексических значений, а не неограниченным свойствам системы. Имена собирательные образовывали формы множественного числа, но в значении дистрибутивности (например, *каменье — каменья, листье — листья*), а не обычной, простой множественности. Образование имен pluralia tantum началось еще на праязыковой основе. А в целом развитие категории числа шло от словообразования к словоизменению, а не наоборот. И в современном функционировании категории числа лексические значения накладывают определенные ограничения на формообразование, так что оно не может быть формально-произвольным.

Это показывает, как важна в толковании языковых значений и форм верно избранная методологическая позиция. Авторы доклада убедительно показали, что только подлинно материалистический подход к языку дает объективную истину.

Милошевић К. (Yu). Реферат бугарских ауторки бави се интересантном и у сербокроатистици већ истраживаном шарм проблематиком улоге лексичких значења у манифестовању граматичких значења — и представља значајан допринос дубљем сазнавању садејства лексичких и граматичких значења.

Ја бих скренула пажњу на неке случајеве садејства лексичког и граматичког значења у доносу пасивних конструкција у српскохрватском језику.

1) Лексичко значење глагола утиче на аспектску варијанту имплицитног значења предиката:

а) *Марко је рођен* — ингресивно-егзистенцијално значење (почео је да живи);

б) *Марко је умро* — терминативно-егзистенцијално значење (престао је да живи).

2) Лексичко значење именице у позицији субјекта уз примјену идентичног глагола, утиче на семантички тип предиката:

а) *мочвара је исушена* = мочвара је престала да постои, мочваре више нема (непасивно-егзистенцијално значење);

б) *сијено је исушено* = сијено је суво (нови квалитет, детерминациони тип предиката).

3) Лексичко значење глагола ограничава примјену одређене конструкције:

осјећао се мирис мора ↛ *осјећан је мирис мора.* (Милошевић К. Форма предиката и семантички тип исказа. Књижеван језик, 1978 — и литературу тамо наведену).

Бондарь И. П. (СССР). Доклады Р. М. Цейтлин и К. Ивановой, Л. Лашковой, П. Бараковой глубоки по содержанию и имеют теоретическое и практическое значение.

В докладе Р. М. Цейтлин систематизированы проблемы и методы сравнительной лексикологии славянских языков X — XI и XIV — XV вв., но многие из них актуальны для изучения и более позднего периода развития славянских языков. Общеизвестно, что на фоне

сравнительно-исторического аспекта исследования языков более ярко раскрываются явления современного их состояния. В докладе справедливо отмечено, что путь к решению представленных проблем лежит через изучение отдельных микросистем языков. Так, в процессе исследования одной из лексико-семантических групп (глаголов речи) в русском и южнославянских языках нами были выявлены как общие черты изучаемых языков, так и частные, типичные для некоторых из них. Выявлению закономерностей в развитии семантики в значительной мере способствовало применение элементов статистического метода. Наши наблюдения показали, что развитие полисемии изучаемых лексем связано с частотностью их употребления. В докладе справедливо отмечено, что лексиколог не может ограничиваться в своей работе данными словарей, словоуказателей и т. п. Даже наиболее авторитетные толковые словари современных славянских языков не всегда отражают все многообразие значений отдельных слов. Обращение же к первоисточникам и сопоставление данных словарей изучаемых языков позволяет выявить значения, бытующие в каком-либо из изучаемых языков, но не отмеченные словарями. В исследовании отдельных микросистем языков необходимо более глубокое изучение семантической структуры слова. На этом уровне наблюдаются не только сходства, но и существенные различия, приводящие к межъязыковой омонимии. Так, при наличии тождественной префиксальной деривации нередко отмечаются различия в семантике (ср. рус. *отговаривать* «убедить не делать чего-нибудь» и болг. *отговоря*, схв. *одговорити* «ответить»). Следует учитывать и различные уровни языка. Так, схв. *оговарати* в литературном стиле имеет значение «осуждать», а в диалектах — «оправдывать».

Нельзя не согласиться с Р. М. Цейтлин в том, что работа по сравнительной лексикологии славянских языков была бы эффективнее, если бы велась по общему плану с четко сформулированными задачами. В целом в докладе поставлены проблемы как научного и методического аспектов, так и организационные, заслуживающие внимания.

Дзендзелівський Й. О. (СССР). Проблема польсько-українських та польсько-білоруських зв'язків у галузі лексики уже не раз піднімалася і має солідну літературу, проте все ж надто слабо вивчена. Б. Фалінська і А. Ковальська, як видно з їх доповіді, досить добре орієнтуються в цій літературі і намагаються підвести певні підсумки у розробці цього складного питання. Важливо відзначити, що поряд з опублікованими працями автори доповіді досить широко використовують матеріали поки що рукописних джерел, зокрема лексико-словотворчі карти «Загальнослов'янського лінгвістичного атласу» (ЗЛА). У доповіді слушно відзначається, що взагалі виявляється дуже мало назв, які б проходили вздовж польсько-української (старої чи нової) мовної межі. Це саме можна сказати й відносно українсько-білоруської, українсько-російської та українсько-словацької мовних меж. Автори доповіді показують різноплановий і досить складний характер диференціації польських говорів у зоні контактування з українською та білоруською мовами: опозиції на рівні кореня, різні опозиції щодо структури. Зокрема, визначають групи говорів, де для певних розрядів лек-

сики переважають відіменникові, в інших — відприкметникові чи описові назви. Але проблему цю, власне, лише розпочато досліджувати, і майбутні карти ЗЛА та інших атласів, безперечно, дадуть нові відомості про лексико-словотворчі сходження і розходження, окреслення більших чи менших груп говорів у цій зоні контактування.

К. Мошинський висловив погляд, що головний шлях західноєвропейської культури в Польщу йшов із Середньої і Південної Німеччини через Сілезію, Чехію і Моравію, далі на Південну Польщу (Малопольщу), отже, не через Примор'я. Дані сучасної діалектології, власне, в усьому основному підтверджують положення К. Мошинського. Цей висновок дуже важливий і для історії української мови: встановлюється шлях проникнення основної маси германізмів в українську мову через польське посередництво. Відомо, що в польській мові і польських говорах чимало тюркізмів, значна частина яких потрапила до поляків через українське посередництво. У плані сказаного важливо було б встановити, як саме, яким шляхом ці тюркізми проникали у польські говори.

Доповідачі справедливо відзначають, що існуючий матеріал, на підставі якого досліджуються польсько-українські та польсько-білоруські зв'язки на лексичному та словотворчому рівнях, надто скромний, і тому необхідно, щоб майбутні діалектологічні програми і атласи відповідно взаємно прив'язувалися і щоб у такий спосіб на картах сусідніх мов та говорів були продовження відповідних явищ. У цьому зв'язку можу зауважити, що складена «Програма Лексичного атласу української мови», за якою розпочнеться збирання матеріалу десь уже в наступному році, значною мірою пов'язана з існуючими польськими, словацькими, російськими, білоруськими і т. ін. лінгвістичними атласами та діалектологічними питальниками. Тому є підстави сподіватися, що «Лексичний атлас української мови», як і наступні томи атласу Білосточчини та атласу Підляшшя, який готують польські колеги, «Лексичний атлас білоруської мови» тощо дадуть багато важливого матеріалу для дослідження обговорюваної проблеми.

У доповіді слід було б згадати і про такий різновид результатів міжмовних взаємозв'язків, як спільні утворення. Розумію, що спільне явище визначити досить важко, проте спільні утворення не просто теоретичний постулат, а й реально існуючі речі.

Гриценко П. Ю. (СССР). Цінність доповіді Б. Фалінської і А. Ковальської полягає не лише у розмежуванні різноманітних наслідків взаємодії польської мови з українською і білоруською, у великому фактичному матеріалі, а й у постановці теоретичних проблем, спрямованих на дальший розвиток слов'янської діалектології і лінгвогеографії. Насамперед у доповіді пропонується розрізняти ареали на основі не лише відмінної реалізації картографованих явищ, а й прояву певних загальних тенденцій, наприклад: прояв тенденцій у мотивації назв, словотворі та ін. У зв'язку з цим актуальним є розмежування понять «ареал» і «зона»: ареал має континуум, чітко окреслений ізоглосою, а зона має чітко виражений центр і менш виражену периферію. Отже, треба або визначати ареали за ступенем активності прояву певних тенденцій, що можна робити за допомогою квантитативної методики,

або прийняти зональний характер континуумів без строгих ізоглос. Доповідь переконує в тому, що об'єктивне і всебічне вивчення взаємодії мов можливе лише після створення докладного атласу мовного пограниччя, спрямованого на вияв інтерференції. Створення атласу дасть змогу визначити ступінь інтерференції, її ареальну глибину, провести типологію структурних рівнів говорів за ступенем інтерференції, уточнити поняття «контактні говірки». Особливе значення має ідея розрізнення взаємодії окремих елементів і взаємодії мікроструктур; наслідком взаємодії мікроструктур може бути динаміка структурної організації мовних елементів у контактуючих говірках, а не лише запозичення окремих елементів.

Супрун А. Я. (СССР). Ідэя дакладчыкаў пра вывучэнне і картаграфаванне польска-беларуска-ўкраінскага сумежжа заслугоўвае поўнага адабрэння. Увагі маюць прыватны характар. Мэтазгодна было б улічыць сацыялінгвістычныя характарыстыкі з'яў, якія вывучаюцца: хто, у якіх умовах, калі ўжывае адпаведныя моўныя з'явы. Побач з кантактнымі зонамі ў сумежжы варта было б улічыць астраўныя польска-беларускія (польска-ўкраінскія) кантактныя тэрыторыі (напрыклад, польска-беларускія гаворкі ў Латвіі). Варта было б спецыяльна даследаваць з'явы ўсходнеславянска-польскіх марфалагічных субстытуцый (напрыклад, выкарыстанне беларускіх канчаткаў з польскімі асновамі і наадварот).

Закревська Я. В. (СССР). Дослідження польсько-східнослов'янських мовних контактів на діалектному рівні має вже досить давню традицію. Однак матеріали доповіді Б. Фалінської і А. Ковальської суттєво доповнюють її широким застосуванням даних лінгвістичної географії. Для польсько-східнослов'янських мовних контактів особливо важливі два положення, що випливають з цієї доповіді: 1) необхідність розрізнення запозичень з однієї мови в іншу на різних часових зрізах, і паралелей, які розвивалися спонтанно у кожній з контактуючих мов; 2) важливість врахування при висвітленні запозичень з однієї мови в іншу двостороннього процесу, що дозволяє внести певні корективи у вияснення цього питання, бо досі значно більше уваги приділялось запозиченням з польської мови у східнослов'янські, зокрема в українську, ніж навпаки.

Шкода, що автори не ілюстрували основних положень своєї доповіді лінгвістичними картами, які наочно показали б характер ареалів на стику контактуючих мов — як суцільних, так і острівних, кожен з яких зумовлений не тільки внутрішньомовними, але й позамовними факторами.

Заслуговує повної підтримки думка про дальші спеціальні дослідження польсько-українсько-білоруського мовного пограниччя.

Антанюк Л. А. (СССР). Асобным этапам развіцця польска-беларускіх лексічных сувязей можна назваць перыяд XIV — XVII стст., важнейшай адзнакай якога з'явілася фарміраванне асноўных стыляў старабеларускай пісьмовай мовы ва ўмовах шырокага распаўсюджання па тэрыторыі Беларусі кнігадрукавання. У прыватнасці, у гэты перыяд адбываўся актыўны працэс фарміравання і папаўнення лексікі навуковага стылю беларускай мовы. У гэтым працэсе побач з тэрмі-

налагізацыяй слоў з народнага маўлення і слоў, агульных для ўсходнеславянскіх моў, адбывалася і запазычанне польскіх тэрмінаў, а таксама запазычанне праз польскую мову з іншых моў. Так, каля 10 % ад усёй колькасці грамадска-палітычных і юрыдычных тэрмінаў старабеларускай мовы складалі запазычанні з польскай, лацінскай і розных заходнееўрапейскіх моў, часта праз польскую: *апелляция, вага, грунт, декретъ, коштъ, пляцъ, рахунокъ, скарбникъ, скарбовый, скарга* і інш.

Пранікненне паланізмаў у грамадска-палітычную, юрыдычную, гандлёвую, прамысловую і іншыя тэрміналогіі было выклікана неабходнасцю моўнага выражэння новых для таго часу з'яў і паняццяў грамадскага і гаспадарча-эканамічнага жыцця. Таму асноўная частка гэтых запазычанняў замацавалася ў беларускай тэрміналогіі, некаторыя ж паланізмы не замацаваліся ў моўнай практыцы і былі выцеснены беларускімі варыянтамі: *посэльство — даручэнне, кроль — кароль, члонки — члены, звытяжство — перамога, варунак — умова* і інш.

Дневное заседание 12 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Sekaninova E. (ČS) — Z konfrontácie sémantického pol'a slovies pocitu v ruštine a slovenčine (Slavia, 1983, t. 52, č. 1, s. 1—6).

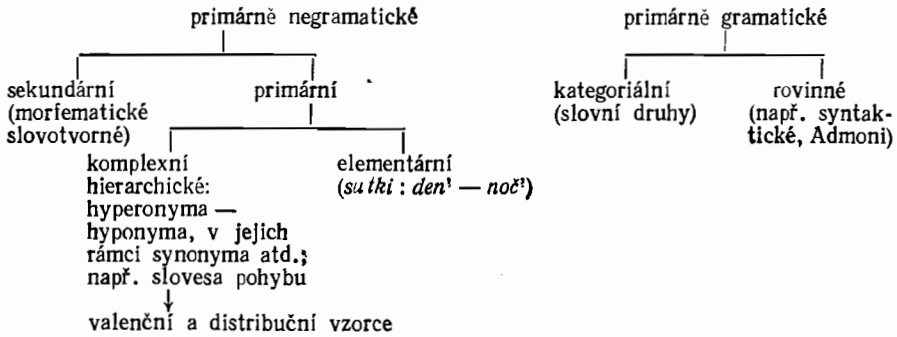
Moriyasu T. (Japan) — О глаголах движения в современных славянских языках (Japanese Contributions to the Ninth International Congress of Slavists.— Tokyo, 1983, p. 29—34).

Wilske L. (DDR) — Die performativen Verben im Russischen (Semantische und funktionale Aspekte) (Zeitschrift für Slawistik. 1982, H. 3. Bd 27, S. 446—453).

Матијашевић J. (Yu) — Nomina agentis в семасиологическом аспекте (на материале русского и сербохорватского языков).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Filipec J. (ČS). V referátě E. Sekaninové aj. se projevil strukturní přístup k jazyku. Na závěr našich diskusí je na místě zobecnit jednotlivé výklady. V lingvistice se dnes obecně pracuje s pojmy d í l č í s y s t é m a p o l e. Je možno zjednodušeně naznačit t y p o l o g i i těchto systémů a polí.



Jsou také dílčí systémy s m í š e n é, např. pole času zahrnuje substantiva s významem času, adverbia a slovesné časové kategorie. Úkolem jazykovědy je popsat dílčí systémy a pole systémové a jejich fungování v textech, které jsou hlavní jazykově komunikační jednotky. Pojem funkčního systému a funkčního pole, zastávaný pražskou školou už od r. 1929, se tak stává hlavním a ústředním pojmem lingvistickým. Uvedené pojetí zároveň přiblíží k diferenciaci i jednotě všech jazykových rovin.

Thelin N. (S). Доклад коллеги Т. Мориясу является интересной попыткой по-новому подойти к классической проблеме семантической дифференциации славянских глаголов движения. Если остановиться тут только на русском материале, то известно, что ряд глаголов типа *идти, ехать* и т. д. описывали как выражение «однонаправленности», а ряд глаголов типа *ходить, ездить* — как выражение «разнонаправленности» или «двунаправленности». Коллега Мориясу для объяснения различия между этими двумя рядами глаголов выдвигает противопоставление ± целостность. Интересно отметить, что эта оппозиция интерпретируется эквиполентно, причем признаку «целостность» приписывается значение «частичности» в согласии с предложенным мной еще в 1978 г. анализом. В этих условиях коллега Мориясу понимает глаголы типа *ходить* как выражение «тотальности», а глаголы типа *идти* как выражение «частичности». На наш взгляд, тут идет речь скорее о противопоставлении ± определенность, а именно в отношении ко времени, т. е. о ± отнесенности ко времени (±ВРЕМЯ) или, другими словами, ± ситуационной конкретности. В пользу такой интерпретации говорит употребление глаголов типа *ходить* в случаях гномического *(птицы летают)*, генерического *(ребенок уже ходит)*, узуального *(она много ходит)*, фреквентативного *(автобусы часто ходят)* значений. Значение двунаправленности *(он на прошлой неделе ездил в Москву)* мы бы также вывели из простой констатации неотнесенного ко времени действия. Симптоматично, что в данных случаях глагол не может сочетаться с точным указанием времени. В противопоставлении таких примеров, как *он ходит быстро/он идет быстро* предложенная нами интерпретация естественным образом анализирует первый пример как выражение свойства (— ВРЕМЯ), а второй пример — как выражение поведения в конкретной, определенной по отношению ко времени ситуации (+ ВРЕМЯ).

Станишева Д. (НРБ). В докладе коллеги Т. Мориясу по существу рассмотрена одна оппозиция глаголов движения, организуемая по признаку «направленность» или «целостность». Помимо этого в русском функционируют две другие системы — по признаку «способ передвижения» *(идти — ехать)* и по признаку «место» *(идти — придти — уйти)*. Без учета этих систем невозможна объективная интерпретация глаголов движения.

В болгарском языке пара глаголов *ида — ходя* существует (информация словарей является неполной, а иногда ошибочной), но они организованы по признаку «местоположение участников коммуникативного акта», подобно английским глаголам to come — to go. Следует также иметь в виду, что в болгарском существуют две омонимичные

грамматические формы глагола *ида: ида* [1] — несовершенного вида и *ида* [2] — совершенного. Поэтому их нельзя интерпретировать как один глагол.

Аскоченская В. Ф. (СССР). Проф. Т. Мориясу провел очень тонкий и интересный анализ глаголов движения, которые заслуживают внимания и с точки зрения их сочетаемости с зависимым инфинитивом. При сопоставительном изучении славянских языков глаголы движения представляют особый интерес также в плане перевода и в плане синонимики.

Конструкции «глаголы движения + инфинитив» встречаются в описании конкретных действий, выражающих начало и конец. Так, с инхоативным значением употребляются конструкции «*пойти* + инфинитив» (примеры приводятся из трилогии А. Толстого «Хождение по мукам» и ее перевода на украинский (С. Ковганюка) и польский (В. Броневского и В. Равича) языки: *Пошел гулять* рейдом по красным тылам — *Пішов гуляти* рейдом по червоних тилах — *Począł hulać* na tyłach czerwonych. В польском переводе в соответствии с глаголом движения имеем фазовый глагол począć, обозначающий начало действия.

Конструкция с глаголом *кинуться* выражает стремительность и быстроту начала действия: Целая стая белых мартынов с тревожным криком *кинулась ловить* крошки — Ціла зграя білих мартинів з тривожним криком *кинулась ловити* крихти — Całe stado białych rybitw z trwożnym krzykiem *rzuciło się* na okruszyny. В польском переводе опущен инфинитив. Определенный интерес представляют также конструкции «*бросить* + инфинитив» с финитивным значением: За последнее время он *бросил вертеть* собачьи ножки и пристрастился к трубочке — Останнім часом він *покинув крутити* собачі ніжки і призвичаївся до люльки — Ostatnio *przestał palić* spręty i nabrał zamiłowania do fajki.

В соответствии с русским глаголом *бросить* в украинском переводе имеем *покинути*. В польском же переводе оказалась возможной замена русского глагола *бросить* польским *przestać*. Указанные конструкции синонимичны в русском, украинском и польском языках и могут быть взаимозаменяемы в каждом из них. Инфинитив, сочетаясь с глаголами движения, в конструкциях, выступающих с фазовым значением, встречается лишь в форме несовершенного вида; в противном случае наступает несоответствие между глаголом движения, употребляющимся со значением начала или конца действия, и действием совершенного вида, которое рассматривается как результат.

Баранникова Л. И. (СССР): Доклад проф. Л. Вильске привлекает внимание новым подходом к классификации глаголов речевого действия. Эти глаголы (под разными наименованиями группы) привлекали внимание русских исследователей, но подход проф. Вильске представляет большой интерес установкой на учет фактора общения.

Хотелось бы сделать несколько замечаний. Необходимо более четкое разграничение глаголов первой и третьей групп. Желательно показать иерархическое соотношение различительных признаков, особенно важно это для глаголов второй группы (например, отличать потенциальные семы). Учет особенностей акта общения для классифика-

ции глаголов второй группы очень важен, но, думается, следует учесть и некоторые другие моменты (ситуацию общения, социальные роли говорящих и т. п.).

Дроздовский В. П. (СССР). Доклады Т. Мориясу и Л. Вильске убедительно сближают уровень лексико-семантический с грамматическим, в частности морфологическим. Относительно доклада коллеги Мориясу хочется предостеречь от фетишизации понятия целостности. Наличие значения многократно повторяемого действия становится положением аксиоматическим. Мы согласны с высказанной в дискуссии мыслью о наличии оппозиции «временное и невременное значение» («он *ходит* по комнате» и «ребенок уже *ходит*»).

Доклад коллеги Вильске на многих примерах убедительно доказывает необходимость рассмотрения языковых, грамматических значений как с точки зрения говорящего, так и с точки зрения слушающего. Считаем, что указанное направление в изучении языка будет способствовать выявлению функционально-семантических полей, органически объединяющих разные языковые уровни.

Баракова П. (НРБ). Оценявам доклада на проф. Е. Матиашевич и направения от авторката анализ на деноминативите и девербативите от семасиологичен аспект като много добра база за организиране на конфронтативни изследвания, не само за съпоставка на два славянски езика — в случая руски и сърбохърватски, но и за съпоставка и типологична характеристика и на останалите славянски езици. Събраният богат материал, доброто съотношение между двата езика (обръщам внимание на това като на заслуга на доклада, тъй като нерядко съпоставителните изследвания страдат от доминация на материал от собствения, родния език и примерите от езика, с който се съпоставя са лишени от достатъчна, богата интерпретация), добре намереният баланс, организация и интерпретация представят добра основа за по-нататъшни изследвания, при това в различни насоки и на по-широка база. Наред с основната си задача — да осветли nomina agentis в руски и сърбохърватски от семасиологичен аспект — проф. Матиашевич обръща внимание и на редица други важни моменти (имам предвид писмения текст на доклада) — като например заимствуванията от международната лексика, за кои групи са характерни в двата езика, при това с адаптация във всеки от двата езика в съответствие с граматичната му система. Наблюденията на авторката в тази насока могат да се задълбочат,— интересна е например интерпретацията на съотношението между руски и сърбохърватски при nomina agentis в сферата на спорта, да речем.

Бих отправила към авторката следния въпрос: правени ли са наблюдения по отношение на това в кои от двата езика по-често nomina agentis се подвеждат под доминантата на парадигмата, съществува ли равновесие или не в системата на единия и другия език, какво е съотношението между руски и сърбохърватски?

Присъединявам се към авторката за по-широкото схващане на nomina agentis като субект на действието с общ признак активност, но nomina patiens без агентивност трябва да се защитят по-добре(тяхното отнасяне тук).

Някои от имената, разглеждани от авторката и определени като притежаващи морфологически немаркирано квалификативно значение, трудно могат да бъдат обяснени с помощта на адвербиали (напр. *руски — боец*).

Убедена съм, че интересните наблюдения, стройността на постройката, богатството на анализирания номинативен материал ще спомогнат за осветляване на някои моменти от сферата на nomina agentis в различните славянски езици, както и при съпоставката между тях.

Смольская А. К. (СССР). Сопоставительное изучение славянской деривации имеет традиции в югославистике: ср. работы А. Белича по деминутивам, труды Р. Бошковича и др. В духе этих традиций сделан и доклад Е. Матияшевич, в котором интересны как факты универсальных явлений в отвербативной деривации, так и факты, специфичные для южнославянских языков, более частотные в них. К первым относится, например, возникновение пейоративного значения из семантики избыточной квантитативности, избыточности действия. Ср. рус. *гулена, гуляка* — общий род в значении «тот, кто много гуляет» с пейоративным оттенком и схв. *корзуша, сокачара* «та, которая излишне много гуляет» с добавлением отрицательной экспрессии. Напротив, обозначение лица по действию в данный момент более характерно для сербохорватского языка, чем для русского, так как отсутствие причастий действительного залога настоящего времени способствует развитию в сербохорватском языке отвербативов названной семантики.

Подсекция 4 б.

КОНФРОНТАЦИОННОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФОНОЛОГИИ, ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Утреннее заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Лопатин В. В., Улуханов И. С. (СССР) — Сходства и различия в словообразовательных системах славянских языков (Славянское языкознание.— М., 1983, с. 169—184).

Ивић М. (Yu) — О неким принципима глаголске префиксације у словенским језицима (Јужнословенски филолог.— Београд, 1982, т. 38, с. 51—61).

Стаматоски Т. (Yu) — Некои покарактеристични антропонимски суфикси кај јужнословенските народи (Реферати на македонските слависти за IX Меѓународен. славистички конгрес во Киев.— Скопје, 1983, с. 63—72).

Lehfeldt W. (BDR) — Das System der Präsensformenbildung in der modernen ukrainischen Literatursprache (im Vergleich mit anderen slavischen Sprachen) (Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistenkongress in Kiev. 1983.— Köln; Wien, 1983, S. 313—328).

Никитевич В. М. (СССР). Сопоставительное изучение языков позволяет выделить контрастирующие признаки, способствует системному «видению» языка. При этом представляется, что использование понятия деривационного поля дает более ощутимые результаты, чем понятие деривационного типа. Деривационное поле — система номем, образованных способами аффиксации, аналитизма и синтаксической транспозиции и объединенных общим словообразовательным значением. В основе деривационного поля лежит словообразовательное поле. Например, словообразовательное поле интенсивности действия характерно для русского языка. Оно «начинается» в таких наименованиях лица, как *болтун, говорун,* а «продолжается» в словообразовательных цепочках порядка *говорун, говорливый, говорливость.* Однако уже в русском языке здесь возникает словообразовательная недостаточность. Ср.: *говорун* «тот, кто любит поговорить» (Словарь русского языка, М., 1981, т. 1, с. 328), но только: тот, кто любит посмеяться и под. В белорусском языке суф. **-ун** занимает ту же позицию. В целом в восточнославянских языках мы находим обычно лишь «поверхностные» нетождества, касающиеся фонетического облика или супплетивизма корневых и словообразовательных морфем, что типологически для номинативной деривации несущественно. В западно- и южнославянских языках деривационное поле интенсивности действия имеет несколько иной характер. Например, в польском языке нет сильного суффикса типа **-ун,** а польские соответствия этих производных имеют разные суффиксы, значение интенсивности в них нейтрализовано.

Onheizer I. (DDR). **1.** Сопоставление словообразовательных систем неблизкородственных языков, естественно, должно отличаться от конфронтации близкородственных, так как соответствия и номинативные компенсации проявляются только в рамках словообразовательных или — чаще — ономасиологических категорий.

Расширение базы сопоставления словообразовательных систем, т. е. их включение в сопоставление номинативных систем, оказывается целесообразным и для конфронтации близкородственных языков, потому что такой подход позволяет более последовательно сопоставлять не только системные, но и функциональные соответствия и расхождения.

2. Несмотря на разную степень родства славянских и неславянских индоевропейских языков при их сопоставлении обязательно проявляется параллелизм семантических границ деривативного словообразования, обусловленный логико-семантическими факторами номинации.

С возрастающей сложностью производных сужается их семантический диапазон, и число семантических групп производящих основ, участвующих в дальнейших словообразовательных процессах, уменьшается почти совершенно аналогичным образом в сравниваемых языках. При этом наблюдается различная словообразовательная активность основ транспозиционного, модификационного и мутационного

типов, а как результаты словопроизводства, образованные от комплексных производящих основ, преобладают модификации и транспозиции, т. е. знаки с максимальным семантическим пересечением с исходной единицей.

Георгиева Е. (НРБ). Допълнение по доклада на В. Лопатин и И. Улуханов в два пункта: 1) различните типове словообразуване и прагматиката; 2) продуктивни и непродуктивни словообразователни типове в синхронен план не зависи от данните на статистика.

Siatkowski J. (P). Zwracam uwagę na różnice między językami słowiańskimi w zależności od podstawy słowotwórczej wykazującej ograniczenie semantyczne i nie wykazującej ograniczeń semantycznych w tworzeniu określonej kategorii słowotwórczej, np. kategorię nomen agentis, nomen loci, nomen instrumenti od *pisać* i typ bułg. *летувам, зимувам, пладнувам* — pol. *zimować*. Różnice między językami słowiańskimi występują przy podstawach nie wykazujących w zasadzie ograniczenia semantycznego w tworzeniu danej formacji.

Ивић М. (Yu). Нагласила бих да су овако широко проблемски и програмски оријентисани реферати изузетно драгоцени и треба да их је што више на конгресима. Дискусија би требало да се усмери на употпуњавање предложеног програма. Ја бих, на пример, скренула пажњу на проблем понашања префикса при номинализовању глагола—да ли он задражава или не своју дотадашњу функцију средства за сигнализовање одређеног видског значења. Испитавања на тој страни нису досад систематски вршена, што је штета; и ту ће се показати неке релевантне разлике међу словенским језицима.

Смольская А. К. (СССР). При сравнительном изучении славянской деривации должны учитываться исторический, ареальный и типологический принципы; необходимо также решить вопрос о модели описания: по формантам, словообразовательным типам или словообразовательным категориям (словообразовательным полям).

Исторические исследования в области словообразования необходимы, так как нельзя не учитывать константы развития славянских языков.

Горбачевский А. А. (СССР). В докладе В. В. Лопатина и И. С. Улуханова поставлены проблемы, которые способствуют дальнейшей разработке разных аспектов словообразования славянских языков в типологическом плане. Следует обратить внимание на одну проблему, которая на материале славянских языков в сопоставительном плане не ставилась,— о пределе варьирования корневых и словообразовательных морфем. Во всех славянских языках есть морфемы с очень широким диапазоном варьирования — от полного сохранения формы морфемы во всех позициях до полного различия ее формы в некоторых позициях. При попытке дать максимально полное описание всех случаев варьирования возникает проблема неединственности решения поставленной задачи. Таких решений может быть несколько.

Стецко П. В. (СССР). В докладе В. В. Лопатина и И. С. Улуханова в целом представлена правильная картина сходств и различий в деривационных системах современных славянских языков. Однако эта картина могла бы стать более отчетливой, если бы учитывались данные

новейших исследований по словообразованию, особенно по деривации в народно-диалектной речи (см. *Сцяцко П. У.* Беларускае народнае словаўтварэнне.— Мінск, 1977; работы украинских ученых И. Ковалика, И. Дзендзелевского, Я. Закревской и др.). Кстати, эти работы даже не значатся в библиографии доклада, опубликованного к IX Международному съезду славистов.

Исследование белорусского народно-диалектного словообразования, проведенное автором этих строк, показало, что словообразовательная система белорусского народного языка во многих отношениях образует общность не только с польским языком, но и с чешским (см. образования со значением невзрослости с формантом **-е:** бел. *козле, воўчэ* и т. д.) и отличает белорусский язык от русского.

Учет данных народных говоров позволяет избежать и многих ошибочных утверждений, основанных на поверхностном знакомстве со словообразовательной системой того или иного языка.

Белова Б. А. (СССР). В докладе В. В. Лопатина и И. С. Улуханова привлекает положение о возможности сопоставления словообразовательного материала, узуального в одном, но окказионального в другом языке (ср. модели польских слов типа wniesowstąpienie, wzamążpójstwo и их калек в русском языке, воспринимаемых как явные окказионализмы). В то же время сложность сопоставительного изучения окказионального материала состоит в том, что окказионализмы не только парадигматичны, хотя иногда это весьма своеобразное преломление словообразовательной системности, но и синтагматичны. Например, окказионализмы выступают в конкретной грамматической форме (ср. *алзлат наряд* — краткая форма прилагательного, *метеорчик-бесприютник, гостиница-хрустальница, мальчик-глобальчик, вечер-согбенно-плечер* — приложение и т. д.).

Выявление и учет подобных условий необходимы, поскольку не всегда возможно конкретное восстановление начальной формы окказионализма ввиду несовпадения модели образования его в контекстуальной и «словарной» формах.

Отин Е. С. (СССР). Доклад В. В. Лопатина и И. С. Улуханова стимулирует разработку славянского словообразования в сопоставительном аспекте. Одним из условий успешного осуществления этой задачи является создание полных словообразовательных словарей славянских языков, представляющих корпус в с е х словообразовательных гнезд на определенных хронологических срезах, которые объединяли бы в с е однокоренные лексемы национального языка, связанные отношениями мотивации,— литературные и внелитературные (макрогнезда). Предпосылки для создания такого словаря в русской лингвистике имеются, в украинской и белорусской пока еще недостает лексикографических изданий, равнозначных «Словарю русских народных говоров».

Одним из направлений конфронтационного изучения славянского словообразования является сопоставительное описание словообразовательных гнезд в плане синхронии и диахронии. Работ этого профиля пока нет. Объектами изучения должны стать: внутригнездовая валентность (валентность корня), различия в статусе одноструктурных образований в однокоренных гнездах родственных языков, а также

лексического состава однокоренных гнезд, обусловленные особенностями их исторического развития; национальная специфика в морфонологических связях аффиксов, в организации гнезд (например, сильных и ослабленных зон отношений производности, мест разрыва словообразовательных цепей), в смысловом объеме сопоставляемых гнезд и т. д.

Николаев Г. А. (СССР). Выявление системы словообразовательных типов, сходств и различий славянских языков, а также продуктивности/непродуктивности деривационных моделей необходимо для получения предварительных сведений, на основе которых должны рассматриваться принципиальные проблемы сопоставительного словообразования славянских языков.

Таких проблем, по меньшей мере, три: 1) взаимодействие словообразования и формообразования в славянских языках; 2) взаимодействие морфемного словообразования и семантической деривации; 3) функционирование словообразовательных типов в славянских языках.

Применительно к последней большое внимание должно быть уделено отношениям синонимии, омонимии и антонимии словообразовательных типов. Эти отношения являются общими чертами для славянского языкового типа. В связи с этим важно выявить следующее: 1) взаимодействие синонимии, омонимии и антонимии словообразовательных типов в системе одного языка и в межъязыковом плане; 2) внутриспо́собная и межспо́собная синонимии и их взаимодействие (ср. рус. *под-пол-ье* и *под-пол*) и 3) внутриязыковая и межъязыковая (межславянская) синонимия, омонимия и антонимия в словообразовании (ср. рус. *буди-льник, умыва-льник* — п. budz-ik, umywa-lka = межъязыковая синонимия; рус. *засвистеть, загреметь* (начать действие) — п. zagwizdać, zagrzmieć (закончить действие) = межъязыковая словообразовательная антонимия).

Бартков Б. И. (СССР). При сопоставительном исследовании словообразовательных подсистем необходимо иметь количественные данные сравнимой полноты и точности. Кроме упоминаемой авторами «продуктивности», которая понимается как способность давать новообразования, а нами называется «синхронической продуктивностью» (P_s), следует использовать такие количественные критерии, как «диахроническая продуктивность» (P_d), т. е. общее число слов данного типа или модели. Например, для русского суф. **-ств(о)** эта характеристика равна: $P_d = 1366$. Кроме этих словарных, т. е. языковых критериев, следует использовать и текстовые, т. е. речевые критерии: «суммарная частотность» (F_s), т. е. число употреблений всех разных слов данного типа, попавших в число, например, 40 000 самых частотных слов; «продуктивная частотность» (F_p), т. е. число разных слов в этом частотном словаре. Для суффикса **-ств(о)** эти характеристики равны: $F_s = 7191$; $F_p = 85$. Важной характеристикой типа или модели является «фонетическая сочетаемость (тяготение)» морфем, например, суффикса и основы (*Ph*). Для **-ств(о)** характерно присоединение к основам со следующими финалями: [к(тш')] — 21 % всех основ, [л] — 15, **р** — 16, **п** — 12, **д** — 10 % и т. д. Следует включать в описание также «морфемное тяготение». Для рассматриваемого суф. **-ств(о)** характерно соче-

тание с производящими основами, имеющими в финали следующие суффиксы: **-тель** — 25 % всех случаев, **-ник** — 27, **-вод** — 11 % и т. д. Степень сходства словообразовательных подсистем можно оценивать количественно с помощью выведенной нами формулы: $K = \frac{nS_0}{S_1 + S_2 + \cdots + S_n}$ или с помощью формулы Ренконена: $K = 1 - \frac{1}{2}\sum_{i=1}^{n} |P_i - P_i'|$.

Лашкова Л. (НРБ). Докладът на проф. М. Ивич представя нов принос към съпоставителното изследване на начините на глаголното действие. В това отношение все още има много неоткрити възможности. Затова и представеният доклад дава много перспективни идеи. Преди всичко заслужава внимание фактът, че такива общи семантични категории като «аблативност» и «партитивност», които по традиция са били свързвани с именната група, сега се откриват и в сферата на глагола. Направените констатации за български език се съгласуват напълно с някои основни характеристики на граматичната му структура — силно развитата префиксация и повишената функционалност на лексикалната семантика — като резултат от аналитичния развой. По отношение на представения илюстративен материал бих искала да коригирам една неточност. Конструкциите за неголяма продължителност на действието от типа на: *Остави ги сливите, нека се посушат* — са много характерни за български език (с. 58 от пълния текст на доклада,— Јужнословенски филолог, т. 38, 1982). Като общо заключение може да се каже, че поетата линия на изследователски подход би могла да се продължи върху нови префиксални модели.

Аминова А. А. (СССР). В докладе В. В. Лопатина и И. С. Улуханова поставлен целый ряд весьма важных вопросов, требующих настоятельного рассмотрения, предложены пути их решения, выдвинуты задачи, стоящие перед сопоставительным словообразованием славянских языков. Действительно, в этой области немало «белых пятен», особенно в сфере глагольной префиксации. В частности, недостаточно ясны причины так называемых взаимозамен префиксов в одной и той же функции (ср. др.-рус. *изгасити* — рус. *погасить*, др.-рус. *убѣжати страшныхъ мукъ* — рус. *избежать*) в языке различных периодов и в различных списках древнерусских памятников (*разбити, избити, сбити* в значении «убить»). Не имеют однозначного толкования причины сближения разнопрефиксных образований до статуса синонимов и последующий распад их синонимических связей.

Показания славянских языков, полученные при сравнении эквивалентов русских префиксов, дают в руки исследователя важный материал, способствующий объяснению разрозненных, на первый взгляд, ничем не связанных друг с другом фактов. В целом, словообразовательные значения префиксальных глаголов с одной и той же корневой базой могут оформляться однотипно в разных славянских языках, отражая состояние словообразовательной системы общеславянского периода, и различаться словообразовательным формантом (при этом семантическая общность сохраняется, например: рус. *взбежать* — ч. vyběhnout «действие, направленное вверх»).

Небезынтересными представляются факты совпадения (как полного, так и частичного) синонимических связей разнопрефиксных однокорневых глаголов, например рус. *вымыть* — *умыть* и ч. vymýt — umýt.

Потенциальные возможности славянских префиксов достаточно широки, чтобы в зависимости от требований коммуникации и языковой ситуации в данный период выразить то или иное словообразовательное значение. Сравнительный анализ префиксальных систем славянских языков может способствовать вскрытию процессов, происходящих в семантической структуре глагола, уточнению этимологий отдельных префиксов, изучению глагольной синонимии, углублению сведений о словообразовательной системе русского глагола.

Thelin N. B. (S). В докладе коллеги М. Ивич содержится ряд интересных наблюдений, которые, несомненно, нужно рассматривать как перспективный вклад в теоретическое изучение семантики славянского глагола, в частности его префиксации. Анализируя примеры «расширения оперативного потенциала» некоторых приставок (преимущественно в словенском и болгарском языках), она на самом деле убедительно показала необходимость дальше развивать изучение славянской глагольной префиксации в направлении более глубокого, семантико-синтаксического анализа. К такому выводу пришли и мы в нашем еще предстоящем докладе. Позвольте процитировать из него: «...дальнейшее исследование типологии славянской префиксации нужно вести... с установкой на усиленную разработку ее концептуально-семантических и глубинно-синтаксических предпосылок». Инновационное расширение семантико-синтаксических функций приставок, и тем самым их полисемии, на наш взгляд, является выражением закономерных процессов системного и, пожалуй, универсального характера, а именно, с одной стороны, нарастающего абстрагирования значений приставок, а с другой — их общей семантической дифференциации.

Сложный семантический синтаксис уже давно существующих префигированных славянских глаголов очевиден, например, в случае рус. *прочитать* — *прочитывать*. Здесь глагол имеет по крайней мере три значения: 1) читать (от начала) до конца; 2) проводить определенное время читая/чтением; 3) читать, делая пропуски.

Наконец, хотелось бы поддержать критику традиционного анализа делимитативного **по-**, высказанную в докладе коллеги Ивич. Тут действительно речь идет не о «краткой» длительности, а просто об ограниченной длительности, будь это минуты или годы. По нашим представлениям, делимитативность поэтому всегда предполагает обязательную видовую тотальность. Предложенная функция «квантификатора» у самой приставки **по-** поэтому действительно является неопределенной или «fuzzy», как это предполагает коллега Ивич, исходя из лейковского понятия.

Běličová-Křížková H. (ČS). Хочу сделать одно замечание, касающееся признакового характера новообразований с **при-** и **по-**: **при-** в словенском способствует транспонированному употреблению глаголов; **по-** в болгарском продолжает развиваться в направлении к спецификации второй приставки (не перфект) или употребляться в качестве кван-

тификатора то ли со значением малой степени, то ли со значением большой степени признака.

Мокиенко В. М. (СССР). В докладах М. Ивич, Т. Стаматоского и В. Лефельдта подчеркивалась мысль о необходимости широкой семантической интерпретации словообразовательных средств. Действительно, и префиксы, и суффиксы регулируют не только формообразование и грамматическую «линию поведения» соответствующих частей речи, но и во многом определяют их лексическое лицо.

Это весьма недвусмысленно показала М. Ивич, подчеркнув взаимодействие грамматического и лексико-семантического начал при глагольной префиксации. Несколько слов хочется сказать о докладе проф. Т. Стаматоского, в котором исследовались словообразовательные характеристики македонской и другой южнославянской антропонимии. Важно, что докладчик исходит из системного подхода к антропонимическим формантам, признавая необходимость их комплексного описания — в ареальном, сопоставительном и фреквентативном планах.

Анализ антропонимии возможен в двух направлениях: по вертикали, т. е. в плане исследований мутаций одного имени во времени и пространстве; по горизонтали — как исследование ряда антропонимов с одним формантом. При втором подходе возникают следующие проблемы: 1) действительно ли все имена, имеющие славянское звучание, являются «общеславянским антропонимическим фондом»? Известно, что «мода на имя» — сильный социолингвистический фактор, изменяющий антропонимическую ситуацию весьма быстро. 2) Не каждая антропонимическая модель (особенно весьма активная) моногенна. За как будто единым словообразовательным рядом на **-чин-** (*Данчин, Дојчин, Крајчин, Пејчин, Првчин* и т. д.) может скрываться разный тип антропонимизации: непосредственно от имени, через апеллятив, народно-этимологическая «подгонка» под модель и т. п. Не учитывать потенциальную возможность гетерогенности модели — значит излишне формализовать антропонимический анализ.

В заключение хочется еще раз отметить содержательность доклада Т. Стаматоского, в котором сделан шаг к системному анализу южнославянской антропонимии.

Крицкий Б. И. (СССР). В докладе В. Лефельдта предложен весьма убедительный метод исследования глагольных парадигм настоящего времени, который в его основных принципах может быть использован и для анализа многих парадигматических рядов как одного языка, так и при конфронтационном изучении нескольких языков. Особо ценные наблюдения могут быть получены в результате изучения близкородственных языков, каковыми являются славянские.

Учет всех возможных форм реализации той или иной парадигмы, как это показано в докладе, дает исследователю возможность оперировать ограниченным в количественном отношении материалом, который является одновременно и исчерпывающим, при условии, конечно, если с достоверной истинностью установлены формальные элементы, определяющие член парадигматического ряда («Subparadigmen» проф. В. Лефельдта).

В докладе рассмотрены 22 презентные глагольные парадигмы современного украинского литературного языка, реализованные им из 45 возможных. Имеющиеся выводы, безусловно, ценны, так как они базируются на сравнении подобных результатов из других славянских языков, однако считаю необходимым отметить явную ограниченность этих выводов: речь идет лишь об особом месте украинского языка в кругу родственных славянских, поскольку коэффициент «меры связности» [$M(V)_{Ukr}$] оказывается в нем самым низким.

По моему мнению, гораздо бо́льшую перспективу научных исследований открывают в этом случае те 23 нереализованные возможности, которые в докладе совершенно не рассмотрены, так как они могли бы реализоваться: 1) в ненормированной речи рассматриваемого языка; 2) в диалектах рассматриваемого языка; 3) в историческом прошлом рассматриваемого языка; 4) в одном или нескольких близкородственных языках; 5) в историческом прошлом одного или нескольких близкородственных языков; 6) в праязыке и т. п.

Имея в распоряжении номенклатуру нереализованных возможностей в системе одного или нескольких (в идеале — всех) близкородственных языков на современном этапе их развития, исследователь может более уверенно опираться на диахронический и синхронический анализ интересующей его парадигмы и даже в какой-то мере прогнозировать ее дальнейшее развитие. Кроме того, такая номенклатура может оказаться полезной и для внеморфологических исследований, например, в синхронической и диахронической акцентологии и фонологии.

Вечернее заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Cazacu D. (R) — О природе структурных сходств на уровне временного и аспектного взаимодействия в глагольных системах венгерского и славянских языков (Romanoslavica.— Bucureşti, 1983, v. 21, p. 99—111).

Mathiassen T. (N) — Родовая «иерархия» в оппозиции «маркированности»: «немаркированности» в современных славянских и балтийских языках (Meddelelser.— Oslo, 1983, N 34, s. 3—26).

Vascenco V. (R) — Грамматическая категория общего рода в восточнославянских и романских языках (Romanoslavica.— Bucureşti, 1983, v. 21, p. 113—129)..

Petr J. (ČS) — Slovanská krátká adjektiva (v souvislosti s vývojem novodobých slovanských jazyků) (Československá slavistika.— Praha, 1983, s. 109—118).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Глинкина Л. А. (СССР). Проф. Т. Матиассен представил полную многоаспектную картину современной грамматической адаптации заимствованных имен на гласный в широком лингвистическом ареале

славянских и балтийских языков. Особенно ценны выводы о подчинении рассматриваемых интернационализмов грамматическим правилам заимствующего языка и о специфике «родовой иерархии» в связи с маркированностью/немаркированностью частных родовых значений. Представляется, что исследование могло бы быть еще более конкретным, если бы в нем строже учитывались при интерпретации восточнославянского языкового материала некоторые экстралингвистические и внутриязыковые факторы: 1) зависимость судьбы таких интернационализмов с разными финалями **(і, у, и-е, о)** в живом разговорном языке от наличия/отсутствия соответствующих родовых флексий в языковом инвентаре; 2) родовое варьирование под влиянием грамматического рода в языке-источнике; 3) хронология освоения соответствующего лексического пласта: бо́льшая часть интернационализмов появилась лишь в XX в., поэтому неправомерно связывать их несклоняемость в русском языке с сомнительной теорией «ненародного» происхождения норм русского литературного языка, «сформировавшегося в сферах высших слоев общества» (с. 11), с их «особым уважением... к французскому» (с. 9).

Масленникова Л. И. (СССР). В дополнение к докладу проф. В. Васченко хотелось бы сказать, что КОР (категория общего рода) актуальна и в западнославянских языках. В частности, в польском языке довольно широко представлены существительные, относящиеся к 3-му и 4-му разрядам, по классификации В. Васченко. В литературном польском языке КОР выражается также синтаксическими средствами. Однако в диалекте польского языка, функционирующем на территории Литвы (в условиях билингвизма), существительные 4-го разряда (типа p'ijan'ica, n'edor'ajda, s'erota) имеют формы словоизменения и мужского и женского рода (tego p'ijan'icy/tego p'ijan'ica и tej p'ijan'icy — род. пад. ед. числа; temu s'eroc'e и tej s'erotaj — дат. пад. ед. числа; s tym n'edorajdo/s tym n'edorajdem и s to n'edorajdo — муж. род. ед. числа) (материал взят из записей, сделанных в дер. Арненай Пабрадского р-на Лит.ССР).

На парадигматическом уровне здесь следует говорить о разных типах словоизменения — мужского и женского рода — для существительных 4-го разряда. Таким образом, в указанном диалекте актуально сокращение корпуса существительных, относящихся к КОР, за счет функционирования парадигм мужского и женского рода у существительных типа p'ijan'ica.

В некодифицированных языковых системах, каковыми являются диалекты, дистрибуция существительных общего рода отличается от литературного языка, и, видимо, корпус таких существительных имеет тенденцию к сокращению.

Быкова Л. А. (СССР). 1. Известно, что круг оценочных личных существительных на **-а** в современном русском языке не имеет стабильной (и достаточно обследованной) маркированности применения к лицам мужского и женского пола (с учетом стилистики коммуникации), а тем более — вариантов согласования с именем определения (и даже сказуемого). Узус функционирования этих слов на синтаксическом уровне нельзя считать определенным в связи с разговорно-простореч-

ным характером текстов, в которых они выступают. Учитывая стилистическую окрашенность этих слов, можно сказать, что с точки зрения лексического состава и вариативности этот ряд принципиально открыт.

В связи с этим считаю «инвентаризацию» этих лексем по словарям лишь первоначальной стадией грамматического изучения имен на **-а**; анализ должен базироваться на текстовом материале.

2. Установление реестра имен лиц общего рода является задачей не грамматического, а антропонимического исследования (существуют словари русских личных имен в их вариантах). Проблема форм синтаксической согласуемости с экспрессивными вариантами сокращенных русских имен остается той же, что и для оценочных слов на **-а**.

3. Учитывая современное состояние и тенденции «движения» слов типа *доктор, диктор* (см огромную литературу в русистике), а также нерелевантность типа склонения, считаю невозможным (несмотря на авторитет «Русской грамматики» (М., 1980) исключить эту категорию слов из поля зрения в связи с рассматриваемой проблемой.

4. Анализ слов общего рода не будет полным, если не исходить из функционирования этих слов, если не координировать рассмотрение их в аспекте маркированности в отношении пола, в аспектах словообразовательной, синтаксической и стилистической маркированности, в плане наличия «дублетов».

Только изучение этих категорий слов в кругу прочих личных имен создаст объективные предпосылки для выявления статуса слов общего рода во всей сложности их «измерений» и лингвистического описания.

Маркарьян Н. Е. (СССР). Четкий и аргументированный доклад В. Васченко интересен и заставляет задуматься, возможно ли грамматическое выражение родовой принадлежности для существительных общего рода в западнославянских языках, в частности польском.

В современном польском языке насчитывается более ста существительных общего рода на **-а** типа gdera, niedorajda; doktorzyna, poczciwina, в большинстве своем относящихся к эмоционально-экспрессивной лексике.

В противоположность русскому языку для польской парадигмы множественного числа мы можем засвидетельствовать грамматическое выражение лица (пола) в формах родительного падежа, представленного флективными отношениями **-ø** ‖ **-ów** (например, niedorajd — о женщинах, niedorajdów — о мужчинах).

Особый интерес представляют формы именительного падежа множественного числа. Возникает вопрос, при помощи какой флексии: **-i** или **-y** будут оформлены интересующие нас лексемы?

В качестве распространенной флексии для существительных общего рода, имеющих эмоционально-оценочный характер и являющихся достоянием разговорного стиля, выступает окончание **-y**. В этом случае в польском языке происходит наслоение двух стилистически однозначных формантов: экспрессивной основы и субъективно-оценочного формообразующего аффикса. Если существительное является производным, то и словообразовательный формант стилистически однозначен.

В связи со сказанным уместен вопрос, всегда ли сама флексия **-у** вариантна. К сожалению, эта проблема не обсуждалась, поскольку доклад Skubalanki T. (P) «Pojęcie wariantu w fleksji słowiańskiej» не был прочитан.

Изученный нами словарный материал свидетельствует, что флективное **-у** не выступает, например, для образований на **-ista, -ent, -ant, -or, -er.** Подтверждают это факты современной научной прозы. В переводах сочинений В. И. Ленина на польский язык образования на **-ista** не приобретают флективного **-у** в контекстах, где можно было бы ожидать оценочно-экспрессивное **-у.** Такой запрет для флексии **-у** характерен как в научно-фантастическом жанре (Лем), так и в юмористическом (Вех).

Не отрицая роли дублетности окончания **-у** для выражения более экспрессивного значения по сравнению с формами на **-i** ‖ **-owie,** аккузативное **-у,** будучи разговорным по происхождению, выполняет самостоятельную функцию.

Окончание **-у** является первичным и невариантным не только для существительных общего рода, но и для целого ряда структур с суффиксами субъективной оценки на: **-och** (pieszczoch-y), **-as** (grubas-y), **-us** (chtrus-y), **-uch** (mieszczuch-y).

Говоря о развитии категории лица в польском языке, мы можем отметить, что данный процесс не нашел своего полного завершения: он не охватил все существительные мужского рода, что находится в прямой зависимости и от словообразовательной структуры имени.

Семчинский С. В. (СССР). Прослушанный доклад В. Васченко свидетельствует о глубоком подходе его автора к исследуемому вопросу и в целом правильно представляет важную языковую категорию. Хочу поделиться только некоторыми соображениями в связи с затронутыми в докладе вопросами. В. Васченко справедливо отмечает наличие категории общего рода в разных языках, в том числе и румынском. Несомненно, что фамильные имена в румынском литературном языке принадлежат к категории общего рода (КОР), ср.: l-am văzut pe Ionescu и am văzut-o pe Ionescu, где Ionescu в первом случае следует признать мужского рода, а во втором — женского. Однако мне представляется необходимым уточнить, что данное явление наблюдается именно на уровне литературного языка, но не распространяется на все функциональные стили румынского языка. Доказательством этого утверждения является просторечный вариант фамилии Ionescu и ей подобных для лиц женского пола — Ioneasca. В связи с этим вспоминается блестящий рассказ выдающегося румынского писателя Иона Луки Караджале «Цепь слабостей», в котором зафиксированы фамильные названия для лиц женского пола: Preoteasca, Diaconeasca, Iconomeasca, Sachelăreasca, Piscupeasca, Dăscăleasca, Popeasca. Кстати, и в украинском языке фамилия Івасюк является именем общего рода на уровне литературного языка, но в просторечии лицо женского пола может быть названо *Івасючка, Івасюкова, Івасюківна* и т. д.

Второе замечание относится к утверждению автора о том, что категория общего рода наблюдается в румынском языке исключительно в антропонимии. Подобному утверждению противоречат слова типа

zgîrie-brînză, gúră-cáscă, papă-lápte и им подобные, которые могут получать как мужское, так и женское согласование.

Иванчев С. (НРБ). Ян Петър изключително пълно, бих казал, изчерпателно представя в доклада си проблематиката на кратките и пълните форми на прилагателните имена в славянските езици. Към казаното бих добавил, че опозицията кратки/пълни форми на прилагателните имена би трябвало (за по-голяма яснота) да се разглежда независимо от съществителните имена, с които често се свързват прилагателните. Тази опозиция всъщност се свежда до казуалното противопоставяне на падежа на подлога и на падежа на сказуемното име, която синтактична опозиция фактически от гледище на традиционното схващане за падежната система в славянските езици се изразява омонимично с една и съща именителна падежна форма. Всяка промяна, която води до разрушаването на тази опозиция, бива последвана неминуемо от друга промяна, която я възстановява.Така в българския език опозицията съществува във формата членувано прилагателно/нечленувато прилагателно; в днешния чешки език: прилагателно (пълна форма), свързано с анафорично местоимение ten—прилагателно без анафорично местоимение (евентуално: наречие от съответното прилагателно или предикативен творителен падеж).

Žaža S. (ČS). В русском языке употребление кратких форм прилагательных (в широком смысле) относительно свободно, между тем как в чешском они постепенно выходят из употребления. Заслуживает, однако, внимания тот факт, что в позиции предикативного определителя в русском языке в настоящее время встречаем полные формы, ср. *Взволнованный, он замолчал; Обыкновенно спокойный, Вася в этот раз рассердился.* Употребление кратких форм несколько архаично.

В чешском языке полные формы (особенно в языке молодого поколения) проникают и в аналитические страдательные конструкции типа: To bylo zrušené; Byl potrestaný и т. д. С подобным употреблением полных форм можно встретиться даже в языке письменных документов.

Oravec J. (ČS). 1. Pri všeobecnom rode, ako ho naznačil prof. V. Vascenco, treba rozlišovat' 2., 3. typ od 1. a 4. typu. V 2., 3. type ruský jazyk nie je aktívny, nevyžaduje kongruenciu v ženskom rode. Západoslovanské jazyky český a slovenský tu vyžadujú zhodné formy typu *Morozová, Hygová.* V 1. a 4. type je jazyk aktívny: stavia tu expresívnu odvodeninu proti neutrálnej základnej podobe. V 1. type expresíva so sufixom **-я**, vo 4. type so sufixom **-ica.** Sufix **-я** v 1. type nepokladám za deminutívny: musel by to byt' sufix s konsonantickým elementom **-k-** (**-ik-, -ek-, -ok-, -čik, -ka...**).

2. Krátke adjektíva sa neudržali vo všetkých slovanských jazykoch. Zanikli v slovenskom jazyku. Má to dôsledky morfologické i syntaktické. V morfológii to má taký odraz, že sa rozmnožili adverbiá s priponou **-o** na útvar adverbií s priponou **-e.** V syntaxi to má odraz na slovosled zhodného atribútu. V slovenčine zhodný atribút je silnejšie antiponovaný než v inných slovanských jazykoch; môže sa postponovat', len ked' je rozvitý (prostým alebo predložkovým) pádom.

Утреннее заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Смирнов Л. Н. (СССР) — Проблемы и задачи сопоставительной славянской аспектологии (Славянское языкознание.— М., 1983, с. 184—198).

Савић М. (Yu) — Аспектуалност и темпоралност у исказивању прошлости и претпрошлости у словенским и несловенским језицима (Linguistica.— Ljubljana, t. 22, 1982, s. 191—204).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Sekaninová E. (ČS). Вчера мы прослушали доклад О. В. Бондарко о функционально-семантических полях, в котором, как и в дискуссии, много говорилось об аспектуальности.

Сегодня в докладе Л. Н. Смирнова опять говорится об аспектуальности, но уже более конкретно, с предложением направлений сопоставительной аспектологии.

В докладе указывается, что, хотя о славянском виде и способах глагольного действия уже много написано, все еще остается много нерешенных вопросов. Развитие сопоставительной лингвистики раскрывает все новые проблемы и возможности их решений. При этом представляется, что проблемы эти становятся более масштабными, а единицы исследования — более конкретными и определенными.

Интересно проследить за новыми явлениями, которые обнаруживаются при сопоставлении языков. К таким явлениям можно причислить префигирование двувидовых глаголов (главным образом иноязычного происхождения), а также исследование морфологической структуры двувидовых глаголов. В словацком языке, как мне кажется, в подобных случаях действует аналогия.

Л. Н. Смирнов выделяет в докладе три основных типа глагольных значений: видовые (грамматические), значения способов действия (лексико-грамматические) и акциональные (лексические). Это деление нуждается в более точном объяснении, в частности в определении критериев такого разграничения глагольных значений, а также в надлежащем иллюстрировании.

Иванова К. (НРБ). Имам две възражения по ценния доклад на проф. Л. Н. Смирнов. 1. Генерализацията на вторичната имперфективация в съвременния български език не е компенсационен процес. Тъкмо напротив: в български префиксацията е много силно развита, по-силно отколкото в някои други славянски езици (за сърбохърватски такива данни изнесе преди години И. Грицкат). В разговорната реч ликвидацията на двувидовите глаголи е постоянен процес, който при това се извършва и по два начина: 1) *ангажирам — заангажирам;* 2) *ангажирам — ангажирвам* и даже *заангажирам — заангажирвам.* Така че изводите на проф. Св. Иванчев, а преди това и на нашия общ учител проф. Ю. С. Маслов, са в съгласие с езиковата действителност. (В бълг. II имперфективация не е «вместо», а «в повече»). 2. Разбира се, че е назряла необходимостта от конфронтативно изследване на начи-

ните на действие (НД), но не бива да се връщаме към теоретизиране по въпроса за т. н. чисто видови представки. Дискусията през 50-ти години (Vej — Poldauf — Kopečný) изигра голяма роля, но е излишно да я повтаряме цялата, още повече че е напълно ясно от съвременното състояние на аспектологията: до единство няма да се стигне! Бих предложила да се започне с изследване на словообразователна характеристика на НД, които са ядро на тази категория. В доклада е подценен трудът на Е. Секанинова, а тя първа осъществи монографично изследване на НД в два славянски езика: словашки и руски. Бих отбелязала, че въпреки различията в методиката и терминологията, данните от нейното конфронтативно изследване са съпоставими с резултатите, получени за българския език. Получават се интересни резултати: представители на три групи славянски езици се групират по всички възможни начини: пълна еднаквост, пълно разграничаване, български и руски срещу словашки, български и словашки срещу руски, руски и словашки срещу български. Много интересно, своеобразно реагират глаголите за движение в български език: съпоставлението на НД потвърждава особената им съдба в аналитичния славянски език. Радвам се, че проф. Смирнов подкрепя НД-проблематиката, но апелирам за по-бърза и по-практически насочена работа, при отчитане на наличното конфронтативно изследване на Е. Секанинова.

Лопушанская С. П. (СССР). В докладе Л. Н. Смирнова внимание сосредоточено на синхронно-сопоставительном изучении категории вида и «сопредельных» (по выражению Ю. С. Маслова) явлений в славянских языках.

Значительный научный интерес представляет рассмотрение сходств и различий в системах собственно глагольного видообразования (суффиксального и префиксального); в семантической либо морфонологической обусловленности глаголов определенного вида, и особенно глаголов perfectiva tantum; в формальной дифференциации двувидовых глаголов с заимствованной основой; в сложном переплетении и взаимодействии лексических, лексико-грамматических и грамматических значений глагола в славянском глаголе.

Такой комплексный подход к изучению организации славянской видовой системы в сопоставительном плане перспективен и дает возможность установить закономерности, выходящие за пределы синхронного описания, при условии реализации еще одной задачи — установления специфики функционирования рассматриваемых явлений.

В частности, до сих пор славистическая литература не располагает сопоставимыми данными о предпочтительном или регулярном употреблении в различных славянских языках видовых форм одного и того же глагола для выражения временны́х значений. Эти различия весьма важно выявить в тех языках, где сохранилась оппозиция аорист/имперфект, и в тех, где она утрачивается. Учет названных существенно важных компонентов видовой системы позволит более объективно судить о степени ее развитости, о выражении видового противопоставления в славянских языках.

При установлении степени абстрагированности средств выражения способов глагольного действия важно опираться на положения

А. В. Бондарко о моноцентрических и полицентрических функционально-семантических полях.

Иванчев С. (НРБ). Докладът на Л. Н. Смирнов представя много добър и пълен обзор на всичко, което е постигнато в областта на изучаването на славянския глаголен вид и ще бъде твърде полезен отсега нататък за всеки аспектолог като отправна точка. Като изтъква, че «судить о степени развитости системы только по одному из ее параметров (пусть даже наиболее важному), видимо, вряд ли целесообразно и правильно», Л. Н. Смирнов се опитва да оспори първото място сред славянските езици на българския език. Но «бесспорный факт практически универсальной... возможности образования в болгарском языке суффиксальных видовых пар посредством вторичной имперфективации» не е единствен показател за високата видовост на българския език. А ако се обърнем към другите начини за изразяване на видовото противопоставяне в останалите славянски езици («ведь это не единственный, не исключительный способ выражения видового противопоставления в славянских языках»), то това би ни завело твърде далече, тъй като своеобразни средства за изразяване на видовата универсалия ще намерим и във всички други езици, които изобщо не смятаме за видови. Много вярно се набелязват в доклада задачите, които стоят пред аспектологията. Като се съгласявам, че в областта на начините на глаголното действие много е направено, но още много има да се прави, бих пожелал да се обръща повече внимание на различни страни от историята на аспектуалността с крайна цел да се напише сравнително-историческа славянска аспектология, както е не по-малко важно да се разкрият всички средства за изразяване на аспектуалните значения в неславянските езици с евантуална крайна цел написването на една обща типология на глаголния вид (силно впечатление ми направи докладът на E. Vrabie и D. Casacu за развитието на префиксацията в унгарски език).

Станков В. (НРБ). В интересния доклад на проф. Л. Н. Смирнов са разгледани доста пълно аспектуалните общности и различия между славянските езици. Но авторът има пред вид формалната страна на въпроса, т. е. начините на изразяване на категорията аспектуалност в славянските езици. Бих искал да допълня, че много важен е и въпросът за съпоставителното изследване на славянските езици в семантично-функционален план. Тук между отделните славянски езици също наблюдаваме интересни сходства и различия особено в областта на функционирането на частните видови значения и на така наречената конкуренция на глаголните видове.

Бих искал да обърна вниманието на автора и върху изключителното положение, което заема българският език по отношение на вторичната имперфективация, която в български е проведена почти изцяло, а в останалите славянски езици, включително и в съседния сърбохърватски, е проведена повече или по-малко частично. Причините за тази генерализация трябва да търсим в специфичната аспектно-темпорално-модална система на българския език, която значително се отличава от съответните системи на останалите славянски езици.

Соколов О. М. (СССР). В общей теории сопоставительной аспектологии должно найти свое место явление фазовости. Фазовость в славянских языках выражается не только аналитически, но и в составе видовых пар, а также в составе видовых цепей. Исследование парадигматических рядов, представленных мотивационно-связанными противопоставлениями суффиксального и префиксального типа, показывает, что значение фазовости обладает системообразующим характером. Глагольные аффиксы в славянских языках выполняют определенные фазовые функции, которые могут быть различными для аффикса с тождественным лексическим значением (ср. *вскипеть — кипеть; кипятить — вскипятить*). Выражение фазы действия представлено не только в славянских языках, но и в неславянских. Это дает возможность расширить возможности сопоставительной аспектологии. Проблема фазовости может рассматриваться и в аспекте функционально-семантических полей (аспектуальности и темпоральности), занимая в них различное положение.

Улуханов И. С. (СССР). В докладе Л. Н. Смирнова намечены перспективы сопоставительного изучения славянского глагольного вида и способов действия. Одним из методов такого изучения может быть, с нашей точки зрения, построение универсальной схемы видовых отношений в славянских языках, включающей как заполненные, так и пустующие, но возможные клетки, и сравнение видовых систем разных славянских языков с помощью этого эталона.

Указанные в докладе три обязательных звена в системе видов (парные, непарные и двувидовые глаголы) следовало бы конкретизировать делением непарных на абсолютно непарные (типа *рухнуть*) и коррелирующие по виду, но не образующие чистовыводных пар (типа *стучать — застучать*).

Способы действия тесно связаны не только с грамматическим видом, но и со словообразованием. Поэтому они могут изучаться в сопоставительном плане с помощью словообразовательных методов. Так, рассмотренные в докладе начинательные глаголы с приставкой **за-** имеют в славянских языках различия в степени семантической ограниченности сочетания этой приставки с мотивирующими глаголами, и трудно согласиться с тем, что «в польском, чешском и словацком языках начинательное значение не характерно для приставки **za-**» (с. 195 доклада Л. Н. Смирнова). Эта приставка сочетается, например, в польском языке с основами различных значений (ср. zaalarmować, zafalować, zadrżeć), причем особенно активно — с глаголами звучания (zagwizdać, zachichotać и мн. др.).

Лопатин В. В. (СССР). Доклад Л. Н. Смирнова содержит ряд важных наблюдений в области сопоставительной аспектологии славянских языков. Обращая внимание на возможности образования видовых пар у разных групп глаголов, автор справедливо отмечает не только семантические (довольно хорошо изученные), но и формальные условия появления видовой парности. Четко выделено и место двувидовых глаголов как того участка видовой системы, где нейтрализуются видовые различия; сопоставление двувидовости в разных славянских языках показывает, что, например, в русском литературном язы-

ке тенденция к сохранению видового синкретизма двувидовых глаголов проявляется значительно сильнее, чем в западнославянских.

Следует согласиться с автором в том, что до сих пор в славистике отсутствуют четкие критерии выделения сферы так называемых акциональных значений. Наряду с традиционно сложившимся (в русистике и болгаристике) узким пониманием способов глагольного действия (СГД), круг которых, как известно, ограничивается временными, количественными и специально-результативными способами, существует более широкая точка зрения (см., например, чешскую «Русскую грамматику»), включающая в круг СГД глаголы с пространственными префиксами, с префиксом **пере-**, выражающим повторность действия, отыменные глаголы со значением становления признака и т. д. Подобное расширение сферы СГД представляется оправданным, поскольку большинство словообразовательных типов глаголов имеет свои специфические аспектуальные характеристики, а именно эти характеристики, возможности видовой парности у тех или иных словообразовательно-семантических типов глаголов оправдывают выделение СГД как особых лексико-грамматических разрядов.

Силина В. Б. (СССР). Морфологическая проблематика остается актуальной в аспектологических исследованиях, посвященных современным славянским языкам. Сопоставительное изучение этой области позволяет выйти за пределы синхронно-типологических исследований и усмотреть в территориальном распределении элементов морфологической структуры вида отражение диахронических фактов, т. е. различных этапов исторического развития исходной системы или подсистемы, в данном случае — праславянского глагольного вида (так, словацкое видообразование в некоторых чертах обнаруживает сходство с древнерусским, равно как и чешские многочисленные видовые корреляции находят аналогии в древнерусском материале).

Сопоставительные исследования помогают установить и перспективу развития ряда явлений. Так, на словацком, болгарском и русском материале прослеживается тенденция ликвидации видового синкретизма двувидовых глаголов (в русских народных говорах двувидовые глаголы *женить, казнить* вступают в видовые корреляции как глаголы несовершенного вида, получая видовые корреляты: *оженить, исказнить*).

Бондарко А. В. (СССР). В докладе Л. Н. Смирнова хорошо освещена проблематика сопоставительного исследования видовых систем и способов действия в славянских языках. Следует согласиться с постановкой вопроса о множественности критериев развитости видовой системы. Важен вывод о необходимости выделять три типа значений в области аспектуальности. На наш взгляд, способы действия (аспектуальные разряды) необходимо рассматривать не изолированно (лишь в рамках аспектуальности), а в ряду смежных относительно однородных явлений, т. е. в связи с другими лексико-грамматическими разрядами (ср., например, залоговые разряды, разряды конкретных, отвлеченных, собирательных, вещественных существительных и т. п.). Лишь при таком подходе можно выявить общие критерии для выделения и разграничения характеризованных, нехарактеризованных и

непоследовательно характеризованных лексико-грамматических разрядов. Необходимо обратить внимание на особый (более высокий) статус оппозиции предельных и непредельных глаголов (ср. считаемые и несчитаемые существительные) в иерархии компонентов аспектуальности. Следует выделить разные аспекты признака отношения действия к пределу (направленность на достижение предела, его реальное достижение, ограниченность действия пределом). Особого внимания требует функциональный аспект сопоставления. Необходимо исследовать аспектуальные функции на уровне высказывания. Одно из возможных опорных понятий в данной области — понятие аспектуальной ситуации. Целесообразно сопоставительное изучение системы содержательной вариативности процессных, узуальных, реляционных ситуаций, ситуаций конкретного и обобщенного факта, фазовых ситуаций и т. п.

Станков В. (НРБ). Напълно съм съгласен с изтъкнатото в доклада на М. Савич положение, че неславянската аспектуалност (в случая в италиански език) значително се отличава от аспектуалността в славянските езици. Същото може да се каже и за една съпоставка между славянските езици и френски език, в който т. нар. аспектуалност остава в рамките на времената и на начините на глаголното действие.

Докладчикът сравнява накратко категориите аспектуалност и темпоралност в интересуващия го смисъл с положението в някои други славянски езици, напр. български. В това отношение много полезно би било да се направи едно по-подробно сравнение между двата езика — сърбохърватски, който постепенно губи от своята претеритална система, и български, който, единствен от славянските езици, пази напълно богатата система от минали времена и където са създадени твърде специфични начини на взаимодействие между видовите и темпоралните форми при изразяването на категориата антериорност.

Чумак В. В. (СССР). В докладе М. Савича убедительно показано, что в славянских языках для выражения значений прошлости и предпрошлости доминирующее положение занимает категория вида, которая стала причиной исчезновения синтетических форм прошедшего времени, в то время как в романских языках на первом плане выступает развитая система временных форм с такими значениями. Поэтому хотелось бы остановиться на особенностях развития и функционирования форм прошедшего и давнопрошедшего времени в восточнославянских языках, где аспектуальность глагольных форм проявляется в наибольшей мере. Претеритальная система, унаследованная славянскими языками из праславянского, в современных славянских языках сохранилась в различной степени. Так, в русском, украинском и белорусском языках для выражения значения прошедшего действия употребляется форма видоизмененного перфекта без каких-либо видовых ограничений. Кроме того, в русском языке эта же форма может передавать и значение давнопрошедшего действия при помощи определенного согласования видо-временных форм глаголов-сказуемых, а также дополнительных контекстуальных средств, как, например, союзы *перед тем, прежде чем, после того* и т. п. В украинском и белорусском языках давнопрошедшее время имеет специальную форму выражения

(укр *итав, -ла, -ло, -ли; був, -ла, -ло, -ли;* бел. *знаў, -ла, -ло, -лі; быў, а, -ло, -лі*), которая указывает на характер взаимоотношений двух прошедших действий. Значение давнопрошедшего времени во всех восточнославянских языках проявляется преимущественно в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени и в сложносочиненных предложениях с противительными союзами.

Дневное заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Широкова А. Г. (СССР) — Вторичные функции грамматических категорий в славянских языках. Проблемы транспозиции (М., 1983. Отдельный оттиск).

Běličová-Křížková H. (ČS) — Kategorie pádu a intenční struktura slovanského slovesu (Československá slavistika.— Praha, 1983, s. 129—138).

Иванова М., Станков В. (НРБ) — Функционални особености на императива в българския език (в съпоставителен план с руски и полски език) (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 191—201).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Běličová-Křížková H. (ČS). Замечания по докладу А. Г. Широковой: целесообразно разграничивать первичные и вторичные функции морфологических форм в рамках морфологического уровня и первичные и вторичные функции предложений, в рамках которых употреблены морфологические формы, как правило, в своей первичной функции.

Станишева Д. (НРБ). Доклад проф. А. Г. Широковой посвящен важной и трудной проблеме — транспозиции в грамматике, которая в сопоставительном аспекте не изучалась. Заслугой автора является уточнение спорных вопросов теории транспозиции, имеющих принципиальное значение.

Исследование А. Г. Широковой показывает, что транспозиция грамматических форм проявляется в фиксированных лексических условиях. Поэтому важно установление «лексикализованных форм» транспозиции, отмеченных в докладе. Но терминологически, очевидно, лучше говорить о лексической обусловленности случаев транспозиции. Кроме того, следует обратить особое внимание на экстралингвистические факторы проявления транспозиции и ее связь с прагматической спецификой коммуникативного акта.

Иванова К. (НРБ). Съдържателният доклад на проф. А. Широкова насочва вниманието в различни области.

1. Специален интерес представя обстоятелството, че при съпоставителния анализ на вторичните функции се демонстрират типологическите различия между отделните езици: транспозициите са зависими от тях.

2. Мисля също, че би било важно да се внесе в анализа на транспо-

зициите прагматичен аспект: отчитане например на социолингвистичните и психолингвистичните параметри. (Реализацията на определени транспозиции може да изисква симетрични отношения между участниците в диалога — в социален смисъл — или обратно). Някои транспозиции се провокират от определени психолингвистични фактори. Израз «*Би ли ми подал чашата?*» е характерен за интелигентен стеснителен (или стесняващ се от събеседника) човек.

3. Транспозициите често се свързват не с целия масив глаголна лексика, а с определени семантични класове.

4. Смущава ме формулировката «Изменение функциональной заданности текста». По-прецизно би било: «(относительное) изменение заданности текста». Транспозицията се осигурява чрез запазване на инвариантното значение.

Никитевич В. М. (СССР). В репрезентации и дифференциации производной семантики транспозиция свойственна языковым знакам разной сложности. Поэтому проблемы транспозиции — это не только проблемы грамматики, но и проблемы лексики, словообразования, номинативной деривации в целом. В типологии способов выражения производных значений перестановка — п о з и ц и я знака независимо или в тесной связи выступает совместно с аффиксацией и аналитизмом. На этой основе может разрабатываться межъязыковая типология, как грамматическая, так и словообразовательная, а в целом — номинативно-деривационная.

Транспозиция занимает существенное место в системе средств выражения языковых значений разной сложности и степени абстракции. До настоящего времени мы не пришли хотя бы к относительному единству в понимании транспозиции. Так, в словообразовании это не только перемещение знака в новую позицию с изменением значения (С. Карцевский), но и способ аффиксации при сохранении лексического тождества корня или синтаксическая деривация (Е. Курилович). Здесь допускается смешивание совершенно разных явлений.

Необходимо логическое осмысление и определение транспозиции. Оно должно опираться на постулаты, которые согласовывались бы с природой любого, отнюдь не только языкового знака.

Суть транспозиции покоится на всеобщем законе перестановки. Любая последовательность знаков — п е р е с т а н о в к а в математике и других вторичных знаковых системах, п о з и ц и я в языке — заключает в себе все логические возможности выражения новых значений. Так, из совокупности пяти цифр, например 12345, мы получим 120 разных чисел. И некоторую аналогию этому представит предложение из пяти слов типа *Я завтра утром пойду гулять,* которое, как отметил еще А. М. Пешковский, даст в процессе перестановки также в строгом смысле 120 разных значений.

В типологии способов выражения производных значений перестановка — транспозиция независимо или в тесной связи выступает совместно с аффиксацией (синтетизмом) и аналитизмом. Транспозиция не дублирует способ аффиксации, приводит не просто к закреплению за знаком вторичной функции, а создает п е р е с е ч е н и е (умножение) признаков производящего и производного знаков.

Три качественно разных типа выражения значений — аффиксация, транспозиция и аналитизм — сосуществуют в каждом славянском и даже в целом в каждом индоевропейском языке. Разные языки различаются степенью проявления того или иного способа в репрезентации и дифференциации значений. На этой основе может разрабатываться межъязыковая типология, как грамматическая, так и словообразовательная, а в целом — номинативно-деривационная.

Ермоленко С. С. (СССР). Проблематика, затронутая в глубоком и содержательном докладе А. Г. Широковой, важна для развития функциональной грамматики славянских языков, для общей теории грамматики, грамматико-семантической типологии. Изучение переносных значений позволяет существенно углубить представление о структуре семантических отношений, существующих между однопорядковыми морфологическими категориями, в частности показать эту структуру как «многомерное пространство». Исследование семантического механизма транспозиции позволяет интегрировать производные значения в совокупность значений полисемантической категории, представляя эту совокупность как систему взаимосвязанных грамматико-семантических вариантов. Оно заставляет пересмотреть понятие инварианта грамматического значения и бросает новый свет на взаимоотношения между категориями, сочетающимися в одной и той же словоформе. Необходимо исследование взаимоотношений между различными транспозициями и определенными видами функционально-коммуникативного контекста. Особенно много неизученного остается здесь в ареальном и сравнительно-историческом плане. Исследование А. В. Бондарко, посвященное развитию исторического презенса в славянских языках, остается пока единственным в данной области.

Иванова М. (НРБ). Солидната теоретическа позиция на доклада е естествено продължение на постиженията на руската и европейската теоретическа мисъл в областта на изследването на вторичните функции на граматичните категории във вътрешноезиков и междуезиков план.

Във връзка с доклада бих искала да допълня, че семантико-функционалната характеристика на средствата от плана на израза при конкуренцията между тях за изразяване на едно и също съдържание не може да се изолира от междуезиковата асиметрия на семантичните структури на изразните средства на езиковосистемно и на речево равнище.

Приносен момент е и подчертаването на значимостта на иерархията на изразните средства в системата на речта. Това положение обаче би изпъкнало още по-добре, ако по-ясно бе разграничена спецификата на иерархията в плана на речта от спецификата на иерархията на езиково системно равнище.

Изследването на иерархията на вторичните функции, особено в контрастивен план, крие редица опасности. Когато става дума за преносни значения и когато тези значения се наблюдават в областта на модалностите, струва ми се, че семантичният анализ трябва да се свързва (или по-скоро да не се изолира) от спецификата на морфологичното ядро и неговото поведение на синтактично равнище (вж. у А. Богуславски, А. Бондарко и др.). Струва ми се също, че е необходимо да

говорим не само за пресичане, но и за наслагване и за различна интензивност на семантичните полета. Това е необходимо, особено с оглед на анализа напр. на въпросителни, на отрицателни, въпросително-отрицателни изречения със сказуемо в условно наклонение, в изказването и др. Накрая искам до подчертая и практическото значение на подобни теоретически разработки с оглед на приложната лингвистика — теория на превода и преподаването на чужди езици.

Sgall P. (ČS). A. G. Širokova uvedla ve své přednášce velmi obsáhlý přehled sekundárních funkcí morfologických jednotek slovesa. Snad by bylo možné doplnit, že český kondicionál má sekundární funkci (zastupuje indikativ) i v účelových větách se spojkou **aby,** nejen při speciálních významech této spojky, v kterých se v přednášce hovořilo. Obdobnou funkci má i kontextově podmíněné užití kondicionálu u spojky *aniž,* které se dnes ve spisovné češtině šíří, a jak se zdá, zatlačuje spojení *aniž* + indikativ do stylistické polohy knižní. Různé druhy kontextového podmínění sekundárních funkcí mohou být užitečnou pomůckou při rozlišování jednotlivých rovin, o kterém se mluvilo v diskusi.

Старикова Е. Н. (СССР). В докладе А. Г. Широковой рассматривается транспозиция на уровне морфологии славянских языков. В этой связи хотелось бы отметить, что транспозицию можно толковать и в более широком плане — как один из основных типов скрытой номинации в лексике, морфологии и синтаксисе. В лексике транспозиция прослеживается в сфере переносных значений слов. Типичным случаем синтаксических транспозиций является употребление придаточных предложений в абсолютной форме, функционирующих как относительно независимые единицы коммуникации.

В изучении транспозиций в настоящее время особое значение имеют следующие проблемы: значения транспонированных знаков, характер их семантической структуры; разграничение факультативных и облигаторных типов транспозиции, стилистически маркированных и стилистически нейтральных ее форм; выделение типов совмещенных транспозиций; прагматические аспекты транспозиций.

Андерш И. Ф. (СССР). Otázka sémantické struktury věty a zejména jejího vztahu k syntaktické struktuře se stála středem pozornosti mnozích badatelů-gramatistů. Kolegyně H. Běličová-Křížková věnuje pozornost této otázce už delší dobu. Ve své dnešní přednášce zkoumá vztah mezi intenční strukturou predikátu a kategorii pádu, manifestující tuto strukturu. Intenční strukturu predikátu badatelka chápe jako sémantické valenční pole ve smyslu pojetí intence u E. Paulinyho popsaného v jeho známé práci «Štruktúra slovenského slovesa», totiž jako vztah predikátu k levému a pravým aktantům. Takový přístup k sémantické struktuře věty předpokládá určení sémantických funkcí aktantů, které vědkyně chápe, na rozdíl od většiny badatelů, jako jisté optimální soubory distinktivních rysů. Pomocí těchto rysů aktant je charakterizován jako 1) východisko děje, 2) patiens, k němuž směruje děj, a 3) aktant, který se vyznačuje spoluúčastí na platnosti predikátu. To jsou základní distinktivní rysy, které obsahují další rysy. Zejména, východisko děje může mít kvalifikaci «působitele» nebo «nositele» děje a působitel děje — rysy přímý nebo nepřímý působitel děje atd.

Podobně se člení rysy aktantu, k němuž směruje děj. Podle mého mínění tímto kolegyni Běličové-Křížkové se podařilo nahradit hrubý výčet funkcí aktantů (například u Fillmoura) přesným a stabilním souborem distinktivních rysů, který dovoluje co nejpřesněji popsat funkce aktantů ve slovanských jazycích.

Zajímavé jsou myšlenky přednášející o tom, jak sémantické rysy aktantů se realizují ve větě, a to vzhledem k jazykovým prostředkům — pádům prostým a pádům předložkovým. Doufám, že kolegyně Běličová-Křížková má pravdu, když tvrdí, že realizace těchto rysů, jejích distribuce mezi substantivy, zastoupenými ve větě, záleží také na vlastní sémantice těchto gramatických prostředků a že s touto skutečností je třeba počítat při popisu sémantické struktury věty ve slovanských jazycích.

Komárek M. (ČS). Referát A. Širokovej velmi podnětně popisuje širokou oblast jevů, které se označují jako transpozice, a obrací na ně zaslouženou pozornost. Mé výhrady se tykalí samého pojmu transpozice a jeho poměru k sekundárním funkcím.

Jevy, které se označují jako transpozice, jsou velmi různorodé: jsou transpozice v ramci systému (transpozice gramatické, slovotvorné) a transpozice při jeho užívání (např. prézens historický); jsou transpozice automatizované (jsou to právě transpozice systémové) a aktualizované (ty jsou pak nositeli různých sémantických hodnot, např. emocionálních) atd. Také sekundární funkce mohou být samozřejmě vázány na užívání systému (např. prézens historický plní ve vypravění o minulosti nevlastní funkci), ale míní se jimi především potenciální systémové funkce, které nemají charakter funkcí hlavních, primárních. Pojmy transpozice a sekundární funkce nejsou identické: např. úzití substantiva v predikátu je jeho funkce sekundární, ale asi to není transpozice. Sekundární funkci, stejně jako primární, jsou základnou transpozicí, umožňují je. Je dále třeba lišit mezi živými synchronními vztahy a procesy (derivačními, transformačními) a vztahy jen genetickými; např. slovo *myslím* ve větě *To je myslím pravda* není možno chápat ve smyslu synchronním jako transpozici slovesa *myslet*. Tyto poznámky ukazují, že pojem transpozice sám zaslouží pozornosti a zpřesnění (i terminologického).

Oravec J. (ČS). Referát doc. H. Křížkovej seriózne rozvíja všetko, čo sa v československej lingvistike dosiahlo v prácach o intencii slovesa i o význame pádov. V tomto referáte je viac vecí, s ktorými súhlasím, napr. invariantný význam pádov, korešpondenciu významu predložiek s významom pádu, s ktorým sa viažu, a i. Za dôležité pokladám jej úsilie vymedzit' optimálny súbor aktantov predikátového slovesa i zistit' súbor dištinktívnych príznakov medzi nimi. V závere svojho projektu navrhuje na prvom mieste dva dištinktívne príznaky : aktívna — neaktívna účast' na deji, intenčná závislost' — nezávislost'. Nazdávam sa, že medzi ne treba ešte zaradit' protiklad centrálna — periférna účast'. Týmto príznakom sa v rámci s aktívnou účast'ou na deji odlišuje inštrumentál (periférny pád) od nominatívu. D'alej sa týmto prísudkom odlišujú dva a viaceré pravointenčné aktanty: aktant vyjadrený akuzatívom udáva centrálnu účast', tesnejšie spojenie s dejom (prísudkového) slovesa než ostatné, porov. pri slovesách s rovnakou alebo podobnou

sémantikou, napr. podarovat' dačo dakomu — podarovat'/obdarovat' dakoho dačím.

Pokiaľ ide o detailnejšie prekreslenie účasti predložkovými pádmi, treba zásadne odlíšiť predložky, ktoré sa viažu s jediným pádom, lebo tie presnejšie odrážajú celostný význam pádu, od predložiek, ktoré sa viažu s viacerými pádmi. Napr. predložka *cez* (čez. *přes*) predstavuje akuzatív ako pád priameho zásahu a zásahu bez obmedzenia. Predložka *s* (sociatívna) predstavuje inštrumentál ako pád spolučinitel'a.

Станишова Д. (НРБ). Г. Беличева предприняла смелую попытку объединения теории инвариантных значений падежа и теории intence (валентностей) предикатов. Это, по существу, обусловило перевод интерпретации падежной системы из плана морфологии в план синтаксиса. Важным для грамматики падежей является выдвинутое Г. Беличевой положение о том, что падежи как грамматическая категория создают лишь мотивационную базу для их использования в синтаксисе; в предложно-падежных формах такую мотивационную базу создает предлог.

Полагаю, что в теоретической интерпретации Г. Беличевой недостаточное внимание уделено роли лексической семантики в падежном употреблении, а также в синтаксической реализации актантов.

Sgall P. (ČS). Доклад Г. Беличевой является важным вкладом в определение дистинктивных признаков падежных функций. Следуя за Е. Куриловичем, М. Докулилом, Фр. Данешем и другими, я не вывожу функциональное значение падежей непосредственно из логико-семантической структуры ситуации. Как об этом говорил А. В. Бондарко, падежные функции зависят также от уровня языкового значения, от уровня семантической структуры предложения. На этом уровне падежам (беспредложным и предложным) соответствуют актанты (и «цирконстанты»), для классификации которых, как кажется, служат прежде всего критерии, опирающиеся на такие синтаксические явления, как облигаторность и факультативность, возможность и невозможность более чем одной валентной позиции того же типа (например, *В Праге я живу в старом доме*), возможность взаимной координации и т. п. Без учета этих критериев возникает (1) опасность, что мы станем пользоваться чертами внеязыковыми вместо адекватного описания языковой структуры значения (как это случилось, например, в так называемой падежной грамматике Филлмора), и (2) опасность, что мы будем искать семантические различия там, где их нет (например, в таких случаях, как ч. hubovat koho и nadávat komu или učit co и učit čemu). Вместо не совсем ясного понятия семантической акцентуации можно использовать тот подход, которым пользовался С. Карцевский: предположить асимметрию между формой — разными падежами — и функцией — тем же актантом, если не удастся показать, что различие падежей здесь релевантно для значения предложения. У тех глаголов, от которых может зависеть только один актант, можно говорить о «первом актанте», который условно называется агенсом (Actor, konatel), хотя, конечно, в это понятие включается, например, и носитель свойства. На этом основании можно дать чисто синтаксическое определение двух первых актантов (агенс и пациенс); при

определении других актантов нельзя обойтись без семантических характеристик и надо пользоваться оперативными лингвистическими критериями как для того, чтобы их отличить друг от друга, так и для их классификации.

Бондарко А. В. (СССР). В интересном докладе А. Г. Широковой представлена удачная реализация удачного замысла — изучить в сопоставительном аспекте вторичные функции грамматических форм. В понятии функции, на наш взгляд, следует выделить два аспекта: потенциальный и целевой. Потенциальный аспект в более общем смысле — это способность данной языковой единицы к выполнению определенного назначения. В более специальном смысле (в рамках функциональных исследований) этот аспект может интерпретироваться как «свернутый» функциональный потенциал данной единицы. Функциональный потенциал включает не только первичные, но и вторичные функции. Те и другие охватываются понятием строя языка, если иметь в виду его динамический, деятельностный аспект. Анализ вторичных функций грамматических форм выходит далеко за пределы морфологии. Необходим специальный анализ вторичных функций на уровне высказывания. Один из возможных подходов к такому анализу связан с понятием категориальной ситуации. Так, настоящее историческое может рассматриваться как темпоральная ситуация с определенной содержательной структурой, соотнесенной со структурой плана выражения, влючающей не только грамматическую форму, но и грамматически значимый контекст.

В докладе Г. Беличевой, имеющем теоретическое значение, намечен верный путь к изучению падежа — на уровне содержательной и формальной структуры предложения. Думаю, что и здесь необходим анализ на уровне высказывания. Одна из возможных форм такого анализа — понятие субъектно-объектной ситуации (репрезентирующей функционально-семантическое поле субъектности/объектности). На наш взгляд, необходим акцент на «поверхностной семантике», на понятии význam, включающем языковую содержательную интерпретацию понятийного содержания (того, что обозначается терминами «смысл», «obsah» и т. д.).

Валимова Г. В. (СССР). Все прослушанные доклады создают почву для серьезных размышлений, обогащают идеями, новыми фактическими сведениями и, что особенно важно, помогают увидеть перспективные направления научной работы. Некоторые свои соображения хочется высказать в связи с докладом коллег из Болгарии М. Ивановой и В. Станкова. В докладе поставлена интересная и трудная задача — сопоставить функционирование грамматической формы императива в славянских языках. С общими выводами вполне можно согласиться, но некоторые положения требуют уточнения.

1. Не четко разграничены контекстуальные и категориальные значения. Все значения проявляются в контексте, но надо учитывать, что одни из них требуют определенного контекста, а другие создаются контекстом.

2. Внеимперативное значение нельзя считать функцией императива. Это совсем другое явление.

3. Модальное значение собственно императива — это его категориальное значение. В пределах этого значения следует выделять не только побудительную модальность, но и модальность долженствования. При побудительном значении слушающий является производителем действия, и это ограничивает употребление подлежащего; при значении долженствования такое ограничение снимается, и позицию подлежащего могут занимать существительные, например: *Учитель учи, а ученик учись; Помни это каждый сын*. Такие структуры часто используются при сопоставлении: *Девочки идите домой, а мальчики расставьте мебель*.

Таким образом, два разных модальных значения определяют различие функций императива как со стороны значения, так и по их структурным возможностям. Функциональный анализ требует выхода в синтаксис.

4. Взаимодействие различных модальных значений императива еще не раскрыто. Обращение к ним на материале разных языков представляется важным не только для практики преподавания языка, но и для теории вопроса. И прежде всего в плане выявления грамматических функций, которые должны быть строго определены и отграничены от функций стилистических.

Георгиева Е. (НРБ). Присъединявам се към изказаното общо мнение за важността на сравнително-типологичното проучване на вторичните функции на граматическите категории, които в областта на модалността и на наклоненията дават възможност за установяването на широки паралели между славянските езици, а също така и за открояването на тяхнита граматичко-категориална специфика.

Струва ми се обаче, че интерес представлява отбелязването не само на транспозитивни факти като системни прояви, но и някои несистемни явления, които се отнасят до динамични езикови процеси, възникнали под влияние на различни фактори:

1. Поява на вторични функции като резултат от междуезикова интерференция, като напр. употребата на условни глаголни форми като заместници на индикативни форми или на императив в българския език под влияние на други езици (напр. полски) — *Бих ви запитал, Бихте ли отговорили* (*Ще ви запитам. Отговорете*). Посочената употреба на условните форми преминава от стадия на оказионализми, явления на узуса с тенденция да се установи като системна вторична функция на условното наклонение.

2. Транспозитивни явления, предизвикани от комуникативната ситуация, от отношенията между комуникантите при едно и също комуникативно намерение, напр. изразяване на желание, молба:

дай { дайте
ще ми дадете ли
Бихте ли ми дали

3. Транспозитивни явления в рамките на една граматична категория, каквото беше показано в доклада на В. Станков и М. Иванова, допълващ с материал от български език и в определен аспект напълно сполучливо изложението на проф. А. Широкова по отношение на сравнително-типологичното проучване на по-голям брой славянски езици.

За български език освен в императив подобна транспозиция се наблюдава в употребата на преизказно наклонение, при което в определени функционални стилове се проявява тенденция за иерархична замяна и размяна на основно и частно значение.

Вечернее заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Kreja B. (P) — Zagadnienie modeli słowotwórczych (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 203—212).

Георгиева Е. (НРБ) — Книжовни влияния между български и руски при формирането на книжовните форми (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 145—153).

Růžička R. (DDR) — Взаимодействие синтаксиса и семантики в механизмах «контроля» субъекта в конструкциях с неизменяемой формой глагольного префикса в славянских языках (Zeitschrift für Slawistik, 1982, Bd 27, H. 3, S. 373—411).

Васева-Кадынкова И. (НРБ) — О соотношении экспликации и импликации при выражении значения гипотетичности (в аспекте русско-болгарского перевода) (Славянска филология. Езикознание.—София, 1983, т. 17, с. 99—106).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Улуханов И. С. (СССР). Выдвинутое в докладе Б. Креи важное положение о двунаправленности словообразовательной деривации предполагает изучение так называемого обратного словообразования, которому в докладе уделяется большое внимание. Этот вид словообразования, ограниченный в русском языке почти исключительно сферой окказионализмов, изучен пока лишь в отдельных фрагментах. Необходимо систематическое изучение обратного словообразования в каждом из славянских языков. Так, четырем из семи «чистых» (не смешанных) способов русского словообразования соответствует обратный способ: префиксации — депрефиксация (*неразбериха* → окказ. *разбериха*), суффиксации — десуффиксация (*сыроежка* → окказ. *сыроега*), постфиксации — депостфиксация (*разговориться* → окказ. *разговорить* кого-нибудь), субстантивации — десубстантивация (употребление существительных адъективного склонения в функции прилагательного: *Маяковский* → окказ. *маяковская сатира*). Остальные три способа (сложение, сращение, аббревиация) не имеют соответствующих обратных способов, поскольку у них обратный процесс может быть только «словоразложением», но не словообразованием. В окказионализмах возможно сочетание «прямых» и обратных способов словообразования, ср. *угрызение* (*совести*) → окказ. *самоугрызаться*, образованное посредством десуффиксации, сложения, префиксации и постфиксации. Изучение обратных словообразований в каждом из славянских языков может быть предпосылкой их сопоставительного изучения.

Смольская А. К. (СССР). Проф. Б. Крея в ряде своих работ и в докладе на съезде рассматривает в числе деривационных вопросы коррелятивного словообразования названий лиц женского пола. Естественно, что затрагивается и проблема маскулинизации, т. е. использования слов мужского рода в качестве феминных номинантов.

Процесс маскулинизации своеобразно протекает в разных славянских языках. Целесообразно подойти к нему с семантико-синтаксических позиций. Маскулинумы во вторичной функции, при номинации лиц женского пола, чаще всего выступают как предикаты и приложения. Это связано с семантикой маскулинума, в котором нейтрализуется сема указания на лицо мужского пола, слово становится более обобщенным по значению, тяготеющим к синтаксической функции предиката. Кроме того, в славянских языках именные предикаты не требуют обязательного согласования по роду с субъектом. Поэтому предикативная функция маскулинума, именующего лицо женского пола,— самая распространенная, известная всем славянским языкам. Это первый этап маскулинизации. Второй этап — использование маскулинумов в идентифицирующей или субъектно-объектной функции. Ср. схв. *Председник Савета је жена*. Чаще всего такие маскулинумы выступают с «облегчающими» словами, семантически указывающими на лицо женского пола: собственным именем, фамилией, родовым словом «жена» и т. д. Третий этап — возникновение согласования по смыслу между предикатом-глаголом и маскулинумом, именующим лицо мужского пола (типа рус. *доктор пришла*). Славянские языки находятся на разных стадиях освоения процесса маскулинизации. Так, болгарские лингвисты возражают против подобного смыслового согласования, в сербскохорватском языке оно встречается редко. Четвертый этап — согласование по смыслу атрибута с маскулинумом-субъектом (ср. рус. *наша врач*, п. ta redaktor и под.).

В болгарском и сербскохорватском языках такое согласование отсутствует.

Синтаксическое поведение маскулинумов, именующих женщин, зависит от типологии грамматической категории рода, имеющей морфолого-синтаксическое выражение.

Там, где категория рода более морфологична (болгарский, сербскохорватский), процесс маскулинизации идет не столь интенсивно.

Nagórko A. (P). Chciałabym poruszyć dwa problemy w związku z referatem prof. B. Krei.

1. Problem k i e r u n k u derywacji — chodzi o pytanie, na jakiej zasadzie przyporządkowuje się lexemy kolumnie A i B? Autor, jak rozumiem, daje pierwszeństwo kryterium formalnemu. Uwzględniając na równi z tym kryterium semantyczne (lub semantyko-syntaksyczne), uzyskujemy model daleko bardziej skomplikowany, ale i bardziej adekwatny. «B» od «A» może różnić się większym/mniejszym stopniem komplikacji formalnej i/lub semantycznej, może zachodzić ta relacja równoważności struktury formalnej i/lub semantycznej, co można przedstawić następująco («+» — większa złożoność, «—» — mniejsza złożoność, «=» — tożsamość):

Typ derywatu	Kryterium : form.	sem.-synt.
1. pisarz	+	+
2. ohyda	—	+
3. bumelanctwo	+	—
4. pesymista	=	+
5. pesymizm	=	—
6. jabłko	=	=
7. jabłoń	=	=

2. Moja druga uwaga dotyczy derywacji wstecznej. Wydaje się, że nie ma powodu rozdzielać derywacji wstecznej i słowotwórstwa paradygmatycznego. Konkretnie chodzi mi o cytowany w referacie przykład przym. *ohydny*: **-n-** w *ohydny* nie jest sufiksem, w przejściu do *ohyda* nie ma «desufiksacji». Mamy tu do czynienia z procesem morfonologicznym wywołanym zmianą paradygmatu.

Walter H. (DDR). Докладът на Е. Георгиева има важно значение за разработката на редици въпроси, свързани с развитието на съвременния български книжовен език и в миналото и днес.

Понеже тя в доклада си засяга преди всичко лексиката, която е възникала (или «възстановена») в българския книжовен език под влияние на руския resp. църковнославянския език, искам да обърна внимание, че има и явления с парадигматичен характер, които са много продуктивни в съвременния български книжовен език и които очевидно са се развили под същото влияние. Става въпрос за образуването на сегашно страдателно причастие от определен клас глаголи. От глаголи, образувани със суфикс **-ирам** и **-овам**, това причастие редовно може да се образува само с промяна на основата, при която част от суфикса или целият суфикс се замества с основна гласна **-у-**. Напр.: *регулирам — регулируем, шпакловам — шпаклуем*. Тези образувания сега са доста продуктивни в текстове от науката и техниката. Струва ми се, че такива явления показват, че би било добре да се «претърси» съвременният български книжовен език, неговата цялостна система, за елементи, проникнали през руския от старобългарския или направо от руския, за да се получи по-пълна представа за основните проблеми, поставени в доклада на Е. Георгиева.

Брицын М. А. (СССР). Доклад Е. Георгиевой «Болгарско-русские языковые взаимоотношения» интересен с той точки зрения, что эта проблема рассматривается на разных синхронных срезах: в древний, средний и новый периоды. Вопрос о болгарско-русских языковых взаимоотношениях в русском и болгарском языкознании изучен слабо. Вывод докладчицы о том, что древнеболгарский и староболгарский языки оказывали влияние на древнерусский и старорусский литературные языки, является правильным. Изучение этой проблемы — одна из актуальных задач славистики.

В докладе В. М. Русановского и В. В. Нимчука, прочитанном на пленарном заседании нашей секции, убедительно доказано, что зарождение литературного языка у восточных славян относится ко времени укрепления русской государственности (IX в.). С этим нельзя не согласиться. Заслуживает внимания положение докладчиков о ведущей роли древнекиевского говора в развитии норм древнерусского литера-

турного языка. Большой интерес представляет лингвистический анализ памятников церковной письменности XI—XIII вв., в результате чего выявлены на разных языковых уровнях элементы южнорусского происхождения. Глубокий языковой анализ памятников — одна из сильных сторон доклада. Положение о том, что в разных местах, где жили восточные славяне, еще до принятия христианства могла быть та или иная письменность, высказывается докладчиками как гипотеза. Думается, что и это положение заслуживает внимания.

Сергеев Ф. П. (СССР). Коллега Е. Георгиева в своем докладе коснулась актуального вопроса — книжного влияния между болгарским и русским языками, рассмотрев его на материале лингвистической терминологии. Его интерпретация дана весьма убедительно. Но здесь мне хотелось бы высказать следующую мысль.

Усилия лингвистов были направлены на изучение вопроса о влиянии старославянского языка на древнерусский. Но не было штудий, касающихся взаимодействия среднеболгарского и среднерусского (ведь языковые контакты не прерывались), взаимовлияния современных русского и болгарского языков. Доклад Е. Георгиевой уже самой постановкой этого вопроса представляет большую ценность. Можно надеяться, что на следующем съезде славистов эти вопросы найдут отражение.

Ивић М. (Yu). Реферат колеге Р. Ружичке нуди нашој пажњи, у ствари, две теме. Прва — то је његов лични допринос побољшању теоријско-методолошког поступка Н. Чомског у оној појединости која се тиче «контролисања» субјекта (в студију Чомског која је објављена у часопису «Linguistic Inquiry» Vol. 11, N 1, 1980). Реагујући на излагање Чомског (Ружичкин рад је објављен у «Linguistic Inquiry» Vol. 14, N 2, 1983), реферат је показао да би сврсисходније било приликом анализе дати предност «тематској» улози над «субјекатском». Друга тема, и при том централна у овом реферату, то је разматрање конкретне руске синтаксичке ситуације помоћу овако побољшаног теоријско-методолошког апарата. Потребно је прво сложити се око тога да ли је Ружичкина теоријска интервенција била умесна; ја лично мислим да јесте. Други је задатак — а он лежи првенствено на русистима — изјаснити се о томе колико се примена Ружичкиног научног апарата показује плодотворном кад су у питању руска језичка факта.

Брицын В. М. (СССР). В докладе проф. Р. Ружички содержатся интересные положения о механизмах «контроля» субъекта в конструкциях с неизменяемой формой глагольного предиката в славянских языках. Однако значимость доклада, конечно, не исчерпывается освещением этой крупной проблемы. Здесь имеется много важных теоретических положений, касающихся принципов взаимодействия семантики и синтаксиса, методики привлечения единиц семантического уровня для объяснения явлений поверхностного синтаксиса в сравниваемых славянских языках, наконец, есть ряд выводов, позволяющих глубже осмыслить функциональную природу инфинитива и деепричастия.

Весьма интересными представляются мысли проф. Р. Ружички о функциональном своеобразии инфинитива, его незаменимости, разграничение функций инфинитива и деепричастия, которое, в отличие от

инфинитива, как справедливо отметил докладчик, не занимает позиции аргумента. Причина отсутствия взаимозамен кроется в специфическом модальном значении инфинитива, основная функция которого — обозначение не реализованной или реализуемой ситуации, а выражение моделируемой ситуации. Ср. *Тебя подождали? — Тебя ждать?*

Одной из черт, сближающих инфинитив и деепричастие, является наличие позиции для субъекта действия, представленного эксплицитно или имплицитно. Наблюдения показывают, что употребление инфинитивов от безличных глаголов ограничено довольно узким кругом предложений. Ср. отмеченное предложение *Начало светать* и неотмеченное **Светать плохо, хорошо* и т. д. Ограничения наблюдаются и в отношении залога. Ср. отмеченное предложение *Строиться полезно* и неотмеченное **Дому строиться полезно.*

Проф. Ружичка оправданно связывает определение характера субъекта с особенностями конструкций. Ограничения на семантические актанты обнаруживаются и при непредикативном употреблении инфинитива. Причем ограничения здесь более жесткие. Так, в предложениях типа *Кататься весело* субъект действия — активный одушевленный (ср. неотмеченное предложение **Кипеть (молоку) весело*). В предложениях типа *Не догнать тебе тройки* круг актантов шире. Здесь возможны уже и активные неодушевленные производители действия: *Не шуметь больше волнам.* Наконец, в случаях употребления инфинитива в качестве предикатного актанта при спрягаемом глаголе производители действия еще шире: *Дерево начало цвести.*

Утреннее заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Chvany C. V. (USA) — On the nature of «definiteness» in Bulgarian, English and Russian (American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev. September, 1983. Vol. 1. Linguistics.— Columbus, Ohio, [1983], p. 71—92).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Иванова К. (НРБ). С удоволствие изслушах доклада на проф. К. Чвани. За нас, българите, е интересно да видим как изглежда категорията Н/О погледната отвън, и то с очите на човек, който има на въоръжение един език без член и друг — с Н- и О-член.

Хареса ми тезисът за немаркирания характер на О и ясната логика, с която е доказан.

Искам да обърна внимание върху влиянието на категорията Н/О върху интерпретациите на VP. Да вземем примера:

1) *Понаучихме песните.*

1а) *Понаучихме песни.*

1) → научихме до известна степен определени песни (**по-** е с атенуативно значение; 1а) → научихме известно количество песни (**по-** в този контекст изразява партитивност).

В синтетичните езици категорията партитивност/непартитивност се изразява формално чрез падежна опозиция. У нас ролята на компесационно средство се поема от комплексни езикови средства с участието на категорията Н/О и нейните формални изразители.

Papp F. (H). Выслушав доклад проф. К. Чвани, хотел бы подчеркнуть следующее:

1) Артикль — это одно из средств достижения связности текста (как, например, категория рода);

2) Артикль служит для деления существительных на topic—comment.

Супрун А. Е. (СССР). 1. Представляет интерес методика сопоставления оригинального и переводного текстов, позволяющая уточнить семантику категорий.

2. В славянских языках происходит длительный процесс, связанный с отражением в них понятийной категории «определенность/неопределенность». В связи с этим маркированность одного из членов этой оппозиции сменялась немаркированностью и наоборот. Так, для старославянского **ОБА НА ДЕСАТЕ** было маркированным, но передавало определенность; в славянских безартиклевых языках членные, первоначально маркированные определенные прилагательные стали наиболее распространенными и немаркированными.

3. Категория определенности связана с категорией счетности, что отражается в выражении определенности иногда при помощи числительных.

Gladrow W. (DDR). Я с большим интересом выслушал доклад К. В. Чвани. Очень плодотворным является, как мне думается, предложенный в докладе подход к явлению определенности/неопределенности (О/Н), включающий в рассмотрение О/Н не только номинальную группу, но и другие части речи, другие грамматические категории, которые так или иначе связаны с О/Н. Важно, однако, обратить внимание на различный языковой статус выражения О/Н в разных языках. Так, например, О/Н в английском и немецком языках грамматикализована, тогда как в русском — не грамматикализована. По мнению А. В. Бондарко, здесь можно говорить о слабоцентрированном или полицентрическом поле. Иными словами, мне думается, что при сопоставительном анализе О/Н требуется, во-первых, исследовать самые различные средства выражения в данном языке, которые могут сигнализировать наличие О/Н — и это было хорошо показано в докладе К. В. Чвани; во-вторых, обратить внимание на характер языковых средств, на то, являются ли они специализированными или неспециализированными; в-третьих, надо учесть, имеем ли мы дело действительно с О/Н, связанной всегда с понятием предупоминания в конкретной конситуации (т. е. с коммуникативной функцией артиклей) или с явлением типа экзистенциальности, универсальности, индивидуальности, генерализации, которые И. И. Ревзин назвал когнитивным языковым явлением, когнитивной функцией артиклей.

Иванчев С. (НРБ). Докладът на К. Чвани разкри многоаспектността на въпроса за категорията определеност — неопределеност и нейният главен изразител определителния/неопределителния член. Въп-

росът за члена е централен за богатата проблематика на анафоричния механизъм, на който се изгражда свързаният текст. Приемам за правилен стремежа да се търси връзка между категорията определеност/неопределеност и аориста и перфекта (според мене по-точно: между категории определеност/неопределеност и глаголния вид — СВ/НСВ). За жалост тези въпроси при досегашните опити за изясняване са били разработвани често пъти случайно, фрагментарно и недостатъчно ясно и убедително от системно езиково гледище, така че в тази област предстои упорита работа. Заслужава също да се отделя повече внимание на мястото, което би заел въпросът за определения/неопределения член в рамките на по-общия въпрос за казуалността (падежността).

Sgall P. (ČS). Кажется, что из трех главных компонентов, определяющих структуру предложения (валентность, актуальное членение, определенность) в языках мира часто полностью оформлены только два; в тех славянских языках, где актуальное членение выражается с помощью так называемого свободного порядка слов,а валентностные категории — с помощью окончаний, определенность связана с актуальным членением; например, предложения *За лесом течет река* и *Река течет за лесом* (с нормальной интонацией) соответствуют разным распределениям артиклей в английском и других языках (см. *Sgall P., Hajičová E., Benešová* E. Topic, Focus, and Generative Semantics. Kronberg im Taunus, Scriptor, 1973). Это значит, что различие определенности/неопределенности в русском, чешском и других языках частично определяется порядком слов (оно может быть выражено и лексически, прежде всего при вторичном распределении: *Какая-то река течет за этим лесом*). Но кажется пока неясным, можно ли в этих языках найти (на уровне языкового значения) категорию определенности (и специфичности), известную из языков, имеющих в своей структуре артикль.

Ильенко С. Г. (СССР). Не могу не поддержать исходный тезис доклада проф. К. Чвани о том, что языки без артиклей отнюдь не ущербны в выражении определенности/неопределенности (О/Н). Русский язык, действительно, обладает специфическими средствами формирования этого семантического поля, такими, в частности, как местоименные и модальные слова, категория вида глагола, порядок слов и др.

Доклад К. Чвани привлекателен и своей разноаспектностью: в нем представлен не только собственно грамматический план, но и целый ряд других, в частности композиционно-стилистический.

Несомненно, что противопоставленность О/Н весьма существенна для организации художественного текста, в структуре повествования которого значительную роль играет не только «образ автора», его «точка зрения» (В. В. Виноградов, М. М. Бахтин, Б. А. Успенский), но и образ адресата-читателя. Известность/неизвестность изображаемого лица, его приближенность/отдаленность (локальная и хронологическая), значимость/незначимость среди других персонажей — все это передается иерархически организованной системой О/Н, весьма специфической для художественного произведения. Заметная роль в этой системе принадлежит порядку слов, являющемуся в данном случае фактом не только грамматики и актуального членения, но и композиционно-содержательным.

Приведу лишь одно иллюстративное сопоставление. Известно, например, что обычно в простом предложении с детерминантом, который его и начинает, член предложения — наименование вновь вводимого для данной ситуации лица чаще всего завершает предложение: *На пороге вдруг появился незнакомый человек.* Между тем подобные ситуации в художественном тексте синтаксически (если иметь в виду порядок слов) реализуются с ориентацией на дополнительные факторы, одним из которых является, например, место описываемого лица в системе персонажей, организованной иерархически. Нередко создается впечатление, что главный герой повествования как бы «захватывает» позицию подлежащего, начинающего предложение.

Следует также подчеркнуть, что разноаспектный подход к проблеме О/Н дает возможность уточнить сущность каждого из отдельных аспектов.

Николаева Т. М. (СССР). В докладе проф. К. Чвани, как и во многих докладах, связанных с категорией определенности/неопределенности, ставится и решается вопрос, связанный с функцией именной группы. Но, может быть, назрел вопрос о рассмотрении этой категории в связи с передачей ситуации определенности/неопределенности в целом (денотата высказывания).В качестве показателя неопределенности можно назвать **-то** группу (*Что-то я устала; Что-то спать хочется; Какой-то день сегодня хмурый* и т. д.). Все они связаны с отклонением от нормативного сценария события и потому маркированы. В качестве показателей определенности глобальной ситуации в русском языке можно назвать *вон; вот, это.* В непосредственном дейксисе первое место занимает *вон; вот* более связано с конситуацией; *это* всегда бывает реакцией на предшествующее сообщение. В рассказе (т. е. непосредственном дейксисе) употребляется *вот, это;* в функции связки возможно *вот* и *это (Роза — это цветок; Ученость — вот чума), вон* в функции связки невозможно, так как оно не имеет обобщающего значения. Поэтому в зависимости от коммуникативной ситуации иерархия этих частиц меняется.

Арутюнова Н. Д. (СССР). Наряду с изучением проблемы определенности в рамках макротекста представляет интерес выявление закономерностей реализации этой категории в пределах микротекста, т. е. одного высказывания. В предложении эта категория не замкнута именными группами. Она выражается также в предикате. Большинство русских глаголов со значением бытия и локализации *(быть, находиться, водиться, встречаться, иметься, населять, обитать, быть распространенным)* имплицируют референцию своего субъекта, который может оставаться неоформленным детерминативами. К выражению референции субъекта причастны также видовые значения глагола, краткие формы прилагательных, обстоятельственные выражения (прежде всего, указание на личную сферу типа *у меня*). Эти и другие факты свидетельствуют о том, что категории субъекта вызревают в «партнере» — предикате, точно так же, как категории предиката могут формироваться внутри именных групп. Например, связочный глагол в ряде языков восходит к указательному местоимению, выражающему категорию определенности субъекта.

Таким образом, предложение наряду с тенденцией поляризации своих составов испытывает и тенденцию к их объединению в единый комплекс.

Москвин В. П. (СССР). Средства выражения определенности/неопределенности (О/Н) разнообразны. Представляется возможным разделить эти средства на основе выделения трех основных оппозиций, которые данными средствами обслуживаются.

Наличие первых двух оппозиций обусловлено особенностями знаковой структуры существительного, которое может функционировать как референтная дескрипция — указание на отдельный предмет (множество), ср. *Я посадил дуб(ы),* а также на класс однородных предметов, ср. *Это дуб(ы),*— и как атрибутивная дескрипция — указание на признак, ср. *Он(и) дуб(ы).* Такое понимание знаковой структуры существительного восходит к учению А. А. Потебни и согласуется с современными представлениями о знаковой природе имени существительного (см. работы Н. Д. Арутюновой, И. И. Ревзина, И. Б. Шатуновского и др.).

Первую оппозицию образует противопоставление атрибутивного и референтного употреблений существительного. Операторами перевода существительного из атрибутивной дескрипции в референтную представляются дейктические средства, различного рода определители (ср. *Это осел* (о человеке) и *Это мой осел*), синтаксическая позиция слова (так, в позиции подлежащего и дополнения существительное всегда является референтной дескрипцией) и т. д.

Вторую оппозицию образует противопоставление единичный предмет (множество) / класс. Операторами этой оппозиции представляются объектное и безобъектное спряжения (ср. венг. A zenet hallgatom «Эту музыку слушаю» и A zenet hallgatok «(Всякую) музыку слушаю»), определенное и неопределенное склонения в финно-угорских языках, определенный и неопределенный аккузатив в аккадском, древнееврейском, урало-алтайских языках и т. д.

Наличие третьей оппозиции обусловлено экстралингвистическими факторами, в частности, отношением говорящего к коммуникативной ситуации. Это оппозиция известный, данный предмет (множество) / неизвестный, неопределенный предмет (множество). В качестве операторов этой оппозиции можно назвать определенный и неопределенный артикли, а также такие средства актуального членения, как порядок слов, интонация, логическое ударение и т. д.

Некоторые из упомянутых средств выражения О/Н, например определенный артикль, актуализируют существительное по всем трем оппозициям, представляя означаемое последнего 1) как референтную дескрипцию; 2) как единичный предмет (дискретное множество); 3) как известный предмет (множество).

Большова Ю. В. (СССР). В докладе К. Чвани рассматривается вопрос о характере категории определенности/неопределенности в артиклевых (английский, болгарский) и безартиклевых (русский) языках и о роли этой категории в организации текста как единого целого. Анализ данной категории с точки зрения грамматики текста дает возмож-

ность установить такие особенности ее функционирования и значения, которые невозможно выявить при анализе оппозиций отдельных языковых единиц с инвариантным значением. Подобные наблюдения, однако, должны получить и парадигматическую интерпретацию, но с опорой не только на отдельные языковые единицы, но и на отдельные модели (типы) текстов (ср. работы Н. Д. Арутюновой по семантике предложения).

Данная категория распадается на две субкатегории: определенности и неопределенности, каждая из которых имеет свою структуру, свой набор значений и средств выражения. Категория неопределенности в безартиклевых языках (русский, украинский, польский и др.), как и категория определенности, относится к слабо центрированным функционально-семантическим (ФС) категориям, по терминологии А. В. Бондарко, двуядерным, что проявляется в наличии двух ядер: в виде группы неопределенных местоимений (лексико-словообразовательное ядро), ср.: рус. *некоторый,* укр. *хто-небудь,* п. jakiś и др.) и в виде группы вводных слов и моделей сочинительных рядов с союзами *то ли... то ли, не то... не то* и др. (ср. *то ли было, то ли нет,* гоголевское *не то ключник, не то ключница* и под.). Эти ядра и периферия поля, которая организуется вокруг них, имеют свой набор дифференциальных семантических признаков, соотношение которых образует внутреннюю структуру поля сложной конфигурации. Это такие признаки:

1) характер денотативного содержания объекта: неопределенность экзистенциальности, т. е. существования объекта (события или отдельного явления), неопределенность реального объекта (класса явлений или единичного объекта; количественная или качественная неопределенность);

2) тип неопределенности, т. е. характер модификации самого значения неопределенности: собственно неопределенность, неопределенность-вопросительность, неопределенность-гипотетичность, неопределенность-обобщенность, неопределенность достоверности, неопределенность-приблизительность, неопределенность-неназванность.

3) степень неопределенности (с точки зрения говорящего и участников речи).

Эти признаки перекрещиваются, образуют многомерную структуру, которую можно представить графически в виде определенного семантического пространства (карты) с таким расположением признаков: по горизонтали — тип денотата, по вертикали — тип неопределенности (с включением степени неопределенности). На пересечении этих признаков располагаются микрополя разного объема. Реализуются эти признаки в парадигматических противопоставлениях, образуя ряд оппозиций, а также в системе дистрибутивных моделей (синтагматических микрополей с определенным набором спецификаторов для каждого поля и типов текстов).

Способы выражения этой категории различны: цельнооформленное выражение (рус. *что*-то, укр. *щось*, п. coś и др.) и раздельнооформленное выражение (синтаксические средства и комбинированные — лексические, синтаксические и, в меньшей степени, морфологические),

что говорит об отсутствии «жесткого» грамматического центра данной категории в большинстве славянских языков, о ее своеобразной диффузности.

Лашкова Л. (НРБ). Докладът на проф. К. Чвани третира една извънредно интересна проблематика не само от гледище на общата езикова теория, но и на българистиката. Бяха ни поднесени някои интересни инспирации за по-задълбочено изследване и преразглеждане на някои основни положения. Напълно убедително звучи основният тезис на авторката, че категорията «определеност — неопределеност» не е универсалия и че маркиран член в опозицията е неопределеността. Смятам, че изследването на категорията в български би трябвало да започне именно от неопределеността, която е представена твърде аморфно и изисква допълнителна интерпретация. Според мене трябва да се разграничат отделните степени в йерархизирането на неопределеността, степента на тяхната детерминираност (срв. р. *что-то, что-нибудь, что-либо*). За български ще е полезна една евентуална съпоставка с унгарски, където неопределеността формално се откроява по-отчетливо. Друга интересна идея в доклада е тенденцията да се свърже категорията «определеност/неопределеност» и с групата на глагола. Струва ми се, че за български език трябва да се преразглеждат с тази цел свидетелските и несвидетелските темпорални употреби, а също и глаголната префиксация — особено полипрефиксацията (напр. *Изпочупиха масите. Изпоизядоха всички плодове.*— Обектът задължително е определен). Може би преразглеждането и на някои начини на глаголното действие в тази насока също би дало определени резултати. На края ще си позволя една забележка относно привлечения материал. В доклада се разглежда материал от книжовния български език и този материал достатъчно добре илюстрира изнесените постановки. В това отношение приведените допълнително примери от проф. Б. Корубин не дават нищо ново и нищо повече (*Пушкин беше мой прв поет — Пушкин беше мойот прв поет.* Такива примери са най-тривиални и в доклада вече бяха дадени). А що се касае до тройната пространствена определеност, позната на някои български диалекти, тя е остатък от една по-стара и по-малко абстрактна форма на разчленяване на езиковата действителност, представена в някои синтетични езици чрез конструкции с трите вида показателни местоимения (сравн. схв. *оваj прозор, таj прозор, онаj прозор*).

Klaudy K. (H). Я хотела бы сказать несколько слов о том, как влияет отсутствие артикля в русском языке на оформление начала предложения, т. е. на длину тематической части в начале русского предложения.

В этом отношении интересные данные дают переводы с венгерского (т. е. с языка, обладающего артиклем) на русский (т. е. на язык без артикля).

При переводе с венгерского на русский переводчик как-то должен передать значение венгерского артикля. Для этого в русском языке существует множество разных средств. Используются местоимения, прилагательные, порядок слов и т. д. Но есть еще одно явление, до сих пор еще мало изученное, которое тоже заменяет отсутствующий в

русском языке артикль. Речь идет о длине тематической части в начале русского предложения. При сравнительном статистическом анализе венгерских и русских текстов (научного характера) выяснилось, что русские темы являются более длинными, чем венгерские. Почему? Потому что из-за отсутствия артикля русские авторы обеспечивают связь между предложениями таким образом, что в начале предложения повторяют — в номинальной форме — рематическую часть предыдущего предложения. Возникают следующие переводческие эквиваленты: в начале венгерского предложения стоит артикль + существительное, а в начале русского перевода этого же предложения стоит существительное + целая группа определений, согласованных и несогласованных, которые уже не вносят новой информации в предложение; функция их состоит только в том, чтобы поддерживать связь между предложениями.

Дневное заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Станишева Д. (НРБ) — Лексико-семантични ограничения на синтактичните правила в рамките на словосъчетанието (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 181—189).

Kaiser E. (BRD) — Konfrontative Analyse der Semantik und Funktion slavischer Präpositionen (Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistenkongress in Kiev 1983.— Köln; Wien, 1983, S. 191—201).

Sato A. (Japan) — Konstrukcje imiesłowowo-bierne w języku polskim i rosyjskim (Japanese Contributions to the Ninth International Congress of Slavists.— Tokyo, 1983, p. 9—28).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Běličová-Křižková H. (ČS). Analýza sémantické struktury věty předpokládá respektovat lexikální realizaci syntaktické struktury. Rozdíly mezi jazyky jsou výrazné tam, kde jde o «složené/kombinované» funkce z hlediska logicko-sémantické struktury situace.

Pokud jde o slovesa přemístění a prostředky sloužící přemístění, liší se ruština a bulharština nikoli prostou/kombinovanou funkcí (совмещенная/несовмещенная валентность u Apresjana), nýbrž jen v rovině «povrchové» realizace. *Идвам с влака* vyjadřuje jen aspekt «prostředek» a implikuje «lokalizátor», *еду в поезде* implikuje «prostředek» a vyjadřuje «lokalizátor», *еду поездом* vyjadřuje «prostředek» a implikuje «lokalizátor».

Болдырев Р. В. (СССР). 1. В докладе Д. Станишевой наиболее перспективным представляется вывод о наличии определенных типов зависимости грамматического оформления синтаксических единиц (словосочетаний) от референтной ограниченности предиката и от лексического выражения стержневого или зависимого компонентов словосочетания.

2. В связи с контрастивным анализом непроизводных славянских предлогов, представленным в докладе Э. Кайзер, вполне целесообразно выделить в плане индоевропейских сопоставлений и с позиций характеристики изучения в современной компаративистике проблемы развития предлога-послелога и его функционального взаимодействия с парадигмой имени некоторые общие тенденции, отражающие в известной мере определенные системные явления, свойственные обычно грамматическому строю целого ряда индоевропейских языков на разных этапах их эволюции.

1. Падежная поливалентность предлога-послелога, выступающая как его способность уточнять и ближе определять значение нескольких падежей, т. е. их функциональное взаимодействие в аспекте семантико-грамматического согласования, восходит в индоевропейских языках к грамматической самостоятельности слова в структуре древнего предложения. Отражением этого древнего состояния считается употребление предлогов как собственно предлогов и как послелогов, т. е. постпозиционных предлогов (в ведическом языке, в языке Авесты и в древнеперсидском), или же — самостоятельное употребление глагольных приставок-предлогов (в ведическом языке, в языке Авесты, в древнегреческом гомеровском языке и в древнелатинском), а также — отсутствие четких границ семантико-грамматического согласования предлогов-послелогов и косвенных падежей, например, в языке Авесты и в древнеперсидском языке.

2. Закрепление употребления предлога с определенным косвенным падежом имени как результат установления более тесной грамматической связи между ними — одна из наиболее широких индоевропейских тенденций в развитии предложно-падежного функционального синтаксиса, осложненная распространенными уже с древнейших времен явлениями редукции падежной системы, межпредложными смешениями и предложным синкретизмом.

3. Определенное семантическое согласование косвенного падежа имени и глагола или же косвенного падежа имени и первичного предлога-послелога в предложении, скрытое обычно в современном употреблении некоторых языков, может выступать в историческом контексте этих языков как согласование, семантически явно обоснованное, целиком мотивированное (аналогичные явления утраты исторически мотивированного употребления послелогов и определенных падежей отмечаются также в ряде неиндоевропейских языков — в финно-угорских, иберийско-кавказских, японском).

4. Во многих индоевропейских языках значительная часть предлогов (послелогов) квалифицируется как звено открытого специфического полифункционального ряда грамматически, этимологически и материально соотносимых лингвистических единиц, выступающих, в частности, в роли наречия-глагольного префикса-предлога-послелога (в ведическом языке), в роли предлога-послелога-предлога/преверба (в языке Авесты), в роли наречия-преверба-послелога (в хеттском языке и древнегреческом, особенно гомеровском), в роли предлога-глагольного и именного префикса (в славянских, германских языках и в латинском языке) и т. д.

5. Предлоги (послелоги) в индоевропейских языках генетически восходят к различным частям речи, главным образом к наречиям. Целый ряд отыменных первичных предлогов (послелогов), как и некоторые наречия, соотносят с разной степенью вероятности с застывшими формами индоевропейского склонения или же — в плане гипотезы А. Гётце — В. Иванова — с полупарадигматическими полунаречными образованиями, полностью никогда не входившими в состав древних парадигм определенных корневых имен.

Золотова Г. А. (СССР). Мне кажутся чрезвычайно плодотворными приемы сопоставительного анализа, показанные Д. Станишевой на небольшом фрагменте синтаксиса словосочетаний. Фиксированность формы выражения средства передвижения в болгарском при вариативности соответствующей формы в русском — факт показательный. Докладчик находит объяснение этому факту в том, что для обоих языков различны роли имени и глагола в установлении правил сочетаемости. Справедливо, что для близких языков с разной грамматической системой должны быть обнаружены внутриязыковые причины расхождений. Было бы интересно в дальнейшем доказать этот тезис на большем материале. Пока пример *возя се (в кола, на шейна)* не убеждает в различиях по глаголу, поскольку и в русском языке глагол *кататься* не сочетается с творительным средства передвижения.

Думаю, что правомерно видеть в подобных словосочетаниях взаимодействие глагольного и именного компонентов на основе синсемичности. Выявление общих сем в их составе и сочетаемостных потенций имени (при глаголе и помимо глагола) могло бы укрепить возможности этого перспективного исследования.

Арутюнова Н. Д. (СССР). По интересному докладу Д. Станишевой мне хотелось бы высказать одно соображение о глаголах, семантика которых фиксирует движение от «старта» к «финишу». Они дают пример того, как прагматические факторы употребления, обобщаясь, порождают определенный тип семантики. Глаголы типа *приходить, приезжать,* ориентированные на местонахождение адресата, получают значение перфективности, предполагающее любую форму детерминации «пункта прибытия» (по месту, времени, адресату, событию, ср. *приехать на съезд славистов*), в то время как глаголы типа *уезжать,* не фиксирующие внимания на адресате речи, предполагают детерминацию «пункта отправления».

Норман Б. Ю. (СССР). Противопоставление аналитического и синтетического строя языков не имеет прямой связи с различиями в мыслительной сфере соответствующих народов: единство этой сферы основывается на общности внеязыковой действительности и подтверждается общностью поведенческих типов (реакций). Следовательно, можно предположить, что язык обладает некоторым единым грамматико-семантическим потенциалом, который может выражаться разными средствами. В частности, утрата падежных форм имени должна быть связана с коренной перестройкой всей структуры данного языка: не только с повышением роли порядка слов, увеличением числа служебных слов, но и с перераспределением функциональной нагрузки других грамматических категорий. Еще Е. Ф. Карский высказал предположение

о том, что исчезновение падежей в болгарском языке не случайно совпадает по времени с возникновением категории определенности. Действительно, как показывает материал современного болгарского языка, артикль помогает там различать (и, следовательно, выражать) синтаксические функции субъекта и объекта, объекта и атрибута, объекта и релятива и т. п.).

Принципиально новой является высказанная в докладе мысль о компенсаторном действии лексико-семантических ограничений в языках аналитического строя. Однако для доказательства этой идеи необходимо более последовательное, фронтальное обследование лексической системы. При всей яркости приведенных глагольных сопоставлений они выглядят фрагментарными и в известной мере случайными. То же относится и к сопоставлению семантики русских и болгарских предлогов. Если же сочетать дедуктивный подход с индуктивным, то можно прийти к глобальным выводам о связи грамматического строя языка с типологическими особенностями его лексической системы.

Кодухов В. И. (СССР). Язык как многоуровневая система вырабатывает единицы и категории, сложные по семантике, возникшей в результате взаимодействия и взаимосвязи лексики и грамматики. Хотелось бы добавить, что взаимосвязь происходит не только между словом и синтаксической конструкцией, но и между лексико-семантическими группами глаголов движения и имен существительных.

В словосочетаниях *ходить днем* и *ходить (весь) день* временно́е значение возникает под влиянием того, что существительное принадлежит к лексико-семантической группе существительных времени; в сочетаниях *ехать лесом* и *исходить (весь) лес* по тем же основаниям значение становится пространственным; формы творительного или винительного падежей (как и предложно-падежные формы — *в лесу* и *по лесу* и т. п.) выражают уточнение семантики времени или места.

Лексико-семантическое объединение происходит и во многих других синтаксических единицах — безличных изъяснительных предложениях.

Баракова П. (НРБ). Известно е, че в историята на езикознанието са застъпвани най-различни, често пъти диаметрално противоположни становища относно въпросите на категорията залог въобще и особено на пасива.

В своя доклад проф. А. Сато свързва пасива с аспекта на причастния компонент, като търси нови възможности за описание и обяснение на явленията — и по-конкретно на съотношението и семантиката на причастно-пасивните конструкции преди всичко в полски и в известна степен в руски език в съпоставка. Проф. Сато се справя с прецизност с поставените задачи и въз основа на добре подбран материал (единствената забележка е, че особено за руския език би могъл да бъде привлечен по-нов и по-богат материал) обработва нелека материя и достига до солидни резултати.

Подходът на проф. Сато би могъл да се използува и на по-широка основа — за останалите славянски езици, както и за съпоставка между тях. Ще си разреша да изкажа някои съображения, които ще формулирам като въпроси към проф. Сато.

Счита ли авторът, че може да бъде набелязан набор от признаци, въз основа на които да се разграничи акционалния от статалния пасив. Ако това е възможно, то би било сериозен принос към науката за залога.

Твърде интересно е какво би предложил авторът за случаите, в които не съществува начин за морфологично осигуряване на опозицията актив/пасив. В редица случаи както в полски, така и в руски, а и в български, разграничаването акционалност/статалност не е възможно в микроконтекст, а е необходим твърде широк синтактичен контекст.

Прави впечатление със своята логичност и яснота на постройката предлаганата от автора трихотомия — акционалност — перфект — статив. Трихотомията е отчетливо очертана и добре анализирана за езици като полски и руски със сравнително опростена темпорална система.

Налага ли една сложна темпорална система (каквато е българската) трудности при подобен подход. Термините аорист и перфект като означители на типове пасивни конструкции в полски и руски не са съвсем сполучливо подбрани, тъй като насочват към определени темпорални категории, а в случая далеч не се цели единствено това. По този повод могат да бъдат изказани и някои други съображения в подкрепа на необходимостта да бъдат потърсени други термини.

Hlavsa Z. (ČS). In order to solve the problem discussed by Prof. Sato it would be probably useful to take the situation in literary Czech into account too. In this language the «stative meaning» is unambiguosly expressed by means of the long form of adjectives which may take the position of the predicate with *být* «be»: *dveře byly (stále) otevřené* «the door was (always) opened». This form contrasts with that of past participle passive: *dveře byly otevřeny (Janem)* «the door was opened (by John)» Unfortunately the adjectives also appear in «short forms» which are homonyms of the participle, so a new problem arises: is the form *otevřeny* a participle, or an adjective? In Czech linguistics it has been several times discussed. In any case, however, for one of the interpretations proposed by Prof. Sato, a formal evidence can be found.

As for the examples, they deserve two comments:

a) the Czech equivalents of Pol. *list był napisany* seem to confirm the possibility of «stative» interpetation, too; the unacceptability of *zawsze* is due to the verb «write» which is «verbum efficiendi».

b) *zarochać się* is an intransitive verb which cannot form a passive at all. In colloquial Czech only «long form» of adjectives is used. It reveals the fact that it is not necessary to differ «stative» and «non-stative» meaning.

Вечернее заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Mustajoki A. (SF) — Системные расхождения в глагольном управлении в русском и финском языках (Slavica Helsingiencia. Доклады финской делегации на IX съезде славистов. Киев. Сентябрь 1983.— Helsinki, 1983, t. 1, s. 20—47).

Zimek R. (ČS) — Strukturně sémantické typy výpovědí v ruštině v porovnání s češtinou (Slavia, 1982, t. 51, No 3—4, s. 260—269).

Mrázek R., Žaža St. (ČS) — Pojem subjektu vzhledem k typologii slovanské promluvy (Československá slavistika.— Praha, 1983, s. 49—59).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Кавецкая Р. К. (СССР). Меня заинтересовала попытка проф. А. Мустайоки по-новому подойти к старой проблеме. По-новому поставлен и решается вопрос о глагольном управлении: учитываются не только внешние показатели глагольного управления — синтаксические связи слов, структура членов предложения, но и их семантические характеристики. Использование грамматики падежей как общей функционально-семантической основы для контрастивного описания представляется плодотворным, могущим дать важные практические результаты при изучении неродного языка, в частности русского языка иностранцами. Профессора Мустайоки интересуют прежде всего системные расхождения, системное несходство в глагольном управлении между русским и его родным финским языком, вызываемое формальной структурой предложения конкретного языка. Установленная им шкала совпадения/несовпадения управления в русском и финском языках, разные степени соответствия получают теоретическую интепретацию. При сопоставлении языков используется понятие пропозиции как общей функционально-семантической основы, как универсальной глубинной структуры, репрезентантами которой являются отдельные предложения. В принципе я разделяю положения докладчика. Желательно чтобы это интересное и важное исследование было дополнено прагматической частью, что очень важно для практического овладения языком (неродным).

Adamec P. (ČS). Подход, избранный коллегой А. Мустайоки, мне кажется чрезвычайно плодотворным. Можно даже удивляться, что до сих пор, насколько мне известно, никто не использовал так называемую грамматику падежей для сопоставительного изучения языков.

Я вполне разделяю все основные положения докладчика. Но вместе с тем мне кажется, что некоторые вопросы, связанные с его концепцией, до сих пор недостаточно освещены. Это, в частности, следующие вопросы:

1. Можно ли одинаково подходить к синонимическим предложениям одного языка и к эквивалентным предложениям разных языков, утверждая, что и в том и в другом случае в данных группах предложений можно найти инвариантную пропозицию и дополнительные значения, вызванные разностью форм? Мне кажется, что такие дополнительные значения бесспорно можно видеть в первом случае, там, где существуют варианты в одном языке, например: *Она интересуется балетом / Ее интересует балет / У нее интерес к балету / Ей интересен балет* и т. д. Но я не уверен, вызывает ли форма дополнительные (причем в разных языках разные) значения и в случаях, когда в языке нет вариантов, т. е. можно ли утверждать, что в русском *Он помогает **маме*** и в соответствующем финском предложении, которое буквально можно передать

как *Он помогает **маму*** форма последнего компонента вызывает разные дополнительные значения (адресат × объект). Если нет оппозиций, вариантов, то наличие дополнительных значений, на мой взгляд, сомнительно.

2. Можно ли одинаково подходить к пропозициям (и предложениям), состоящим из компонентов с конкретным значением (например, конкретные действия, одушевленные лица, конкретные предметы и т. п.) и с абстрактным значением (например, абстрактные отношения, абстрактные субстанции и т. п.). Мне кажется, что тогда как в первом случае семантические роли отдельных компонентов бывают ясны и прозрачны, в последнем случае они затемняются, семантически стираются, становятся семантически неопределенными. Поэтому, если сравнить, например: рус. *Он взял книгу **у брата***, ч. (в буквальном переводе) *Он взял книгу **брату*** и фин. (в буквальном переводе) *Он взял книгу **от брата***, то можно предполагать еще какие-то дополнительные значения, вызванные различием форм (локатив × бенефактив × аблатив), а в случаях типа *Это зависит **от обстоятельств***, ч. (буквальный перевод) *Это зависит **на обстоятельствах*** и фин. (буквальный перевод) *Это зависит **из обстоятельств***, ни о каких дополнительных семантических оттенках, по-моему, вообще размышлять не приходится: это различия только в поверхностной структуре отдельных языков, мотивировка которых давно стерлась.

Скворцов Л. И. (СССР). Многоаспектность глагольного управления требует адекватного описания. Доклад проф. А. Мустайоки представляет собой интересный опыт применения теории «грамматики падежей» [illegible]явлениям глагольного управления, особенно в сопоставительном [illegible]е. Автор хорошо осознает как достоинства, так и недостатки этой [illegible]и, трезво оценивает ее возможности. Вместе с тем хотелось бы [illegible]едостеречь автора от излишней формализации, когда поиски на «категориальном» уровне приводят к упрощению или даже искажению реальной картины языка. Необходимо учитывать ограничения, налагаемые фактами фразеологизации, а также семантики, стилистики, нормативности и т. п. Приводимые в качестве пропозиций предложения допускают разную степень варьирования в пределах нормы, либо некорректны в нормативном плане (ср. *он режет дрова пилой*). Глагольное управление — явление лексико-грамматическое, и это надо иметь в виду при его изучении и описании.

Кодухов В. И. (СССР). Межъязыковое (типологическое и сопоставительное) и внутриязыковое (синонимическое и вариантностное) изучение синтаксических конструкций вполне возможно на логико-семантической основе. Доклады А. Мустайоки, Р. Зимека и Ст. Жажи способствуют решению поставленных проблем.

Хочу лишь добавить, что поверхностная структура — это форма конкретного языка, так же как инвариантная форма — исследовательский прием. Необходимо учитывать нормативность, употребительность, стилистическую оценку конструкции и лексическую формальную маркированность падежа. *Он водит машину* и *Он управляет машиной, Он читает книгу* и *Он занимается чтением (книги)* имеют винительный и творительный падеж, отличающиеся управлением, разным у

разных языков и у разных глаголов. В предложении *Он помогает маме дровами* дополнение *дровами* говорит, что глагол *помогать* надо переводить глаголом *обеспечивать: Он обеспечивает дровами маму* (падежное русско-финское соответствие).

Байкова Л. С. (СССР). Проф. А. Мустайоки представил глубокий в теоретическом отношении и стройный в методическом отношении доклад. Аргументированные изыскания А. Мустайоки уточняют и развивают синтаксическую теорию грамматики падежей. Положения доклада могут быть, на наш взгляд, успешно использованы при разработке сопоставительной типологии родного и неродного языков, в частности сопоставительной типологии русского и эстонского языков. Ценно то, что вскрываются причины расхождения в глагольном управлении сопоставляемых языков, что вскрывается их общая функционально-семантическая основа, даются три степени совпадения/несовпадения в управлении сравниваемых языков. В перспективе желательно дополнить уровневую иерархию структур разной глубины уровнем текста и единицей текста.

Hums M. (DDR). В своих работах уважаемый коллега др. Р. Зимек представил 20 типов семантических структур, которые представляют хорошую основу и для конфронтационных исследований. Наше исследование велось в том же направлении (см. нашу статью в ZfSl 3/1982, где рассматриваются русские предложения, в которых выражается размер определенного свойства, например: *Длина — 100 метров. Ширина — 10 метров*. В будущем и прошедшем времени употребляется связка *быть*, например: *Температура будет 17 градусов, Возраст был 26 лет*). Ср. некоторые выводы:

В функции связи употребляется ряд глаголов, которые могут выразить еще дополнительные значения. При этом выделяются девять разрядов, которые можно разделить на три группы.

Первая группа: абстрактные связочные глаголы а) *быть, составлять* и б) *равняться*.

Вторая группа: полузнаменательные глаголы в) *приближаться;* г) *достигать, доходить* и д) *превышать*.

Третья группа: знаменательные глаголы в функции связи: е) *изменяться;* ж) *увеличиваться, возрастать* и др.; з) *уменьшиться, падать* и др.; и) *колебаться, варьировать*.

Абстрагируясь от специальных семантических элементов и употребляя метаязычный глагол est, можно представить данный тип количественных предложений в схеме: «измеряемое свойство + est + результат измерения» или в формуле «ИС + est + РИ».

Так как во всех современных языках это типовое значение так или иначе должно реализоваться, формула может употребляться как tertium comparationis.

Sperber W. (DDR). Р. Мразек и С. Жажа в своем докладе с полным правом подчеркивают, что не следует связывать синтаксическое понятие подлежащего только с морфологическим понятием именительного падежа. В каждое предложение входят, кроме сказуемого, другие члены-актанты, обязательные и факультативные. Из них один выступает в роли первостепенного обязательного актанта. Он никогда не обра-

зует словосочетания со сказуемым и чаще всего — но не обязательно — выступает в форме именительного падежа. Кроме формы именительного падежа, он может выступать в форме придаточного предложения, инфинитивной конструкции, дательного падежа, родительного падежа, иногда даже обстоятельства. Факультативные актанты не могут выполнять функцию подлежащего, даже если они имеют форму именительного падежа. В предложении *Мне больно то, что я в вас обманулась* имеется форма именительного падежа, но это не подлежащее.

Chvany C. V. (USA). To continue the comment of Prof. M. Ivić, I want to stress the position of Keenan (*Keenan E. L.* Toward a universal definition of «subject of» — In: C. N. Li. ed. Subject and Topic. New York, 1976) that, of the properties normally asociated with subjecthood, none is necessary, none is sufficient. In the prototypical action sentence, all of the properties coalesce in one NP (e. д. *Иван побил Бориса*). But when the properties are distributed among several NPs of one sentence, or are absent altogether, isolating a subject may be difficult if not impossible.— If one's theory r e q u i r e s one to find a subject (as does the present version of generative theory called «Government and Binding») one is more likely to force one's analysis into the mold and assign subjecthood to one of the NPs even if it lacks subject properties — *на безрыбье и рак рыба.*

Lötzsch R. (DDR). Прежде всего хотелось бы выразить удовлетворение, что множатся голоса, призывающие к отказу от слишком узкого взгляда на грамматический субъект. Я тут не буду затрагивать вопрос о том, что традиционное описание структуры предложения многих языков, в частности так называемых эргативных, собственно никогда не знало и не могло знать догмы об обязательной номинативности грамматического субъекта. И если ограничиваться славянскими языками и даже русским, трудно согласиться с этим постулатом. Ведь общепризнано, что в активной конструкции пациенсу на синтаксическом уровне соответствует не только прямое дополнение, но может соответствовать, при отрицании, и косвенное дополнение.Так почему же не признать, что и в пассивной конструкции, производной от активной, одним из существенных признаков которой является соответствие пациенсу уже не дополнения, а подлежащего, замена формы (номинатив → генетив) не означает одновременно и изменения статуса члена предложения. Имеются в виду трансформации типа: 1) *Нашли новые материалы → Найдены новые материалы;* 2) *Не нашли новых материалов → Не найдено новых материалов.* Поэтому для меня очень убедительно предложенное коллегами Р. Мразеком и С. Жажей признание наряду с прямым субъектом, выраженным номинативом, и субъекта косвенного, выраженного генетивом.

Но тут возникает вопрос, почему формальное выражение косвенного субъекта следует ограничить беспредложным генетивом, когда общепризнанное косвенное дополнение такого ограничения не знает. Решающим условием признания наличия косвенного субъекта, на мой взгляд, является вхождение имени или именного сочетания в состав непроизводной конструкции. Другими словами, если какая-либо дву-

членная конструкция, выражающая эфициент и предикат, является не преобразованием другой, более употребительной конструкции, а нормальным, доминирующим средством выражения какой-либо семантики, то языковое выражение эфициента, на мой взгляд, следует признать субъектом независимо от формы.

Поэтому я сомневаюсь, что предложенное сочетание *у нас* в примере *Такое право у нас есть* следует признать «субъектным дополнением» (кстати, в общем контексте терминологии Мразека — Жажи более подходит термин «эфициентное дополнение») на том основании, что данная конструкция якобы производна от конструкции *Такое право мы имеем.* Если взять другой, более подходящий, как мне кажется, пример *У меня книга,* то не может быть сомнения, что как раз эта конструкция в русском языке является нормальной, не производной, а конструкция типа *Я имею книгу,* соответствующая ей семантически, явление скорее периферийное. Следовательно, и *у меня* я признал бы косвенным субъектом.

Ивић М. (Yu). Референти разматрају низ интересантних питања у вези с поимањем и дифинисањем реченичког субјекта. Ја бих тим поводом пожелела да сѐ сви слависти што ближе упознају са најновијим радовима семантичара о истој теми, а посебно са студијом америчког логичара Кинана (Edward Keenan) koja је, кад се појавила средином седамдесетих година, изазвала својеврсну сензацију у научним круговима. Кинан је своју анализу засновао на проучавањима конкретних прилика у великом броју најразличитијих језика света. Поменуо је, поред осталог, и руску ситуацију као вредну пажње. По Кинану, субјекат је хијерархијски условљен појам који почива на уважавању већег броја релевантних особености логичко-психолошког и граматичког карактера. Додала бих да је својство антропоцентризма очигледно један од доминантних фактора при интерпретацији руских реченица са «логичким субјектом». Остаје да се прецизно утврди под којима се све семантичким околностима мења граматичка хијерархизација у корист избора зависног падежа уместо номинатива.

Утреннее заседание 12 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Holk A. van (NL) — Безличный агент в славянских языках (Dutch Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Linguistics.— Amsterdam, 1983, p. 145—212).

Davidsson C. (S) — Номинальная фраза и номинальное предложение (Swedish Contributions to the IX Congress of Slavists in Kiev 1983. — Турку, 1983, с. 1—8).

Корубин Б. (Yu) — Апозицијата и идентификацијата на планот на изразот во македонскиот наспрема другите словенски јазици (Реферати на македонските слависти за IX Меѓународен славистички конгрес во Киев.— Скопје, 1983, с. 29—40).

Conrad R. (DDR) — Вопросительные структуры с одинаковым значением в русском и немецком языках (Zeitschrift für Slawistik. 1982, Bd 27, H. 3, S. 420—428).

Kostov K. (DDR) — Altbulgarische syntaktische Besonderheiten und ihre Entsprechungen im Neubulgarischen (Ibid., S. 436—445).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Баудер А. Я. (СССР). Мне хотелось бы высказать некоторые соображения в связи с докладом проф. А. ван Холка «Безличный агент в славянских языках». Анализ безличных конструкций докладчик ведет, как нам показалось, в семантическом и функциональном аспектах. На основе этого делается вывод, что уровень качества должен быть подчинен уровню коммуникативной ситуации. Нам представляется это положение интересным, тем более что в многообразных типах безличных предложений можно выделить, если исходить из позиций докладчика, ряд дифференцированных структур.

Когда лингвист берется за конкретный языковой материал, он всегда стремится дать ему квалификацию в определенной системе. Квалификация структуры безличных предложений зависит от многих факторов: 1) экстралингвистических (целевая установка говорящего, коммуникативная значимость, речевая ситуация и др.); 2) собственно лингвистических (морфологический способ выражения главного члена предложения, порядок слов, сочетаемостные возможности, позиция в предложении и некоторые другие). Если анализировать безличные предложения со словами на **-о**, то можно выделить особую группу предложений, в семантической структуре главного члена которых выступает доминирующий компонент: а) «восприятие органами чувств» (слова типа *видно, слышно*) и б) «интеллектуальная оценка» (слова типа *ясно, верно*). Безличные предложения с этими словами корреспондируют с другими структурно-семантическими типами предложений и функционально предопределены контекстом. Морфологическая квалификация слов на **-о** в безличных и корреспондирующих с ними предложениями оказывается весьма важной, но во многих случаях затрудненной объективными языковыми фактами. Приведу следующий функциональный ряд: Мне ***ясно,*** *чте мы опаздываем;* ***Ясно,*** *что мы опаздываем;* ***Ясно,*** *мы опаздываем; Мы,* ***ясно,*** *опаздываем; Мы опаздываем,* ***ясно***. Нетрудно заметить, что корреспондирующие конструкции по-разному проявляют морфологические свойства звукового и графического комплекса *ясно,* что и предопределяет его синтаксическую квалификацию.

Не подвергая компоненты этого функционального ряда анализу, замечу, что здесь, кроме ядерных структур, есть и периферийные, совмещающие в себе свойства различных структурно-семантических типов предложений. В связи с этим можно отметить и некоторую закономерность:

1. В ядерном структурно-семантическом типе предложения функционируют слова с ядерными морфологическими свойствами.

2. В периферийном структурно-семантическом типе предложения функционируют слова синкретичные, обладающие признаками различных структурно-семантических классов слов.

Mühlner W. (DDR). Употребление косвенных падежей для обозначения семантического субъекта может быть объяснено следующим образом. 1. Предложение рассматривается как система отношений. 2. Функция падежей рассматривается на уровне логико-грамматическом: в общем падежи передают направленность отношений, в деталях противопоставление именительного падежа всем косвенным падежам восходит к тому, что имя в независимом падеже (подлежащее) обозначает исходный пункт/элемент, а косвенные падежи — конечные пункты внутри системы отношений. Из этого и вытекает мотивированность употребления дательного падежа семантического субъекта, например, в инфинитивных предложениях русского языка. В предложении, допустим, *Мне идти домой* выражается модальное значение долженствования, содержание которого заключается в том, что внешняя, посторонняя сила воздействует на субъект, требуя от него осуществления данного действия. Следовательно, семантический субъект не может выступать в качестве исходного элемента в системе отношений, передаваемых инфинитивным предложением. В литературе утверждается, что этот субъект «проявляет мало активности», «испытывает состояние» (в данном случае модальное) и т. д. Но все эти определения, видимо, являются частными аспектами того, что падежи в логико-грамматическом смысле обозначают определенную направленность отношений.

Мамалыга А. И. (СССР). Сегодня завершается работа секций и, в общем, уже складывается целостное впечатление о рассмотренной проблематике. Если говорить о докладах по синтаксису, все они были интересными, очень полезной была также развернувшаяся дискуссия. Но, к сожалению, очень мало представлено работ по синтаксису текста и, как правило, рассмотрение предложения велось изолированно, без опоры на текстовой анализ. Неосвоенность текстового пространства, на наш взгляд, в значительной мере сказывается на исследованности предложения, а также и словосочетания, и слова, ибо все эти единицы функционируют в целостном коммуникативном построении. Например, активно обсуждавшаяся на одном из заседаний проблема безличного предложения при условии ее рассмотрения не только на материале изолированных предложений, а и текстовых построений могла бы получить более полное решение, о чем можно судить по сегодняшнему докладу проф. А. Холка, обратившегося для исследования безличного предложения к текстовым ситуациям. Так называемые главные члены предложения совсем не обязательно находятся в привычном для нас подлежащно-сказуемостном соединении, ибо характер такого соединения зависит прежде всего от того, какие смысловые отношения выражаются между субъектом и предикатом (ср. *Он ушел; Ему плохо* — в одном случае речь идет о субъекте д е й с т в у ю щ е м, в другом — и с п ы т ы в а ю щ е м что-либо, что не мешает ему тем не менее быть главным предметом сообщения). В работах И. П. Распопова, Ф. Данеша на материале русского и чешского языков правомерно ставится вопрос о выявлении через призму актуаль-

ного членения всего разнообразия типичных структурных разновидностей предложения.

Несмотря на то, что доклад К. Дэвидссон вызывает некоторые возражения по поводу категорических ограничений, касающихся номинативных и сегментированных предложений, он интересен тем, что в нем обращается внимание на необязательность совпадения границ предложения и фразы. В языке это прослеживается не только при сегментации, различной по объему, но и в других, причем очень распространенных, построениях. Так, привычное, казалось бы, сложноподчиненное предложение в тексте представляет собой в одних случаях действительно единое предложение, в других — сочетание взаимосвязанных самостоятельных предложений. Возможность этих речевых вариаций имеет, конечно, языковую основу, иначе в процессе общения мы не могли бы понять друг друга. Рассматривая эти вопросы в своей монографии, я встретила материалы, в частности высказывания Ф. Ф. Фортунатова, свидетельствующие о том, что такое осмысление синтаксических явлений имеет почву в славянском языкознании.

Hlavsa Z. (ČS). Я думаю, что дефиниция оппозиции, исходящая из референционной тождественности (в точном смысле слова), ведет к серьезным трудностям. Когда мы объясняем оппозицию таким образом, как это сделано в докладе Б. Корубин, мы должны согласиться, что координация выражает референционное различие подобных выражений.

Обратимся к следующим фразам: *Киев, столица Украины и место IX МСС* — 1 референт; *Москва, столица Украины и место IX МСС* — 2 референта; *Москва, столица Украины и место VIII МСС* — 3 референта.

Чтобы не вступать в противоречие с дефинициями координации и оппозиции, мы должны иметь дело по крайней мере с двумя референтами в каждой из этих фраз. Для этого нужно различать два уровня: на семантическом предположить в первой фразе семантический предикат, квалифицирующий какое-то референционное название (Киев) и имеющий координативный состав. Во второй фразе речь идет только о координации, в третьей референционное название является эллиптическим. Таким образом, оппозиция является формальным средством выражения отношения P (x), где предикат — аргумент.

Георгиев С. (НРБ). Несъмнено проф. Б. Корубин засяга един съществен въпрос, недостатъчно изяснен от теоретично гледище и непроучен в отделните славянски езици. В тази насока успехите на Б. Корубин не са малко. Но въпросът е по-сложен. Някои от опозициите, които той предлага, не са убедителни.

Трудно можем да се съгласим с него, че истинската апозиция е самостоятелен член на изречението, например град Мадрид, професор Павлов, поп Никола и др. Тук не е отчетен характерът на прилагането, като особен вид синтактическа връзка. За апозицията трябва да се има пред вид тясната семантична общност между собственото име и приложението. Самото понятие апозиция не трябва да се разширява много.

По-внимателно трябва да се разгледа членуването на апозицията като различителен признак на истинска апозиция и идентификация. Много от случаите тук зависят от други, не структурни, а комуникативни причини, както сам Корубин посочва в края на своя доклад. Би трябвало той да бъде по-предпазлив, когато говори за влияние на сърбохърватски език в случая като игла шиварка, игла плетарка. Това ся явления, типични за много български диалекти, а като модел са познати изобщо на славянските езици. По-точно трябва да се реши и въпросът за съчетание като лекар интернист, куче птичар и др., които вече се налагат като сложни думи.

Проф. А. Холк и проф. С. Давидсон разглеждат изречения, които не се побират в класическия тип. Давидсон правилно разграничава едносъставни и двусъставни именни изречения. Но тук разбирането за заместване или възстановяване на подлога у А. Холк и така наречената елипса у С. Давидсон не спомага за последователното решаване на въпроса. Това са явления на диахронията, на развитието на езика. С тях може да се обясни до голяма степен синтактичното съдържание на изреченията и в този смисъл те са експериментални трансформации.

При разкриването на съвременните структури трябва да се изхожда от действителното състояние на езика, от реалната езикова структура — същата да се обяснява чрез наличното синтактично отношение между съдържание и форма. Но тук основен, изходен си остава въпросът за предикативността, чието сегашно разбиране не отговоря напълно на синтактичното многообразие на изреченията.

Младенов М. (НРБ). Докладът на др. К. Костов е образец за внимателно и проникновено търсене на елементите на старобългарския език в съвременните български диалекти. Мисля, че само така може да се преодолее напластяваната вече десетки години абстрактна представа за старобългарския език(особено у небългарски слависти) като за някакъв само книжен и едва ли не изкуствен език. Това не е първият случай, в който д-р К. Костов като се опира на дълбокото познаване на народния език, разкрива как този език се е проецирал с редица свои тънкости в старобългарския книжовен език. Посочените от него синтактични конструкции са добре известни в българската диалектология, но заслугата на д-р Костов, е че търси техните исторически корени.

Тук би трябвало, според мене, да се добави в изследователския подход още един много съществен момент в характеристиката на съвременните явления — ареалният. Така напр. конструкцията *не è вѝдет, Стоѝн не гѝ е вѝдет* е присъща на архаични южни български диалекти. Югозападно разпространение имат безпредложни конструкции от типа *Да напоѝм конѐте вода* (тук бих прибавил и конструкции като *пълна торба орехи*) и т. н. Следователно съвременното географско разпределение на повечето от разгледаните от д-р Костов явления потвърждават неговите наблюдения за техния статус в старобългарския език. Те се срещат в диалекти, които носят най-ярки следи от българско-гръцката интерференция, осъществявана в продължение

на векове. Така необичайните конструкции намират своето правдиво обяснение.

Станишева Д. (НРБ). Доклад К. Костова свидетельствует, что некоторые черты болгарского языка, которые в современном типологическом плане рассматриваются как черты аналитизма, т. е. как сравнительно новые явления, имеют свое диахронное, древнее объяснение.

Явление болгарско-греческих языковых контактов в период создания древнеболгарского литературного языка остается весьма интересным и спорным.

Норман Б. Ю. (СССР). В докладе К. Костова выдвинута очень смелая гипотеза о билингвизме древних южных славян. Однако факты старославянского синтаксиса, приводившиеся докладчиком, не доказывают этой гипотезы. Они могут быть отражением не древнегреческого влияния, а общего наследия индоевропейского языка.

Что же касается синтаксиса современного болгарского языка, то здесь мы сталкиваемся с многообразными и весьма специфическими явлениями, которые только в очень условном смысле могут быть признаны отражением старославянского, а тем более древнегреческого влияния (в частности, так называемого второго винительного). Речь идет о конструкциях типа *чаша вода, изгрев слънце, излизам отпуска, черпя го цигара* и т. п., инновационный характер которых несомненно важнее каких бы то ни было субстратных предпосылок.

Непосредственными же факторами, обусловливающими распространение данных конструкций, являются следующие:

1) широкая экспансия аппозитивной связи: вытеснение предлогов средствами порядка слов и интонации;

2) грамматикализация местоименных форм. Это особенно наглядно в конструкциях типа *черпя го цигара* или *запитай го това* (где невозможна замена на **черпя своя съсед цигара* или **запитай професор това*);

3) функциональная специализация лексем. Это очевидно для конструкций типа *давам му книга подарък* или *нося дърва контрабанда*, где слова *подарък* и *контрабанда* приобретают адвербиальную семантику.

Ходова К. И. (СССР). Доклад проф. К. Костова имеет большую ценность для преподавания старославянского языка в Советском Союзе. Докладчик привел и объяснил примеры таких синтаксических конструкций, которые, как правило, затрудняют преподавателей старославянского языка педагогических институтов при разборе текстов (например, **чаша вино, дати дѫшѫ своѭ избавленіе за многы**). Было бы желательно опубликовать у нас статью по материалам этого доклада, сделав ее доступной для многочисленных преподавателей старославянского языка педагогических институтов.

Некоторые синтаксические построения, разбиравшиеся в докладе, являются общеславянскими архаизмами; их полезно поставить в ряд с соответствующими им явлениями других славянских языков.

Дневное заседание 12 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Wedel E. (BRD) — Zur Entwicklung der konjunktionalen Hypotaxe im Russischen (Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistenkongress in Kiev 1983.— Köln; Wien, 1983, S. 617—633).

Hajičová E., Panevová J., Sgall P. (ČS) — Větná struktura a aktuální členění ve slovanských jazycích v porovnání s angličtinou (z hlediska sémantiky a automatického porozumění textu) (Československá slavistika.— Praha, 1983, s. 139—149).

Daneš F., Hlaysa Z. (ČS) — Některé souvztažnosti aktuálního členění a významu věty (Slovo a slovesnost, 1983, r. 44, s. 3—11).

Steinke K. (BRD) — Zur Syntax der Kardinalia im Russischen, Polnischen und Bulgarischen (Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistenkongress in Kiev 1983.— Köln; Wien, 1983, S. 563—577).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Кузнецова Р. Д. (СССР). В докладе Э. Ведель раскрыта сложная ситуация в развитии союзных средств подчинения, взаимодействие двух систем союзов — с и-словами и к-словами. Хорошо показана зависимость появления и развития союзов в зависимости от жанрово-стилистического развития древнерусской письменности.

Вместе с тем явления различного хронологического плана рассматриваются в докладе в одном ряду, не учитывается, что союзы появлялись и утрачивались в разное время и по разным причинам. Не учитывается также роль структурно-семантического фактора в развитии всего сложного предложения. Так, утрата временного союза *как* связана с тем, что этот союз мог употребляться только в препозиции. Кроме того, некоторые союзы относятся к церковнославянским без достаточного основания. Работа Е. Т. Черкасовой убедительно показала, что союз *дабы* не является церковнославянским.

Jäger G. (DDR). Ve svém velmi zajímavém a podnětném příspěvku prof. P. Sgall načrtl několik podstatných aspektů známého funkčního generativního modelu, který byl vypracován profesorem Sgallem a jeho spolupracovníky. Chtěl bych jen zdůraznit, že popis tohoto typu není jen — jak se vyjádřil prof. Sgall — vhodnou základnou porovnání jazyků, nýbrž — podle mého názoru — nutnou podmínkou porovnání jazyků, když nám jde o teoretickou rekonstrukci zvájemného poměru různých jazyků.

V souvislosti s tím, co přednesl prof. Sgall, mám jen malou připomínku: plně souhlasím s tvrzením, že se jazyky co do repertoáru doplnění tolik nerozlišují. Myslím však, že při porovnání je nejen důležité, jaký repertoár doplnění různě jazyky mají, ale především, jak se ta doplnění kombinují do funktovových struktur a jak se tyto struktury využívají. A v obou ohledech se jazyky rozlišují ve větší míře, než co do repertoáru.

Adamec P. (ČS). V referátu F. Daneše — Z. Hlavsy se řeší mimořádně závažná problematika (tuto problematiku vždy zdůrazňoval také

P. Sgall a jeho spolupracovníci). Je třeba tedy uvítat, že zazněla i na tomto fóru.

K této problematice bych chtěl připojit pouze dvě poznámky:
a) Nezdá se mi zcela přesná formulace, že AČ je faktorem významotvorným. Z toho by vyplývalo, že AČ je prius a význam posterius, zatímco je tomu spíše naopak;
b) Mezi určitým AČ a určitým významem není jedno-jednoznačná závislost, týž význam může být vyjádřen i větami s různým AČ a naopak věta s jedním AČ může mít dva různé významy; AČ pouze napomáhá k tomu či onomu chápání.

Könitz B. (DDR). Kolega Z. Hlavsa mluvil ve svém příspěvku mezi jiným o vztahu mezi kvantifikací a delimitací. Tento vztah je bezpochyby velmi těsný, ale viděl bych vztah mezi určitostí a úplností trochu jinak než autoři příspěvku. «Určitá» jmenná skupina spíše označuje reprezentativní podmnožinu nějaké určité (kontextem určené) základní množiny. Identifikovatelná je vlastně jenom ona základní množina, té se týče také úplnost, ale určitost je zároveň spjata s reprezentativní podmnožinou, která není identifikovatelná.

Profesor Sgall právem vyzvedává (v písemné versi) nutnost rozlišování mezi obsahem a jazykovým významem a v této souvislosti mezi obsahovou neurčitostí (vágností) a jazykovou víceznačností. Zdá se však, že v souvislosti s aktuálním členěním tato problematika skýtá ještě široké pole k diskusím. Z hlediska spíše psychologického kritéria, do jaké míry si může nebo musí mluvčí být vědom toho, co «měl na mysli», je otázkou, zdá si mluvčí musí v každém případě být vědom toho, kde je hranice mezi zapojenou a nezapojenou složkou třeba v takové větě *Petr studoval v Praze*. Je však také možné, že nakonec nevystačíme s rozlišením mezi «obsahovou vágností» a «víceznačností».

Вечернее заседание 12 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Priestley T. (C) — Slovene and German in contact: some lexical analyses (Canadian Slavonic papers. Revue canadienne des slavistes. Canadian Contributions to the IX International Congress of Slavists. Kiev. 1983, vol. 25, N 1, p. 128—146).

Olesch R. (BRD) — Mittelniederdeutsch-dravänische interlinguale Kontake. Zur Frage naturaler und translatorischer Interferenz (Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistenkongress in Kiev 1983.— Köln; Wien, 1983, S. 347—359).

Kouzmin L. (Au) — The Russian-English language contact situation in Australia: some grammatical repercussions (The Slavic Languages in Emigre Communities. Linguistic Research. Inc. Carbondale (USA) and Edmonton (Canada), p. 73—87).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Хасанов Б. (СССР). На съезде особое внимание уделяется контактированию славянских языков с неславянскими. Так, проф. Т. Пристли свой доклад посвятил вопросам контактов словенского и немецкого

языков, Р. Олеш — средненижненемецкого и древянского. В докладе Л. Кузмин описываются некоторые явления отклонения от грамматической нормы русского языка под воздействием английского в речи двуязычных иммигрантов, проживающих в Австралии. Все доклады были содержательными.

На мой взгляд, на столь представительный съезд славистов желательно было бы поставить хотя бы один-два доклада по неславянско-славянскому двуязычию в СССР. Эта проблема не рассматривается ни в одном из 13 докладов по межъязыковым контактам. Одна из разновидностей упомянутого мною типа двуязычия представлена в Советском Союзе. Это двуязычие, при котором различные народы Советского Союза говорят как на родном, так и на русском языке. Оно стало одной из характерных черт, присущих социалистическому образу жизни нерусского населения. Сочетание общесоюзных и республиканских интересов, достижение максимальной эффективности всего народно-хозяйственного комплекса настоятельно требовали развития именно такого типа двуязычия.

Супрун А. Е. (СССР). Труды проф. Р. Олеша, благодаря их исключительной полноте и акрибии, открыли новую эпоху в изучении полабско-древянского языка. На этой базе возможен новый анализ материала.

Представляется, что доклад выполнен в этом русле. Возможно, что наряду с двумя полярными типами интерференции, описанными в докладе (естественной и переводной), целесообразно выделить переходные типы, связанные с некоторыми специфическими видами речевой деятельности полабских информантов: воспроизведением однажды сделанного перевода (ср. dox в письме Митхофа), двуязычным диалогом (ср. jo cą kå jedai ait в словаре Пфеффингера).

Бартков Б. И. (СССР). Поднятые коллегой Л. Кузмин вопросы взаимодействия русского языка австралийских иммигрантов с английским, отмеченные факты наложения английских грамматических конструкций на русские чрезвычайно интересны. Результаты этих исследований могут оказаться полезными при обучении русских (особенно взрослых) английскому языку в русском окружении. Интересно было бы проследить интерференционные процессы на словообразовательном уровне, например, не заимствуются ли русскими иммигрантами английские аффиксы и т. д. Интересно также отметить, что в языке советских научных сотрудников, много читающих на английском языке, наблюдаются случаи наложения английской конструкции «существительное в функции определения», стоящее перед другим существительным, например, ДНК-структуры, ЯМР-спектрометр, ИК-спектры и т. д.

Исследование интерференционных процессов позволит лучше понять также структуру и функцию каждого из языков.

Копыленко М. М. (СССР). Коллеги Т. Пристли и Л. Кузмин представили очень интересные, богатые фактами доклады об интерференции. В первом из этих докладов рассматривается языковая интерференция: изменения в структуре семантических полей славянских диалектов под влиянием австро-немецких говоров. Хотелось бы ознакомиться с

фактами речевой интерференции в этом регионе: ведь она всегда предшествует языковой; по всей вероятности, изучая речевое взаимодействие диалектов различных языков в настоящее время, можно прогнозировать устойчивые структурные изменения контактирующих лингвем (термин В. К. Журавлева) в будущем. В докладе Л. Кузмин подвергается анализу интерференция английского языка в русской речи австралийских билингвов. Аналогичные исследования проводятся во многих научных учреждениях СССР на материале русской речи носителей многочисленных языков народов Советского Союза. В Казахстане изучается интерференция казахского языка в русской речи казахов-билингвов. Однако в отличие от коллеги Л. Кузмин мы стремимся объяснить в с е случаи воздействия языка $Я_1$ на речь на языке $Я_2$. В докладе Л. Кузмин не объяснены по крайней мере десять случаев из приведенных двадцати пяти. Неясно, например, почему билингвы употребляют дательный падеж вместо винительного во фразе **Это мне не беспокоит*.

Критенко А. П. (СССР). Доповідь колеги Т. Прістлі красномовно свідчить про вплив позамовної ситуації та екстралінгвістичної дійсності на мову. Власне, доповідач про такий вплив не говорить нічого, але сам аналіз лексичного матеріалу за тематичними (лексико-семантичними) групами промовляє за себе. Справді, де можна говорити про *болото,* коли в ньому нема води? В такому випадку це буде *балка, долина* чи *яма,* а не *болото*. В краю з кам'яним грунтом все — камінь, і різниця тільки в тому, що камінь може бути невеликим (словен. kamèn), або великим (skáva), або лежати масивом певної форми і под. В українській мові *корито* — посуд для свиней, і інших корит тут не роблять, для купання ж існують *ночви* або *вагани,* або, зрештою, існують *шаплики,* але це вже посуд іншої форми. Зв'язку мови, особливо лексики, з екстралінгвістичною реальністю не можна ігнорувати.

Щодо доповіді колеги Л. Кузмін про граматичну інтерференцію в російській мові австралійців треба сказати: матеріал і цікавий, і добрий, але наскільки він регулярний? наскільки типовий? Коротше — над ним ще треба працювати і працювати.

Вовк П. С. (СССР). Очень интересно было прослушать доклады по проблемам интерференции. Источником интерференции на любом уровне языка является различие на фоне сходства. Результатом сопоставления единиц двух языков всегда является различие. Тождество исключается, так как единица системы определяется всей системой в целом, а две системы в целом совпасть не могут, иначе это был бы один язык.

Можно назвать четыре типичных случая, вызывающих интерференцию:

1. Полное отсутствие в системе языка А фактов, представленных в языке Б (на фонологическом уровне — отсутствие фонем определенного типа, например, мягких согласных).

2. Большее сходство плана содержания единиц двух языков, чем плана выражения.

3. Большее сходство единиц плана выражения двух языков, чем плана содержания.

4. Равные степени сходства и различия единиц двух языков при нетождестве позиций.

На фонологическом уровне следует также учесть, что возможна интерференция как в процессе восприятия речи, так и в процессе ее порождения. Иностранец (например, индонезиец) может правильно воспринимать оппозицию глухих/звонких русского языка, но неправильно воспроизводить звонкие (как полузвонкие).

При обучении языку для профилактики интерференции полезно определять уровень нарушения: речевую периферию (работа речевых эффектов) или центр (речевая программа высказывания). При нарушении речевой программы высказывания (центральный уровень нарушения) необходимо объяснение, при правильности речевой программы и нарушениях в ее реализации необходимо воздействовать непосредственно на органы речи.

Подсекция 5.

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Дневное заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Ижакевич Г. П., Кононенко В. И. (СССР) — Основные тенденции внутриструктурного развития и взаимодействия современных восточнославянских литературных языков (Слов'янське мовознавство.— К., 1983, с. 17—45).

Bartoszewicz A. (P) — К постановке вопроса об общих тенденциях развития современного русского языка (Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.— Warszawa, 1983, s. 5—14).

Hüttl-Folter G. (A) — Проблематика языкового наследия в русском литературном языке нового времени (Wiener slavistisches Jahrbuch. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.— Wien, 1982, S. 9—26).

Fleckenstein Ch. (DDR) — Probleme der Entwicklung der russischen Literatursprache in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts (Zeitschrift für Slawistik. 1982, Bd 27, H. 3, S. 454—460).

Gutschmidt K. (DDR) — К вопросу о развитии стиля белорусской прозы (в сравнении с русской и украинской прозой).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Бондалетов В. Д. (СССР). Г. П. Ижакевич и В. И. Кононенко задались целью найти главные тенденции внутриструктурного развития языка, избрав для анализа восточнославянские языки, имеющие общий источник и находящиеся в состоянии активного взаимодействия. Направление исследования и результаты его интересны, хотя заметим, что постановка двух различных задач («внутриструктурное раз-

витие», «взаимодействие») затрудняла выявление специфики развития каждого из рассматриваемых языков.

Вряд ли верен тезис о том, что «тенденции развития и дальнейшего совершенствования языка заложены, «запрограммированы» в его структурной организации и определяются сложными внутриязыковыми отношениями» (доклад, с. 18). Думается, что первопричина развития — в диалектическом противоречии между структурой языка (стабильной, устойчивой, общей для коллектива и т. д.) и его функцией, назначением: речевой акт всегда нов, динамичен, индивидуален.

Некорректно утверждение: «Инновационные образования проявляются первоначально в речи, в синтагматике...» и только со временем они вызывают «сдвиги и на парадигматической оси, в языковой протяженности» (с. 18). Синтагматика входит в язык как важнейший его конституирующий признак.

В докладе почти равнозначны термины «развитие», «движение» и «прогресс» языка. Думаю, что не все изменения прогрессивны. Развитие языка сопровождается «болезнью роста».

Думается, что два заключительных вывода доклада сводимы к одному — стремлению наших языков к реализации тенденции к лучшему выполнению коммуникативной функции в новом социалистическом обществе.

Бевзенко С. П. (СССР). Приєднуючись до загальних висновків доповіді Г. П. Іжакевич і В. І. Кононенка, зробимо деякі зауваження. Говорячи про загальні тенденції в розвитку сучасних східнослов'янських літературних мов, слід враховувати і ті глибинні процеси, що сталися в білоруській і українській літературних мовах: зміна діалектної бази білоруської мови, що припадає десь на 20—30 роки XX ст. (цією базою стали східнобілоруські говори замість західнобілоруських); утвердження східноукраїнського варіанта української літературної мови як єдиної на всіх українських землях, що припадає на кінець 40-х років XX ст. Такі утворення, як укр. *тваринник* у порівнянні з рос. *животновод* не варто розглядати як кальки (термін «семантичні кальки», якого схильні вживати автори до подібних випадків, невдалий); це власнеукраїнське індуковане утворення, що виникло під впливом російської мови. Не можна говорити про значне зниження в українській мові активності присвійних прикметників і заміну їх родовим приналежності; в сучасній українській літературній мові обидва ці засоби вираження посесивності в однаковій мірі активні, хоч в одних жанрах (науковий, діловий стиль) переважає другий, в інших — перший. Випадки варіативного вживання закінчень родового відмінка однини **-а(-я)** в літературній мові дуже неусталені (так, донедавна було розрізнення *атласу — атласа*, яке тепер усунене,— *атласу*). Форми давального-місцевого відмінків однини іменників чоловічого роду на **-ові (-еві)** дуже експансивні: вони під впливом літературної мови поступово витісняють із живого мовлення форми на **-у (-ю)** навіть у тих діалектах (наприклад, у північних), в яких вони були мало поширені чи відсутні зовсім.

Копыленко М. М. (СССР). В очень интересном докладе Г. П. Ижакевич и В. И. Кононенко совершенно правильно и всесторонне охаракте-

ризованы тенденции развития и взаимодействия восточнославянских языков. Я хотел бы лишь обратить внимание на то, что в докладе не было убедительных примеров, свидетельствующих о тенденции, противоположной агглютинации. Нельзя признать таковыми ни усечения типа *маг, проф*, ни объединение двух компонентов фразеосочетания одной флексией, например, в *домотдыхе* (последний пример, наоборот, говорит о развитии агглютинации). Что касается образований типа *тваринник, тваринниця, тваринництво*, то это, по-видимому, не кальки с русского, а индуцированные образования.

Следует ли учитывать при определении тенденций развития языков просторечные явления, слова и выражения из молодежного жаргона и под., против чего возражает коллега Х. Милейковская? Я думаю, что следует. Очень многие процессы зарождаются в так называемом сниженном слое речевой деятельности.

Озерова Н. Г. (СССР). В докладе Г. П. Ижакевич и В. И. Кононенко подчеркивается активизация в грамматическом строе восточнославянских языков как аналитических, так и синтетических средств. Это положение доклада находит подтверждение в синтетических и аналитических способах передачи семантики родового противопоставления личных существительных.

Аналитический способ выражения категории рода личных существительных распространяется на имена существительные мужского рода определенной семантики: названия лиц по профессии, социальному положению, специальности. Информация о профессии и поле лица может передаваться словообразовательными и синтаксическими средствами. При отсутствии соответствующих женских коррелятов семантика родового противопоставления выражается аналитически: родом согласуемого с существительным прилагательного, местоимения или причастия и прошедшим временем координируемого глагола. Однако даже при наличии женских коррелятов в официально-деловой речи, в языке средств массовой информации, в названиях должностей, почетных званий используются существительные мужского рода как обобщенные названия деятеля независимо от его пола.

Характерная для одушевленных существительных семантическая двучленная оппозиция мужской/женский род в названиях лиц по профессии, социальной принадлежности в русском языке получает свое выражение в аналитических средствах, в украинском языке аналитический способ выражения категории рода менее активен, так как в нем шире синтетические, в частности словообразовательные, возможности создания женских коррелятов.

Дроздовский В. П. (СССР). Доклад Г. П. Ижакевич и В. И. Кононенко представляет собой исключительно актуальное исследование. В докладе обоснованно говорится о противоречивых и взаимопересекающихся языковых тенденциях, об их общей направленности на облегчение общения, повышение его эффективности. Представляется важным среди многих языковых тенденций выделить доминирующие. Одной из них является тенденция к компрессии, к соблюдению принципа экономии. По нашему мнению, она охватывает в большей или меньшей мере такие языковые явления, как грамматическая аналогия

и унификация, усечение, включение, аббревиация, стяжение, устранение дублетов, субстантивация и др.

Акимова Г. Н. (СССР). В докладе проф. А. Бартошевича были интересно суммированы основные тенденции развития современного русского языка. Наряду с продолжающими свое действие тенденциями обобщения и дифференциации функций языковых средств, их регулярности и развития по аналогии, автор выделяет новые тенденции развития, проявляющиеся на разных уровнях языка: явление компрессии, смысловой конденсации, аналитизма и др. Однако следует подчеркнуть ту сторону в изучении новых явлений, которая исследована меньше других. Это проблема взаимосвязанности проявления этих тенденций на различных уровнях языка как результата влияния изменений на каком-либо одном из уровней. Самоочевидны связи изменений в морфологии и синтаксисе. Развитие аналитизма в морфологии, как правило,— результат изменений в синтаксисе. Но как следующий этап возможны опять изменения в синтаксисе. Так называемый кратный именительный (типа *маршрут Киев — Москва*) есть замена косвенных падежей именительными, но при этом развиваются новые синтаксические показатели, например, более устойчивый, грамматический порядок слов в данных конструкциях. Связь лексики, словообразования и синтаксиса видна в образовании новых лексем в результате действия различных видов компрессии на синтаксическом уровне: *электричка* (вместо *электропоезд*), *Невский* (проспект), *иглоукалывание, водоснабжение* и под. Связь изменений в синтаксических структурах проявляется в особой нагрузке на интонацию.

В проблеме взаимодействия новых тенденций на различных уровнях языка возникают и новые стороны: каково направление взаимодействия (от морфологии к синтаксису, от синтаксиса к морфологии, от синтаксиса к лексике, от словообразования к синтаксису и т. п.) и причины именно данного направления. Выяснение этих причин поможет выяснению дополнительных связей между языковыми уровнями.

Иванова В. Ф. (СССР). Высоко оценивая обобщения проф. А. Бартошевича, хочу сделать несколько замечаний.

Представляется, что вопрос об общих тенденциях развития языка интересно связать с проблемой нормы (каково их соотношение). Их объективная связь несомненна. Развитие языка, его совершенствование естественно и необходимо, поскольку язык обслуживает изменяющиеся потребности общества. Новое в языке замечается или не замечается обществом, и если замечается, то по-разному им оценивается. Эта оценка в какой-то степени похожа на оценку прямых речевых ошибок, поскольку новое первоначально может казаться ошибочным.

С нормативной точки зрения это новое оценивается в словарях, грамматиках, писателями, образованной частью общества. Академические словари, грамматики, образованная часть общества в большей степени, чем писатели, охраняют «консерватизм языкового идеала». В большей степени нормализуют новое в развитии языка более мобильные словари правильностей и трудностей русского языка (такие, как «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литератур-

ного языка» под ред. К. С. Горбачевича, «Трудности русского языка», изд-во МГУ, «Грамматическая правильность русской речи» Л. К. Грудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской, «Правильно ли мы говорим по-русски?» Л. И. Скворцова и др.). Очень интересен вопрос о замечаемости нового по разным уровням языка. Развитие языка, новое в языке в большей степени замечается в лексике, меньше — в грамматике, еще меньше — в фонетике (здесь, конечно, не имеются в виду хорошо замечаемый иностранный акцент, дефекты речи и даже чисто орфоэпические нормы. Имеется в виду, например, появившееся и распространяющееся произношение [ш'] вместо [ч] с утратой смычки). Не случайно, что в словарях правильностей русской речи больше всего отмечается лексических инноваций.

Иного характера замечание касается некоторых акцентов доклада. Такая тенденция развития языка, как компрессия, была отмечена А. Бартошевичем прежде всего как синтаксическая тенденция, но представляется, что акцент здесь должен быть смещен на лексику. Именно здесь — постоянно и бурно пополняющийся фонд компрессии. Ср. *сидячка* (поезд только с сидячими местами), *продленка* (продленное пребывание школьника в школе после окончания уроков) и т. д.

Представляется, что возможно и увеличение списка тенденций развития языка.

Включение вопросов развития языка в программу международного съезда славистов чрезвычайно актуально. Назревшими для обсуждения на таком форуме являются и вопросы нормы.

Дроздовский В. П. (СССР). Проблема общих тенденций развития русского языка ставится и исследуется не впервые. Следует, в частности, упомянуть исследования В. В. Костомарова. Проф. А. Бартошевич решает ее комплексно, на обширном, во многом свежем языковом материале. Хотелось бы вместе с тем предостеречь от свободного обращения с полутерминологическим выражением «олитературивание разговорного языка». По нашему мнению, термины «литературный» и «разговорный» язык, несмотря на длительную их историю, требуют уточнения. Представляется более целесообразным говорить о взаимодействии между письменным и устным типами речи. Весьма существенно выделить факторы, определяющие доминирующие и периферийные языковые тенденции. Среди них, в частности, коммуникативную целесообразность, научно-технический прогресс и др.

Нестеров М. Н. (СССР). Современные восточнославянские языки развиваются в условиях тесного взаимодействия. Это определяется прежде всего экстралингвистическими факторами советской эпохи. Общности этих социальных факторов, определяющих развитие современных русского, украинского и белорусского литературных языков, посвящена уже значительная научная литература. Вместе с тем внимание ученых все больше привлекают внутриструктурные тенденции развития восточнославянских языков, общность этих тенденций и различия. Большой научный интерес представляет в этом плане доклад Г. П. Ижакевич и В. И. Кононенко, а также доклад проф. А. Бартошевича. В них выявляются именно внутриструктурные тенденции современного развития восточнославянских языков.

Выявление и систематизация внутриструктурных тенденций развития близкородственных языков в условиях их тесного взаимодействия сопровождаются определенными трудностями. Они связаны с необходимостью разграничить общие и частные закономерности, закономерности внутриструктурные и межструктурные, закономерности, свойственные отдельным языковым уровням и распространяющиеся на несколько языковых уровней. Мало того, существенное значение имеет также разграничение тенденций исторически устойчивых, длительных и хронологически ограниченных, специфически современных. Так, например, тенденция к варьированию способов речевого выражения, с одной стороны, и тенденция к их унификации — с другой, являются общеязыковыми и хронологически не ограниченными. Противоборство этих тенденций — это вечный двигатель развития языков, в частности экспрессивных средств художественной литературы. И здесь нужно говорить о специфике проявления этих тенденций в восточнославянских языках нашей эпохи. Но есть тенденции, закономерности исторически специфичные, свойственные лишь отдельным эпохам, периодам развития языков. Они теснее связаны с социальными факторами (например, в области словообразования, заимствования слов и т. д.). В связи с этим в типологической системе общих и частных тенденций развития и взаимодействия восточнославянских языков нашего времени должно найти место и разграничение исторически устойчивых, долговечных тенденций и тенденций исторически характерных, специфически современных.

Вайнтрауб Р. М. (СССР). Те общие тенденции развития, о которых говорилось в докладах Г. П. Ижакевич, В. И. Кононенко и А. Бартошевича, характерны и для других славянских языков, а взаимодействие между русским и другими славянскими языками имеет сходные черты с теми, какие наблюдаются между русским и украинским и белорусским языками. Очень наглядно это видно в области развития лексики. Во всех славянских языках развитие лексики идет сходными путями: в каждом из них развиваются старые и создаются новые словообразовательные модели, с другой стороны, каждый славянский язык заимствует лексические элементы из других языков, в частности из русского. Роль русского языка в развитии лексики других славянских языков можно проиллюстрировать на примере польского языка. Как и для украинского и белорусского языков, русский язык является важным источником обогащения польского языка общественно-политической, терминологической и в некоторой степени разговорно-бытовой лексикой. Ср., например, п. czajnik, step, agitka, aktyw, czystka, klasyka, kołchoz, gazik, sputnik, łunnik, pepesza, politechnizacja, sztampa и др.

В послевоенный период широко применяется **калькирование**: словообразовательное, фразеологическое, семантическое. Примером словообразовательных калек могут служить слова ogniwowa, pięciolatka, bezprzykładny, wielowarsztatówka, wielonakładówka, полукалек — brakorób, radiowęzeł, metrobudowa, фразеологических калек — tablica honorowa, kult jednostki, leninowskie normy, tłumienie krytyki, zdjąć ze stanowiska, bić po kieszeni, семантических — aspirant,

błyskawica в значении «боевой листок», burzliwy в значении «интенсивный», milioner в значении «хозяйство, имеющее более миллиона злотых дохода», szyszka в значении «важное лицо», zdjąć «снять с должности» и т. п.

Заимствованные русские слова и кальки, вступая в семантические отношения с исконно польскими словами, становятся элементами лексико-семантических микросистем и лексической системы польского языка в целом. То же можно наблюдать и в других славянских языках. Мне кажется, что исследование общих тенденций развития всех славянских языков очень перспективно и заслуживает внимания.

Дерягин В. Я. (СССР). Языковое наследие XVII в. в русском литературном языке нового времени (формирование последнего Г. Хютль-Фольтер относит к концу XVIII в.) рассматривается в генетическом аспекте. На возможность функционального подхода указывается, но его как будто можно применять лишь по отношению к «единому», «сформировавшемуся» языку. Но ведь и в XVII в., и ранее русский язык, в том числе книжно-письменный, обслуживал различные нужды общества. И функциональный подход в исторической лексикологии, а именно на этом материале строится доклад, необходим по отношению к любому периоду развития языка.

В докладе история языка слишком прямолинейно ставится в зависимость от «исторических событий» (от переезда в XVII в. из Юго-Западной Руси в Москву ряда книжников, просветителей); не учитывается при этом предшествующее указанным событиям состояние книжно-письменного языка.

В письменном тексте доклада содержатся противоречивые положения. Утверждается, с одной стороны, что в течение XVII в. «совершилось перенесение книжной традиции с Украины в Москву» (с. 11); «поздняя украинская редакция церковнославянского языка преодолела московскую и в результате стала общерусской» (с. 11); лексика этого языка была одним из источников формирования словаря русского литературного языка нового времени. С другой стороны, утверждается, что «Грамматики» Зизания и Смотрицкого, «Лексиконы» Берынды и Славинецкого принадлежат исключительно «к языковой истории Украины и Белоруссии» (с. 17). Примерно то же самое говорится о сочинениях Симеона Полоцкого. Нельзя не усмотреть здесь противоречие. Этим двум положениям доклада противоречит третье: «вклад юго-западной редакции церковнославянского языка XVII в. в формирование лексики русского литературного языка нового типа почти не исследован» (с. 16). Но чем тогда могут быть подтверждены реально положения о так называемом третьем влиянии?

В устном варианте доклада указано, что в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (вып. 1—9, А—М) обнаружено 130 слов, взятых исключительно из памятников Юго-Западной Руси. Включение таких слов ставится в упрек Словарю. Но ведь в девяти выпусках Словаря 35 тысяч слов, значит, включенных в него «напрасно» (таково утверждение Г. Хютль-Фольтер) — всего 0,37 %. Критического анализа не выдерживают приведенные в докладе списки слов. Перечисляются, в частности, слова, иллюстрированные в «Словаре русского языка XI—

XVII вв.» одной цитатой из сочинений Симеона Полоцкого. Однако эти слова взяты в докладе изолированно, без связи с моделью, с одной стороны, и с корневой группой — с другой: «Пари весело Орле быстрооки, Разбивай крилма аеръ преширокі» (Орел рос., 23.1667 г.).

Здесь *быстроокий* признается почему-то инородным, не принадлежащим русскому языку XVII в. Это слово в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» действительно приведено с одной этой цитатой, но даются аналогичные образования с цитатами из разнообразных источников. Например, *быстропарный* с цитатой из «Отразительного писания...» 1691 г. В прилагательном *быстрый* (и в соответствующем наречии) значение «ясный, проницательный», безусловно, праславянское (см. *bystrъ в «Этимологическом словаре русского языка», т. 3, с. 153—154).

«Словарь русского языка XI—XVII вв.» — это не указатель к текстам соответствующего периода. Картотека ДРС располагает к слову *вредословити* (причастие *вредословящий*) примером из «Дела о патриархе Никоне» (Д. патр. Никона, 96. 1655—76 гг.).

Неясно, почему *винословие* «приведение причин, доказательство вины» рассматривается отдельно от прилагательного *винословный* и наречия *винословнѣ*, иллюстрированных в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» и другими примерами. Кроме того, достаточно посмотреть всю корневую группу и обширную статью на слово *вина*, чтобы убедиться в твердой опоре образования *винословие* на приведенные здесь словосочетания.

Вѣчнование в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» даже толкованием соотнесено с глаголом *вѣчновати*, иллюстрированным примерами из памятников очень ранних, восходящих к XII—XIII вв.

Таким образом, сомнению могут быть подвергнуты едва ли не все слова из приведенных в докладе списков. Их можно было бы проверить не только по «Словарю Академии Российской», но и по диалектным русским словарям, и тогда из списков многое бы выпало. Например, *дреством, дресвой* в северной русской деревне мыли полы еще в начале нашего века.

А если вернуться к Симеону Полоцкому, то «Исторический словарь белорусского языка» исключил московские его сочинения из списка своих источников. Если их не включать и в список источников «Словаря русского языка XI—XVII вв.», от этого не выиграет история восточнославянских литературных языков. Литературное наследие Симеона Полоцкого принадлежит языковой истории всех трех восточнославянских народов.

Романова Г. Я. (СССР). Выступление касается затронутого в докладе Г. Хютль-Фольтер вопроса о правомерности использования некоторых источников, созданных в Юго-Западной Руси, в издающемся «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (вып. 1—10. М., 1975—1983). Речь идет прежде всего о включении в состав источников этого словаря «Лексикона славенороссского» Памва Берынды, расписанного для Словаря по киевскому изданию 1627 г. Этот лексикон послужил важным источником и для некоторых других словарей XVII — первой половины XVIII в., написанных уже в Москве. Принципы отбора лексем для «Словаря русского языка XI—XVII вв.» безусловно нуждаются в

пояснении. Включение некоторых памятников, изданных в Юго-Западной Руси, связано с широким пониманием задач исторического словаря, языковой истории вообще, восходящим к академику А. И. Соболевскому, инициатору создания древнерусского словаря с широкой представленностью всех типов памятников книжно-письменного русского языка на большом временном промежутке и на обширной территории. В «Словарь русского языка XI—XVII вв.» Лексикон Берынды и некоторые другие источники, упоминаемые в докладе, включаются как источники ограниченного использования. В Словарь включаются только церковнославянизмы и новообразования, созданные на базе церковнославянского языка. Украинизмы и белорусизмы, имеющиеся в Лексиконе, попадают в Словарь лишь в случае, если географический ареал слова в прошлом и настоящем не совпадают. Поясню это на примерах из Словаря. Слово *крейда* «мел» (в украинском и белорусском языках заимствование из польского) иллюстрируется в Словаре цитатами из Лексикона Берынды и Приходо-расходных книг Иверско-Валдайского монастыря. Кроме того, оно не стоит в Словаре изолированно. Словарь дает также производное от него прилагательное *крейдяной*.

Церковнославянизмы берутся обычно в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» из толкуемой (левой) части Лексикона Берынды вместе с цитатами из других источников, что свидетельствует об известной употребительности слова и в других памятниках. Например, слово *котва* из толкуемой части Лексикона Берынды дается в двух значениях (прямом и переносном — у Берынды только в переносном) и иллюстрируется еще тремя цитатами из других источников. У слова *мишелоимец* «корыстолюбец» есть вторая цитата из Актов юридических. Слово *глѣн* сопровождается, кроме цитаты из «Латино-словянского лексикона» (по рукописи из собрания Барсова), двумя цитатами из Великих Миней Четьих XVI в.

Новообразования, созданные с помощью средств выражения церковнославянского языка, имеющиеся в большом количестве как в толкуемой, так и в толкующей части Лексикона Берынды, представлены иногда в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» только одной иллюстрацией из Берынды. Но и такие словарные статьи не могут рассматриваться изолированно, так как они несут определенную смысловую и структурную нагрузку в общем контексте словаря. Так, слова *мошнорѣзецъ, мошонкорѣзъ* попадают в Словаре в одно корневое гнездо со словами *мошна, мошенникъ, мошенниковъ, мошенный, мошница, мошнишко, мошонка, мошеночка,* соотнесенных по значению друг с другом и взятых из самых разных памятников в хронологическом и жанровом отношении. Производное слово *кучка* из толкующей части Лексикона Берынды дано в одном семантически однородном корневом гнезде со словами *куча, кученко, кученка, кучепотчение*.

Такой подход к отбору лексем для Словаря, который преследует цели показа функционирования слова в языке с разных сторон, можно назвать функциональным в отличие от генетического подхода, предлагаемого проф. Хютль-Фольтер, при котором основное внимание исследователя обращено на происхождение слова зачастую без уче-

та его реальной сложной истории, важной с точки зрения преемственности, общих элементов наследия прошлого.

Кутина Л. Л. (СССР). В полном объеме проблема взаимодействия западнорусского книжного языка с языком русским в XVI—XVII вв. предполагает учет не только церковнославянского языка западной редакции, но и «русской мовы» (новый русский язык канцелярии и права). При отборе источников в условиях миграции западнорусских культурных деятелей первое место получает принцип территориальной принадлежности текста и учет его коммуникативной направленности — его адресата; национальные языковые вкрапления в церковнославянский язык в данном случае могут элиминироваться.

В разрешении проблемы западнорусской традиции существуют трудности двоякого рода. 1. Необходимость фронтального сопоставления грамматических особенностей и лексического состава позднего церковнославянского языка западной и восточной редакции для выяснения дифференциальной западнорусской части. Без этого суждение о западнорусской природе церковнославянизма проблематично. 2. Необходимость различения в языке нового времени (XVIII в.) между независимыми новообразованиями на русской почве (в условиях общего набора словообразовательных элементов на западе и востоке) и заимствованием готовых западнорусских образований, а также между лексическими элементами (украинизмами, белорусизмами), восходящими к традиции XVI—XVII вв., и новыми заимствованиями из этих языков в условиях живых непрекращающихся контактов (при учете резкого обрыва старой традиции западнорусской письменности в России в половине XVIII в.).

Milejkowska H. (P). В своем выступлении хотела бы поделиться несколькими сомнениями по поводу проблематики, связанной с анализом тенденций развития языка. Тематика эта, несомненно, актуальна и важна, и с этой точки зрения доклады коллег Г. П. Ижакевич, В. И. Кононенко и А. Бартошевича следует приветствовать.

Однако если учесть, что это проблема философии языка, то она должна опираться на факты языка. К сожалению, все работы на данную тему оперируют понятиями, не отвечающими указанному требованию. Что такое демократизация языка как тенденция развития? Что такое усовершенствование языка, его прогресс? Как измерить языковым анализом закон противоречивого единства? Для этих понятий нет языковых доказательств. Сомневаюсь в том, что это понятия объективные, углубляющие наши знания о языке.

Остановлюсь на одном только методологически важном понятии, которое прошло мимо внимания докладчиков. Каков о б ъ е к т их наблюдений? О каком «языке» идет речь? Авторы первого доклада одновременно рассматривают внутриструктурное развитие каждого восточнославянского языка и в тех же аспектах — взаимодействие трех восточнославянских языков, устанавливая влияние русского языка на украинский и белорусский, то есть учитывается и диахрония и синхрония одновременно.

Что же является объектом наблюдения? Какой русский язык? Современный? Нормированный? Письменный? Устный? А одинаковы

ли границы так называемой «современности» в этих трех языках? А какова будет методика разграничения материала, например англицизмов, вошедших из русского языка, от тех, которые заимствованы самостоятельно? А кроме того, влиять в русском языке может только то, что в нем прочно и бесспорно является нормой. А приведенный пример с расширением употребления нескольких зависимых родительных, якобы идущих из русского, говорит просто о недостаточном умении пользоваться языком и его средствами. Совершенно сомнителен и пример с инвазией фреквенции **по** в украинском и белорусском языках.

Несомненно, что четкое установление объекта исследования может быть трудно, особенно по отношению к XVI—XVII вв. В докладе Г. Хютль-Фольтер выражено сомнение, что элементы «русской мовы» могут быть оценены в XVIII в. как неологизмы, т. к. «Словарь русского языка XI—XVII вв.» использует юго-западные источники, а ряд единиц представлен только «русской мовой». Это так, но русский московский язык XVI—XVII вв. включает эти элементы, а разве можно исключить из анализа дипломатические документы московских приказов или сочинения Ивана Грозного из источников русского языка? А в них «русская мова» была глубинным, а не наносным элементом. Следует решить вопрос о том, что такое русский язык XVII в.

Сорокин Ю. С. (СССР). Тема доклада Х. Флекенштейн важна и актуальна. Докладчица правильно отмечает, что во второй половине XVIII в. и особенно к его концу, при главенствующем и ведущем попрежнему положении поэтических жанров и стилей, все большее значение для развития русского литературного языка приобретают стили повествовательной прозы. В последние годы заметно усиление внимания языковедов-стилистов к этой проблеме. Вместе с тем к исследованию привлечены еще далеко не все значительные авторы и произведения повествовательной прозы того времени. Расширение круга авторов — одна из основных задач лингвостилистического изучения. Для прозы конца XVIII — начала XIX в. уже характерно стилевое многообразие в этой сфере. Можно приветствовать обращение исследователей к языку Фонвизина, Гучкова, Радищева, Крылова. Но во внимательном изучении нуждается и стиль таких авторов, как Н. Эмин, Клушин, И. И. Мартынов (его роман «Филон») и др. В языке прозы того времени прихотливо переплетаются отражения различных стилей — сентименталистских, преромантических, раннереалистических. Нуждается в новой, объективно-исторической оценке роль в развитии русской прозы повестей Карамзина. В прозе Карамзина ярко выражены новые типы прозаического повествования. Важное структурное значение в ней получает образ автора, соотношение объективного и субъективного момента в повествовании, различные формы периодической речи, различные виды ритмомелодических структур в синтаксисе повествования. Многие нашедшие в дальнейшем плодотворное развитие типы карамзинского повествования (ср., например, его повести «Юлия», «Моя исповедь», «Рыцарь нашего времени» и др.) почти не привлекали еще пристального внимания исследователей.

Самого серьезного стилистического изучения заслуживает и широ-

ко распространившийся жанр путешествия, а также путевых записок (Лепехин, Озередковский, Зуев и др.), сочетавших научную точность описания с большим мастерством изложения и свободным владением русской народной речью.

Бортэ Л. В. (СССР). Четыре доклада характеризует общая проблематика — выделение тенденций развития русского языка (восточнославянских языков) в целом и на разных синхронных срезах. Поставлены актуальные задачи. Однако отдельные их решения вызывают сомнения. В докладе Г. П. Ижакевич, В. И. Кононенко остается невыясненным, являются ли выделенные тенденции (количественно-качественные сдвиги, интеграция — дифференциация, усиление экспрессивности) универсальными, свойственными всем языкам, или они специфичны для восточнославянских. В рассматриваемом ракурсе важно только последнее.

Останавливаясь на одной и той же черте — росте аналитизма в современном русском языке, докладчики А. Бартошевич, Г. П. Ижакевич и В. И. Кононенко приходят к разным выводам. Первый утверждает, что это ведущая тенденция (пример: рост числа несклоняемых слов), вторые — что роль аналитизма преувеличена (пример: тенденция к склонению несклоняемых слов). Для подобных утверждений необходимы не просто примеры, но количественные подсчеты языковых фактов. Это поможет выявить ведущую из противоположных тенденций. В докладе Х. Флекенштейн справедливо подчеркнуто: для характеристики различных направлений в развитии языка недостаточно учитывать изолированные слова и формы, надо прослеживать также их функционирование в текстах. Этим положением отдельные докладчики пренебрегли.

В выступлениях высказывалось мнение о том, что исследователи должны опираться только на нормативные источники. Однако подобная опора ничего не даст для выявления новых тенденций в установлении общеязыковых норм. Ведь ненормированная, живая речь дает импульсы для нового, для развития языка. И в этом плане давать оценку языковым явлениям (прогресс — регресс), как это предлагалось в некоторых выступлениях, представляется ошибочным. Последнее замечание: выделенный А. Бартошевичем ряд тенденций — аналитизм форм, дифференциация-интеграция, интернационализация-демократизация — логически противоречив, ибо без всякой иерархии включает как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы.

Аниченко В. В. (СССР). У дакладзе К. Гутшмідта пастаўлены і па магчымасці вырашаны прынцыповыя пытанні адносна развіцця стылю дакастрычніцкай беларускай прозы. Асноўныя вывады аўтара грунтуюцца на некаторых агульнавядомых палажэннях і ўласных назіраннях, якія патрабуюць канкрэтызацыі і адпаведнага ўдакладнення.

Па-першае, у беларускім мовазнаўстве ў апошні час устаноўлена (пастаўлена і станоўча вырашана пытанне), што новая (нацыянальная) беларуская мова, а значыць і новая беларуская літаратура, у тым ліку і проза, бяруць свой пачатак не з канца XIX — пачатку XX ст., як не зусім дакладна сказана ў дакладзе К. Гутшмідта, а намнога

раней — з XVIII ст. Гэта быў час, калі ў межах Беларусі ствараліся ўзоры беларускай камедыйнай (празаічнай) літаратуры і іншых жанрава-стылявых разнавіднасцей на беларускай мове.

Па-другое, у праслуханым дакладзе не без падстаў гаворыцца, што беларускія пісьменнікі «па-творчаму пераймаючы дасягненні больш развітых літаратур у галіне структуры мастацкага твора... вымушаны былі адкрыць і стварыць адпаведныя моўна-стылявыя сродкі на ўзроўні граматыкі і лексікі». Спецыфіку беларускай прозы дакладчык выяўляе ў долі ўласных імён у сістэме стылявых сродкаў, якія, на яго думку, «атрымліваюць спецыфічныя стылістычныя функцыі — вызначальную, характерызуючую і эвалюцыйную — у мастацкім творы».

Але не гэта вызначала адметную асаблівасць развіцця дакастрычніцкай беларускай прозы. Калі гаварыць пра яе тагачасны нацыянальны каларыт, то трэба мець на ўвазе перш за ўсё тое, што новая беларуская літаратура, у тым ліку і проза, стваралася на агульнанароднай гутарковай моўнай аснове. Лексічныя сродкі, накопленыя нашай літаратурай у старажытны перыяд, не адыгралі такой ролі ў перыяд станаўлення і развіцця новай беларускай літаратурнай мовы, як у іншых усходнеславянскіх мовах, асабліва ў рускай. Па сутнасці, відаць, на такой аснове, як і беларуская, развівалася тады і новая ўкраінская літаратура. Гэтага нельга сказать пра тагачасную рускую літаратуру, якая прадаўжала сваё развіццё на кніжнай аснове, бо для яе ўдасканалення важнай была папярэдняя гісторыя і роля нацыянальнай дзяржавы, яе эканомікі і палітычнай структуры.

Бондалетов В. Д. (СССР). В докладе К. Гутшмидта нас заинтересовал довольно содержательный анализ функций имен собственных в произведениях Я. Коласа (их роль в раскрытии образа автора, в организации текста и др.).

Для продолжения исследования литературной ономастики (Я. Коласа и других славянских писателей) желательно:

а) выработать концепцию литературных собственных имен (в чем их сходство с реальными именами и отличие от них, каковы взаимоотношения между ними);

б) исходить из признания возможности бесконечного числа литературных ономастических систем и исключительно значительного множества принципов их организации;

в) исследовать зависимость литературной ономастики от жанра художественного произведения, его вида, целого литературного направления (классицизм, романтизм, реализм и т. д.);

г) сосредоточить внимание на приемах и способах подачи в художественных текстах (в отличие от деловых, научных и др.) антропонимов, топонимов и т. п. (авторская номинация, наименование от рассказчика, персонажа...);

д) начать сравнительно-типологическое изучение литературной ономастики славянских народов.

Дроздовский В. П. (СССР). Доклад К. Гутшмидта представляется весьма актуальным, базирующимся на хорошей методологической основе. Мы согласны с положением, что антропонимия художественных

произведений продолжает оставаться малоизученной областью стилистики художественной речи. Оправдана концентрация внимания докладчика на конкретном жанре — рассказе. Вместе с тем хотелось бы предостеречь от чрезмерного внимания к выявлению специфических стилистических черт. Считаем, что этой задаче должна предшествовать задача сплошного или «спектрального» (по Ларину) стилистического анализа с позиций системности, целостности и иерархичности.

Грицютенко И. Е. (СССР). Мне хотелось бы высказать некоторые общие замечания по первым двум докладам, касающимся тенденций развития восточнославянских языков (в докладе А. Бартошевича речь идет только о русском языке). Оба доклада интересны, важны своим научным содержанием, поэтому заслуживают самого пристального изучения.

Спор в современной науке вокруг так называемого саморазвития («спонтанного развития»), вокруг признания или непризнания решающей роли социальных факторов, определяющих, на наш взгляд, в конечном счете процесс развития, не утих. В языке, кроме структурно-семантического содержания, одетого в звуковую оболочку, и его функционирования, ничего больше нет. Сегодня советское языкознание уделяет особое внимание обеим сторонам этого содержания. Коммуникативная и познавательная функции языка как основные (и по назначению, и по охвату языкового материала) определяют также развитие восточнославянских языков.

Среди экстралингвистических факторов, влияющих на внутриструктурное развитие современного русского языка, следует назвать его полифункциональность: русский язык — язык русской нации, язык межнационального общения народов СССР, язык межнационального сотрудничества стран социализма, и, наконец, очень важной формой развития русского языка является его функционирование, особенно в послевоенный период, в роли одного из мировых языков.

Решая проблему развития восточнославянских языков, необходимо особое внимание уделять вопросам национально-языковой теории и политики нашей Коммунистической партии и социалистического государства, постоянно заботящихся о языковом строительстве.

Что же касается функции антропонимов в художественном тексте, то они в своем большинстве являются макрообразами, которые подчиняются не столько законам лингвистики, сколько законам словесного искусства. Поэтому подход К. Гутшмидта нам кажется несколько устаревшим. Он учитывает лищь количественную и внутриструктурную сторону этой лексической группы слов белорусского языка.

Ермоленко С. Я. (СССР). В докладе К. Гутшмидта подчеркнуты важные моменты изучения функций собственных имен в белорусской классической прозе (конец XIX — начало XX в.): об отражении белорусской антропонимии в художественной литературе; о зависимости принципа номинации персонажа от позиции повествователя; о наполнении социолингвистическим содержанием собственных имен. Уточнения требует перечень стилистических функций, которые должны быть дополнены, например, функцией создания национального колорита, символическим значением собственного имени (ср. *Иван*). Следует

обратить внимание на роль собственного имени в композиции, структуре рассказа.

Другие два доклада — Г. П. Ижакевич, В. И. Кононенко и А. Бартошевича — демонстрируют два подхода, две тенденции в современном языкознании относительно проблемы развития литературных языков. Первый доклад оперирует единицами языковых уровней, второй — логико-семантическими категориями или определенными универсалиями. Среди них следует выделить основной аспект — взаимодействие книжной и разговорной речи, а также выбор обобщенных и детализированных средств обобщения. Последние могут быть исследованы на материале стилистически дифференцированных средств литературного языка. В научном стиле, например, развиваются и обобщенные, и дифференцированные средства выражения причинной семантики. В последнее время наблюдается специализация языковых средств в научно-популярном стиле. Точнее говорить не о дроблении стилей, а об углублении стилистической и стилевой дифференциации литературного языка.

Вечернее заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Sato Jun-ichi (Japan) — Система грамматических терминов в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого (Japanese Contributions to the Ninth International Congress of Slavists.— Tokyo, 1983, p. 35—46).

Akiner S. (GB) — The syntax of the numeral in Byelorussian compared with that of Russian, Polish and Ukrainian (The Slavonic and East European Review.— London. 1983, vol. 61, N 1, p. 55—68).

Георгиев С. П. (НРБ) — Детерминативът като самостоятелна част на речта в съвременния български език и в другите славянски езици (Славянска филология. Езикознание.— София, 1983, т. 17, с. 213—221).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Копыленко М. М. (СССР). В докладе Сато Дзюн-ити достаточно полно и ясно представлена система грамматических терминов в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого; привлекает также содержательная оценка роли этой «Грамматики» в развитии грамматических понятий. Однако следует иметь в виду, что период, отделяющий М. Смотрицкого от М. В. Ломоносова, не был бесплодным для становления и развития лингвистической мысли. Одним из посредствующих звеньев между «Грамматикой» 1619 г. и «Российской грамматикой» 1755 г. был перевод греческой грамматики братьев Лихудов, осуществленный их учениками (среди которых был Федор Поликарпов) в 80-х годах XVII в. Термины этого перевода весьма близки по форме к терминам «Грамматики» 1619 г. и вместе с тем гораздо ближе к современным терминам, чем термины «Адельфотиса» 1591 г. А греческий термин «артрон» переведен учениками Лихудов лучше, чем М. Смотрицким — *член*, а не *различие*. Таким образом, греческая грамматика братьев

Лихудов оказала определенное влияние на формирование грамматических понятий и терминов в России.

Мамалыга А. И. (СССР). В исследовании проф. С. Георгиева рассматривается универсальный для славянских да и для других языков лексико-грамматический разряд слов, обычно называемых модальными. Автор предлагает дать им новое наименование — детерминативы, под которыми подразумевает слова, «уточняющие смысл предложения». Понимание языка как действительного практического сознания требует признания лежащего в его основе понятийного многообразия, языковое выражение которого не может, конечно, исчерпываться сравнительно небольшим набором традиционно выделяемых лексико-грамматических разрядов. Поэтому считаем и закономерным, и актуальным обращение проф. Георгиева к исследованию модальных слов в аспекте их принадлежности к частям речи. Модальные слова поразному представлены в лингвистическом описании, они даже совсем исключаются из морфологии и рассматриваются только в синтаксисе в качестве разновидности вводных слов. Признание того, что для выделения модальных слов как частей речи требуется учет их категориального значения, особенностей морфологического облика и синтаксического функционирования, создает необходимую базу для данного исследования, но само выявление слов, соответствующих этим параметрам, проводится недостаточно последовательно. Так, нельзя считать, что, например, слова *вероятно, именно, следовательно, включительно* и их соответствия в других славянских языках обладают общим, категориальным значением; трудно также согласиться с тем, что слова эти в большинстве своем выполняют именно уточняющую функцию. Думается, что в дальнейшем исследователю придется перевести ряд слов в другие части речи. Например, слова *следовательно, например, напротив, значит, впрочем* и др. являются союзными средствами, служащими для связи и формирования различных синтаксических отношений. Части речи — это единство категориальных характеристик, относящихся к слову, поэтому в данной работе, как и в некоторых других, не следует включать в лексико-грамматический разряд синонимичные словам словосочетания (*по същество, и без това, във всеки случай* и т. п.). Докладчик пришел к интересному выводу о том, что модальные слова могут относиться к предикативной единице в целом. Но следует уточнить: это в том случае, когда они характеризуют факт; при отнесенности же их содержания только к действию они, соответственно, взаимодействуют с тем словом или словосочетанием, которым это действие обозначено. Собственно модальные слова — *вероятно, возможно, действительно, конечно, бесспорно, очевидно, несомненно* и т. п.— существуют для выражения отношений действия, факта, сообщения и т. д. к реальности. Парадигматическая характеристика модальных слов заключается, по мнению автора, в их неизменяемости, а синтаксическая, на наш взгляд (с учетом ранее сказанного),— в соединении их в структуре предложения с теми словами, словосочетаниями, предикативными единицами, которые служат для обозначения объектов, фактов действительности (очень часто — самих сообщений), поддающихся оценке в плане их реальности. Дальнейшее уточнение

состава и границ лексико-грамматических разрядов слов в славянских языках является необходимым для развития теории языка, принципов и приемов дидактики, других направлений прикладного языкознания.

Бевзенко С. Ф. (СССР). Еще в 1938 г. в книге «Русский язык» В. В. Виноградов описал отдельную группу слов, уточняющих смысл предложения, которую он назвал модальными словами, не выделяя их, однако, в отдельную часть речи, хотя его последователи, начиная с С. Абакумова, стали говорить о них как об отдельной части речи.

Если учесть неоднородность, пестроту морфологического состава выделяемых слов, то нет никаких оснований для выделения их в отдельный лексико-грамматический класс слов (часть речи) ни в русском, ни в болгарском, ни в каком-либо другом славянском языке. Их объединяет только общая синтаксическая функция: они служат средством усложнения простого предложения, и место им в синтаксисе, где они известны под названием «вводные слова». Термин «детерминатив» здесь неудачен, так как за этим термином в лингвистической литературе закреплено довольно прочно иное значение.

Дневное заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Guiraud-Weber M. (F) — Устранение подлежащего в именительном падеже в высказывании (на материале современного русского языка (Revue des études slaves. Tome cinquante-cinquième.— Paris, 1983, p. 79—86).

Gladrow W. (DDR) — Вопросы трехаспектного описания сложноподчиненного предложения (Zeitschrift für Slawistik, 1982, Bd 27, H. 3, S. 364—372).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Золотова Г. А. (СССР). Интересный, насыщенный наблюдениями доклад коллеги М. Гиро-Вебер, на мой взгляд, ставит, по существу, актуальную теоретическую проблему соотношения объективного грамматического строя языка и наших научных представлений о нем.

Нельзя не поддержать общую мысль докладчика о важнейшей роли семантического фактора в синтаксисе. Интересны наблюдения о разных родо-числовых формах сказуемого при ситуационном эллипсисе подлежащего. Они ведут к вопросу о том, что же выражает форма среднего рода единственного числа в случаях типа *окрашено*.

В глаголах с «включенным» значением требует еще большего внимания их семантика. Это даже не обозначения формы существования явлений, а названия самих явлений: *капает, дует, горит;* права М. Гиро-Вебер, что имя при них избыточно. Стоило бы отграничить названия самих явлений от обозначений их фазисно-количественных модификаций (*стихает, отпустило* — ср. *начинается, кончается*).

Но более сложные случаи — те, которыми докладчица иллюстрировала процесс функционального сдвига, изменения подлежащего в сказуемое: *Мальчику год, До города километр.*

Возникает вопрос: а был ли этот именительный подлежащим? Дело, конечно, упирается в трактовку термина. Традиционная грамматика в определении подлежащего руководствуется признаком формы именительного падежа, задающего форму согласования связке. Но возможен и разумен другой подход. В каждой высказанной мысли должен быть предметный компонент, предицируемый, и признаковый, приписывающий признак предмету. Многообразные модели русского синтаксиса выражают имя предицируемого предмета не именительным падежом (хотя, конечно, небезразлично к форме). А согласование связки может происходить и по именной части сказуемого (это было в литературе). Предметность и признаковость — это в известной мере и формальные категории, определяющие признаки I и II организующих предложение компонентов (ср. *стол, учитель — тишина, пение*). В предложениях *Мальчику год,* так же как *У мальчика грипп, Мальчик в отчаянии, Мальчику весело* личное имя существительное выражает предицируемый, предметный компонент со значением носителя признака, второй компонент — признаковый, предицирующий.

Структура предложений *До города километр (час, недалеко, рукой подать)* определяется предикативным сочетанием I компонента со значением «расстояния» и II — со значением (а) его меры и (б) его оценки. Форма *до города* по-видимому, одна из форм в ряду неноминативных «подлежащих». Таким образом, большая заслуга коллеги М. Гиро-Вебер в том, что она обнаружила и показала противоречие между возможностями традиционного грамматического анализа и семантикой предложения. Может быть, в действительности это противоречие между объективной семантико-синтаксической структурой предложения и не совсем адекватной ее традиционно-грамматической интерпретацией.

Лекант П. А. (СССР). Автор уловил одну из тенденций синтаксической системы современного русского языка — развитие лаконизации, процессов эллиптирования не только в конкретных высказываниях, но в типизированных, воспроизводимых конструкциях. Представлено оригинальное толкование группы этих конструкций.

Однако в широком лингвистическом контексте автор не определил место бесподлежащных конструкций в оппозиции односоставные/двусоставные. Сами описываемые конструкции очень разные. Предложения типа *Театров в городе два* не относятся к случаям устранения подлежащего.

Adamec P. (ČS). Доклад М. Гиро-Вебер я считаю очень содержательным и интересным. Особенно плодотворным мне представляется понятие «функциональный сдвиг» и то, что автор связывает это явление с актуальным членением.

Как уже было отмечено в дискуссии проф. П. А. Лекантом, рассматриваемые предложения не представляют единой группы. Косвенно это подтверждается сопоставлением с чешским языком: часть этих предложений в чешском языке содержит указательное местоимение

среднего рода to, часть не содержит и не может содержать его и, наконец, часть из них и может и не обязательно должна содержать его.

Б. *Мне понравилось.*	Mně se **to** líbilo.
Б. *Закрыто на ремонт.*	Z technických důvodů ø zavřeno.
В. *Капало с крыш.*	øKapalo se střech.
Под ногами чавкало.	Pod nohama **to** čvachtalo.
Г. *До центра далеко.*	Do centra je [to] daleko.
Д. (совершенно отличный тип) *Людей на площади было масса.*	Lidí na náměstí {byla spousta / bylo spoustu}.

Мне кажется, что в части случаев было бы полезно использовать понятие «нулевое местоимение» и предложения с подлежащим, выраженным таким «нулевым местоимением», отличать от предложений бесподлежащных. И в русском и в чешском языке наблюдается чередование в позиции подлежащего трех форм: ø — личное местоимение — указательное местоимение, хотя, конечно, условия для употребления этих форм в указанных языках разные.

Кодухов В. И. (СССР). Безличные предложения могут интерпретироваться логико-грамматически как устранение подлежащего в результате сокращения синтаксической структуры или ее трансформации (транспозиции); могут они рассматриваться как развитие словарного состава и грамматического строя языка. Если считать, что два главных члена — нормальное строение предложения, то естественно делать вывод об устранении подлежащего как мыслительной операции.

Однако, признавая распространенность глагольного сказуемого и различное функционирование бесподлежащных предложений в языках, важно учитывать не только семантику, но и структуру (языковую форму). Возникновение безличных и возвратных глаголов, их лексико-грамматических групп, дательного и творительного субъекта происходит в истории языков, и функциональные сдвиги в значениях и синтаксических функциях слов есть результат взаимодействия лексем и словоформ. В роли сказуемого безличных предложений функционируют глаголы бытия, физического состояния, движения и говорения, мышления.

Синонимическое употребление терминов «безличные предложения», «бесподлежащные предложения», «бессубъектные предложения» нельзя признать правильным, так как глагольные безличные предложения, например, могут быть бессубъектными и субъектными.

Ходова К. И. (СССР). В докладе проф. М. Гиро-Вебер дан глубокий анализ явления русского языка, которое ею определяется как устранение подлежащего в именительном падеже в высказывании. Рассмотрев большое число бессубъектных предложений разных типов, автор доклада приходит к выводу о существовании семантической обусловленности устранения субъекта, именно десемантизации субъекта, исчезновения номинальной лексемы, полностью определенной ее окружением. Субъект при этом теряет свою семантическую наполненность и оказывается бесполезным в предложении.

По этому вопросу немало написано, а некоторые соображения, высказанные в докладе, можно встретить в статьях других авторов.

Ценность работы М. Гиро-Вебер заключается в том, что ее разработка проблемы объединена единым замыслом.

Мысли, высказанные в докладе, ценны, в частности, для классификации бессубъектных предложений, для уточнения грамматической терминологии. Например, такие предложения, как *Каплет, Морозит, Метет,* в некоторых исследованиях квалифицируются как абсолютно безличные на том основании, что именительного падежа здесь нет. Такое определение неточно, так как именительный падеж здесь может быть (ср. в поэзии *Метель метет*). Наоборот, абсолютно безличными по этому признаку следует считать предложения с косвенным субъектом *Мне весело, Меня тянет на улицу* и под., потому что в них именительного нет и не может быть.

Идеи и материалы доклада могут принести пользу для сопоставительного изучения славянских типов предложения. В этом направлении уже были сделаны некоторые наблюдения (см. статью И. Лекова в ж. «Slavica Slovaca», 1967, roč. 2, č. 4). Разработка проф. Гиро-Вебер позволит преодолеть некоторую прямолинейность прежних работ.

Единственное пожелание: в некоторых случаях следует говорить не об устранении субъекта, а о колебаниях между субъектностью и бессубъектностью.

Арват Н. Н. (СССР). Коллега М. Гиро-Вебер сконцентрировала в своем очень интересном докладе большой материал по бесподлежащным конструкциям в современном русском языке. Ценно в докладе то, что автор стремится указать причины устранения именительного падежа подлежащего. Для более полного и глубокого описания бесподлежащных предложений, в числе которых есть неполные, личные односоставные и безличные, необходимо обратиться еще к анализу условий, в которых происходит устранение именительного падежа, проследить степень устраненности именительного падежа, построить градационную систему названной устраненности, проследить оттенки смыслового различия подлежащных и бесподлежащных предложений. Многое из названного уже описано в отечественной русистике; в частности, вопрос об устранении именительного падежа рассматривался многими лингвистами; градационную систему устраненности лица в основных чертах наметил Л. А. Булаховский. Можно уточнить ряд положений, проливающих свет на сферу употребления подлежащных и бесподлежащных предложений. Так, сфера выражения состояния (живого существа, природы, среды) преимущественно связана с употреблением бесподлежащных предложений *(Пересохло в горле, Капает, Тает, Вьюжит)*. В живой русской речи есть множество безличных глаголов, однокорневых с именем, выражающих состояние/явление в безличной конструкции *(заднело, заутрело, свечерело, пуржит, леденит* и др.). Они отражены в «Словаре живого великорусского языка» В. Даля. Представленный доклад освещает одну сторону в соотношении подлежащных и бесподлежащных предложений, но поставленный в докладе вопрос может получить дальнейшее, более глубокое освещение. Это перспективное направление.

Седельников Е. А. (СССР). Тема доклада М. Гиро-Вебер весьма важна; доклад интересен и содержателен, заслуженно получил высокую оценку в выступлениях. Устранение подлежащего — частный случай употребления нулевого знака в роли структурного элемента единиц языка, от слова до предложения. Это особенность восточнославянских языков, и автор доклада сделала весомый вклад в ее изучение.

Хотелось бы сделать и несколько замечаний. Проф. М. Гиро-Вебер утверждает, что одним из способов удаления подлежащего является «устранение пустых, десемантизированных лексем». Вызывает сомнение возможность существования в языке таких лексем, хотя бы с точки зрения закона экономии. Далее, по мнению автора, устранение подлежащего ведет только к обезличиванию предложения. Но бесподлежащность не тождественна безличности. *Здесь ветер дует* и *Здесь дует* в одинаковой мере безличны, так как не имеют парадигм по категории лица; основанием этой оппозиции служит иная категория. С другой стороны, *За воротами смеются* и *Слышу трели соловья* не имеют безличного значения. В докладе, к сожалению, даже не ставится вопрос, во всех ли предложениях подлежащее может быть устранено. Между тем, если в *(Мальчик, ветер) на свечу дует* устранение подлежащего ведет к образованию другой модели с собственным ее значением, то в *Мальчик читает* замена подлежащего нулевым знаком невозможна. Здесь только в речи *мальчик* может быть эллиптировано, в результате чего получается неполное предложение. На это есть объяснимые причины. Наконец, по нашему мнению, следовало бы с большей последовательностью рассматривать каждый факт устранения подлежащего, вслед за Ш. Балли, с позиции различия нулевого знака и эллипсиса.

Багмут А. И. (СССР). В дискуссии по докладу М. Гиро-Вебер возник вопрос, относятся ли приведенные соображения к языку или к речи. В русском тексте доклада и в программе ясно отмечен *речевой* характер — описывается устранение подлежащего в высказывании с учетом определенных ситуативных условий, со структурными изменениями в высказывании. Автор исследует «функциональный сдвиг», в результате которого появляется безличная конструкция. Мы хотим обратить внимание автора на тот языковой материал, когда русский язык, наоборот, имеет подлежащее и в литературном языке не теряет его, тогда как в западноевропейских языках в этом случае представлено формальное подлежащее и в ряде славянских языков — безличное предложение: нем. Es regnet, es schneit, чеш. Prší — рус. *Дождь идет, Снег идет*. Десемантизируется не подлежащее, а глагол *идет*, что отражается в акцентуации (в ударении) слов *дождь, снег* и потери ударения на слове *идет*. Вместе с тем известно, что нейтрально-стилистическая литературная речь содержит автоматизированное ударение последнего в предложении полнозначного слова (ср. *Человек идёт, Часы иду́т*). Встречающиеся в диалектной речи формы *дождит, снежит* также могут быть результатом расподобления однокоренных словоформ **Дождь дождит*, **Снег снежит*.

Максимов Л. Ю. (СССР). Доклад В. Гладрова, как и доклад М. Гиро-Вебер, привлекает стремлением рассмотреть синтаксические явле-

ния как многоаспектные: их структуру, семантику, функционально-коммуникативную организацию. Без этого трудно себе представить современное исследование. Однако думается, что настало время поставить вопрос о синтетическом описании синтаксических конструкций, о его принципах и методике. Один из таких принципов можно сформулировать как принципиальную проницаемость структуры для типизированных лексических элементов, с одной стороны, и для формализованных элементов функционально-коммуникативной организации — с другой. Примером первой может служить семантическое согласование, избирательность в употреблении определенных союзов и относительных местоимений с определенными же классами изъясняемых слов (слова со значением вопроса могут иметь при себе придаточные только с относительными местоимениями, не с союзами; слова со значением побуждения—только придаточные с союзом *чтобы* и т. д.). Примером второй проницаемости может служить возможность употребления в главной постпозитивной части коррелята *это* при невозможности его употребления в препозитивной главной части.

В качестве одного из методов синтетического описания можно указать последовательное иерархически организованное описание, при котором такой признак, как наличие/отсутствие коррелята в изъяснительных конструкциях, должен быть введен в описание после выявления различий в союзном подчинении.

Багмут А. И. (СССР). Анализ четырех видов изъяснительных предложений, проведенный в трех планах — конструктивно-грамматическом, пропозиционально-семантическом и актуально-коммуникативном, показал методологическую обоснованность такого подхода к синтаксическим явлениям. Глубокий анализ на семантическом и коммуникативном уровнях убеждает в семантической целостности основного вида этих предложений (1. *Борис думал, что лето будет холодное*), в том, что основным по семантической значимости является придаточное предложение. Эти выводы автора могут быть подтверждены нашими исследованиями интонации сложноподчиненных предложений; на материале украинского языка главное предложение имеет также второстепенное вводное значение. Отсутствие паузы на синтаксическом шве, единство интонационного контура свидетельствуют о целостности высказывания, а размещение основных интонационных показателей (максимумов частоты основного тона, интенсивности, темпоральных характеристик) на придаточном предложении говорит о нем как о центре в семантико-коммуникативном плане. Привлечение интонационных характеристик для исследования синтаксических явлений позволяет более уверенно судить и о семантико-коммуникативном значении.

Что касается членения приведенных примеров на тему и рему, то нам представляется недостаточно правомерным членение примера 3 (*Евгений* ‖ *говорил* | *о том,* ‖ *что скоро поедет за границу*), где актуализация первой степени делает ремой *о том, что* и т. д. Синтагматическое членение не позволяет разрывать словосочетание *говорил о том,* а речевая практика беспаузального произношения также позволяет провести границу темы и ремы только перед сложноподчиненным предложением. Данный пример, таким образом, имеет следующее акту-

альное членение: *Евгений | говорил о том, || что скоро поедет за границу.*

Андрамонова Н. А. (СССР). Сложноподчиненное предложение современного русского языка нашло достаточно полное и разностороннее освещение в целом ряде монографических исследований двух последних десятилетий, однако в большей степени изученными оказались вопросы его структуры и грамматической семантики, в меньшей степени — вопросы его коммуникативного устройства.

Доклад проф. В. Гладрова ценен тем, что в нем предпринимается удачная попытка комплексного трехаспектного рассмотрения класса сложноподчиненных предложений с изъяснительной придаточной частью и намечаются некоторые новые решения выдвинутых вопросов (роль местоимения в главной части, функции порядка следования частей, семантика опорного слова).

В контексте современных синтаксических теорий представляется целесообразным в дальнейшем усилить внимание к следующим характеристикам изъяснительных сложноподчиненных предложений.

1. Одно из уникальных свойств этих предложений — наличие главной части со значением модуса, раздельное оформление диктума и модуса (Ш. Балли). Поэтому чрезвычайно интересно детальное описание и истолкование всех модальных и оценочных параметров опорных слов, субъектных линий предложений, соприкосновение модусной и диктальной семантик.

2. Наблюдения над порядком размещения частей сложноподчиненного предложения с изъяснительной семантикой могут быть расширены и более упорядочены, особенно в области препозитивных структур; нуждается в освещении и интерпозиция, приводящая к сдвигам в системе сложного предложения в сторону простого.

3. Важным (с точки зрения синхронно-сопоставительного изучения сложных предложений в славянских языках) является выделение центральных и периферийных структур, при этом заслуживают особого внимания периферийные. Выявление периферийных и промежуточных образований приводит к необходимости соотнесения системы изъяснительных предложений с другими системами (определительными, обстоятельственными).

4. Многомерное освещение сложноподчиненного предложения может отталкиваться не только от формы (структуры), но и от функции. В последнем случае интересно проследить, как коммуникативная сторона влияет на структурную в плане модификации или формирования новых моделей.

Гришко Ф. Т. (СССР). В предложениях с придаточными изъяснительными между предикативными частями, кроме обычной в этих случаях запятой, употребляется тире, с которым связано выражение логического подчеркивания и выделения. В этих же структурах семантизировано соотношение знак/отсутствие (ноль) знака: при узаконенном пропуске запятой предложение считается простым. Например: *Говорил что попало.*

С придаточными изъяснительными смыкается косвенный вопрос, соотносящийся непосредственно с прямым вопросом. В правилах пунк-

туации графическое оформление их четко разграничено. Однако в издательской практике наблюдаются отступления от правил, возникает своеобразный пунктуационный гибрид. Ср. *Шандор спросил — что это такое? — С этого и начал Паннвиц свои разговоры с арестованным Граммом, спросил — возможны ли, в принципе, прямые переговоры с Москвой? — Обе* (травмы.— *Ф. Г.) заставляют постоянно задавать себе вопрос: «прошло или не прошло?», «болит или не болит?» — Я же, обрадованный его вниманием, в свою очередь спросил, не знает ли он подходящего для меня места в городе?*

Можно предположить, что этот пунктуационный разнобой возник не без влияния свободной прямой речи, которая пока исследована недостаточно. Приходится сожалеть, что почти из 300 докладов по лингвистике ни один не был посвящен проблемам пунктуации.

СОДЕРЖАНИЕ

Секция языкознание

Пленарное заседание 3
Подсекция 1. Праславянский язык в кругу других языков 14
Подсекция 2. Языковая ситуация в Киевской Руси и взаимоотношение древнерусского письменного языка с другими языками . . 52
Подсекция 3. Генетическое, типологическое и ареальное изучение славянских языков . . 81
Подсекция 4а. Конфронтационное изучение фонологии, грамматики и лексики современных славянских языков 167
Подсекция 4б. Конфронтационное изучение фонологии, грамматики и лексики современных славянских языков 245
Подсекция 5. Развитие современных восточнославянских литературных языков 302

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

Киев, сентябрь 1983 г.

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИИ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Утверждено к печати ученым советом Института языковедения им. А. А. Потебни

Редактор *Л. П. Марченко*
Художественный редактор *А. Я. Вишневский*
Технический редактор *Г. Р. Боднер*
Корректоры *С. И. Кримец, З. П. Школьник, Н. А. Луцкая*

ИБ 7941

Сдано в набор 03.01.86. Подп. в печ. 30.07.86. Формат 60×90/16. Бум. тип. № 1. Лит. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 20,5 Усл. кр.-отт. 20,5 Уч.-изд. л. 24,06. Тираж 2000 экз. Заказ 6—76. Бесплатно

Издательство «Наукова думка». 252601 Киев 4, ул. Репина 3.

Отпечатано с матриц Головного предприятия республиканского производственного объединения «Полиграфкнига», 252057, Киев 57, ул. Довженко 3 в Киевской книжной типографии научной книги. 252004, Киев 4, ул. Репина, 4. Зак. 6-756.

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ